

Кавалер ордена Золотого Руна
Альберт Акопян Влад Гурин

Илья Ильф, Евгений Петров

Кавалер Ордена Золотого Руна

Роман

(На основе обработки литературного наследия)

Авторы обработки

Альберт Акопян и Влад Гурин

Предисловие к интернет-изданию

Друзья,

Эта книга — продолжение диалогии И. Ильфа и Е. Петрова. Она выходила в 1997 году в издательстве ‘Золотой теленок’. (Зашли с рукописью на книжную выставку. Нам понравилось название издательства, им — книга). Десять лет спустя авторы перечитали роман и поняли, что зря его стыдились. Не считая, пожалуй, обложки, где рядом с именами действительных авторов, оказались наши (Альберт Акопян и Владислав Гурин), хоть и меньшим шрифтом. А также предисловия, в котором мы расписали свой творческий героизм, вместо того, чтобы лучше объяснить читателю: книга не просто на 9/10 состоит из материалов Ильфа и Петрова, но реконструирует замысел их третьего романа. На успех мы не рассчитывали, и его не было. Зато откликнулась критика: ‘Первые 100 страниц обозреватель ‘КО’ проглотил в транспорте по дороге в редакцию и... пока жив! Читается легко’ (Л. Былин, КО, №15, 1997). С другой стороны — разгромная статья ‘Контора ‘Клей и ножницы’: ‘...Остапа часто бьют и часто обманывают... Ему нечего делать среди героев ильф-петровских рассказов и фельетонов. Он только путается у них под ногами’ (М. Путиновский, КО, №24, 1997). Нам не дали возможности напомнить мосье Путиновскому, что Остап, в общем-то ‘путался под ногами’ и в диалогии, что и там его били, грабили, а однажды даже убили. Но зато нам объяснили, что получить по морде от самого М. Путиновского — большая честь для начинающих авторов, и мы смирились. Чуть позже книгу заметила Макс Фрай. Более того, книга подвигла критикессу на эссе ‘Что было дальше’ с лейтмотивом: ‘Тварь я дрожащая, или право имею (дописать то, что нравится — А., Г.)’. Насколько мы поняли, ответ ее таков: ‘Ничего путного, скорее всего, не получится, но расшибающим лбы — слава!’

Мы начали, было, роман подчищать, да вовремя остановились. И вот в чем дело.

Нам действительно кое-что не нравится в тексте первого издания. И мы не против того, чтобы подвергнуть его всенародной правке. Условия сотрудничества таковы:

1. Гонораром делиться не будем, но в предисловии с благодарностью упомянем;
2. Не нужно нам рассказывать, что использованные материалы Ильфа и Петрова (редко издаваемые рассказы и повести, записные книжки, публикации 1920-30-х годов) ‘хорошо известны любому

образованному человеку'. Напекайте на свою образованность кому-нибудь другому;

3. Учтите следующий факт: мы уже побеспокоились о том, чтобы роман прочитали люди, не чуждые основ литературоведения. Получили от них массу замечаний такого рода: 'Вот это явно выбивается из стиля Ильфа и Петрова. Они написали бы вот как... э-э-э... где это... А! Вот!'. Во всех (!) этих случаях 'акопяно-гуринским' назывался исконный ильфо-петровский текст. И первым такую ошибку совершил уважаемый критик Путиновский. Были и совсем забавные случаи, когда отсебятина двух оболтусов ставилась в пример великим сатирикам. То же относится к экспертам, знакомым с реалиями середины 1930-х годов;

4. Мы в первую очередь, ждем от вас предложений, которые позволят сделать роман более динамичным, захватывающим, поистине гениальным. Предложения выкинуть тот или иной эпизод допустимы. Но только в том случае, если вы предложите некую замену, оригинальный ход. Иначе от романа не останется даже рогов и копыт. Может быть, туда ему и дорога.

Больше добавить нечего, кроме самого романа, разумеется.

Всего наилучшего,

Альберт Акопян, Владислав Гурин

12.02.2008

Email: cavalier_novel@mail.ru

Здравствуйтесь, наконец, дорогой

Остап Ибрагимович!

Народ любит мифы и охотно их повторяет, к месту и не к месту. Например о том, что Аляску продала американцам Екатерина II. Увы, к году совершения сделки матушка-заступница уже лет 60, как лежала в гробу. Или о том, что благодаря Миклухо-Маклау в языке папуасов Новой Гвинеи до сих пор живет русское слово 'топор'. Хотя, согласно новейшим этимологическим исследованиям, 'топор' - слово скифское.

Авторы никоим образом не желают умалить заслуг шотландско-российско-австралийского ученого и путешественника и тем более не призывают отказаться от законных прав России на Аляску. Мы вообще считаем, что русские - коренной народ американского континента. В самом деле, разве можно представить, чтобы индейцы назвали русских казачков бледнолицыми? Абсурд! Согласно капитальным исследованиям известного индейского хроника Зеленого Змея, русских первопроходцев краснокожие называли краснорожими, то есть признали своими.

Итак, мифы существуют и даже борются друг с другом. Вот уже 300 лет не чинятся копья и прочие перья в споре об основании российского государства. Одни считают, что здесь поработала залетная шпана во главе с Рюриком Синеусым; другие пальму с надписью 'Киевская Русь' на кадушке отдают бильярдному князю с Подола по прозвищу Кий. К чему она ему?

И к чему это лирическое отступление? Да просто авторы хотели оправдать перед читателем свою беззаветную любовь к мифу о том, что Ильф и Петров написали третью книгу о похождениях Остапа Бендера. Как в свое время Саша Корейко мечтал найти портмоне под водосточной трубой (впрочем, кто об этом не мечтал?), так и один из нас с начала 70-х, а другой - с конца 80-х мечтали поехать (полететь) в Москву (Крым), забраться на чердак (в подвал) и найти там позеленевшую (пожелтевшую) папку, на которой рукой Петрова (машинописно) было бы выведено 'Рыцарь Ордена

Золотого Руна' ('Великий Комбинатор').

Но мифы, как говорится мифами,- дело житейское. А роман... Это не всякому по плечу.

Сидим мы как-то. Хорошо сидим. Михаила Самуэлевича помянули. Шуре Балаганову передачку соорудили, а заодно и отцу Федору в психушку. Посетовали, что об Остапе Ибрагимовиче ничего не слышно. И тут один из нас говорит:

- Хорошо бы роман написать.

- Щас!- сказал другой и принес школьную тетрадку в клеточку.

Начали писать. Обычное, в общем-то, дело. Самое смешное то, что утром продолжили. Трезво оценив свои способности, решили работать по следующему плану:

1. Определяем общий замысел.

2. Собираем кирпичики (подходящие рассказы, очерки, фельетоны, отрывки, черновики, эпизоды, персонажи, заметки из записных книжек, отдельные слова Ильфа и Петрова).

3. Остап складывает из кирпичиков основную сюжетную линию, так сказать, замок ордена Золотого Руна.

4. Достраиваем колонны, пилоны, башенки и прочие прибабасы, замазываем швы, штукатурим, белим, красим, сносим башенки, пилоны, колонны и прочие прибабасы, долбим стены, ругаемся с Остапом, ставим башенки, белим кирпич, плюемся, оставляем как есть, запираем Остапа - пусть выкручивается сам.

5. Получаем гонорар.

- Главное,- сказал один из нас,- чтобы не вышло как у Алексея Толстого с Буратино. Один к одному с Пиноккио. Только нос длиннее...

- Ты, мужик, не бойся,- рассудительно заявил второй.- Как у Толстого не выйдет. Гарантирую.

- И чтобы не было, как у Пушкина. Срисовал, понимаешь, Спящую красавицу с Белоснежки и семи гномов. Или, скажем, Шекспир. Модернизировал, конечно...

- Что ты, мужик, волнуешься?- успокоил второй.- Не будет, как у Пушкина. И как у Шекспира не будет. Англичане нам вообще не указ.

Вот так и писали. Брали, значит, как есть, и, стало быть, писали.

Зачем?

Мы не проталкиваемся, визжа и кусаясь, сквозь толпу, чтобы забить свой 'последний гвоздь' в крышку гроба с надписью 'Коммунизм'. Во-первых, агитационные гробы, как правило,- пустые. А во-вторых, нам вряд ли удалось добавить хотя бы пару слов отсебятины, стоящих выше собственно ильфопетровских: 'У меня с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм.' 'Скучно' - это гораздо страшнее, чем 'противоречит убеждениям'. Скучно - это обвинение в идиотизме.

Мы вовсе не ставили своей целью и 'очернение Америки'. Да, оказавшись за океаном, герой не блюет от счастья. Но ведь и не заставляет Америку танцевать на ушах! (Почти.)

Тогда зачем же?

Можно, конечно, нагло заявить, что мы не честолюбивы. Можно даже обмолвиться, что мы не мечтаем перейти из широких потребителей в узкие. Не поверите. И правильно. Если же мы скажем, что лица домочадцев сияют восторгом, когда мы хлопаем друг друга по спине и грызем ручки вместо более насущных домашних дел, то остальные порядочные графоманы просто перестанут нас уважать.

Но нас действительно возмущает то, что всевозможные борзописцы превратили Остапа Ибрагимовича, принципиального борца за денежные знаки, в какого-то беспринципного уголовника. И мы действительно мечтаем, чтобы в наше суровое время лица россиян расцвели разноцветными

узорами улыбок...

Важнейший этический вопрос: как отнеслись бы Ильф и Петров к данному произведению? Мы уверены, что одобрили бы. Более того, именно у них мы позаимствовали идею 'незванного соавторства'. Фраза из записной книжки Ильфа: 'Ввести в известную пьесу еще одно лицо, которое перевернет все действие'. Мы взяли несколько десятков малоизвестных произведений Ильфа и Петрова, ввели в них одно известное лицо и можем без ложной скромности заметить, что кое-что перевернули.

И последнее. Мы - дилетанты, любители, взявшие без спросу слово, придурки, которые 'не прошли мимо', - обращаемся к читателям с заявлением - отмежевкой:

Признавая свою отсебятину (5-10 или даже 12,3% романа) проявлением изощренного кретинизма, мещанской пошлости и беспринципного рвачества, не выдержанного в классовом и половозрастном отношении,

Рассматривая вышеозначенное произведение как первый, 'черновой' вариант романа, нуждающийся в доводке, докрутке, дожатке и вентилировании,

Просим читателей - почитателей, энтузиастов, обожателей, а также брюзг, критиканов и злопыхателей, - читать эту книгу, вооружившись ручкой (карандашом, фломастером, кисточкой для росписи тушью по шелку, позолоченной иглолочкой для прокалывания пальца), а также мозгами, Дабы все мысли (мыслишки, задумки, заморочки), от судьбы отдельных слов до добавления и исключения целых глав и изменения сюжетных линий, облекать в письменную форму (образцы печатных букв см. выше, ниже и по сторонам) и безвозмездно предоставлять их нам. Авторы идей будут названы в 'каноническом' издании и роман, таким образом, станет поистине народным.

Еще раз просим прощения за разбросанные там и сям зерна, плевлы, перлы и булыжники большевизма, антикоммунизма, сионизма, антисемитизма, субъективистского идеализма, вульгарного материализма, узколобого умничания и яйцеголовой дурашливости.

Просим гг. критиков пользоваться курсивом, а тж. собранием сочинений Ильфа и Петрова в 5-ти тт., М., 1961, и своеобразным 6-м томом 'И.Ильф, Е. Петров. Из Архива печати. Автор издания М. Долинский. М., 1989.' Ну а буде критическая статья опубликована, выслать ее авторам.

Но если серьезно, то было ли? А если было, то что? Готовый роман, с гоголевской трагичностью брошенный в печку, необработанные черновики, наброски, планы?

С одной стороны, в журнале '30 дней' до сентября 1933-го года анонсировался 'Подлец', 3-й роман, задуманный Ильфом и Петровым; или взять записные книжки Ильфа: 'Остап мог бы и сейчас еще пройти всю страну, давая концерты граммофонных пластинок. И очень бы хорошо жил, имел бы жену и любовницу. Все это должно кончиться совершенно неожиданно - пожаром граммофона. Небывалый случай. Из граммофона показывается пламя.' Или другой факт: первый вариант 'Золотого теленка' заканчивался женитьбой Остапа на Зосе Синицкой, так сказать, переходом к оседлому образу жизни. Но в последний момент, в ходе публикации романа в журнале, авторы вносят изменения. На свет, среди прочего, появляется диковинный старичок, продавший Остапу высшую государственную награду Испании - орден Золотого Руна.

А в рассказе 'Граф Средиземский' (см. гл. 2), среди предков графа упоминается посланник при дворе испанском. Случайно ли? Не был ли рассказ первоначально задуман как глава третьего романа?

Была у Ильфа и Петрова идея романа, главное содержание которого – попытка Остапа вырваться за границу с помощью чужой американской родни. Это идея романа 'Великий комбинатор'. Но авторы, по вполне понятным причинам, отказались от нее в пользу 'Золотого теленка', где стремление бежать появляется у Остапа почти случайно, под влиянием любовной драмы. Отказались ли авторы

от идея заграничной родни окончательно, или история с орденом свидетельствует о том, что они только отложили ее до лучших времен? Ведь 'Граф Средиземский', несомненно, один из самых лучший рассказов Ильфа и Петрова, был опубликован только посмертно, в 1957 г!

С другой стороны, слова: '... Писать смешно становилось все труднее. Юмор очень ценный металл, и наши прииски были уже опустошены'. (ЦГАЛИ, 1821, 43).

'Нас часто спрашивали о том, что мы собираемся сделать с Остапом Бендером - героем наших романов '12 стульев' и 'Золотой теленок'.

Ответить было трудно.

Мы сами этого не знали. И уже возникла необходимость писать третий роман, чтобы привести героя к оседлому образу жизни.

Останется ли он полубандитом или превратится в полезного члена общества, а если превратится, то поверит ли читатель в такую быструю перестройку?' И каким образом Ильф и Петров могли пропустить Остапа Бендера через горнило 'перестройки'? Один вариант: 'Человек, который на Западе мог стать банкиром, делает карьеру в советских условиях' (Е. Петров. 'Мой друг Ильф'/ О планах романа 'Подлец'). Другой - Беломорканал... ('Наш третий роман'.- 'Комсомольская правда', 24 августа 1933 г.).

Ильф и Петров умудрились умереть, не предав ни одного собрата и не собрата по перу. Они не могли отпустить Остапа на свободу, не оказавшись за решеткой сами, но не могли и предать его, отправив на Беломорканал или превратив в совслужа-карьериста.

Илья Ильф умер от туберкулеза 13 апреля 1937 года; Евгений Петров, фронтовой корреспондент, погиб 2 июля 1942 года. Последняя запись в записной книжке И. Ильфа:

'Сквозь лужи Большой Ордынки, подымая громадный бурун, ехал на велосипеде человек в тулупе. Все дворники весело кричали ему вслед и махали метлами. Это был праздник весны'.

Последние слова из неоконченного очерка Е. Петрова:

'Теперь у него пассажиры - женщины, дети, раненные. Теперь надо будет спасать корабль или идти вместе с ним на дно.

Корабль вышел из Севастополя около двух часов'...

Третий роман И. Ильфа и Е. Петрова о великом комбинаторе им же посвящается.

Не великие, но комбинаторы,

А. Акопян и В. Гурин.

Часть 1-я

Дом на Шаймоновской

Глава 1

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ТИП

Во всех местах Советского Союза уважают американцев и только в одном месте Союза это здоровое чувство внезапно потускнело.

Началом всей истории послужило объявление в 'Известиях':

Американский гражданин

Арчибальд Спивак

разыскивает своих родственников.

Он просит их откликнуться

по адресу: Нью-Йорк, 68-я авеню, 136.

Кого не взволнуют слова: 'американский гражданин', 'Нью-Йорк' и 'авеню'! В городке, где жили советские Спиваки (их было много, 200 Спиваков на 2000 человек жителей), этот номер 'Известий' продавался по три рубля за экземпляр. Спиваки плевались, но платили. Им хотелось своими глазами прочесть призыв американского родича.

Сомнений не было. Надвигалось что-то очень хорошее.

Чудесные мечты охватили советских Спиваков, политический уровень которых был весьма невысок. Читая на ходу волшебное объявление, они плелись по улицам, сослепу сталкивались друг с другом, и идиотские улыбки возникали на их лицах. Вдруг им захотелось за океан, захотелось какого-то анархического стихийного счастья и родственных объятий Арчибальда. Захотелось им ещё разок пожить в капиталистическом обществе.

Делались догадки, предположения, вспоминали всех Спиваков, уехавших когда-либо за границу. И наконец, вспомнили. Нашлась даже фотография. Даже две фотографии. На одной Арчибальд был представлен младенцем, и золотая подпись с росчерком 'Рембранд' указывала на то, что снимок был сделан ещё в России. На другой, американской, Арчибальд был заснят в таком виде: на голове котелок, а в руках мягкая шляпа, что одно уже указывало на сказочное богатство родственника.

- Это тот Спивак ! - значительно сказал инкассатор Спивак, делая ударение на слове 'тот' .-

Продусёр! Коммерсант! Видное лицо в деловом мире.

Другой Спивак, милиционер, снял войлочную каску, обмахнулся ситцевым платком и гордо добавил: - В деловом мире. На Уолл-стрит.

И тут все поняли, что надвигается действительно что-то очень хорошее.

Забывтый старинный ветер коммерции подул на них вдруг из нью-йоркских ущелий, где обитал их великий родственник.

Единое чувство владело всеми Спиваками, чувство любви к родимому капиталистическому хищнику. Мерещился им торгсин, какие-то вещевые посылки и, кто знает, может быть, приглашение переехать на жительство в Нью-Йорк, на 68-ю авеню. Замечательное слово - авеню!

Вечером Спиваки писали письма. И хотя делали они это тайком один от другого, все письма начинались одинаково: 'Здравствуйте, наконец, дорогой Арчибальд'. Так писал и Спивак-

милиционер, и Спивак-инкассатор, и Спивак -курортный агент, и Спивак-фуражечник и кепочник, и Спивак-бывший прапорщик выпуска Керенского, и даже Спивак-марксист без определенных занятий.

Все они заверяли Арчибальда в любви и сообщали свои адреса.

Два месяца длилось молчание, ни звука не доносилось из Соединенных Штатов. Казалось, Арчибальд внезапно охладел к своей советской родне. А может быть, напортил марксист, написав ему что-нибудь оскорбительное про прибавочную стоимость. А может быть, родственник был занят пропихиванием Рузвельта в президенты. А может быть, Арчибальда и самого выбрали в Конгресс, и до него теперь рукой не дотянешься.

Вдруг пришла телеграмма на имя Спивака-курагента. Потрясающее известие! Арчибальд извещал о приезде.

- Лично, персонально, в собственные руки!- в бессмысленном восторге бормотал курортный агент. Ему завидовали. Считали, что он возвысился, что какими-то неведомыми путями завоевал особенную любовь американского гражданина. Курагент и сам понимал, что отныне он 'счастья баловень безродный, полудержавный властелин'.

- Там,- говорил он, наклоня голову в сторону Североамериканских Соединенных Штатов,- там курагенты тоже нужны.

Велико было скопление Спиваков на станции в день приезда Арчибальда. Ожидали крушения поезда, потому что начальник станции тоже был Спивак и так волновался, что мог бы в ажиотаже принять состав на занятый путь. Спиваки все время угрожающе шикали на него, напоминая ему о суровой железнодорожной действительности.

Последние два часа все молчали, подавленные ожиданием, и только марксист, которому стало совестно, что он встречает капиталистического магната, болтал, что пришел из любопытства, но и он присмирел, когда высокий поезд вошел на станцию.

Арчибальда узнали сразу. Он сиял, как жар-птица. На нем был мохнатый пиджачный костюм, шляпа и вечный воротничок 'дакота', который можно мыть под краном холодной водой, чем устраняется необходимость покупать и стирать воротнички. Но Спиваки не знали тайн капиталистического быта, и воротничок 'дакота' показался им верхом мыслимого на земле благополучия. Спиваки ничего не знали.

Бледный марксист, прижавшись к стене, глядел на блистательного представителя иной системы. Старый фуражечник-кепочник раскрыл объятия и двинулся навстречу дорогому гостю. Подойдя к Арчибальду вплотную, он, внезапно пощупав тремя пальцами материал его пиджака, остолбенело молвил: 'Настоящая полушерсть',- и заплакал. И это были самые сладкие слезы на земле. Если бы их можно было собрать в графин, то уже через полчаса они бы засахарились.

Бывший прапорщик-рубака, со словами: 'Хелло, Арчибальд!'- ударил родственника по полушерстяной костистой спине. Родственник также радостно хлопнул по спине рубаку. И долго они били друг друга по спинам, восклицая: 'Хелло, хелло!'- в то время как остальные Спиваки стояли вокруг и одобрительно качали головами. И только почувствовав ломоту в спине, бывший прапорщик уступил место другим.

Спивак-милиционер расцеловался с родственником, предварительно взяв под козырек. Курагент, в карманах которого уже шелестели воображаемые доллары, раздвинул толпу и с боярским поклоном провозгласил:

- Добро пожаловать, чем Бог послал !

Инкассатор, державший на руках девочку, ловко отпихнул боярина и протянул ребенка американцу. И тут произошло то, чего не ждал никто из Спиваков, произошло невероятное. Арчибальд поцеловал

девочку и растерянно посмотрел на родичей. Его маленькое лицо покривилось и он тихо сказал:

- Я не имею на жизнь!

- Хелло!- крикнул не расслышавший дурак-прапорщик.- Хелло, старина!

- Тише!- закричали перепуганные Спиваки.- Что он сказал?

- Я не имею на жизнь, джентльмены!- грустно повторил американец.- И вот я приехал к вам.

На этот раз расслышали все, даже старина-прапорщик.

- Приехали к нам?- спросил курагент, заметно волнуясь.- Жить ?

- Жить,- подтвердил Арчибальд.

Тут инкассатор пугливо перенял девочку к себе на руки. А курагент, который был по совместительству еще и гостиничным агентом, с привычным бессердечием вскричал:

- Свободных номеров нет!

И, расталкивая родственников, он побежал с вокзала, крича, что загружен и не имеет времени на пустые разговоры с разными отрицательными типами. Лицо Арчибальда еще больше затуманилось, и он закрыл его руками.

С удивлением и страхом смотрели отечественные Спиваки на Спивака заокеанского. Родственное кольцо, сомкнутое вокруг американца, стало разжиматься.

Творилось непонятное дело. Плакал человек в чудном полушерстяном костюме, барской шляпе и вековом воротничке 'дакота'.

- Мы имеем тут налицо,- сказал вдруг марксист тоном пророка-докладчика,- типичный результат анархии производства и нездоровой конкуренции. Мы имеем перед собой на сегодняшнее число дитя кризиса.

Когда Арчибальд отвел руки от лица, на перроне уже никого не было.

Пять дней он кочевал по городу, переходя от одного родственника к другому и возбуждая своим аппетитом и чистеньким видом отвращение к капиталистической системе. Особую гадливость вызывало то, что великий Арчибальд умел только торговать. Спиваки уже забыли, как жадно внюхивались они недавно в старинный колониальный воздух коммерции. А на шестой день отрицательный тип был отправлен назад, в Североамериканские Соединенные Штаты.

Билеты обошлись Спивакам в шестьсот три рубля ноль восемь копеек, и эта рана зияет до сих пор.

В ресторане киевского вокзала гремела 'Кукарачча'. В оркестре царили такая мексиканская страсть и беспорядочное воодушевление, что больше всего это походило на панику в обозе отступающей армии. Под эти жизнерадостные звуки, среди пальм, заляпанных известкой, бродили грязные официанты. На столиках лежали скатерти с немногочисленными следами былой чистоты. Под сенью засохших цветов стояли мокрые стаканы с рваными краями. Какой-то ответственный банщик доказывал товарищу преимущества дубового веника перед березовым. При этом часть слов он говорил ему на ухо, а часть произносил громко. Но он перепутал - приличные слова говорил шепотом, а неприличные выкрикивал на весь ресторан.

За крайним столиком, под табличкой 'На пол не сморкать!', сидел Арчибальд Спивак. Вот уже четвертый час он беспробудно пьянствовал: 150 граммов 'Столичной' и салат 'Демисезон' практически превратили его в командированного совслужащего.

Номер 'У самовара я и моя Маша' был встречен радостным воем. Зазвенели стаканы 'за Машу', застучали в объятых лбы. Несколько человек в пиджаках и украинских рубашечках, не выпуская из рук портфелей и чемоданов, делали пьяные попытки танцевать румбу. Вдруг оркестранты, положив инструменты на стулья, поднялись и запели постыдными голосами:

Маша чай мне наливает,

И взор ее так много обещает.

При этих словах Арчибальд уронил голову в тарелочку с надписью 'Кто не работает, тот не ест!' и зарыдал.

- Ну-ну, милейший,- приподнял его за плечи только что подсевший сосед,- не утирайте лицо лозунгами.

- Лозунгами?- повторил Арчибальд, размазывая по щекам капустную стружку.

- Этими словами,- незнакомец постучал кончиком ножа по тарелочке,- апостол Павел уговаривал рабов проявлять трудолюбие и сознательность.

- Но почему, - трясущимися губами пролепетал Спивак,- почему они танцуют с чемоданами в руках ?

Сосед - ладный, относительно молодой человек с седыми висками - на секунду задумался:

- Видите ли, раз уж играет джаз, то хорошо бы и потанцевать. Но оставить чемоданы у столика нельзя - украдут. Можно, конечно, взять носильщика, чтобы танцевал рядом, но это не всякому по карману.

- А почему у вас духи продают в комиссионных магазинах?

Сосед внимательно посмотрел на Спивака и отчетливо произнес:

- Остап Бендер, сын турецко-подданного, интеллигент свободной профессии. С кем имею честь?

- Арчибальд Спивак, американец, бывший коммерсант, сейчас безработный,- неожиданно для самого себя внятно и быстро проговорил несчастный соискатель родственников.

Официанты нежно волокли к выходу распоясавшегося банщика, но орал он, почему-то, обращаясь к музыкантам: 'Вы не гордитесь, что вы поете! При коммунизме все будут петь!'

- Знаете, - медленно начал Остап,- если бы Эдисон вел такие разговоры, не видать миру ни граммофона, ни телефона. Но я буду откровенным...- он щелчками сбивал головки засохших цветов.- Скажем так: приехав в ЭС-ЭС-ЭС-ЭР, вы поступили безумно... храбро.

- Да, мистер Бендер! Да! - личико Спивака сморщилось, руки крошили стебельки цветов.- Я всю жизнь был неудачником. Всю жизнь! Знаете, чего я боялся в детстве? Что я умру на пороге счастья, как раз за день до того, когда будут раздавать конфеты. В седьмом году мы уехали в Америку. От погромов, от нищеты, от унижений. Мы ехали не на пустое место. За два года до этого в Лос-Анджелесе поселилась наша красавица тетя Файна. Моя мама была много старше тети Файны, любила ее, баловала, приберегала лучший кусочек, и они с детства были дружны. Муж Файны, он граф, кое-что имел, к тому же в их семье изучали английский, поэтому он быстро стал на ноги...

- Пардон,- лениво прервал Бендер,- какой граф? Беговой? Покерный? Бильярдный?

- Нет-нет, мистер Бендер!- Спивак подался вперед.- Он действительно русский граф, Средиземский Андриан Спиридонович. Он влюбился в нашу красавицу Файну, и ему пришлось расплываться с семьей. Навсегда! Никаких связей до семнадцатого года, а потом он пытался найти хоть кого-то, но безуспешно.

- Графы Средиземские...Что-то не припомню таких.

- Что вы, мистер Бендер! Это очень известная фамилия. Они служили по министерству иностранных дел в пяти поколениях. Их прадед был даже награжден испанским орденом Золотого Руна...

Тусклый свет засиженной мухами люстры вдруг ослепил Остапа. Пальмы вместе с кадками взлетели под потолок и посыпались на него, музыканты сбежали со сцены и трубили в самые уши. 'Что они все, одурели?!'- думал Бендер, ватными руками отмахиваясь от пальм и музыкантов, как от назойливых мух. Орден, купленный четыре года назад у диковинного старика, орден, единственное сокровище, оставшееся у него после приключения на румынской границе,- этот орден сейчас жег его могучую грудь, палил дорогую батистовую рубашку, плавил зажим галстука. Издалека звучал голос

амери-канца: ‘Это очень редкий орден: Андриан Спиридонович рассказывал, что их всего 8 или 9 в мире. Сам орден остался в Москве, у старшего брата, но и на фотографиях он великолепен. Так что вы не думайте, мистер Бендер,- это действительно важная семья... Ну, мы худо-бедно устроились. А потом... Восемь лет назад тетя Файна умерла, мир праху ее. Наследника Андриану Спиридоновичу она не оставила. Он женился вторично, на стопроцентной американке. Нас он за родню уже не держал. Но детей все равно не было, даже от горничной. Видимо, как говорил мой папа, мир праху его, ‘не в коня был корм’. А потом наступила депрессия и я, как-то случайно, потерял работу. Последние годы мы жили в Нью-Йорке. А потом ушла мама, мир праху ее...’

Пальмы и музыканты вернулись на свои места. Остап глубоко вздохнул и осторожно тронул раскисшего Спивака:

- Значит, он разыскивает родственников в России? А зачем?

- Ну как же, мистер Бендер! Ведь у него нет наследника, а он очень любил своего племянника, сына старшего брата! Правда, последний раз он видел его еще пятилетним карапузом и не знает, что с ним теперь. Каждый год он посылал ему две-три почтовые карточки, какие-то подарки, но...

- Как его звали?- Бендер правой рукой сжал запястье Спивака, левой пытаясь утихомирить взбесившийся орден.

- Кого?

- Мальчишку!

- Н-не помню... Зачем это вам, мистер Бендер?

Остап откинулся на спинку стула и, глядя прямо в глаза Арчибальду, сказал:

- Да, симпатичный орден. И царапина его ничуть не портит...

- О, конечно! Андриан Спиридонович рассказывал, что это от удара сабли... Но... Откуда вы знаете?!

- Не спешите, Арчибальд,- Остап потрепал Спивака по плечу.- Актеры не любят, когда их убивают в первом акте трехактной пьесы. Кстати, как вас найти в Нью-Йорке?!

Спивак протянул злополучный номер ‘Известий’, который швырнул ему в лицо один из огорченных родственников.

- Это адрес моей сестры. Последние три года я жил у нее...

Лучшее из изобретенных человечеством снотворных – стук вагонных колес - было бессильно. Остап считал проплывавшие огни станций и повторял беспокоившую попутчиков фразу: ‘Лед тронулся, господа присяжные заседатели. Командовать парадом буду я!’

Великий комбинатор ехал в Москву.

Глава 2

МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС...

Старый граф умирал.

Он лежал на узкой грязной кушетке и, вытянув птичью голову, с отвращением смотрел в окно. За окном дрожала на ветру маленькая голая веточка, похожая на брошь. А на заборе противоположного дома бывший граф Средиземский различал намалеванный по трафарету утильсырьевский лозунг: ‘Отправляясь в гости, собирайте кости.’ Лозунг этот давно уже был противен Средиземскому, а сейчас даже таил в себе какой-то обидный намек. Бывший граф отвернулся от окна и сердито уставился в потрескавшийся потолок.

До чего ж комната Средиземского не была графской! Не висели здесь портреты екатерининских

силачей в муаровых камзолах. Не было и обычных круглых татарских щитов. И мебель была тонконогая, не родовитая. И паркет не был натерт, и ничто в нем не отражалось.

Перед смертью графу следовало бы подумать о своих предках, среди которых были знаменитые воины, государственные умы и даже посланник при дворе испанском; о сыне, проклятом графом за измену семье и сословию; о младшем брате, сбежавшем в Америку с жидовкой. Следовало также подумать и о боге, потому что граф был человеком верующим и исправно посещал церковь. Но вместо всего этого мысли графа были обращены к вздорным житейским мелочам.

- Я умираю в антисанитарных условиях,- бормотал он сварливо.- До сих пор не могли потолка побелить.

И, как нарочно, снова вспомнилось обиднейшее происшествие. Когда граф еще не был бывшим и когда все бывшее было настоящим, в 1910 году, он купил себе за шестьсот франков место на кладбище в Ницце. Именно там, под электрической зеленью хотел найти вечный покой граф Средиземский. Еще недавно он послал в Ниццу колкое письмо, в котором отказывался от места на кладбище и требовал деньги обратно. Но кладбищенское управление в вежливой форме отказало. В письме указывалось, что деньги, внесенные за могилу, возвращению не подлежат, но что если тело месье Средиземского при документах, подтверждающих право месье на могильный участок, прибудет в Ниццу, то оно будет действительно погребено на ниццком кладбище. Причем расходы по преданию тела земле, конечно, целиком ложатся на месье.

Доходы графа от продажи папирос с лотка были очень невелики, и он сильно надеялся на деньги из Ниццы. Переписка с кладбищенскими властями причинила графу много волнений и разрушительно подействовала на его организм. После гадкого письма, в котором так спокойно трактовались вопросы перевозки графского праха, он совсем ослабел и почти не вставал со своей кушетки.

Справедливо не доверяя утешениям районного врача, он готовился к расчету с жизнью. Однако умирать ему не хотелось, как не хотелось мальчику отрываться от игры в мяч для того, чтобы идти делать уроки. У графа на мази было большое склочное дело против трех вузовцев Катаваськина, Невинского и Филосопуло, квартировавших этажом выше.

Вражда его к молодым людям возникла обычным путем. В домовый стенгазете появилась раскрашенная карикатура, изображавшая графа в отвратительном виде - с высокими ушами и коротеньким туловищем. Под рисунком была стихотворная подпись:

В нашем доме номер семь
Комната найдется всем.
Здесь найдешь в один момент
Классово чуждый элемент.
Что вы скажете, узнав,
Что Средиземский - бывший граф?!

Под стихами была подпись: 'Трое'.

Средиземский испугался. Он засел за опровержение, решив в свою очередь написать его стихами. Но он не мог достигнуть той высоты стихотворной техники, которую обнаружили его враги. К тому же к Катаваськину, Невинскому и Филосопуло пришли гости. Там щипали гитару, затягивали песни и боролись, тяжело топя. Иногда сверху долетали возгласы: '...Энгельс его ругает, но вот Плеханов...' Средиземскому удалась только первая строка: 'То, что граф, я не скрывал...' Опровергать в прозе было нечего. Выпад остался без ответа. Дело как-то замялось само по себе. Но обиды Средиземский забыть не мог. Засыпая, он видел, как на темной стене на манер валтасаровских 'мене, текел, фарес'

зажигаются три фосфорических слова:

КАТАВАСЬКИН, НЕВИНСКИЙ, ФИЛОСОПУЛО

Наступил вечер. Кушеточные пружины скрипели. Беспокойно умирал граф. Уже неделю тому назад у него был разработан подробный план мести молодым людям. Это был целый арсенал обычных домовых гадостей: жалоба в домоуправление на Катаваськина, Невинского и Филосопуло с указанием на то, что они разрушают жилище, анонимное письмо в канцелярию вуза за подписью 'Друг просвещения', где три студента обвинялись в чубаровщине и содомском грехе, тайное донесение в милицию о том, что в комнате вузовцев ночуют непрописанные подозрительные граждане. Граф был в курсе современных событий. Поэтому в план его было включено еще одно подметное письмо – в университетскую ячейку с туманным намеком на то, что партиец Филосопуло вечно практикует у себя в комнате правый уклон под прикрытием 'левой фразы'.

И все это еще не было приведено в исполнение. Помешала костлявая. Закрывая глаза, граф чувствовал ее присутствие в комнате. Она стояла за пыльным славянским шкафом. В ее руках мистически сверкала коса. Могла получиться скверная штука: граф мог умереть неотмщенным. А между тем оскорбление надо было смыть. Предки Средиземского всевозможные оскорбления смывали обычно кровью. Но залить страну потоками молодой горячей крови Катаваськина, Невинского и Филосопуло граф не мог. Изменились экономические предпосылки. Пустить же в ход сложную систему доносов было уже некогда, потому что графу оставалось жить, как видно, только несколько часов.

Надо было придумать взамен какую-нибудь сильнодействующую быструю месть.

Поиски диковинного старичка растянулись на два месяца. Но даже сейчас, поднимаясь в комнату графа, Бендер не знал, что скажет через минуту.

Мгновенно оценив безнадежное положение старика, Остап грохнулся на колени:

- Ваше сиятельство! Наконец-то...- что 'наконец-то', он еще не придумал.

В глазах старика появилось удивление, недоверие и еще что-то, довольно неприятное.

'Узнал, старый козел',- подумал Остап и продолжил без паузы :

- Ваше сиятельство! Несколько лет назад я купил у Вас орден Золотого Руна. И он... перевернул мою жизнь! Я никогда не служил Советам, но это... это даже нечто большее. Я... Мой образ мыслей... Э-э-э...

Старик приподнялся на кушетке и посмотрел на Остапа с явным подозрением, словно хотел сказать 'и не стыдно?' 'Не верит, сволочь',- решил великий комбинатор и пошел ва-банк.

- Я не могу расстаться с этим орденом. Он часть меня. Он... моя путеводная звезда. И в то же время я знаю, я чувствую: он должен принадлежать семье Средиземских. Значит, остается один выход. Мне говорили, что у вас был сын и что он умер. Расскажите мне о нем и... усыновите меня, Ваше сиятельство!- прохрипел Остап.

- Покажите, - прошептал граф.

Бендер расстегнул рубашку. Старик долго любовался матовым блеском Золотого Руна и наконец произнес:

- Должен признать, орден как-будто делали для вас... Ну-с, юноша, в этой стране в наше трезвое материалистическое время здравомыслящий человек графом стать не захочет...- он делал долгие паузы.- Значит, вы либо идиот, либо - себе на уме... Но вы не идиот, вы - прохиндей... Мой сын жив. Скажу больше: он в Москве, состоит в кооперативе 'Жилец и бетон' и должен получить квартиру в

доме на Шаймоновской улице, который сейчас достраивается. Вы мне нравитесь, а сын... сына я проклял... за предательство фамилии, но... - голос графа дрогнул. - Это все. Я дал вам равные шансы. Уходите.

Едва за Бендером закрылась дверь, Средиземский вновь вспомнил о нанесенном ему оскорблении. И тут его осенило.

Когда студент Филосопуло проходил дворик дома, озаренный жирной греческой луной, его окликнули. Он обернулся. Из приоткрытого окна графской комнаты манила его трясущаяся рука.

- Меня? - спросил студент удивленно.

Рука все манила, послышался резкий павлиний голос Средиземского:

- Войдите ко мне. Умоляю вас. Это необходимо.

Филосопуло приподнял плечи. Через минуту он уже сидел на кушетке в ногах у графа. Маленькая лампочка распространяла в комнате тусклый бронзовый свет.

- Товарищ Филосопуло, - сказал граф, - я стою на пороге смерти. Дни мои сочтены.

- Ну, кто их считал! - воскликнул добрый Филосопуло. - Вы еще поживете не один отрезок времени.

- Не утешайте меня. Своей смертью я искуплю все то зло, которое причинил вам когда-то.

- Мне?

- Да, сын мой! - простонал Средиземский голосом служителя культа. - Вам. Я великий грешник.

Двадцать лет я страдал, не находя в себе силы открыть тайну вашего рождения. Но теперь, умирая, я хочу рассказать вам все. Вы не Филосопуло.

- Почему я не Филосопуло? - сказал студент. - Я Филосопуло.

- Нет. Вы никак не Филосопуло. Вы - Средиземский, граф Средиземский. Вы мой сын. Можете мне, конечно, не верить, но это чистейшая правда. Перед смертью люди не лгут. Вы мой сын, а я ваш несчастный отец. Приблизьтесь ко мне. Я обниму вас.

Но ответного прилива нежности не последовало. Филосопуло вскочил, и с колен его шлепнулся на пол толстый том Плеханова.

- Что за ерунда? - крикнул он. - Я Филосопуло! Мои родители тридцать лет живут в Тирасполе.

Только на прошлой неделе я получил письмо от моего отца Филосопуло.

- Это не ваш отец, - сказал старик спокойно. - Ваш отец здесь, умирает на кушетке. Да. Это было двадцать два года тому назад. Я встретился с вашей матерью в камышах на берегу Днестра. Она была очаровательная женщина, ваша мать, хоть и гречанка.

- Что за черт! - восклицал длинноногий Филосопуло, бегая по комнате. - Это просто свинство!

- Наш полк, - продолжал мстительный старик, - гвардейский полк его величества короля датского, участвовал тогда в больших маневрах. А я был великий грешник. Меня так и называли -

Петергофский Дон-Жуан. Я соблазнил вашу мать и обманул Филосопуло, которого вы неправильно считаете своим отцом.

- Этого не может быть!

- Я понимаю, сын мой, ваше волнение. Оно естественно. Графу теперь, сами знаете, прожить очень трудно. Из партии вас, конечно, вон! Мужайтесь, сын мой! Я предвижу, что вас вычистят также из университета. А в доме про вас будут стихи сочинять, как про меня написали: 'Что вы скажете, узнав, что Филосопуло бывший граф?' Но я узнаю в вас, дитя мое, благородное сердце графов Средиземских, благородное, смелое и набожное сердце нашего рода, последним отпрыском коего являетесь вы. Средиземские всегда верили в бога. Вы посещаете церковь, дитя мое?

Филосопуло взмахнул рукой и с криком 'к чертовой матери!' выскочил из комнаты. Тень его торопливо пробежала по дворику и исчезла в переулке. А старый граф тихо засмеялся и посмотрел в

темный угол, образованный шкафом. Костлявая не казалась ему уже такой страшной. Она дружелюбно помахивала косой и позванивала будильником. На стене снова зажглись фосфорические слова, но слова 'Филосопуло' уже не было. Пылали зеленым светом только две фамилии:

КАТАВАСЬКИН, НЕВИНСКИЙ

Старый граф заработал с энергией, удивительной для умирающего. Он залучил к себе комсомольца Невинского. А через пять минут пораженный в самое сердце Невинский вертелся в комнате, освещенной бронзовым светом. Он так суетился, словно на него напали пчелы.

А старый граф, придерживая рукой подбородок, длинный и мягкий, как кошелек, плавно повествовал:

- Я был великий грешник, сын мой. В то время я был блестящим офицером гвардейского его величества короля датского полчка. Мой полк участвовал тогда в больших маневрах у Витебска. И там я встретил вашу мать. Это была очаровательная женщина. Я буду краток. Она увлеклась мною. А уже через девять месяцев в бедной квартире портного Невинского зашевелился маленький красный комочек. И этот комочек были вы, Невинский.

- Почему вы думаете, что этот красный комочек был именно я?- слезливо спросил Невинский.- То есть я хочу спросить, почему вы думаете, что отцом этого красного комочка были именно вы?

- Эта святая женщина любила меня,- самодовольно ответил умирающий.- Это была чистая душа, хотя и еврейка. Она рассказала мне, кто настоящий отец ее ребенка. Этот отец - я. И этот сын - вы. Вы мой сын, Яша. Вы не Невинский. Вы - Средиземский. Вы граф! А я великий грешник, меня даже в полчку так и называли - Ораниенбаумский Дон-Жуан. Обнимите меня, молодой граф, последний отпрыск нашего угасающего рода.

Невинский был так ошеломлен, что с размаху обнял старого негодяя. Потом опомнился и с тоской сказал:

- Ах, гражданин Средиземский, гражданин Средиземский! Зачем вы не унесли этот секрет с собой в могилу? Что же теперь будет?

Старый граф участливо смотрел на своего второго, единственного, сына, кашляя и наставляя:

- Бедное благородное сердце! Сколько вам еще придется испытать лишений! Из комсомола, конечно, вон. Да я надеюсь, что вы и сами не останетесь в этой враждебной нашему классу корпорации. Из вуза - вон. Да и зачем вам советский вуз? Графы Средиземские всегда получали образование в лицах. Обними меня, Яшенька, еще разок! Не видишь разве, что я здесь умираю на кушетке?

- Не может этого быть,- отчаянно сказал Невинский.

- Однако это факт,- сухо возразил старик.- Умирающие не врут.

- Я не граф,- защищался комсомолец.

- Нет, граф.

- Это вы граф.

- Оба мы графы,- заключил Средиземский.- Бедный сын мой. Предвижу, что про вас напишут стихами: 'Что вы скажете, узнав, что Невинский просто граф?'

Невинский ушел, крестясь набок и бормоча: 'Значит, я граф. Ай-ай-ай! Ой-вей!'

Его огненная фамилия на стене потухла, и страшной могильной надписью висело в комнате только одно слово:

КАТАВАСЬКИН

В это время во дворике раздался веселый голос:

- По морям, по волнам, нынче здесь завтра там! По моря-ам, морям, морям, морям!

То возвращался домой с карнавала на реке веселый студент Катаваськин. Его узкие антрацитовые брюки сверкали под луной.

- Товарищ Катаваськин!- позвал граф, с трудом приподняв к окну свою петушиную голову.- А, товарищ Катаваськин!

- Это ты, Верка?- крикнул студент, задрал голову.

- Нет, это я, Средиземский. У меня к вам дело. Зайдите на минуточку.

И через минуту Средиземский признался, что он, граф, великий грешник. Явствовало, что студент – последний потомок графов Средиземских и, следовательно, сам граф.

- Это было в Тамбове,- усталым уже голосом плел Средиземский.- Я был тогда гвардейским офицером...

Катаваськин выбежал на улицу, шатаясь от радости. В ушах его стоял звон, и студенту казалось, что за ним по тротуару волочится и гремит белая сабля.

- Так им и надо,- захрипел граф.- Пусть не пишут стихов.

Последняя фамилия исчезла со стены. В комнату влетел холодный ветер. Из-за славянского шкафа вышла костлявая. Средиземский завизжал. Смерть рубанула его косой, и граф умер со счастливой улыбкой на синих губах.

В эту ночь все три студента не ночевали дома. Они бродили по фиолетовым улицам в разных концах города, пугая своим видом ночных извозчиков. Их волновали разнообразные чувства.

В третьем часу утра Филосопуло блуждал по переулкам, настолько отдаленным, что их даже к 1934 году не успели переименовать, и шептал:

- Я не имею морального права скрыть свое происхождение от ячейки. Я должен пойти и заявить. А что скажут Невинский и Катаваськин? Может, они даже не захотят жить со мной в одной комнате. В особенности Невинский. Он парень горячий. Руки, наверно, даже не подаст.

В это время Невинский в перепачканных брюках кружил вокруг памятника Пушкину и горячо убеждал себя:

- В конце концов я не виноват. Я жертва любовной авантюры представителя царского, насквозь прогнившего режима. Я не хочу быть графом. Рассказать невозможно, Филосопуло со мной просто разговаривать не станет. Интересно, как поступил бы на моем месте Энгельс? Я погиб. Надо скрыть. Иначе невозможно. Ай-ей-ей! А что скажет Катаваськин? Втерся, скажет, примазался. Он хоть и беспартийный, но страшный активист. Ах, что он скажет, узнав, что я, Невинский, бывший граф! Скрыть, скрыть!

Тем временем активист Катаваськин, все еще оглушаемый звоном невидимого палаша, проходил улицы стрелковым шагом, время от времени молодецки вскрикивая:

- Жаль, что наследства не оставил. Чудо-богатырь. Отец говорил, что у него имение в Черниговской губернии. Хи, не вовремя я родился! Там теперь, наверно, совхоз. Эх, марш вперед, труба зовет, черные гусары! Интересно, выпил бы я бутылку рома, сидя на оконном карнизе? Надо будет попробовать! А ведь ничего нельзя рассказать. Филосопуло и Невинский могут из зависти мне напортить. А хорошо бы жениться на графине! Ут-р-ром входишь в будуар...

Первым прибежал домой Невинский. Дрожа всем телом, он залег в постель и кренделем свернулся под малиновым одеялом. Только он начал согреваться, как дверь раскрылась, и вошел Филосопуло, лицо которого имело темный, наждачный цвет.

- Слушай, Яшка,- сказал он строго.- Что бы ты сделал, если бы один из нас троих оказался сыном

графа?

Невинский слабо вскрикнул.

‘Вот оно,- подумал он,- начинается.’

- Что бы ты все-таки сделал?- решительно настаивал Филосопуло.

- Что за глупости?- совсем оробев, сказал Невинский.- Какие из нас графы!

- А все-таки? Что б ты сделал?

- Лично я?

- Да, ты лично.

- Лично я порвал бы с ним всякие отношения!

- И разговаривать не стал бы?- со стоном воскликнул Филосопуло.

- Нет, не стал бы. Ни за что! Но к чему этот глупый разговор?

- Это не глупый разговор,- мрачно сказал Филосопуло.- От этого вся жизнь зависит.

‘Погиб, погиб’, - подумал Невинский, прыгая под одеялом, как мышь.

‘Конечно, со мной никто не будет разговаривать,- думал Филосопуло.- Невинский совершенно прав.’

И он тяжело свалился на круглое, бисквитное сиденье венского стула. Комсомолец совсем исчез в волнах одеяла. Наступило длительное, нехорошее молчание. В передней раздались молодцеватые шаги, и в комнату вошел Катаваськин.

Долго и презрительно он оглядывал комнату.

- Воняет,- сказал он высокомерно.- Совсем как в ночлежном доме. Не понимаю, как вы можете здесь жить. Аристократу здесь положительно невозможно.

Эти слова нанесли обоим студентам страшный удар. Им показалось, что в комнату вплыла шаровидная молния и, покачиваясь в воздухе, выбирает себе жертву.

- Хорошо быть владельцем имения,- неопределенно сказал Катаваськин, вызывающе поглядывая на товарищей.- Загнать его и жить на проценты в Париже. Кататься на велосипеде. Верно, Филосопуло? Как ты думаешь, Невинский?

- Довольно!- крикнул Филосопуло.- Скажи, Катаваськин, как поступил бы ты, если бы обнаружил, что один из нас тайный граф?

Тут испугался и Катаваськин. На лице его показался апельсиновый пот.

- Что ж, ребятки,- забормотал он.- В конце концов нет ничего особенно страшного. Вдруг вы узнаете, что я граф. Немножко, конечно, неприятно... но...

- Ну а если бы я?- воскликнул Филосопуло.

- Что ты?

- Да вот... оказался графом.

- Ты, графом? Это меня смешит.

- Так вот, я граф...- отчаянно сказал член партии.

- Граф Филосопуло?

- Я не Филосопуло, - сказал студент.- Я Средиземский. Я в этом совершенно не виноват, но это факт.

- Это ложь!- закричал Катаваськин.- Средиземский - я! Два графа ошеломленно меряли друг друга взглядами. Из угла комнаты послышался протяжный стон. Это не выдержал муки ожидания, выплывая из-под одеяла, третий граф.

- Я же не виноват!- кричал он.- Разве я хотел быть графским сыном? Любовный эксцесс представителя насквозь пропитанного режима...

Через пятнадцать минут студенты сидели на твердом, как пробка, матрасе Невинского и обменивались опытом кратковременного графства.

- А про полчок его величества короля датского он говорил?

- Говорил. Я еще подумал, причем здесь датский король?
- И мне тоже говорил. А тебе, Невинский?
- Конечно. Он сказал еще, что моя мать была чистая душа, хотя и еврейка.
- Вот старый негодяй! Про мою мать он тоже сообщил, что она чистая душа, хотя и гречанка.
- А обнимать просил?
- Просил.
- А ты обнимал?
- Нет. А ты?
- Я обнимал.
- Ну и дурак!

На другой день студенты увидели из окна, как вынесли в переулок желтый гроб, в котором покоилось все, что осталось земного от мстительного графа. Посеребренная одноконная площадка загремела по мостовой. Закачался на голове смирной лошади генеральский белый султан. Две старухи с суровыми глазами шли за гробом. Навстречу им выбежал человек. Его длинный шарф выбился из-под распахнутого пальто. Это был Остап Бендер.

- Стойте!- заорал он ошалело.- Я забыл спросить...
- Никак, пропащий сыночек явился,- прошамкала одна из старух.
- Аполлинарий Спиридонович теперь в ответе только перед Богом!- грозно прогудела другая.

Еще утром, направляясь в жилтоварищество 'Жилец и бетон', Остап заглянул в магазин канцелярских товаров и купил два чрезвычайно необходимых ему сегодня предмета: зеленую записную книжку 'Кулинарные рецепты' и автоматическую ручку, которой собирался внести в записную книжку адрес и место работы пайщика жилтоварищества товарища Средиземского. Лишь перечитав список жильцов по слогам, Остап постиг двойственный смысл слов умирающего графа о 'предательстве фамилии': гражданин по фамилии Средиземский среди пайщиков жилтоварищества не числился.

'Господи, помоги!' - причитал Бендер, рыская по графской комнате и перетряхивая многочисленные коробочки, конверты и брошюры,- никогда мне не нужно было так мало: имя! только имя! одно короткое слово! Хорошо, хорошо, согласен: это было бы слишком просто. Тогда дай мне хотя бы его детскую фотографию. Но учти, в этом случае я отниму у моего старшего братика-близнеца не только имя, но и воспоминания детства'.

Увы, никаких следов сына в графской комнате не было. Старухи, сопровождавшие гроб, совершенно выжили из ума. К тому же они познакомились с графом всего несколько лет назад, на похоронах какого-то князя. Вообще, ни один из осколков дворянских фамилий (тьфу!), допрошенных Остапом во время поисков графа, ничего толком о его сыне припомнить не мог. Одни говорили, что он был хилым мальчиком и постоянно лечился в деревне, другие – что беспутствовал в Петербурге.

'Подлец,- возмутился Остап,- он что, до революции начал маскироваться?!' Попутно выслушав невнятные показания студентов, Бендер назидательно изрек:

- Стыдно, товарищи, стыдно. Я вот, настоящий сын, а без всяких...- он покрутил рукой,- шараханий. Как в восемнадцатом отрекся, устно, письменно и... всей душой, в общем, боремся за советскую власть, не щадя сил и здоровья. Вот, перебросили в Москву для кадрового укрепления ГИИП ССУСУУСУ. Дай, думаю, проведу старика, может, сменил платформу.
- А право на комнатку батюшки своего-таки имеете,- услужливо вставил вовремя подоспевший управдом.

- Да-а. Но чтобы все строго по закону!

- Мы, управдомы, законы знаем... Замечательной души человек был ваш батюшка... хоть и дворянин... Управдома не обманешь. У нас каждый жилец как на ладони. Так что не извольте беспокоиться, уважаемый товарищ, сегодня же и оформим.

Оставшись один, Остап свалился в неудобное кресло и сказал: 'Так. Результаты осмотра нулевые. Зато разжился крышей в Москве. Милые люди, эти управдомы... Милые люди... милые... 'Придется переквалифицироваться в управдомы', - вспомнилась горькая шутка на днестровском льду. - А не пощупать ли 'жилец-бетонного' на предмет...' - подобно тому, как мыло наводит на мысль о бане, болтовня управдома о 'жильцах на ладони' навела Бендера на спасительную комбинацию.

Глава 3

КАНДИДАТЫ

Каждый год по Москве распространялся слух о том, что скоро, может быть, даже через несколько дней, всех управдомов переименуют в дворники. В 'Известиях административного отдела Моссовета' этот оскорбительный слух обычно получал полное подтверждение. Между заметкой о собрании всадников конного резерва милиции и требованием незамедлительной очистки дворов от мусора управдомы с ужасом читали строки, посвященные их профессии. Там коротко и сухо сообщалось, что страна не настолько богата, чтобы содержать армию управдомов, и что на службе будут оставлены только те из них, которые согласятся возложить на себя обязанности и звание дворника. Одним словом, страшнее этого слуха было только массовое самоубийство дворников в апреле, когда неожиданно выпадает снег.

Управдомиам были понятны трудности, переживаемые страной. Эти интеллигентные люди, многие из которых носили пенсне, ходили в театры и были женаты на толстых женщинах с поддельными жемчужными шариками в ушах, были согласны подметать дворы, ходить в милицию с домовою книгой и по ночам сидеть в тулупе возле ворот. Обязанности они принимали, но от титула категорически отказывались. То есть, собственно говоря, они соглашались и на титул, потому что, как люди интеллигентные, стояли выше предрассудков. Но жены управдомов не хотели быть дворничихами. Их тянуло в мелкобуржуазное болото. Они любили танцевать на вечеринках блек-боттом, и домой их провожали элегантнейшие молодые люди столицы. Все это совершенно не вязалось с мужем в бараньем кожухе.

К концу января гонение на управдомов обычно затихало, сменяясь какой-нибудь новой сенсацией в области коммунального хозяйства. Но все же п о ч т и ц е л ы й м е с я ц управдомы невыразимо страдали.

Не страдал лишь новый управдом жилтоварищества 'Жилец и бетон'. Во-первых, он не был женат, а во-вторых, он не был управдомом по призванию. В доме, которым он третий день управлял, еще не было жильцов, о чем свидетельствовала совершенно свободная от антенн крыша и жадные взгляды прохожих, обращенные на новую постройку.

Председатель жилтоварищества товарищ Годунов сразу полюбил Остапа, будучи сражен его феноменальными познаниями в области русской фразеологии. Особенно по душе ему пришлись такие образцы, как: 'Хочешь жить – умей вертеться!' и 'Рука руку моет'.

Годунов говорил красиво и удивительно: о том, что 'нужно искать других способов', что нужен ему 'человек со свежими мозгами', о том, что человеку одной юридической благодарности мало.

Особенно часто произносил он слово, само звучание которого таило в себе обещание пышности и грядущего благоденствия. Это было слово 'пыща'. Несмотря на неполное начальное образование, Борис Гиреевич обладал сверхъестественной способностью ухватить кончик нити, того счастливого клубка, в сердцевине которого ему всегда удавалось найти прекрасную службу, возможность афер, командировочные, процентные вознаграждения,- словом, все то, что он для краткости называл живым делом, 'пыщей'.

Прежний управдом был пожилым человеком с внешностью хронического почитателя Омара Хайяма. Совместными усилиями Бендер и Годунов убедили его в преимуществах 'синицы в руке' перед 'журавлем в небе', то есть реальной комнаты графа Средиземского перед возможной однокомнатной квартирой в строящемся доме.

Новый дом был построен жилищно-строительным кооперативом в ударные строки. Впрочем, отделочные работы могли затянуться еще на месяц-полтора. Измученные пайщики, прошедшие через все испытания гражданской войны и службы в различных учреждениях, собирались ныне получить в новом доме по отдельной квартире. Некоторым пайщикам рисовались три небольшие светлые комнаты с ванной, обложенной больничными кафелями, и газовой кухней. Некоторым рисовались даже четыре светлые комнаты - разумеется, с ванной и другими удобствами. А иных, с особо богатым воображением, стремление к цивилизации разгорячало до такой степени, что им представлялась даже некая газовая уборная. Что сулит такая уборная, они не знали, но душою чувствовали, что это - нечто чрезвычайно приятное и необходимое в новом быту.

В воскресенье, 7 января, пайщикам впервые было разрешено осмотреть новое здание. Это событие совпало с сильнейшим двадцатипятиградусным морозом.

Первыми в сторожку управдома явились супруги Молокович.

- Пришли?- бесстрастно спросил Остап, проверяя пропуск супругов.

Гражданин Молокович ничего не ответил. Он подобрался к чугунной цилиндрической печке и, жалобно стоная, стал отламывать сосульки со своих опущенных книзу усов.

- Мы пришли, товарищ,- быстро и просительно ответила мадам Молокович.- Скажите, вы не можете устроить так, чтобы нам скорее дали квартиру? Мы не можем больше ждать! Мы сидим как на вулкане. Мы живем в ужасной комнате. Грязь. Никаких удобств. Соседи - рабочие!

Усы Молоковича-мужа встали дыбом и сосульки отвалились сами собой.

- Лица,- прошептал он, хватая жену за рукав.- Ты меня погубишь!

У управдома сделалось такое выражение лица, как будто бы он партийный и услышал то, чего партийному слышать не следует.

В бревенчатой сторожке воцарилось неловкое молчание. Слышен был только рев чугунной печки. Минуты две Бендер терзал чету Молокович строгим молчанием. Боязливому Молоковичу-мужу уже казалось, что не миновать ему нападок в стенгазете, которая, несомненно, будет издаваться в новом доме, как вдруг управдом молвил:

- Да-а. Это не Рио-де-Жанейро...

По тону его совершенно невозможно было понять, что же значило это 'да-а': 'Увы, это не...' или 'Это вам не...'

- В конце концов, она же не против рабочего класса. Я сам потомственный пролетарий. У меня и удостоверение имеется,- Молокович полез во внутренний карман, но был остановлен небрежным жестом управдома.

- Что там говорить,- заключил Остап тем же тоном.- Все мы люди.

Впрочем, железопартийное выражение его лица несколько смягчилось.

Повеселевшая чета, чувствуя легкое волнение, отправилась осматривать постройку.

Тем временем к дому с разных концов города стали прибывать пайщики. Их подмороженные лица отражали самые разнообразные чувства. Одни, подобно чете Молокович, были говорливы и держались довольно мирно. Другие предъявляли пропуска с видом независимым, словно бы желали сказать: 'Нам все известно. И в свое время мы сообщим кому следует обо всех темных делишках, которые творятся здесь, в кооперативе 'Жилец и бетон'. Но пока мы молчим. И просим помнить, что нас вокруг пальца не обведешь. Впрочем и то, что мы молчим, мы тоже просим помнить'. Иным же казалось, что все происходящее в Советской стране,- дело случая, а случай нужно хватать за голову, потому что хвост будет скользким. Они держались с солидной развязностью, норовили хлопнуть управдома по плечу и предлагали 'не стесняться, в случае чего будет нужно'.

Все эти люди, подгоняемые лучезарной надеждой, продирались к дому сквозь снежную бурю, проходили в шубах и валенках через раскрытые настежь квартиры, ласкали пальцами раскаленные батареи парового отопления, собирались в кучки и говорили о полах, дверных приборах и лестничных перилах. Собеседники согревались, распахивали шубы, старались превзойти один другого глубиной познаний в строительном деле.

Пайщики дружелюбно поглядывали друг на друга, хотя для дружеских чувств не было никаких оснований. Все они были соперниками в борьбе за жилплощадь и не ссорились только потому, что не знали, с кем надо ссориться и кого надо ненавидеть.

Анжелика Молокович, хватаясь за перила, подымалась по лестницам, останавливаясь возле каждой группы и выкладывая историю своих жилбедствий.

- У меня хуже!- неожиданно сказал пайщик в пальто, перешитом из волосатой кавказской бурки.

- Как хуже?- запальчиво спросила Анжелика, которой не понравилось желание пайщика превзойти ее в страданиях.

- У меня вода,- объявил толстяк.- Позвольте представиться, Вайнторг Степан Соломонович, гинеколог. Сколько средств ушло у меня на эту проклятую воду. После того как она уничтожила 'Десятый вал' Айвазовского я вынужден хранить свои коллекции у знакомых, но кому, я вас спрашиваю, сегодня можно доверять?.. Потолок протекает в двадцати местах. По комнате пройти нельзя. Все заставлено ведрами, лоханками, тазами и кастрюлями. Когда я перееду сюда, я смогу открыть посудохозяйственный магазин.

И пайщик в пальто из бурки услужливо сообщил, что скоро он сможет продать желающим два таза медных для варенья, лоханку - одну, эмалированных кастрюль синих - три, пестрых - две и прочих - одну. Со свойственной врачам-гинекологам математической точностью пайщик выс-тавлял на продажу: бадью - одну, кадушек из-под огурцов - две, кувшинов глиняных с глазурью - один, корыт крестьянских - одно и ведер оцинкованных простых - шесть.

- А у меня совсем нет комнаты,- сказал, улыбаясь, молодой человек в технической фуражке.- Я, вероятно, получу комнату в первую очередь.

Этим заявлением молодой человек привлек к себе такое пристальное внимание, что смущенно отодвинулся к стене, на которой уже висел плакат:

Уважайте труд уборщиц!

Соблюдайте тишину!

Пайщики тесной массой двинулись к молодому человеку.

- Где ж вы живете?- сочувственно спросил Протоколов, инженер фабрики военно-походных кроватей (раскладушек) имени товарища Ю.Я. Прокруста.

- Ночую на Курском вокзале.

Внешний вид молодого человека подтверждал его слова. Пальто было смято, как скомканный и потом расправленный кусок бумаги. От молодого человека пахло железной дорогой, как от кондуктора.

- А есть у вас справка о неимении жилплощади?- раздалось сразу два голоса.

- Разве нужно?- спросил молодой человек.

- Обязательно!- сказал Молокович-муж.- От домоуправления.

- Я не подлежу никакому домоуправлению. Я нигде не живу.

- Это еще нужно доказать,- повысил голос потомственный пролетарий.- А может быть, у вас квартира из пяти комнат, с ванной и отдельной уборной. Почему мы знаем! Дайте справку. Кто знает, может у вас собственный домик?

Молодой человек, которого в течение минуты возвели сначала в квартиронаиматели, а потом в домовладельцы, совсем растерялся.

- Это все-таки безобразие!- донесся из соседней группы голос владельца кувшинов глиняных с глазурью.- Гражданин имеет на Арбате замечательную квартиру из пяти комнат с ванной во втором этаже, а сам притворяется, что живет на вокзале. Так, конечно, комнат не хватит. Товарищ домоуправ! Вы должны вмешаться. Ведь это же более, чем реально!

- Продолжайте, продолжайте,- Остап поощрительно улыбнулся.- Я здесь человек новый.

- Но ведь я же в порядке неимения жилплощади,- прошептал молодой человек.- Граждане!

Но граждане уже покинули бедняка с Курского вокзала. Они двинулись навстречу Молокович-жене, которая подымалась по лестнице с криком: 'Заперли! Заперли!' От быстрых движений ее черная шелковая шуба издавала разбойничий посвист. Фетровый котелок, украшенный спереди стеклянным полумесяцем, молодецки съехал на левое ухо. Сидящий чуб падал на лоб. В эту минуту мадам Молокович походила на только что спрыгнувшего с коня кубанского казака. Удаль и отчаяние светились в ее угольных глазках. Задыхаясь и клопоча, она поведала обществу новость.

- У нас всегда так,- крикнула она,- одна подлость! Будьте уверены, что квартира №3 распределяться не будет. Ее уже распределили без нас!

Когда Молокович увидел свою жену в таком гневе, он задрожал. Он знал привычку Анжелики в волнении называть своих собеседников не товарищами и не гражданами, а господами. И он всегда боялся, что это может повредить ему по службе. Он раскрыл рот, чтобы издать предупреждающий возглас. Но было уже поздно.

- Господа!- закричала Анжелика.- Квартиру №3 получит производитель работ товарищ Маляриков, у которого на получение площади нет никаких прав.

При этих словах пайщики болезненно застонали.

- Квартира заперта, господа,- продолжала Анжелика,- потому что товарищ производитель работ боится, что мы наследим в его новом гнездышке.

- Не может этого быть без общего собрания,- сказал пайщик Онуфрий Голубец, державший на руке ребеночка с вытаращенными глазами.- Цэ ж моя хата!- от волнения он перешел на родной украинский.

Но произнес он свои слова тоном, каким обычно хозяева не говорят.

- Пока вы дожидаетесь общего собрания, все квартиры расхватывают! Идемте, идемте, товарищ хозяин! Идемте, господа! Я вам покажу!

И мадам Молокович устремилась вниз по лестнице. Стеклоякий ятаган на ее шляпе сверкал. За ней нестройной толпой побежали разозленные пайщики.

У двери квартиры №3 они остановились.

- Ну, хозяин,- радостно сказала Молокович-жена,- войдите в вашу квартиру. Смелее, смелее!

Онуфрий Голубец, здоровый детина, для удобства переложил ребеночка на другую руку и осторожно, словно ожидая, что его ударит электрический ток, прикоснулся к дверной ручке. Квартира действительно была заперта.

Обомлев, он отошел в сторону. Его место занял Молокович-муж. Он расстегнул пальто, взялся за дверь обеими руками и потянул ее с силой. Но дверь не открывалась. Жалко улыбаясь, Молокович быстро застегнулся и уступил место кастрюльному гражданину.

Один за другим подходили пайщики к железной ручке и пробовали силу с таким надменным видом, с каким в душистый воскресный вечер гуляющие на бульваре тянут руку силомера 'Мускулятор'. - Что же это творится, товарищ управдом! Примите же, наконец, меры!- завопил Вайнторг. В голосе его слышалась даже угроза, но какая-то отвлеченно-опосредствованная, относящаяся вовсе не к товарищу управдому, а именно к тем, против кого надлежит принять меры.

Но разгоряченные пайщики не уловили всей глубины нюансов голоса гинеколога-коллекционера и обступили Бендера еще более плотным кольцом, чем обитателя Курского вокзала десятью минутами раньше.

Остап обвел толпу невидящим взором, щелкнул средним и большим пальцами, выставил вперед указательный и разрезал им разгоряченный коллектив, как острым ножом теплое масло. На лестничной площадке он остановился, отвел указательный палец в сторону гревшегося у батареи пайщика - бухгалтера Ситникова и, не оборачиваясь, произнес зловещую фразу: 'Опасно гладить рукой радиаторы парового отопления - они всегда покрыты пылью', - после чего ушел.

'Демоническая личность', - прошептала Анжелика Молокович и тоже куда-то исчезла.

Когда последний, скромнейший пайщик, инженер Протокотов, познал тщету своих усилий справиться с дверью, толпа раздвинулась и пропустила дворника, подталкиваемого проворной Анжеликой.

- Надеюсь, господа, вы мне теперь поверите, - молвила она. - У кого ключ, Афанасий? Ну! Скажите им то, что вы говорили мне на дворе.

Дворник, которому еще никогда не доводилось выступать перед такой большой аудиторией, снял шапку и долго молчал. А потом сообщил, что квартиру №3 уже давно захватил производитель работ и специально для себя отделал ее роскошнейшим образом.

- Цельный месяц для себя паркетины отбирал, - заключил дворник, усмехаясь.

Сообщение дворника привело пайщиков в полнейшее уныние. Оцепенела даже Анжелика, столь энергично действовавшая до сих пор.

Толпа молча стояла на лестнице, невольно прислушиваясь к шуму, который производил ветер, хозяйничавший в пустых комнатах. Снег залетал в открытые окна лестничной клетки. Шероховатые, покрытые инеем розовые стены казались сделанными из мармелада.

Погруженным в глубокое раздумье пайщикам квартира производителя работ представлялась необыкновенно прекрасной. Какой там, должно быть, замечательный, отборный паркет. Каждая паркетина сухая и гладкая, как английская галета. Какая там ванна, толстая, скользкая, сделанная из лучшего фаянса. Как хороши там краны, шпингалеты и замки. Все это, вероятно, высокосортные изделия, какие могут быть только на военном корабле!

- Мерзавцы!- визгливо закричал вдруг молодой человек в технической фуражке.- Мерзавцы!

Негодяи! Почему это так? К чертовой матери! Я ночую на Курском вокзале! На Курском! Четыре месяца я сплю на каменной скамье! А они... Почему заперли?

Вокруг молодого человека внезапно образовалось пустое пространство. Теперь он был хорошо виден всем. Он стоял посреди площадки в своем изжеванном пальто и жестикулировал. Он хотел много говорить, бичевать, требовать, но ему не хватало дыхания. Тогда он подскочил к двери и стал

теребить ее за ручку, бормоча:

- Почему заперли?

Может быть, иная дверь и поддалась бы натиску, вызванному беспредельным отчаянием. Но дверь квартиры №3, построенная под особым наблюдением производителя работ, была крепка, как дверь стального банковского подвала.

Молодой человек принялся лягать ее ногами. Он боролся с дверью так, словно именно она была виновницей всех его несчастий. Не оглядываясь на пайщиков, которые ошалело отодвинулись в сторону, молодой человек ударял по двери кулаками. Но дверь только слегка вздрагивала и отвечала тонким спокойным звоном.

Потеряв силы, он сел под дверью и заплакал.

- Что же, господа,- сказала Анжелика Молокович,- ему дурно. Мужчины, принесите хоть стакан воды.

Пока молодого человека приводили в чувство, среди пайщиков поднялся ропот. Кричали, что этого оставить нельзя, что нужно писать коллективное заявление, куда-то жаловаться, выбрать делегацию. Неведомо откуда пошел слух, что квартиры уже давно распределены между членами правления и их прихвостнями и что общее собрание будет только ширмой. Приводились примеры, рассказывались случаи.

В ту минуту, когда разговоры приобрели страстность, какая бывает в разгаре диспута на тему 'Существовал ли Христос', и отдельных слов уже нельзя было разобрать в общей трескотне, на лестнице показался производитель работ товарищ Маляриков. Появление Христа на антирелигиозном диспуте не могло бы произвести большего впечатления.

Смятение было настолько велико, что даже молодой человек пришел в себя, подобрал валявшуюся под дверью фуражку с зелеными кантами и притаился в арьергарде пайщиков. Крамольные речи застыли на устах. Гневные морщины разгладились и на свет божий выползли нафталиновые улыбки, приводя в движение усы, щеки и уши членов-пайщиков.

Товарищ Маляриков бросил на толпу блудливый взгляд и вежливо поздоровался. В ответ раздался хор сердечных голосов. В этом хоре угадывалось приветствие, похожее на 'здравия желаем' и 'премного благодарны'.

Пайщики сразу же повели себя нехорошо. Народные трибуны, Стеньки Разины и Мараты, еще минуту назад призывавшие к бунту охваченную кооперацией массу, сплотились вокруг производителя работ с самым дружественным видом.

Они боялись Малярикова. Они боялись всех членов правления, управдома и даже дворника. Они были убеждены, что каждый из этих людей может сделать все: может дать квартиру и может ее отобрать. Во всех они видели начальство.

- Ей-богу,- сказал Молокович-муж, в котором раболепные чувства пробудились стремительнее, чем у других,- прекрасный дом. Стекло и бетон. Вам, вероятно, будет приятно здесь жить.

- Да мне еще могут и не дать квартиры,- ответил Маляриков, скромно улыбаясь.

- Что вы!- раздалась воодушевленные крики.- Это вам-то! Своими руками строили, и вдруг и не дадут! Быть этого не может!

И пайщики в единодушном порыве заявили, что если только на земле существует справедливость, то в первую очередь квартиру должен получить товарищ Маляриков.

Производитель работ выслушал это верноподданническое заявление с достоинством и пошел на склад за розетками для квартиры №3.

Едва Маляриков скрылся, чувства пайщиков снова переменялись.

- Видали?- спросил помалкивавший до сих пор пайщик Ошейников, писатель и журналист.

Вслед за этим народные трибуны, Мараты и Стеньки Разины подняли невообразимый шум.

Малярикова называли подлецом. Особенно досталось организатору кооператива. Еще не знали, чем он провинился, но не сомневались в том, что он виноват.

- Я его знаю,- воскликнула Молокович-жена,- он весь кооператив выдумал, чтобы получить комнату. Но это был уже последний пароксизм. Истомленные переживаниями пайщики группами вывалили на улицу, где ледяной ветер заткнул им глотки.

А из окна сторожки их провожал ледяной взгляд нового управдома. Когда последнего кандидата поглотила ночная мгла, великий комбинатор сел за стол и начал рисовать на листе бумаги какую-то схему. Со стороны могло показаться, что он глава большой подпольной организации, занятой подготовкой не то взрыва железнодорожного моста, не то крупных хищений в кооперативах открытого типа. По окружности располагались шесть кружочков, в каждый из которых был вписан год, очевидно, рождения (2 - 1899-х, 3 - 1900-х и 1 - 1901-й) и кличка: Подкаблучник, Журналист, Голубец, Бухгалтер, Гинеколог, Раскладушечник. В центре окружности Бендер поместил огромный вопросительный знак. Часом позже над знаком появилось слово 'Кто'. Через три под знаком появилось слово 'Граф'. И долго еще Остап мерил сторожку шагами, размышляя вслух: 'Что ж, у Средиземского железные нервы. Годы нелегального положения - не шутка. Значит, никаких подмигиваний и пощупываний. С другой стороны, советского человека прямо не спросишь: 'Пардон, вы случайно не граф?' Следовательно, проверка должна быть косвенной и молниеносной. Удар наносится так: 'Дорогой Иван Иванович,- бац...'

Глава 4

'МЫ КУЗНЕЦЫ, И ДУХ НАШ МОЛОД'

В подвале жилтоварищеского дома была когда-то скульптурная мастерская. И до сих пор стоит посреди двора пешая скульптура какому-то герою 1812-го года, а кому, уже нельзя узнать. Видны только баки времен Отечественной войны.

Помещение жилтоварищества 'Жилец и бетон' состояло из двух комнат. Первая, почище, называлась 'служебной'. Здесь, кроме столов председателя и членов правления, стоял буфет с зеркальными иллюминаторами, с остроконечными шпилями-башенками, нишами, с барельефными изображениями битой дичи, виноградных гроздьев и лилий. Буфет походил на военный собор, какие обычно строили при кадетских корпусах и юнкерских училищах. К боковой стенке буфета была прибитая большая гербовая бляха с надписью: 'Горю - и не сгораю'. Застраховано от огня в обществе 'Саламандра', а на полочках стояли томик Карла Маркса, 'Памятники театрального и общественного быта - мемуары походного капитана и актера-любителя А.М. Сноп-Ненемецкого' в золотом переплете, а также предметы искусства:

Гипс:

1. Статуэтка 'Купающаяся трактористка' (когда-то эта штука называлась 'Утренняя нега').
2. Толстолицый немецкий пастушок, вымазанный линючими красками.
3. Кудреватый молодой человек с хулиганской физиономией играет на гармонике.

Луженый чугуны:

4. Охотник, стреляющий уток.
5. Бегущая собака.
6. Лошадиная морда.
7. Чернильный прибор, могучий агрегат, сооруженный из уральского камня, гранитов, хрусталя,

меди, никеля и высококачественных сталей. Имеет название: 'Мы кузнецы, и дух наш молод.' Лучший подарок уезжающему начальнику. Цена - 625 руб-лей 75 копеек.

Вторая комната называлась 'общественной'. Здесь был плакат 'Не красна изба углами, а красна управделами', стол, покрытый сукном, когда-то кумачевым, а сейчас - цвета бедра испуганной нимфы, разнокалиберные стулья и табуреты, а также агитационный гроб с надписью 'Капитализм', который таскали на демонстрациях.

В комнате шло экстренное собрание жилтоварищества с единственным вопросом в повестке: кого из пайщиков-претендентов исключить из списка получателей квартир в новом доме.

По причине ангины у председателя жилтоварищества товарища Годунова Бориса Гиреевича, собрание вел его новый зам. Ангина же приключилась по причине того, что, во-первых, председатель был малограмотным. И как многие из малограмотных, он очень любил сидеть в сторонке и писать; и не столько писать: просто он уважал те приборы, которыми пользовался, - чернильницу, пресс-папье и толстую сигарную ручку (по поводу собрания чернильный комбинат 'Мы кузнецы, и дух наш молод' был перенесен на стол из служебной комнаты). Во-вторых, товарищ Годунов был человеком многоопытным и берег нервы. И в-третьих, нужно было испытать 'в деле' нового зама, товарища Бабашкина.

...Кто бы мог подумать, что всего неделю назад с товарищем Бабашкиным стряслась великая беда. Десять лет подряд членская масса выбирала Бабашкина освобожденным секретарем месткома, а сейчас, на одиннадцатый год, не выбрала, не захотела.

Черт его знает, как это случилось! Просто непонятно.

Поначалу все шло хорошо. Председатель докладывал о деятельности месткома, членская масса ему внимала, сам товарищ Бабашкин помещался в президиуме и моргал белыми ресницами. В зале стоял привычный запах эвакуопункта, свойственный профсоюзным помещениям. (Такой запах сохранился еще только в залах ожиданий на отсталых станциях, а больше нигде уже нет этого портяночно-карболового аромата.)

Иногда Бабашкин водил для виду карандашом по бумаге, якобы записывая внеочередные мысли, пришедшие ему на ум в связи с речью председателя. Два раза он громко сказал: 'Правильно'. Первый раз, когда речь коснулась необходимости активной борьбы с недостаточной посещаемостью общих собраний, и второй раз, когда председатель заговорил об усилении работы по внедрению профзнаний. Никто в зале не знал, что такое профзнания, не знал и сам Бабашкин, но ни у кого не хватило гражданского мужества прямо и откровенно спросить, что означает это слово. В общем, все шло просто чудесно.

На Бабашкине были яловые сапоги с хромовыми головками и военная гимнастерка. Полувоенную форму он признавал единственно достойной освобожденного члена месткома, хотя никогда не участвовал в войнах.

- А теперь приступим к выборам,- сказал председатель, делая ударение на последнем слоге. Профсоюзный язык - это совершенно особый язык. Профработники говорят: выбора, договора, средства, процент, портфель, квартал, доставка, добыча. Только профработник может сказать: 'Формально будем защищать', 'пришлось создать конфликт', 'во,- товарищи, первых..., во,- товарищи, вторых...'

Есть еще одна особенность у профработника. Начиная свою речь, он обязательно скажет: 'Я, товарищи, коротенько', а потом говорит два часа. И согнать с трибуны его уже невозможно.

Приступили к выборам.

Обычно председатель зачитывал список кандидатов. Бабашкин вставал и говорил, что 'имеется

предложение голосовать в целом?»; членская масса кричала: 'Правильно, давай в целом, чего там!' Председатель говорил: 'Позвольте считать эти аплодисменты...' Собрание охотно позволяло; все радостно бежали по домам, а для Бабашкина начинался новый трудовой год освобожденного секретарства. Он постоянно заседал, куда-то кооптировался, сам кого-то кооптировал, иногда против него плели интриги другие освобожденные члены, иногда он сам плел интриги. Это была чудная кипучая жизнь.

А тут вдруг начался кавардак.

Прежде всего собрание отказалось голосовать список в целом.

- Как же вы отказываетесь,- сказал Бабашкин, демагогически усмехаясь,- когда имеется предложение! Тем более что по отдельности голосовать надо два часа, а в целом – пять минут, и можно идти домой.

Однако членская масса с каким-то ребяческим упрямством настояла на своем.

Бабашкину было ужасно неудобно голосоваться отдельно. Он чувствовал себя как голый. А тут еще какая-то молодая, член профсоюза, позволила себе резкий, наглый, безответственный выпад, заявив, что Бабашкин недостаточно проводил работу среди женщин и проявлял нечуткое отношение к разным вопросам.

Бабашкин попытался защититься:

- Я, товарищи, рабочий от станка.

- И тут не фабриканты сидят,- крикнул кто-то в ответ.

- Товарищи, но ведь я объявил себя мобилизованным до конца пятилетки.

- Демобилизуем!- дружно закричала профсоюзная масса.

И разгорелся сыр Божий.

Бабашкина поставили на голосование и не выбрали.

Место, которое он так старательно утеплял и дренажировал, вырвалось из-под его геморроидального зада.

Еще некоторое время ему представлялось, что все это не всерьез, что сейчас встанет председатель и скажет, что масса пошутила, и собрание с приветливой улыбкой снова изберет Бабашкина в освобожденные секретари.

Но этого не произошло.

Жена была настолько уверена в непреложном ходе событий, что даже не спросила Бабашкина о результатах голосования. И вообще в семье Бабашкиных слова 'выборы, голосование, кандидатура' хотя и часто произносились, но никогда не употреблялись в их прямом смысле, а служили как бы добавлением к 'портфелю' и 'кварталу'.

Утром Бабашкин побежал в областной профсовет жаловаться на интриги, он ходил по коридорам, всех останавливал и говорил: 'Меня не выбрали',- говорил таким тоном, каким обычно говорят: 'Меня обокрали'. Но никто его не слушал. Члены совета сами ждали 'выборов' и со страхом гадали о том, какой 'процент' из них уцелеет на своих постах.

Председатель тоже был в ужасном настроении, громко, невпопад говорил о демократии и при этом быстро и нервно чесал спину металлической бухгалтерской линейкой.

Бабашкин ушел, шатаясь.

Дома состоялся серьезный разговор с женой.

- Кто же будет тебе выплачивать жалованье?- спросила она с присущей женщинам быстротой соображения.

- Придется переходить на другую работу,- ответил Бабашкин.- Опыт у меня большой, стаж у меня тоже большой, меня всюду возьмут в освобожденные члены.

- Как же возьмут, когда надо, чтобы выбрали?

- Ничего, с моей профессией я не пропаду.

- С какой профессией?

- Что ты глупости говоришь! Я профработник. Старый профработник. Ей-богу, даже смешно слушать.

Жена некоторое время внимательно смотрела на Бабашкина и потом сказала:

- Твое счастье, что я умею печатать на машинке.

Это была умная женщина.

Вечером она прибежала домой, взволнованная и счастливая.

- Ну, Митя,- сказала она,- я все устроила. Только что я говорила с секретаршей из жилтоварищества, как раз им нужен дворник. И хорошие условия. Семьдесят пять рублей в месяц, новые метлы и две пары рукавиц в год. Пойдешь туда завтра наниматься. А сегодня вечером Герасим тебя выучит подметать. Я уже с ним сговорила за три рубля.

Бабашкин молча сидел, глядя на полку, где стояло толстое синее с золотом собрание сочинений Маркса, которое он в суматохе профсоюзной жизни так и не успел раскрыть, и бормотал:

- Это интриги! Факт! Я этого так не оставлю.

И Бабашкин не был бы Бабашкиным, если бы не взял себя в руки и не сплел собственную интригу.

- Вот, Герасим,- заговорщически шептал он два часа спустя.- Ответственное секретное задание.

Бросают на прорыв в жилтоварищество 'Жилец и бетон'. Внедриться изнутри, вскрыть вопиющие безобразия и сделать соответствующие

оргвыводы. Так что выучи меня на заправского дворника и молчок. Зачтется!

- Могила, Митрий Пантелеевич!

Мина сработала, и через два дня на планерке правления жилтоварищества было высказано мнение, что во-первых, председатель правления без зама - это все равно что лошадь без хвоста, а во-вторых, что правление должно быть ближе к передовым трудящимся массам, а передовые трудящиеся массы - ближе к правлению. На должность зам-председателя единодушно был избран дворник-передовик Бабашкин...

...Ограничены известным, заранее установленным временем, и рабочий день, и парходный рейс, и сеанс в кино, и солнечная ванна.

В театре за один вечер спектакля Гамлет решает важнейшие вопросы, а восемнадцати надутым чиновникам из конторы 'Торглоханка' нужно шесть часов, чтобы решить вопрос о закупке одного кило гвоздей для нужд своего лоханочного производства.

Экстренное собрание жилтоварищества 'Жилец и бетон' продолжалось шестнадцать часов без перерыва. Пайщики, как известно, разделяются совсем не по стажу - они разделяются на губошлепов и крикунов. Но, как всегда, при распределении квартир разногласий не было. Все хотели одного и того же. Каждый хотел получить квартиру, и именно для себя. Было выкурено тысяча сто папирос 'Пли' и около восьмисот козых ножек. Во время прений на основании всесторонней и обоюдоострой склоки зампредседателю Бабашкину дали восемь раз по морде и в шести случаях он дал сдачи. На седьмом часу уволокли за ноги двух особенно кипятившихся граждан: Анжелику Молокович и старика Нимурмура. На четырнадцатом часу упал в обморок сильнейший из пайщиков, украинский титан Онуфрий Голубец.

Но обмен мнениями ни к чему не привел. И тогда Афина - покровительница общих собраний, согласно теории потухающей склоки и устами проснувшегося председателя жилтоварищества товарища Годунова Бориса Гиреевича, заявила, что распределит квартиры своей властью. В

наступившей после слова 'власть' тишине прозвучала фамилия: 'Изаурик'. Квартиры лишился молодой человек в технической фуражке. Обезумевший постоялец вокзалов издал вопль охотника на жирафов, схватил из-под носа председателя чернильный агрегат, вскочил на агитационный гроб и занес медно-малахитовую гору над головой. Визг дам и икоту мужчин перекрыл стальной голос хранителя яблока раздора - нового управдома: 'Я прописываю товарища Изаурика у себя.' И снова ахнула общественность.

Бендер и сам не смог бы объяснить своего пижонства. Ни возрастом, ни манерами Арсений Изаурик не соответствовал 'кандидату' в последние отпрыски угасающего рода Средиземских. Возможно, великий комбинатор подумал о том, что через пару-тройку месяцев квартира в Советском Союзе будет ему уже не нужна. Возможно, решил, что помощник не помешает. Возможно, просто пожалел молодого человека в технической фуражке.

Глава 5

СОБАЧИЙ ХОЛОД

Катки закрыты. Детей не пускают гулять, и они томятся дома. Отменены рысистые испытания. Наступил так называемый собачий холод.

В Москве некоторые термометры показывают тридцать четыре градуса, некоторые почему-то только тридцать один, а есть и такие чудаковатые градусники, которые показывают даже тридцать семь. И происходит это не потому, что одни из них исчисляют температуру по Цельсию, а другие устроены по системе Реомюра, и не потому также, что на Остоженке холоднее, чем на Арбате, а на Разгуляе мороз более жесток, чем на улице Горького. Нет, причины другие. Сами знаете, качество продукции этих тонких и нежных приборов не всегда у нас на неслыханной высоте. В общем, пока соответствующая хозяйственная организация, пораженная тем, что благодаря морозу население неожиданно заметило ее недочеты, не начнет выправляться, возьмем среднюю цифру - тридцать три градуса ниже нуля. Это уж безусловно верно и является точным арифметическим выражением понятия о собачьем холоде.

Закутанные по самые глаза москвичи кричат друг другу сквозь свои воротники и шарфы:

- Просто удивительно, до чего холодно!

- Что ж тут удивительного? Бюро погоды сообщает, что похолодание объясняется вторжением холодных масс воздуха с Баренцева моря.

- Вот спасибо. Как это они все тонко подмечают. А я, дурак, думал, что похолодание вызвано вторжением горячих масс аравийского воздуха.

- Вот вы смеетесь, а завтра будет еще холоднее.

- Не может этого быть.

- Уверяю вас, что будет. Из самых достоверных источников. Только никому не говорите. Понимаете?

На нас идет циклон, а в хвосте у него антициклон. А в хвосте у этого антициклона опять циклон, который и захватит нас своим хвостом. Понимаете? Сейчас еще ничего, сейчас мы в ядре антициклона, а вот попадем в хвост циклона, тогда заплачете. Будет невероятный мороз. Только вы никому ни слова.

- Позвольте, что же все-таки холоднее - циклон или антициклон?

- Конечно, антициклон.

- Но вы сейчас сказали, что в хвосте циклона какой-то небывалый мороз.

- В хвосте действительно очень холодно.

- А антициклон?

- Что антициклон?

- Вы сами сказали, что антициклон холоднее.

- И продолжаю говорить, что холоднее. Чего вы не понимаете? В ядре антициклона холоднее, чем в хвосте циклона. Кажется, ясно.

- А сейчас мы где?

- В хвосте антициклона. Разве вы сами не видите?

- Отчего же так холодно?

- А вы думали, что к хвосту антициклона Ялта привязана? Так по-вашему?

Вообще замечено, что во время сильных холодов люди начинают беспричинно врать. Врут даже кристально честные и правдивые люди, которым в нормальных атмосферных условиях и в голову не придет сказать неправду. И чем крепче мороз, тем крепче врут. Так что при нынешних холодах встретить вконец изовравшегося человека совсем не трудно.

Такой человек приходит в гости, долго раскутывается; кроме своего кашне снимает белую дамскую шаль, стаскивает с себя большие дворницкие валенки, надевает ботинки, принесенные в газетной бумаге, и, войдя в комнату, с наслаждением заявляет:

- Пятьдесят два. По Реомюру.

Хозяину, конечно, хочется сказать: 'Что ж ты в такой мороз шляешься по гостям? Сидел бы себе дома', - но вместо этого он неожиданно для самого себя говорит:

- Что вы, Павел Федорович, гораздо больше. Днем было пятьдесят четыре, а сейчас безусловно холоднее.

Здесь раздается звонок, и с улицы вваливается новая фигура. Фигура еще из коридора радостно кричит:

- Шестьдесят, шестьдесят! Ну, нечем дышать, совершенно нечем.

И все трое отлично знают, что вовсе не шестьдесят, и не пятьдесят четыре, и не пятьдесят два, и даже не тридцать пять, а тридцать три, и не по Реомюру, а по Цельсию, но удержаться от преувеличения невозможно.

Простим им эту маленькую слабость. Пусть врут на здоровье. Может быть, им от этого делается теплее.

Покамест они говорят, от окон с треском отваливается замазка, потому что она не столько замазка, сколько простая глина, хотя в ассортименте товаров значится как замазка высшего качества. Мороз-ревизор все замечает. Даже то, что в магазинах нет красивой цветной ваты, на которую так отрадно взглянуть, когда она лежит между оконными рамами, сторожа квартирное тепло.

Но беседующие не обращают на это внимания. Рассказываются разные истории о холодах и вьюгах, о приятной дремоте, охватывающей замерзающих, о сенбернарах с бочонком рома на ошейнике, которые разыскивают в снежных горах заблудившихся альпинистов, вспоминают о ледниковом периоде, о проваливающихся под лед знакомых (один знакомый якобы упал в прорубь, пробарахтался подо льдом двенадцать минут и вылез оттуда целехонек, живехонек и здоровехонек) и еще множество сообщений подобного рода.

Но венцом всего является рассказ о дедушке.

Дедушки вообще отличаются могучим здоровьем. Про дедушек всегда рассказывают что-нибудь интересное и героическое. Например: 'мой дед был крепостным', на самом деле он имел хотя и небольшую, но все-таки бакалейную лавку. Так вот, во время сильных морозов фигура дедушки приобретает совершенно циклопические очертания.

Рассказ о дедушке хранится в каждой семье.

- Вот мы с вами кутаемся - слабое, изнеженное поколение. А мой дедушка, я его еще помню (тут рассказчик краснеет, очевидно, от мороза), простой был крепостной мужик и в самую стужу, так, знаете, градусов шестьдесят четыре, ходил в лес по дрова в одном люстриновом пиджачке и галстуке. Каково? Не правда ли, бодрый старик?

- Это интересно. Вот и у меня, так сказать, совпадение. Дедушка мой был большущий оригинал. Мороз этак градусов под семьдесят, все живое прячется в свои норы, а мой старик в одних полосатых трусиках ходит с топором на речку купаться. Вырубит себе прорубь, окунется - и домой. И еще говорит, что ему жарко, душно.

Здесь второй рассказчик багровеет, как видно от выпитого чаю.

Собеседники осторожно некоторое время смотрят друг на друга и, убедившись, что возражений против мифического дедушки не последует, начинают взапуски врать о том, как их предки ломали пальцами рубли, ели стекло и женились на молоденьких, имея за плечами - ну как вы думаете, сколько? - сто тридцать два года. Каких только скрытых черт не обнаруживает в людях мороз! Что бы там не вытворяли невероятные дедушки, а тридцать три градуса - это неприятная штука. Амундсен говорил, что к холоду привыкнуть нельзя. Ему можно поверить, не требуя доказательств. Он это дело знал досконально.

Итак, мороз, мороз. Даже не вериться, что есть где-то на нашем дальнем севере счастливые теплые края, где, по сообщению уважаемого бюро погоды, всего лишь десять-пятнадцать градусов ниже нуля.

Катки закрыты, дети сидят по домам, но жизнь идет - строится метро, театры полны (лучше замерзнуть, чем пропустить спектакль), милиционеры не расстаются со своими бальными перчатками, и в самый лютый холод самолеты минута в минуту вылетают в очередные рейсы.

Глава 6

ВСТРЕЧАЙТЕ ВЕСНУ В БРЮКАХ!

В сторожке управдома ревела буржуйка, пахло колбасой и вениками. В общем, было тепло, светло и уютно.

- Эх, поскорей бы весна,- мечтательно пропел Сеня, двумя ладонями обнимая кружку с горячим чаем.

- О какой весне речь, Сеня?- Остап долго смотрел в маленький черный квадратик окна.- Весны нет. Как, впрочем, и осени. Есть только ожидание лета. И зимы...

- Ну это вы слишком, Остап Ибрагимович. А как же фиалки, грачи, весенние ручейки? Ведь есть же какие-то объективные признаки перемен: день и ночь, времена года, возраст, наконец.

- Сеня, Сеня, о каких объективных признаках речь? Где начинается человек, там объективность заканчивается. Разве в твоей жизни не наступала ночь в полдень и не светило солнце в полночь? Вот, ты говоришь, весна, весна...

Остап задумался.

- А ты знаешь, Сеня, как в Москве делается весна?..

Много лет тому назад, лет пять, в витрине магазина 'Октябрьская одежда', который принадлежал частному торговцу Иезикилю Вакханюку, появлялся лирический плакат:

Встречайте весну в брюках И.А. Вакханю

‘Вакханю’ - потому что это было время, когда все рекламы писались в стихах.

- А что,- спросил Сеня,- действительно был такой магазин?

- Был, товарищ Изаурик, был... И есть,- неуверенно добавил Остап.- И так, магазин у Вакханюка отняли. Плакат чуть-чуть обрезали, но все так же вывешивают в конце февраля:

Встречайте весну в брюках

Прочитав этот плакат, часть прохожих спешит оглядеть себя, дабы убедиться, что брюки на месте. Другие начинают взволнованно нюхать воздух. Но фиалками еще не пахнет. Пахнет только травочкой-зубровочкой, настоечкой для водочки, которой торгуют в Охотном ряду очень взрослые граждане в оранжевых тулупах. Падают колючий, легкий, как алюминий, мартовский снег. И как бы не горячился обрезанный И.А. Вакханюк, до весны еще далеко. Ох, как далеко... Помню, приехал я в Москву весной 23-го...

- Ага!- по-детски обрадовался Сеня.- Весной! Значит, есть весна!

Остап с сожалением покачал головой:

- Вот и я был таким же восторженным идиотом. Если бы мне тогда сказали, что в году 7,75 времен года, причем 5,5 - это весна, я бы несколько не удивился...

Я вышел на перрон Курского вокзала и сказал: ‘Здравствуй, милый, хороший город Москва! Я буду в тебе жить.’

На улице, так и быть, весна: в небе гудит гигантский примус, скромнейшие в остальные 2,25 сезона девицы стреляют глазками, парни краснеют как красны девицы, лошади порхают, воробьи в жмурки играют и прочая чушь.

В кармане спичка и пол-бублика, а в голове такой весенний переполох, такая кутерьма и ералаш, что когда увидел эту стихотворную вывеску, сразу вошел и написанное потребовал. А приказчики попались без воображения.

- Вам,- спрашивают,- какие? Штучные?

- Вы мне не крутите!- отвечаю я.- Не штучные, а брючные!

- Как хотите,- говорят.- Мы только поинтересовались, потому штучными называются те, которые в полосу.

Показали. Но у меня в голове весна колесом ходит, и я отверг, дерюга! Мне поинтеллигентнее!

Показали.

- Дерюга!- говорю.

Они обижаются.

- Простите, но у нас - на полное подобие ‘Мюр-Мери-лиза’, а вы такие шарлатанские слова...

А я от воздуха прямо демон стал.

- Какие такие Лиза, Мери, Мура?! Я вам русским языком говорю: дайте мне белые штаны, как у эфиопских моряков.

Каша заварилась. Уже подплывает милицейский тип и по просьбе Муур-Подлизы берет меня за руку.

- Стыдно,- говорю я ему в восторге,- сами вы еще поросенок, а смушковый берет на голове носите!

Почему, морда, не встречаешь весну в штанах Вакханю?

Тип только пуговицами заблескотал и сразу сделался официальный.

- Нам,- говорит,- такого приказа не вышло. Вы же за это пострадаете и весну не в штанах встретите, а в строжайшей изоляции. Извозчик, в 146-е отделение!

- Позвольте,- умоляю,- сделать заявление. Я, может быть, от одного воздуха пьяный!

- Смотря где дышали!- смеется тип в пуговицах.

Вот и все. Небеса на дыбах ходят, тротуары блестят, как сапоги, воробьи кричат 'дыр-ды-ра', а меня везут в 146-е отделение на протокол.

Остап закрыл лицо руками.

- Посадили?- выдохнул Сеня.

- Отпустил через два квартала... Но я обещал рассказать тебе, как делается весна.

Остап встал и уже не садился на протяжении всего рассказа. Как натура глубоко артистичная он, сам того не замечая, говоря о зиме, дрожал у двери, а со словами о весне перемещался ближе к печке.

- После брючного магазина на борьбу с климатом выходят гастрономические магазины. В день, ознаменованный снежной бурей,- вещал Остап, ежась у двери,- в окне роскошнейшего из кооперативов появляется первый огурец. Нежно-зеленый и прыщеватый, он косо лежит среди холодных консервных банок и манит к себе широкого потребителя. Долго стоит широкий потребитель у кооперативного окна и пускает слюни. Тогда приходит узкий потребитель в пальто с воротничком из польского бобра и, уплатив за огурец полтора рубля, съедает его. И долго еще узкий потребитель душисто и нежно отрыгивает весной и фиалками,- командор шагнул к печке.- Знаешь, Сеня, может быть когда-нибудь полки магазинов будут ломиться от огурцов всю зиму. Но потребитель всегда будет делиться на широкого и узкого. И все, даже самые возвышенные идеи, планы, мечты, в конечном счете сводятся к желанию перейти из широких потребителей в узкие... Да... Через неделю в универмагах поступают в продажу маркиzet, вольта и батист всех оттенков черного, серого, бульжного, грифельного, аспидного, наждачного, чугунного, коксового, торфяного, земляного, жмыхового, мусорного и того цвета, который в старину назывался 'сон разбойника'. Отныне не приходится больше сомневаться в приближении весны. Горячие головы начинают даже толковать о летних путешествиях. О летних, заметьте, Сеня, летних,- управдом легкомысленно оперся о печку.

И хотя снежные вихри становятся сильнее и снег трещит под ногами, как гравий,- весенняя тревога наполняет город.

Универмаги делают еще одну отчаянную попытку. Они устраивают большие весенние базары. Зима отвечает на это ледяным ураганом, большим апрельским антицикло-ном. Снег смерзается и звенит, как железо. Морозные трубы вылетают из ноздрей и ртов граждан.

Сеня придвинулся поближе к печке. Остап продолжал:

- В это время на всех углах появляются старухи, продающие средство от пота ног. 'При средней потливости, а также подмышек!'- кричат они. Кричат слишком громко и поэтому никогда ничего не заработают. Когда же минеральные стельки 'Арфа', радикально предохраняющие от пота ног, появляются в универмагах, то горячие головы и энтузиасты покупают их и радостно убеждаются в том, что соединенными усилиями мороза и кооперации качество стелек поставлено на должную высоту - ноги действительно не потеют.

А снег все падает. Не обращая на это внимания, вечерняя газета объявляет, что прилетели из Египта первые весенние птички - колотушка, бибрик и синайка.

Читатель теряет. Он только что запасся саженью дров сверх плана, а тут на тебе - прилетели колотушка, бибрик и синайка, птицы весенние, птицы, которые в своих клювах приносят голубое небо и жаркие дни. Но, поразмыслив и припомнив кое-что, читатель успокаивается и закладывает в печь несколько лишних поленьев.

Он вспомнил, что каждый год читает об этих загадочных птичках, что никогда они еще не делали весны и что само существование их лежит на совести вечерней газеты.

Тогда 'вечорка' в отчаянии объявляет, что на Большой Ордынке, в доме №93, запел жук-самец и что более явственного признака прихода весны и требовать нельзя. В этот же день раздражается певучая

снежная метель, и в диких ее звуках тонут выкрики газетчиков о не вовремя запевшем самце с Большой Ордынки.

- Но ведь приходит же весна когда-нибудь!- воскликнул Сеня.

- Да,- кротко согласился Остап.

Наконец грачи начинают тяжело реять над городом и по оттаявшим железным водосточным трубам с грохотом катятся куски льда. Наконец граждане получают реванш за свою долготерпеливость. С удовольствием и сладострастием они читают в отделе происшествий за 22 апреля:

Несчастный случай. Упавшей с дома № 18, по Кузнецкому мосту, громадной сосулькой тяжело изувечен гражданин М.Б. Мемфисов Туманский, ведший в вечерней газете отдел 'Какая завтра будет погода'. Несчастный отправлен в больницу.

Повеселевшие граждане с нежностью озирают ручейки, которые, вихляясь, бегут вдоль тротуарных бордюров, и даже начинают с симпатией думать о Мемфисове-Туманском, хотя этот порочный человек с февраля месяца не переставал долбить о том, что весна будет ранняя и дружная. И граждане убеждаются в том, что весна действительно не только наступила, но уже и прошла. Впрочем, найдется дурак-редактор, который в конце весны запальчиво проинформирует читателя о том, что Москва надежно обеспечена дровами и калошами,- Остап швырнул шарф на кровать, но тот долетел только до печки. Сеня попытался спасти его.

- Черт с ним!- воскликнул великий комбинатор.- Зиме конец!

Вдруг дверь распахнулась. Снежный вихрь ворвался в сторожку. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоял Афанасий.

- Дозвольте погреться, Остап Ибрагимович, уж больно холодно.

Дверь он не закрывал на тот случай, если не позволят.

- Да входи ты, ч-черт!- прикрикнул управдом.- Дверь закрой!

- Вот вы все ругаетесь,- умиротворенно пробормотал Афанасий, прилаживаясь к печи, а давеча мне, как в старопрежние времена, душу обогрели. Не иначе как кто-то из жильцов из бывших будет.

Остап встрепенулся.

- Что-о? Кто?!

- Кто - не знаю, а только из бывших - это точно.

- Да с чего ты взял-то?

- Не знаю, с чего, да только из образованных.

После долгого перекрестного допроса Остап и Сеня выяснили следующее: вчера, у парадного подъезда жалился Афанасий знакомой бабе на тяжкую болезнь матушки и нехватку денег на неизбежные похороны. В эти полчаса мимо прошли почти все жильцы. Кто-то останавливался и выспрашивал подробности. Другие, спросив, сколько лет старушке, солидно заключали: 'Ну, пожила'. Большинство молча проходило мимо...

- С чего ж ты взял-то, что кто-то из них дворянин?- раздраженно перебил дворника управдом.

- Дворянин ли, из купеческих ли, из духовных, - не знаю, а только когда жилтоварищество на червонец помощи оказывало, замучился в ведомостях крестики ставить.

- Да причем тут ведомости!!!- заорал Остап.

Афанасий достал два смятых червонца.

- Вот, кто-то в карман подсунул и без единого словечка. Сразу видно, образованный человек. И верующий. Истинно сказано в святом писании, '...когда творишь милостыню, пусть даже левая рука твоя не ведает, что творит правая'.

- Не пойму,- спросил Сеня, когда за Афанасием закрылась дверь,- почему он решил, что деньги ему подсунул непременно кто-то из бывших. Почему этого не мог сделать обычный советский человек?
- Советский?!- Остап бросился к шкафу, разворошил стопку газет и пихнул Сене два номера. На первых полосах обеих красовались статьи с одинаковым названием: 'Левая рука не ведает, что творит правая'. Одна из них клеймила нехватку в розничной торговле черных брючных пуговиц, другая обсуждала работу котельных.
- Афанасий прав! Прав, прав,- бормотал Бендер, меряя сторожку шагами.- Лед тронулся, господа присяжные заседатели! Лед тронулся!
- Остап Ибрагимович, почему это вас так взволновало?- удивленно спросил Сеня.
- Меня? Что? Нисколько.
- Остап Ибрагимович, кем вы были раньше?- вдруг спросил Арсений.
- Я? Кем я был... Конcessionером треста 'Остап и Киса' по добыче бриллиантов из стульев. Командором крейсера 'Антилопа-Гну'. Можете иногда называть меня командором, мне это нравится... Потом объехал всю страну, от Кандалакши до Кушки, давая концерты граммофонных пластинок. В общем, графа Монте-Кристо из меня не вышло – пришлось переквалифицироваться в управдомы.
- А что впереди?
- Впереди? Впереди роман моей жизни.
- О чем?
- О мальчике, украденном из знатной семьи. Он вырос и, желая разбогатеть, взялся разыскивать пропавшего лет тридцать назад ребенка богатых родителей, - Остап вздохнул.- Оказалось, самого себя... Ну а вы, баловень судьбы... найдется ли в вашей безоблачной биографии хотя бы один факт, способный развеселить публику?
- Развеселить - пожалуй, - ответил Сеня.

Глава 7

СИНИЙ ДЬЯВОЛ

- Ну что ж, командор, откровенность за откровенность. В 17 лет я уехал из дома на одну из первых 'великих' строек. По причине 'шибкой грамотности и хилого здоровья', как говорил наш комиссар, работал кладовщиком, счетоводом, бухгалтером. Заочно закончил ТПРУ...
- Что-нибудь из области социалистического коневодства?- весело перебил Остап.
- Нет, технический пролетарский университет... Писал статьи о стройке и быте рабочих. Организовал губернский штаб Осоавиахима. Членский билет №96. Грамоты в сундучке. В двенадцатую годовщину революции летал на воздушном шаре докладывать о завершении строительства третьей очереди завода. В середине маршрута штурмана сняли по болезни, так что доставил делегацию и собственноручно посадил шар на Красной площади.
- Через пару лет отправили на повышение в Москву в трест цветных металлов. Намечалась славная карьера управленца. Но... совслужба и поэта в одну телегу впрячь не можно.
- Ну, и на чем же прокололся поэт?
- На стройке, в стенгазете, я, так сказать, в процессе разоблачения, обличения и срывания всяческих масок с мещанства писал рассказы о некоем воображаемом провинциальном городке. А в Москве самые безобидные из них доработал и опубликовал.
- Сеня порылся в сундучке и достал старый номер юмористического журнала.

- Вот они, рассказы. О городе и тот самый, злополучный. 'Синий дьявол'.

Не спросив разрешения, Сеня начал читать. Читал он быстро, сбивчиво, поминутно поднимая глаза на Остапа.

Город и его окрестности

Не находя нужным облекать таинственностью историю Колоколамска, довожу до сведения читателей, что:

а) Колоколамск действительно существует;

б) ничего общего с Волоколамском не имеет и

в) находится он как раз между двумя дружественными и союзными республиками, так что из-за взаимной вежливости не нанесен на географические карты ни одной из них.

Но автору, после долгого путешествия, включавшего несколько пересадок с поезда на телегу и снова на поезд, удалось добраться до Колоколамска, пожить там в отеле 'Ряжск' и даже снять генеральный план с этого удивительного города.

Как видно из плана, славный город Колоколамск привольно и живописно раскинулся на левом берегу мелководной реки Збруи. В XIV веке конюх Колоколамского князя Андрея Себялюбского, напившись византийской водки, уронил в речку сбрую княжеского мерина. Упряжь утонула, и с тех пор река получила название Збруи.

Со времени этого события прошли века, Себялюбская площадь давно переименована в Членскую, и легенду о потоплении сбруи знает только гражданин Псов, который и рассказал ее автору за бутылкой в пивной 'Жаре навстречу'.

В реку Збрую впадает ничтожная речушка Вожжа. О ней ничего не удалось узнать, ибо гражданин Псов соглашался продлить свои воспоминания только после угощения во всех пивных, расположенных на Большой Месткомовской улице. Однако, не пройдя и половины пути, гражданин Псов потерял дар речи, не оправдав возложенных на него надежд.

Упомянутая Большая Месткомовская улица является главной артерией города. Она соединяет железнодорожную станцию с Членской площадью, а затем спускается к реке.

Восточная часть города справедливо гордится двумя улицами - Бездокладной и Землетрясенческой. Последнюю назвали не так давно в честь очередного землетрясения в Японии.

Из переулков самым большим здесь является Похотливый переулок с прекрасными индивидуальными банями.

Обойдя молчанием ничем не выдающиеся Мелколавочный, Малосольный и Малохольный переулки, отметим темное пятно города - Приключенческий тупик. Он получил свое название из-за происходящих в нем ежевечерних ограблений запоздалых путников, которые заползают сюда в пьяном виде.

Западная часть города состоит из трех улиц и одного переулка. Широкий, прямой, как стрела, Крестовыдвиженческий проспект украшен новой Кресто-выдвиженческой церковью. Единодушная улица и продолжение ее - Единогласная - соединяются с южной частью города Досадным переулком. Между Единодушной и Единогласной высится каланча и милицейская часть.

Южная, она же привокзальная часть Колоколамска отличается красотой расположенного на ней бульвара имени Лошади Пржевальского, который горожане почему-то называют 'Старорежимным'. Кроме того, это самая фешенебельная часть города. Здесь находится Спассо-Кооперативная площадь с лжепромысловой артелью 'Личтруд' под председательством мосье Подлинника, воензированные курсы декламации и пения под руководством товарища Синдик-Бугаевского, старинный храм

Выявления Христа, оживленная Гигроскопическая улица с великолепным, но, к сожалению, все еще незаконченным зданием здравницы 'Все за лечобу'.

Особенно поражают на Спассо-Кооперативной площади памятник Тимирязеву и могила неизвестного частника. Великий агроном и профессор ботаники скачет на чу-гунном коне, простерши вперед правую руку с зажатым в ней корнеплодом. Четырехугольная с кистью шапочка доктора Оксфордского университета косо и лихо сидит на почетной голове ученого. Многопудовая мантия падает с плеч крупными складками. Конь, мощно стянутый поводьями, дирижирует занесенными в самое небо копытами. Великий ученый, рыцарь мирного труда, сжимает круглые бока своего коня ногами, обутыми в гвардейские кавалерийские сапоги со шпорами, звездочки которых напоминают штампованную для супа морковь.

Удивительный монумент украшает город с прошлого года. Воздвигая его, жители города подражали Москве. В стремлении добиться превосходства над столицей, поставившей у Никитских ворот пеший памятник Тимирязеву, город Колоколамск заказал скульптору Шацу конную статую. Весь город, а вместе с ним и скульптор Шац, думали, что Тимирязев - герой гражданских фронтов в должности комбрига.

Шац на время забросил обязанности почтальона, которые обычно исправлял ввиду затишья в художественной жизни города, и в четыре месяца отлил памятник. В первоначальном своем виде Тимирязев держал в руке кривую турецкую саблю. Только во время приема памятника ко-миссией выяснилось, что Тимирязев был человек партикулярный. Саблю заменили большой чугунной свеклой с длинным хвостиком, но грозная улыбка воина осталась. Заменить ее более штатским или ученым выражением оказалось технически невыполнимым. Так великий агроном и скачет по просторной Спассо-Кооперативной площади, разрывая шпорами бока своего коня.

Что же касается могилы неизвестного частника, то ее история не менее занятна.

В начале нэпа в Колоколамск приехал никому не известный частник за конским волосом. Весь день он ездил по городу, закупаая свой товар, к вечеру внезапно упал с извозчика на Спассо-Кооперативной и скоропостижно скончался. Документов при нем не оказалось.

Не желая отставать от Парижа, Брюсселя и Варшавы, устроивших у себя могилы неизвестных солдат, но не имея возможности раздобыть солдата (никто из колоколамцев никогда не воевал), горожане зарыли неизвестного частника на площади и зажгли на его могиле неугасаемый огонь. Таков Колоколамск, в существовании которого, можно надеяться, никто теперь не усомнится.

Синий дьявол

В сентябре месяце в Колоколамск вернулся из Москвы ездивший туда по торговым делам доктор Гром. Он прихрамывал и сверх обыкновения прикатил со станции домой на извозчике. Обычно доктор приходил со станции пешком.

Гражданка Гром чрезвычайно удивилась этому обстоятельству. Когда же она заметила на левом ботинке мужа светлый рубчатый след автомобильной шины, удивление ее увеличилось еще больше. - Я попал под автомобиль,- сказал доктор Гром радостно,- потом судился.

И доктор-коммерсант, уснащая речь ненужными подробностями, поведал жене историю своего счастья.

В Москве, у Тверской заставы, фортуна, скрипя автомобильными шинами, повернулась лицом к доктору Грому. Сияние ее лица было столь ослепительно, что доктор упал. Только поднявшись, он понял, что попал под автомобиль. Доктор сразу успокоился, почистил испачкавшиеся брюки и закричал:

- Убили !

Из остановившего синего 'паккарда' выпрыгнули мужчина в опрятном котелке и шофер с коричневыми усами. Пестрый флажок небольшой соседней державы трепетал над радиатором оскандалившегося автомобиля.

- Убили !- твердо повторил доктор Гром, обращаясь к собравшимся зевакам и указуя перстом на владельца котелка.

- А я его знаю,- сказал чей-то молодецкий голос.- Это посол страны Клятвии. Клятвийский посол. Суд произошел на другой же день, и по приговору его клятвийское посольство повинно было выплачивать доктору за причиненное ему увечье по сто двадцать рублей в месяц.

По этому случаю доктор Гром пировал с друзьями в Колоколамске три дня и три ночи подряд. К концу пирушки заметили, что исчез безработный кондитер Алексей Елисеевич.

Не успели утихнуть восторги по поводу счастливого поворота судьбы доктора Грома, как новая сенсация взволновала Колоколамск. Вернулся Алексей Елисеевич. Оказалось, что он ездил в Москву, попал там по чистой случайности под синий автомобиль клятвийского посольства и привез приговор суда.

На этот раз посольство повинно было выплачивать кондитеру за причиненное ему увечье по сто сорок рублей в месяц, как обремененному большой семьей.

На радостях кондитер выкатил народу бочку пива. Весь Колоколамск стряхивал с усов пивную пену и прославлял жертву уличного движения.

Третья жертва обозначилась через неделю. Это был заведующий курсами декламации и пения Синдик-Бугаевский. Он действовал с присущей его характеру прямоотой. Выехав в Москву, он направился прямо к воротам клятвийского посольства и, как только машина вывалилась на улицу, подставил свою ногу под колесо. Синдик-Бугаевский получил довольно тяжелые ушибы и сторублевую пенсию по гроб жизни.

Только тут колоколамцы поняли, что их город вступил в новый, счастливейший период своей жизни. Найденную доктором Громом золотonosную жилу граждане принялись разрабатывать с величайшим усердием.

На отхожий промысел в Москву потянулись все - умудренные опытом старики, молодые частники, ученики курсов декламации и уважаемые работники. Особенно пристрастились к этому делу городские извозчики в синих жупанах. Одно время в Колоколамске не работал ни один извозчик. Все они уезжали на отхожий. С котомками на плечах они падали под клятвийскую машину, отлеживались в госпиталях, а потом аккуратно вносили с посольства установленную сумму.

Между тем в Клятвии разразился неслыханный финансовый кризис. Расходы по содержанию посольства увеличились в такой степени, что пришлось урезать жалование государственным чиновникам и уменьшить армию с трехсот человек до пятнадцати. Зашевелилась оппозиционная правительству партия христианских социалистов. Председатель совета министров, господин Эдгар Левиафьяйнен-Расторгуевс, непрерывно подвергался нападкам оппозиционного лидера господина Суупа.

Когда под клятвийскую машину попал тридцатый по счету гражданин города Колоколамска, Никита Псов, и для уплаты ему вознаграждения пришлось закрыть государственную оперу, волнение в стране достигло предела. Ожидали путча со стороны военной клики.

В палату был внесен запрос:

- Известно ли господину председателю совета министров, что страна находится накануне краха?

На это господин председатель совета министров ответил:

- Нет, неизвестно.

Однако, несмотря на этот успокоительный ответ, Клятвии пришлось сделать внешний заем. Но и заем был съеден колоколамцами в какие-нибудь два месяца.

Шофер клятвийской машины, на которого уповало все государство, проявлял чудеса осторожности. Но колоколамцы необычайно навестились в удивительном ремесле и безошибочно попадали под машину. Рассказывали, что шофер однажды удирал от одного колоколамского дьякона три квартала, но сметливый служитель культа пробежал проходным двором и успел-таки броситься под машину. Колоколамцы затаскали Клятвию по судам. Страна погибала.

С наступлением первых морозов из Колоколамска потащился в Москву председатель лжеартели 'Личтруд' мосье Подлинник. Он долго колебался и хныкал. Но жена была беспощадна. Указывая мужу на быстрое обогащение сограждан, она сказала:

- Если ты не поедешь на отхожий, я брошусь под поезд.

Подлинника провожал весь город. Когда же он сел в вагон, побывавшие на отхожем колоколамцы кричали:

- Головой не попади! Телега тяжелая! Подставляй ножку!

Подлинник вернулся через два дня с забинтованной головой и большим, как расплывшееся чернильное пятно, синяком под глазом.левой рукой он не владел.

- Сколько?- спросили сограждане, подразумевая под этим сумму пенсии из отощавшего клятвийского казначейства.

Но председатель лжеартели вместо ответа беззвучно заплакал. Ему было стыдно рассказать, что он по ошибке кинулся под автомобиль треста цветных металлов, что шофер вовремя затормозил и потом долго бил его, Подлинника, по голове и рукам американским гаечным ключом.

Вид мосье Подлинника был настолько страшен, что колоколамцы на отхожий промысел больше не ходили.

И только этот случай спас Клятвию от окончательного разорения.

Арсений замолчал.

- Ай-яй-яй! Какая бестактность! Зачем же вы свой родной трест приплели?- спросил Остап.- Неужто шофер обиделся?

- До сих пор не знаю,- сказал Сеня.- Но на другой день в стенгазете появилась заметка, в которой говорилось, что коллектив треста цветных металлов рассматривает этот рассказ как возмутительный факт и выпад против коллектива треста. Что, во-первых, тень, брошенная на персонального шофера директора, не может не упасть и на директора, а во-вторых, шофер директора пользуется не американским, а нашим, советским гаечным ключом. В редколлегии мне предложили подписать отмежовку.

- Да, это, конечно, был не шофер,- усмехнулся Бендер.

- Помню ее наизусть. 'Считаю мой рассказ 'Синий дьявол' реакционным как по содержанию, так и по форме, представляющим собой развернутый документ узколобого кретинизма и мещанской пошлости. Сейчас я нахожусь в развернутой стадии перестройки и работаю над идеологически выдержанным рассказом 'Бокситы и цинкование' (название условное), с каковой целью выезжаю на месторождение этого полевого шпата. Арсений Изаурик.' Я послал редактора к черту. В тот же день было общее собрание, где меня заклеили самым страшным образом. Меня называли паршивой овцой, которая портит все беспорочное стадо, сравнивали с ложкой дегтя, тонко подчеркивая таким образом, что все остальные, сидящие тут, представляют собой не что иное, как бочку душистого меда. Перечислялись деяния паршивой овцы и паршивой ложки. Один оратор договорился даже до того, что назвал мой рассказ вылазкой. Чьей вылазкой и куда именно вылазкой, он не сказал. Другой

обвинил в ползучем эмпиризме. Но ведь это очень обидно – ползучий эмпиризм, вроде стригущего лишая. А культкомиссия отобрала путевку в дом отдыха. Я плюнул на все, взял давно причитавшийся отпуск и поехал в Ялту.

И знаете, Остап Ибрагимович, когда у меня впервые за многие годы оказались две свободные недели, я внезапно заметил, что мир красив и что население тоже красиво, особенно его женская половина. И тут же встретил Люсю. И почувствовал, что если сейчас же не приму решительных мер, то уже никогда в жизни не буду счастлив, умру вонючим холостяком в комнате, где под кроватью валяются старые носки и бутылки.

Неделю я гулял с Люсей по сильно пересеченной местности на берегу моря.

Я изо всех сил старался понравиться. Конечно, говорил грудным и страстным голосом, конечно, нес всякий вздор, даже врал, что челюскинец и лучший друг Отто Юльевича Шмидта. Я предложил руку, комнату в Москве, сердце, отдельную кухню и паровое отопление. Люся подумала и согласилась.

А в Москве мы купили ветку сирени и пошли в загс расписываться в собственном счастье.

Известно, что такое загс. Не очень чисто. Не очень светло. И не так чтобы уж очень весело, потому что браки, смерти и рождения регистрируются в одной комнате. Первое, что мы увидели в загсе, был укоризненный плакат на стене:

ПОЦЕЛУЙ ПЕРЕДАЕТ И Н Ф Е К Ц И Ю

Висели еще на стене адрес похоронного бюро и заманчивая картинка, где были изображены в тысячекратном увеличении бледные спирохеты, бойкие гонококки и палочки Коха. Очаровательный уголок для венчания.

В углу стояла грязная, как портянка, искусственная пальма в зеленой кадучке. Это была дань времени. Так сказать, озеленение цехов. О таких штуках в газетах пишут с еле скрываемым восторгом: 'Сухум в Москве. Загсы принарядились'.

Служащий загса рассмотрел наши документы и неожиданно вернул их назад.

- Вас нельзя зарегистрировать.

- То есть как нельзя?- спросил я.

- Нельзя, потому что паспорт вашей гражданки выдан в Ялте. А мы записываем только по московским паспортам.

- Что же мне делать?

- Не знаю, гражданин. По иногородним паспортам не регистрируем.

- Значит, мне нельзя полюбить девушку из другого города?

- Не кричите вы, пожалуйста. Если все будут кричать...

- Я не кричу, но ведь выходит, что я имею право жениться только на москвичке. Какое может быть прикрепление в вопросах любви?

- Мы вопросами любви не занимаемся, гражданин. Мы регистрируем браки.

- Но какое вам дело до того, кто мне нравится? Вы что же, распределитель семейного счастья здесь устроили? Регулируете движения души?

- Потихонечку, гражданин, насчет регулирования движения! Не хулиганьте здесь и не нарушайте порядок.

- Я нарушаю порядок?- закричал я.- Значит, любовь уже больше не великое чувство, а просто нарушение порядка? Хорошо. Пойдем отсюда, Люся.

- Знаешь что,- сказала она мне на улице,- ты меня любишь, и я тебя люблю. Ты не ханжа, и я не

ханжа. Будем жить так.

Действительно, если вдуматься, то с милым рай и в шалаше.

Стали жить 'так'.

Но с милым рай в шалаше возможен только в том случае, если милая в шалаше прописана и занесена шалашеуправлением в шалашную книгу. В противном случае возможны довольно мрачные варианты.

Любимую не прописали в доме, потому что у нее не было московского паспорта. А московский паспорт она могла получить только как моя жена. Моей женой она не была. Но загс мог признать ее женой только по предъявлении московского паспорта. А московский паспорт ей не давали потому, что мы не были зарегистрированы в загсе. А жить в Москве без прописки нельзя. А...

Таким образом, рай в шалаше на другой же день превратился в ад. Люся плакала и при каждом стуке в дверь вздрагивала - вдруг появятся косматые дворники и попросят вон из шалаша. 'Лучший друг' Отто Юльевича Шмидта представлял собой жалкое зрелище. Я был небрит. Глаза светились, как у собаки. Где ты, теплая черноморская ночь, громадная луна и первое счастье?!

Наконец я схватил Люсю за руку и привел в милицию.

- Вот,- сказал я, показывая пальцем на жену.

- Что вот? - спросил делопроизводитель, поправляя на голове войлочную каску.

- Любимое существо.

- Ну и что же?

- Я обожаю это существо и прошу его прописать на моей площади.

Произошла тяжелая сцена. Она ничего не добавила к тому, что уже было известно.

- Какие же еще доказательства вам нужны? - надрывался я. - Ну, я очень ее люблю. Честное слово, не могу без нее жить. И могу ее поцеловать, если хотите.

Не отводя лстивых взоров от делопроизводителя, мы поцеловались дрожащими губами. В милиции стало тихо. Делопроизводитель застенчиво отвернулся и сказал:

- А может, у вас фиктивный брак? Просто гражданка хочет устроиться в Москве.

- А может быть, не фиктивный? - уже застонал я. - Об этом вы подумали? Вот вы за разбитое стекло берете штраф, а мне кого штрафовать за разбитую жизнь?

В общем, я взял высокую ноту и держал ее до тех пор, пока не выяснилось, что счастье еще возможно, что есть выход. Достаточно поехать к месту жительства любимой, снова в Ялту, всего только за тысячу пятьсот километров, и все образуется. С московским паспортом загс регистрирует мои порывы, и преступная любовь приобретет наконец узаконенные очертания.

Я прибежал в трест, чтобы выпросить дополнительный отпуск для устройства семейных дел. Все от меня шарахались, а когда я оказался около стенгазеты, вдруг замерли. В заметке говорилось, что Арсений Изаурик продолжает свою антиобщественную деятельность, в трудный для страны момент разъезжая по курортам и устроив в служебной комнате притон, по причине чего комната, занимаемая им, должна быть очищена в течение 24 часов. А сам гражданин Изаурик подлежит увольнению. Из отпущенного до прихода милиции срока у меня оставалось часа четыре, я бросился домой, отвез Люсю на вокзал, что-то наобещал и отправил ее, горемычную, в Ялту.

Сеня глубоко вздохнул и продолжил:

- Насколько я знаю, она уже вышла замуж и вполне счастлива.

Я устроился на железную дорогу обходчиком. Жил в будке. Жил неплохо.

А в начале прошлого года в том же юмористическом журнале появилась фотография наркома просвещения. Он читал журнал и заразительно хохотал. Ниже приводились его слова: 'Побольше бы таких рассказов, как 'Синий дьявол'. Поддерживать надо молодых авторов'. Журнал поступил в

киоски в 7 утра, а уже в десять часов в моей будке появился директор треста цветных металлов тов. Аблакуев и доложил, что состоялись экстренные заседания правления треста, парткома, месткома, комсомольской организации и совета бывших политкаторжан, на которых принято постановление: немедленно восстановить меня на работе с повышением, выдать путевку в ялтинский дом отдыха, устроить торжественный бал-заседание по поводу годовщины моей безупречной деятельности, уволить редактора стенгазеты, опорочившего честного человека. На возвращение комнаты директор просил двадцать четыре часа в связи с необходимостью выселения многодетного шофера. Я от всего отказался и добавил, что посоветуюсь с читателями журнала о том, за чей счет я должен получить квартиру. Директор сразу же дополнил протоколы еще одним пунктом: о выделении тов.Изаурику квартиры в кооперативе 'Жилец и бетон' за счет треста цветных металлов. На том и сошлись. В редакцию я не пошел. А работа обходчика мне понравилась. Маневровые паровозы свистят, стрелки гремят... Тихо, спокойно. И деревце под окном будки... А истерики и подмасленное пальцецо - это так, камуфляж для жилкооператива. Потому что имел неосторожность раньше времени подписать бумажку, что не имею к тресту претензий.

Сеня умолк.

- Ну что ж, действительно веселая история,- подытожил Бендер и крепко сжал Сенино плечо.- А теперь пора спать. Завтра трудный день: принимаем жильцов. Долгонько я их ждал,- промурлыкал он, засыпая.

Глава 8

РАЗБИТАЯ СКРИЖАЛЬ

Новый кооперативный дом был чист и свеж, как невеста. Сверкали стекла. Одурающе пахли краской перила. Партия полотеров оставляла за собой длинные охряные следы сияющей мастики. Монтеры вправляли последние лампочки в патроны. А с дверей и плинтусов не успели еще сойти известковые брызги.

Первыми вселились Протокозовы.

Протокозову удалось вырвать прелестную трехкомнатную квартиру, окнами на юг, с газовой плитой, ванной и комфортабельной уборной.

Когда Протокозов втискивал в дверь первый стол, душа его наполнилась чувством гордости и умиления.

- Наконец-то,- сказал он жене,- наконец-то мы заживем, как люди. В совершенно отдельной квартире! Одни, совсем одни!

В глазах жены стояли слезы.

- Здесь будет спальня,- заметил Протокозов.- Комната, правда, не особенно большая, но зато очень хорошенькая и теплая. А вот это столовая и мой кабинет. Здесь мы сможем принимать гостей.

Правда, милая?

Жена тихо плакала.

- А вот здесь,- сказал Протокозов с благородной дрожью в голосе,- в этой малюсенькой комнате мы поместим нашего дядю Силантия.

- Бедный дядя,- вздохнула жена,- наконец-то и он сможет зажить, как человек.

Дядя Силантий Арнольдич жил в огромной и пыльной, как канцелярия воинского начальника, квартире на Плющихе, совместно с тридцатью пятью другими жильцами. Занимал дядя бывшую ванную - крохотную, совершенно темную комнату без окон.

В течение целого дня Силантий Арнольдич таскал в квартиру племянницы вещи. Таскал сам, надрываясь под тяжестью облезших этажерок и винтовых табуретов красного дерева.

- Зачем это, дядя?- поморщился Протокотов, столкнувшись с пыхтящим дядей в дверях.- Почему вы мне не сказали про этот комод? Я бы нанял носильщика, и дело с концом.

- Что ты! Что ты!- зашептал дядя, прикрывая хилым старческим телом допотопный комодик.- Какие теперь носильщики!

Испуганно оглядываясь, дядя Силантий впихнул комодик в свою новую комнату и заперся на ключ.

- Странный какой-то дядя Силантий,- сказал Протокотов жене, ложась спать.- Впрочем, обживется, привыкнет.

Но Силантий Арнольдич не привык.

Утром Протокотов увидел в чистенькой уютной уборной большое, написанное крупным ровным почерком объявление. Начиналось оно следующими словами:

ГРАЖДАНЕ !

ПОМНИТЕ, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ

НЕ ОДНИ !

ЛЮДИ ЖДУТ !

Дальше предлагалось не засорять унитаз бумагой и не бросать на пол окурков. Всего было пунктов восемь. Объявление кончалось угрозой, что если 'граждане жильцы' не будут исполнять правил, уборную придется закрыть.

Протокотов улыбнулся и сорвал объявление.

В полдень в уборной появилось новое объявление, написанное тем же почерком. Первые слова были такие:

ПРОШУ В ОБЩЕСТВЕННОЙ

УБОРНОЙ НЕ ХУЛИГАНИТЬ.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, ЧТО ВЫ ЗДЕСЬ

НЕ ОДИН !

Протокотов подумал, вытащил автоматическую ручку и написал в конце большими буквами слово 'дурак'.

В ответ появилось: 'От дурака слышу !'

Переписка продолжалась целый день.

Победил дядя, повесив на стену очень длинную, талантливо составленную инструкцию.

Дядя Силантий работал не покладая рук.

На следующий день Протокотов обнаружил в дивной эмалированной ванне старый матрас, примус и пыльную клетку из-под попугая.

А на входных дверях появилась бумажка:

ЗВОНИТЬ:

М.И. Протокозову - 8 р.

С.А. Ушишкину - 14 р.

Рядом с бумажкой Силантий Арнольдич пробил глазок, а с внутренней стороны приладил чугунный засов, толстую ржавую цепочку и длинную железную штангу.

Внизу, у дворницкой, Силантий вывесил воззвание, начинавшееся словами:

‘Граждане держатели кошек !’

Дядя требовал от граждан держателей, чтобы они надели на кошек намордники, обещая пожаловаться на ослушников управдому.

Коридорчик протокоотовской квартиры покрылся аккуратно приклеенными гуммиарабиком четвертушками бумаги.

‘Не топайте ногами,- требовал дядя,- вы не один’. ‘В общественной кухне петь воспрещается’.

‘Громкий разговор приравнивается к пению’. ‘Не бросайте окурков, бумажек и мусору. За вами нет уборщиц’.

- Это ужасно!- сказал Протокоотов жене.- Все стены изгадил клеем твой дядя.

- Раньше ты его называл ‘наш дядя’,- обиделась жена.

- Неважно, дорогая. Главное, что теперь придется красить всю квартиру.

После этого началось то, что происходит всегда с теми оригиналами, которые решают произвести в квартире небольшой, выражаясь официально, текущий ремонт.

Опустим описание того, как после хорошо организованной слежки Протокоотову удалось встретить мрачную фигуру с кистью и ведром и при помощи посулов и грубоватой лесты затащить ее к себе.

Фигура неторопливо и значительно оглядела объект работы и после долгого кряхтения заявила:

- Что ж, купоросить надо. Без купоросу никак нельзя. Купорос, он действие оказывает. Кругом себя оправдывает. Тут, значит, если не прокупоросишь, колеру правильного не будет. А можно и не купоросить.

- Так как же все-таки лучше?- подобострастно спросил наниматель.- С купоросом или без купороса?

- Ваше дело, хозяйское. Одни любят с купоросом, другие без купороса.

- Тогда на всякий случай прокупоросьте. А вот эту комнату я хотел бы выкрасить в желтый цвет, знаете, такой веселый, канареечный, солнечный. Может, и на дядю действие окажет,- сказал Протокоотов, незаметно переходя на жаргон маляра.

- Кроном, значит?- степенно отозвался маляр.- Это можно. Возьмем, значит, кроном и покрасим.

Кроном, значит, вот так возьмем и как есть покрасим. Кроном. Отделаем уж как полагается, хозяин. Другую комнату договорились выкрасить в светло-зеленый цвет. При этом маляр произнес непонятную речь о каком-то стронции, который тоже свое действие оказывает и кругом себя оправдывает.

Переговоры длились два часа. Бесконечно повторялось одно и то же. Маляр, задрав голову, подолгу смотрел на потолок, будто ждал, что оттуда пойдет дождь, цокал языком и сокрушенно взмахивал руками.

- Ну, кажется, все,- нервно сказал Протокоотов.- Во сколько же это обойдется?

И тут начался Художественный театр. Маляр закатил получасовую качаловскую паузу. У хозяина начало щемить сердце.

- Вот карточки отменили,- сказал наконец маляр.

- И очень хорошо,- оживился хозяин.- Какая же будет цена?

- Что ж, сделаем как следует. Значит, с твоим купоросом?

- Как с моим купоросом? Где же я вам возьму купорос?

- Этого мы, маляры, не знаем.

И все началось сначала. Маляр опять бродил из комнаты в комнату, вздыхал, мекал, хмыкал, чесался. В конце концов выяснилось, что он все может достать -и проклятый купорос, и крон, и белила, и даже загадочный стронций.

Но вот он назвал цену. Триста рублей. Цена ни с чем не сообразная, неестественная, глупая, обидная. Начался длительный, базарный азиатский торг. Попутно выяснилось, что маляр может работать только по вечерам.

Хозяин согласился на все. По вечерам так по вечерам, двести пятьдесят так двести пятьдесят. Только бы поскорее. Надоели эти грязные, заляпанные стены, вся эта чертовщина. Ночью Протокозовы работали: стаскивали в одно место мебель, снимали со стен картинки, пейзажи и натюрморты, связывали вещи в узлы. Завтра должен был явиться маляр ровно в шесть часов вечера.

Но его не было ни в шесть, ни в семь, ни в десять. Он не пришел. В эту ночь Протокозовы спали на узлах.

Зато на другой день маляр появился вовремя и привел с собой еще трех мастеров - двух стариков и мальчика. Мальчик, как и остальные, был в забрызганных мелом сапогах и громадном ватном пиджаке ('спинжаке'). Он тоже хмыкал, мекал и неясно выражался насчет благотворного действия купороса.

Весь этот трудовой коллектив снял пиджаки и расселся на перевернутых ящиках и ведрах посреди комнаты. Мастера пили чай и поглядывали на потолок. Потом потихоньку и стройно запели:

Эх, вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!

Степная удаль и тоска слышались в этой старинной разбойничьей песне. И сразу начало казаться, что в квартире разыгрывается какая-то сплошная хованщина, XVIII век, а может быть, даже XVI.

Напившись чаю и напевшись вдосталь, мастера надели пиджаки, снова их сняли и снова надели.

После этого они взяли у Протокозова двадцать пять рублей на приобретение крона и ушли. А мальчик остался купоросить. При этом он сразу же разбил стекло книжного шкафа и прожег каким-то неизвестным веществом малиновое сукно на письменном столе.

- Ты что, с ума сошел?- закричал Протокозов.

- Купорос, он колеру не любит,- пробормотало ужасное дитя.- Он свое действие оказывает, осадку дает.

- Это бред!- сказал хозяин.

И он был прав, начался бред.

В разрушенную квартиру маляры больше не вернулись. Очевидно, они удовлетворились полученным задатком.

Три дня несчастная семья на что-то надеялась. Потом знакомые порекомендовали некоего Вавилыча, кристального старика.

Кристальный старик пришел, с хватающей за душу медлительностью осмотрел комнаты и взялся сделать работу со своей олифой и кроном - все за двенадцать рублей. Тут же выяснилось, что почтенный старец смертельно пьян и за свои слова отвечать не может. Его с трудом вывели.

Проще всего было бы расставить мебель по местам и жить, как жили. Но сделать этого было нельзя. И стены, и потолок были вымазаны какой-то дрянью.

Привели еще одного мастера. Он тоже детально договорился обо всем, вошел во все мелочи, но в конце разговора присовокупил, что начать сможет только через месяц, так как уезжает в деревню на тещины именины.

И зачем он, собственно, приходил и потерял целый вечер на разговоры и чесание подмышек - непонятно. На кухне рыдала хозяйка.

- Неправильно сделали,- сказали бессердечные знакомые.- Вот когда те трое с мальчиком приходили, надо было их запереть и не выпускать из квартиры, пока не кончат работы.

- Если бы я знал!- вопил страдалец Протокотов.- Ах, если бы я знал! Уж я бы их...

Его утешали. Ему рассказывали интересные истории о печниках, о плотниках, о водопроводчиках, о перевозчиках мебели, о всей этой касте полукустарей, полуразбойников с топорами, клещами и малярной кистью, сохранившихся со времен боярской Руси.

Характерно, что на протяжении всей этой эпопеи Силантий Арнольдич в переговорах с дьяволами и бесами ремонта не участвовал по принципиальным соображениям.

Совместными усилиями друзей и знакомых квартиру привели в подобающий вид. А через неделю, в субботу, супруги Протокозовы были приглашены на дачу и вернулись только в понедельник.

В кухне было пусто, зато посередине любимой комнаты Протокозовых (столовой-кабинета-гостинной) стояла газовая плита. К ней была прилажена глупая коленчатая труба, которая тянулась через всю комнату и выходила в окно.

За два дня Силантий Арнольдич умудрился переделать гордость Протокозовых - газовую плиту - в буржуйку.

Привести буржуйку в прежнее состояние оказалось делом нелегким. Приезжали с газового завода, грозили выключить газ и взяли за переделку восемьдесят рублей.

Протокотов ворвался в комнату дяди Силантия и долго топал ногами. Старик испуганно мигал серенькими ресницами.

- Поймите же,- сказал Протокотов, смягчившись,- что объявления ваши не нужны. Мы в квартире одни, понимаете, одни! Ничего не нужно переделывать, дядя. Все благополучно. Поняли?

Старик почти не показывался из своей комнаты. Выходил он только тогда, когда Протокозовых не было дома, блуждал по квартире, пробовал дверные запоры и тайком привешивал новые объявления.

Еще через несколько дней, возвратившись ночью из театра и оставив дома ключ (свой Силантий Арнольдич давно потерял), супруги долго и безрезультатно звонили. Потом Протокотов догадался позвонить четырнадцать раз.

За дверью зашуршали валенками.

- Кто там? - встревоженно спросил Силантий.

- Это я. Откройте, дядя!

- Кто таков? - закричал Силантий нечеловеческим голосом.

- Да мы же, дядя, Варя и Михаил.

- Без управдома не пуцу! После одиннадцати вход воспрещен! - пискнул дядя.

- Пустите, ч-черт!..

Дверь не открывалась.

Протокотов попытался высадить дверь плечом. Дверь, укрепленная засовом и штангой трещала, но не сдавалась.

Протокотов стал колотить в дверь руками и ногами.

- Караул! - запел Силантий Арнольдич.

Собрались жильцы. Пришлось сходить за управдомом.

Бендер просунул под дверь управдомское удостоверение, и только после этого Силантий Арнольдич отодвинул засов, две щеколды, снял штангу и цепочку. Однако ключа спросонья он никак не мог найти. Бендеру пришлось прибегнуть к 'спецэффектам'.

- Замки,- говорил он, взясь с дверью,- открываются не только ключом, но и головной шпилькой, перочинным ножиком, пером 'рондо', обыкновенным пером, зубочисткой, ногтем, спичкой, примусной иглой, углом членского билета, запонкой от воротничка, пилкой для ногтей, ключом от будильника, яичной скорлупой и многими другими товарами ширпотреба... Если дверь просто толкнуть, то она, как правило, тоже открывается. Готово!

- Ого!- воскликнул Остап, войдя в квартиру.- Какие образцы пещерной каллиграфии! Настоящий поздний примитивизм! А вот здесь, Силантий Арнольдич, я поставил бы скульптуру 'Бронепоезд' в стиле ранних кубистов. Можно декорировать зеленью.

- Остап Ибрагимович, нам бы дубликат ключа!- взмолился Протокотов, отдиравший чугунный засов.

- Да-да. Конечно... Ай-яй-яй!- звучал с кухни голос управдома.- Недочет, Силантий Арнольдич, недочет! Где же инструкции: 'Мыть в раковине ноги запрещено' и 'Сморкаться воспрещается'? С вашим бы талантом, любезный, парадные лестницы оформлять: 'Первая ступенька', 'Вторая ступенька', 'Третья ступенька'... Всего 58 табличек.

Силантий Арнольдич бегал по квартире в поисках карандашей и возбужденно побрякивал.

- Ну разве это туалет?!- звенел голос Бендера, усиленный эхом унитаза.- Где угрозы по адресу нерадивых жильцов, забывающих о назревшей в эпоху культурной революции необходимости смывать за собой воду?! Где указания о наилучших размерах бумаги, при соблюдении коих уборная будет работать бесперебойно к благу всех жильцов?!

- Между прочим,- сказал Остап, возвращаясь в столовую-кабинет-гостинную,- был у меня знакомый старичок. Тоже сумасшедший. У него первенец родился без головного мозга. Так вот, врачи запретили ему иметь детей и у него это желание стало манией. За три часа до смерти он умудрился родить второго сына, а за час до смерти - еще троих. Кстати,- Остап обернулся к Протокотову,- старичка звали Средиземский Аполлинарий Спиридонович. Не слышали о таком?

- Не-ет...- покачал головой Протокотов. Он наконец разделался с засовом.- Как же насчет дубликата, Остап Ибрагимович?

- Сделаем,- ободряюще сказал Бендер.- Причем бесплатно. Как жертве стихийного бедствия со взломом.

Однако дубликат Протокотовым не понадобился.

Целый день Силантий Арнольдич таскал вещи обратно на Плющиху. Таскал сам, надрываясь под тяжестью этажерок и винтовых табуретов.

Остановившись на лестнице отдохнуть, он снимал старомодное золотое пенсне и испуганно мигал серенькими ресницами.

Глава 9

МОСКОВСКИЕ АССАМБЛЕИ

Мадам Молокович проснулась поздно, в первом часу. Муж давно уже был на службе. В комнате было отвратительно. На столе громоздилась оставшаяся после ужина грязная посуда (мадам Молокович поленилась ее вымыть и оставила до утра, когда придет домработница). На стульях валялись юбка, чулки и бюстгалтер. На диване лежал корсет, похожий на летательную машину Леонардо да Винчи. Угол одеяла съехал с постели на пол. В раскрытой дверце зеркального шкафа отражалось опухшее после сна лицо и гривка неестественно желтых стриженных волос. На затылке просвечивались корни волос природного цвета - черные.

- Нью-ура!- крикнула мадам Молокович.- Нью-ур!

- Иду-у!

И в комнате появилась домработница Нюра. На лице ее было выражение напряженного страха и преданности.

- Подымите сторы,- сказала мадам Молокович.- Да подождите, не топайте ногами, как лошадь. Сначала уберите посуду. Да не гремите вы подносом... Гос-поди, несчастье мое... Подождите, говорят вам! Поставьте посуду на место.

Нюра повиновалась.

- На рынке были?

- Были,- покорно ответила Нюра.

- Принесите сдачу. Да погодите, господи, горе мое, куда вы уходите?.. Сначала посчитаем. Сколько я вам вчера дала? Пять рублей?

- Пять.

- Что же вы купили?

Нюра привычно загнула шершавый, как наждачная бумага, указательный палец. Началось самое мучительное- утренние расчеты.

- Да погодите вы, гос-поди, не болбочите, как индюшка, ничего понять нельзя. Так, значит, мясо один рубль шестьдесят копеек, да двенадцать копеек лук - один рубль восемьдесят две копейки, да один рубль девяносто копеек масло - будет два рубля девяносто копеек. Что вы еще брали?

Телятину? Телятина - девяносто? Значит, два девяносто да девяносто будет три рубля девяносто копеек. Да тридцать восемь копеек подсолнечное... Сколько же это будет? Три рубля девяносто копеек и тридцать восемь копеек – четыре рубля тридцать восемь копеек. Все?

- Все,- сказала Нюра и вздохнула.- Больше ничего не брали.

- Значит,- высчитывала мадам Молокович, хмуря жирный лобик,- я вам дала пять рублей, а вы истратили четыре рубля тридцать восемь копеек. Значит, сдачи - пятьдесят восемь копеек. Давайте деньги и принесите мой ридикюль. Он там, под кофточкой... Что же вы стоите, как лошадь? Вам говорят!

Но Нюра не двигалась с места. Она ошеломленно смотрела на стенку, оклеенную прекрасными розовыми обоями со следами раздавленных клопов.

- У меня гривенник сдачи,- произнесла она, с трудом шевеля губами.

- Гос-поди!- воскликнула мадам Молокович.- У нее гривенник сдачи! Откуда же гривенник, когда должно быть пятьдесят восемь. Вы что покупали?

Счеты возобновились.

- Телятина - девяносто,- считала Молокович,- да мясо рубль шестьдесят, итого - два девяносто. Да рубль девяносто масло. Будет четыре девяносто. Да тридцать восемь копеек подсолнечное - пять тридцать восемь. Да двенадцать копеек лук - пять сорок восемь... Погодите! Сколько я вам давала? Пять? А вы истратили пять сорок восемь... Как же вы могли истратить пять сорок восемь, если я вам дала пять? Ну ладно, потом сосчитаемся. Горе мое!.. Заберите грязную посуду и давайте чай!

И мадам Молокович вытащила из-под одеяла пухлые волосатые ноги.

Трудно приходится интеллигентной женщине в наше суровое время.

Мадам Молокович часто жалуется на жизнь. Она – женщина интеллигентная. Она - тонкий, нежный организм, который не выносит нынешних треволнений и после того, как ей приходится защищать свои права (а случается это довольно часто), она неделями чувствует себя совершенно разбитой. Муж очень любит свою Анжелику. Однако ей он надоел. Она охотно ушла бы от него. Но к кому? Ведь настоящих людей нету.

Мадам Молокович томно потянулась и выглянула в окно. Во дворе, скрестив на груди руки, стоял

управдом. Дворник Афанасий что-то горячо ему доказывал. ‘Господи!- вскрикнула Анжелика Молокович.- Остап Ибрагимович, душечка.’ Она подкрасила толстые потрескавшиеся губы, быстро, но основательно, попудрилась и бросилась к двери, едва не сбив Ньюру с чайным подносом в руках.

- У нас бывает,- щебетала мадам Молокович, повиснув на руке Остапа,- небольшой, но хорошо подобранный кружок друзей. Я с детства всегда подбираю людей по принципу интеллигентности. Вы знаете, в последнее время интеллигентный человек - это такая редкость, такая редкость! Вот, например, зубной врач Петькин. Это же какой-то аристократ духа. В его присутствии просто страшно становится: какая эрудиция, какой самоанализ, какая тонкость в знаниях. Или Вздох-Тушуйские. Они на всех премьерах в театре бывают и вообще большие любители искусства. А Дартаньянц! Талант, положительно талант. Сейчас он участвует в съемке картины ‘Чресла недр’. Девица же Быкова просто красавица. Приходите к нам на ассамблею. Петькина слушаете. С Вздох-Тушуйским о театре поговорите, у Дартаньянца узнаете много нового о киноискусстве. Смотрите, не влюбитесь только в девицу Быкову! Так придете?

- Разумеется!- Остап галантно поцеловал пухлую руку мадам Молокович. Неизвестно почему, но в составленном Бендером списке ‘кандидатов’ Молокович-муж стоял под номером ‘один’.

За день до этого Сеня валялся на кровати в ботинках. Он жмурился и улыбался. Остап смел с валенок снег, снял шубу и долго стоял, опершись плечом о косяк двери, разглядывая соседа по квартире. Наконец он не выдержал:

- Послушайте, Сеня, вам так мало нужно для счастья, что снова и снова задаешь себе вопрос, не является ли мой друг молодым, полным сил идиотом?

Сеня так сладко потянулся и заурчал, что если бы у него вдруг появился хвост и он выскочил в окно, Остап нисколько бы не удивился. На дворе стоял март.

- Ошибаетесь, Остап Ибрагимович, ошибаетесь. За те два часа, что вы играли со слесарями в салочки, я написал новый колоколамский рассказ, за которым...

- М-да... оперился. Пора, пора на вольные хлеба,- сокрушенно протянул Остап.- Курьером в какую-нибудь редакцию.

- Точно, Остап Ибрагимович! Рассказ, за которым будут охотиться редакции самых упитанных журналов. Можно прочитаю? Ладно?

- Вообще-то я предпочитаю рассказы о приключениях миллионеров...

- Есть! Есть кое-что и на эту тему! А сейчас слушайте. Идею подал мосье Молокович: по-моему, уже весь дом знает, что он пролетарского происхождения...

Пролетарий чистых кровей

Колоколамцы не в шутку обижались, когда им указывали на то, что в их славном городе нет пролетариев.

- Как нет? - восклицали они.- А Взносков! Наш-то Досифей Взносков! Слава богу, не какой-нибудь частник. Пролетарий чистых кровей.

Весь город гордился Досифеем Взносковым, один лишь Досифей Взносков не гордился самим собой. Дела его шли плохо.

Взносков был холодным сапожником, проживал в Зазбруйной части города, на Штопорной улице, а работал на Привозном рынке в базарные дни.

То ли базарных дней было мало, то ли колоколамцы, не склонные к подвижности, почти не изнашивали обуви, но заработки у Досифея были ничтожны, и он сильно горевал.

- Пролетарий я, действительно пролетарий,- говорил он хмуро.- И кровей, слава тебе господи, не смешанных. Чай, не мулат какой-нибудь. А что толку? Выпить-то не на что!

В таком настроении забрел он однажды на квартиру к мосье Подлиннику. Цель у Взносова была простая - отвести душу. А всем в городе известно, что отвести душу легче всего в разговоре с рассудительным председателем лжеартели.

Подлинник, облаченный в рубашку-гейша, с расшитой кренделями грудью, сидел за обеденным столом. Перед ним дымился суп-пейзан, в котором привольно плавал толстый кусок мяса. Водка в пузатом графине отливала оловом и льдом.

- Принимайте гостя, товарищ Подлинник,- сказал холодный сапожник, входя,- чай, не италяшка, не метис какой-нибудь.

- О чем может быть речь!- ответил лжепредседатель.- Садитесь, мосье Взносов. Вон там, возле граммофона, стоит пустой стул.

Досифей покосился на пар, восходивший над супом-пейзан, и, жмуря глаза от ртутного блеска графинчика, уселся в углу комнаты и начал обычные жалобы.

- Пролетарий-то я действительно пролетарий. Не индеец какой-нибудь. Чистых кровей. А выпить тем не менее не на что.

Несмотря на этот прямой намек, Досифей приглашен к столу не был. Подлинник, багровея, проглотил большой кусок мяса и, отдышавшись, молвил:

- Удивляюсь я вам, мосье Взносов. С вашим происхождением...

- На черта мне это происхождение!- с тоской произнес холодный сапожник.- Из происхождения шубы не сошьешь.

Подлинник застыл с вилкой в руке, держа ее, словно трезубец.

- Вы думаете, не сошьешь шубы? Из происхождения, вы думаете, нельзя сшить шубы?

- Нельзя!

И сапожник печально постучал пальцем по розовой граммофонной трубе. Подлинник вдруг поднялся из-за стола и задумчиво прошелся по комнате. Минуты две он размышлял, а затем внес совершенно неожиданное предложение.

- Тогда, мосье Взносов,- сказал он,- продайте мне свое происхождение. Раз оно не подходит вам, то оно, может быть, подойдет мне. Много дать я не могу. Дела теперь всюду в упадке. Одним словом, что вы хотите?

Холодный сапожник еще раз глянул на графинчик и вступил в торг. Он требовал: яловочные сапоги одни, портьеру одну, четверть водки и три рубля деньгами. Подлинник со своей стороны предлагал рюмку водки и тарелку супа-пейзан.

Торговались они долго. Продавец, рассердившись, уходил, Подлинник выбегал за ним на улицу и кричал - 'Псст', продавец возвращался, но Подлинник не прибавил ничего. На том и сошлись.

Пролетарское происхождение было продано за рюмку водки и суп-пейзан.

- Смотрите, мосье Взносов,- сказал Подлинник.- А оно у вас настоящее, это происхождение?

- Чай, не абиссинец!- возразил холодный сапожник, с удовольствием проглатывая водку.- Чистых кровей. Товар настоящий.

И слава Досифея Взносова - слава, которую он не сумел оценить,- померкла. На колоколамский небосклон торжественно выплыла тучная звезда почетного городского пролетария мосье Подлинника.

Председатель лжеартели вцепился в свое новое происхождение с необыкновенным жаром. На Привозном рынке он приобрел связку лаптей и якобы пешим ходом смотался в губцентр, чтобы поднести лапоточки ответработнику товарищу Плинтусову, его жене мадам Плинтусовой и их детям:

мальчику Гоге и девочке Демагоге.

Назад взамен лаптей Подлинник привез большое удостоверение от какого-то кредитного товарищества с резолюцией товарища Плинтусова - 'удовлетворить'. Что значилось в удостоверении, не знала даже мадам Подлинник, но мощь его была настолько велика, что позволила новому пролетарию значительно расширить обороты лжеартели и близко познакомиться с прекрасным словом 'сверхприбыль'.

Мосье Подлинник ходил теперь в коричневой кожаной тужурке с бобровым воротником, в каракулевой кепке и в фетровых сапогах, восходящих к самым бедрам.

- Слава богу,- скромно говорил он,- я не какой-нибудь мулат. Пролетарий чистой крови.

Для того, чтобы устранить последние сомнения в чистоте своего происхождения, Подлинник нарисовал свое родословное древо. Ветви этого древа сгибались под тяжестью предков мосье. По мужской линии род Подлинника восходил к Степану Разину, а по женской - к Фердинанду Лассалю.

Из этого же древа явствовало, что пра-пра-пра-пра-дедушка мосье в свое время был единственным в Киеве полянином, который протестовал против захватнической политики Аскольда и Дира.

Это был пир генеалогии, знатности и богатства.

О холодном сапожнике, продавшем свое происхождение, все забыли. Но сам Досифей Взносков страдал невыразимо. Позднее раскаяние грызло его душу. Он не спал по ночам, похудел и перестал пить.

И однажды все увидели, как Досифей прошел через город, неся в правой руке дымящуюся тарелку супа-пейзан, а в левой - рюмку водки. Он шел, как сомнабула, шел выкупать свое пролетарское происхождение.

Он вошел в дом Подлинника и с дарами в руках остановился на пороге. Рот его открылся и оттуда глянули давно не чищенные с горя и тоски зубы.

Мосье-пролетарий сидел за безбрежным письменным столом. На мизинце его левой руки блистал перстень с бриллиантовыми серпом и молотом. Стена была увешана редчайшими портфелями. Они висели, как коллекция старинного оружия.

- Вы пришли к занятому человеку,- сказал Подлинник.

- Вот суп,- робко сказал Досифей,- а вот и водка. Отдайте мне назад мое пролетарское происхождение.

Подлинник встрепенулся.

- Тронутое руками считается проданным,- сказал он ясным голосом.- Происхождение в последнее время поднялось в цене. И я могу обменять его только на партийный билет. Может быть, у вас есть такой билет?

Но у Досифея Взноскова билета не было. Он был безбилетный.

Медленно он вышел от Подлинника и удалился в свою Зазбруйную часть. Переходя реку по льду, он остановился у проруби, с тоской оглянулся и бросил в воду тарелку с уже остывшим супом и рюмку с водкой.

Вечером у Молоковичей гремела музыка.

Все пировали.

Пировали с той же ошеломляющей дремучей тоской, с какою служили в различных конторах и объединениях.

Уже давно они ходили друг к другу на ассамблеи, года три. И все знали про всех все.

Знали, что у Молоковичей всегда прокисший салат, но удачный паштет из воловьей печени. У

пьяницы Петькина хороши водки, но все остальное никуда. Известно, что скупые Вздохи, основываясь на том, что пора уже жить по-европейски, норовят не дать ужина и ограничиться светлым чаем и бисквитами 'Баррикада', а девица Быкова вообще никогда к себе не приглашает, хотя ее приглашают все. Вынуждены приглашать. У Быковой чудесные пластинки: вальс-бостон 'Нас двое в Бунгало', чарльстон 'Обезьянка' и старый немецкий фокстрот 'Их фаре мит майнер Клара ин ди Сахара', что, возможно, значит: 'Я уезжаю с моей Кларой в ту Сахару'. Самое же главное, у Быковой есть чудесный заграничный граммофон без трубы.

Надо заметить, что дамы ненавидели друг друга волчьей ненавистью и почти не скрывали этого. В продолжение всего пира хозяйка ударными недомолвками давала понять гостям, что таких шпрот и такого вина никак не найти на вечеринках, кои устраиваются враждебными ей гуриями.

Пока мужчины под звуки 'Нас двое в Бунгало, и больше нам не надо никого' выпивали и тревожили вилами зеленую селедку, жены с изуродованными от злобы лицами сидели в разных углах, как совы днем.

Зубврач Петькин продолжал извечный цикл охотничьих рассказов. Весь смысл их сводился к тому, что на охоте приятно и даже необходимо пить водку. Ничего больше от врача нельзя было добиться.

- Ну вот-с,- иронически сказал Вздох-Тушуйский,- вы только что изволили сказать, что раздавили эти самые две полбутылки... Ну, а дальше что?

- Дальше? А дальше я и говорю, что по зайцу нужно бить крупной дробью... Ну, вот. Проспорил мне на этом Григорий Васильевич диковинку... Ну и вот, раздавили мы диковинку и еще соточкой смочили. Так было дело.

Вздох-Тушуйский раздраженно хмыкнул.

- Ну, а зайцы то? Стреляли вы по ним крупной дробью?

- Вы подождите, не перебивайте. Тут подъезжает на телеге Донников, а у него целый 'гусь' запряган, четвертуха вина...

Петькин захохотал, обнажив светлые десны.

- Вчетвером целого 'гуся' одолели и легли спать, тем более - на охоту чуть свет выходить надо.

Утром встаем. Темно еще, холодно. Одним словом, драже прохладительное... Ну, у меня полшишки нашлось. Выпили. Чувствуем - не хватает. Драманж! Баба двадцатку донесла. Была там в деревне колдовница такая - вином торгует...

- Когда же вы охотились-то, позвольте полюбопытствовать?

- А тогда ж и охотились... Что с Григорием Васильевичем делалось! Я, вы знаете, никогда не блюю...

И даже еще мерзавчика раздавил для легкости. А Донников, бродяга, опять на телеге укатил. 'Не расходитесь,- говорит,- ребята. Я сейчас еще кой-чего доведу'. Ну, и довел, конечно. И все сороковками - других в 'Молоте' не было. Даже собак напоили...

- А охота?! Охота!- закричали все.

- С пьяными собаками какая же охота?- обижаясь, сказал Петькин.

Вдруг хозяйка взвизгнула, выбежала в соседнюю комнату и через пару минут вернулась оттуда в новом костюме. На ней была голубая куртка с белыми отворотами. Такие же отвороты украшали ее голубые брюки. Сшито все было из ткани, употребляющейся на теплую подкладку к папахам.

Лица женщин позеленели.

Мужчины задумались о нелепом аристократизме мадам Молокович и погрузились.

Лишь затюканный Молокович-муж на несколько секунд преобразился. Его глаза засверкали сумасшедшим огнем. Он победоносно поглядывал на гостей. Сама же мадам Молокович поглядывала на Остапа. Но так как она при этом вертелась, то вскоре потеряла равновесие и упала на колени к пьянице Петькину.

- Почему же никто не танцует?- заорал Петькин.- Где пиршественные клики? Где энтузиазм? Но так как кликов не было, Петькин схватил мадам Молокович за плечи и потащил ее танцевать. На танцующую пару все смотрели с каменными улыбками. Гражданка Петькина соорудила улыбку Горгоны-Медузы.

- Скоро на дачу пора!- сказал Дартаньянц, подумав.

Все согласились, что действительно пора, хотя точно знали, что до отъезда на дачу еще оставалось месяца два-три.

К концу вечера, когда водка была вся выпита, Вздох-Тушуйский, как всегда, подпортил настроение разговором на политическую тему. И, как всегда, выдал новость десятилетней свежести.

- Ну как вам нравится Китай? Они скоро всю Хэнань себе заберут, эти кантонцы. Не хотел бы я теперь оказаться в этом английском сэттльменте.

- Англичане же сволочи,- буркнул Петькин,- так им и надо. Они всегда Россию продавали. Дартаньянц сочувственно пожал плечами, как бы говоря: 'А кто Россию не продавал?'

- Ой!- воскликнула девица Быкова.- Я ничегошеньки не понимаю. Какое все же у нас интеллигентное общество!

Молокович-муж в политических прениях принципиально не участвовал, и это Остапу в определенном смысле понравилось.

- В наш век,- грустно сказала мадам Молокович,- интеллигентного человека редко встретишь.

- Да, уж не часто,- подтвердил зубврач Петькин, потирая руки и как будто желая спросить то ли: 'На что жалуетесь?', то ли: 'Может быть что-то осталось выпить?'

- Встретишь редко,- заметил Вздох-Тушуйский.

- Редко,- мотнул головой Дартаньянц.

- Встретишь,- вздохнула Быкова, устремив страстный взгляд на Бендера. Ее серьги, похожие на большие колокола, призывно закачались.

- А может быть, сыграем во что-нибудь?- вдруг спросил Остап.- во что-нибудь интеллигентное?

- Сыграем, сыграем!- все оживились. Лица покрылись задорным румянцем. Глаза засверкали, как звездочки.- А во что?

- Ну, например...- Бендер на секунду задумался, а потом быстро объяснил ассамблее нехитрую 'Угадайку'.

- Дартаньянц, выйдите из комнаты,- скомандовала мадам Молокович.- Да смотрите, не подслушивайте у двери.

Киноаспирант гордо пожал плечами и удалился.

Ассамблея долго шушукалась. До Бендера долетали слова: 'Сократ, Наполеон, Чайковский'. Потом Петькин торжественно открыл дверь.

- Войдите. Смотрите только, не больше десяти вопросов.

- А он в самом деле известный человек?- подозрительно осведомился аспирант.- Я не обязан знать каких-нибудь химиков.

- Не беспокойтесь. Даже грудные дети знают. Но имейте в виду, мы отвечаем только 'да' и 'нет'. Ну, задавайте.

- Могу вам сказать сразу,- торжественно заявил Дартаньянц.- Иисус Христос.

Петькин захохотал и, как дитя, захопал пухлыми руками.

- А вот и не угадали. Осталось девять вопросов.

- Русский?

- Нет.

- Француз?

- Нет.

- Немец?

- Нет.

Дартаньянц побледнел.

- Англичанин?

- Нет.

- Ит...итальянец?

- Нет.

Дартаньянц с отчаянием посмотрел на потолок.

- Он вел войны?

- Д-да. То есть нет. Не вел.

Осталось только три вопроса.

- В таком случае, это Иисус Христос. Вы меня обманываете.

Он не русский, не француз, не немец, не англичанин и не итальянец. Войн не вел. Значит, ясно - Иисус Христос. А вы мне голову морочите.

- Да говорят вам, что никакой не Иисус Христос. Что вы прицепились к нам со своим Иисусом Христом! Осталось два вопроса.

Дартаньянц напрягся.

- Грек?

- Грек,- ответил Петькин упавшим голосом.

Дартаньянц схватился за голову. Победа была близка.

- Поз-звольте,- бормотал он,- какой же есть знаменитый грек? Гм... Знаю! Гаргантюа!

- Нич-чего подобного! Спиноза.

- Спиноза?

- Спиноза.

- Значит, по-вашему, Спиноза - грек?

- Грек. Древний грек.

- А я вам говорю, что древний римлянин.

- Опомнитесь, Дартаньянц. Он типичный грек. Вы всегда так, когда проигрываете. Или жилдите или придираетесь.

- А может быть еще скажете, что Спиноза - еврей ?!- не унимался Дартаньянц.

- Будет, будет, господа,- примиряюще сказал Остап.- Еврей - это почти араб, араб - почти турок, турок - почти грек, грек - почти одессит, а одессит - это москвич. Все мы братья. Позвольте мне сыграть с хозяином дома. Задумайте имя, Анастасий Филиппович.

- Помилуйте, Остап Ибрагимович, я ничего не понял.

- Неважно. Задумали?- в голосе управдома появились стальные нотки.- Он бразилец?

- Н-нет.

- Буддист?

- Нет,- Молокович явно волновался.

- Ну-ка, ну-ка. Смотрите мне в глаза... Граф Средиземский?

- Нет,- Анастасий Филиппович недоуменно хлопал ресницами.

- Значит, это Лермонтов,- устало произнес Бендер, вставая.- Разрешите откланяться. Дела.

КОРОЛЕВСКАЯ ЛИЛИЯ

В пятницу, в то самое утро, когда Протоколов решал животрепещущую купоросную дилемму, Остап и Сеня бежали по бывшей Оберполицмейстерской в поисках редакции иллюстрированного двухдекадника 'Приключенческое дело'. Солнце светило несколько сильнее обычного, потому что в этот день во всех учреждениях выдавали полумесячное жалование. Все шло и ехало на службу.

У маленького магазинчика с большим картонным конвертом в витрине толпилось человек пятьдесят. Не дождавшись открытия помещения они уже предались любимому занятию. У каждого из них была лупа, какие обычно употребляют часовщики, никелированный пинцет, зубцемер (предмет, похожий на продкарточку образца 1920 года), походный альбом и каталог Ивера или Джиббонса.

Чуть в сторонке нервно прохаживался толстяк в каракулевом пальто, перешитом из волосатой кавказской бурки.

- Стоп, машина!- скомандовал Бендер, сворачивая в проулок.- 'Кандидат' на горизонте.

- Остап Ибрагимович, это же Вайнторг из четвертой квартиры!

- Вот именно, Сеня, вот именно. Так, во-первых, редакция не волк - из Москвы не убежит, во-вторых, новую жизнь приятно начинать с понедельника, а в-третьих, во мне проснулась ностальгия по любимому занятию детства,- Остап выглянул из проулка.- 'Ай уандер', так кажется по-английски 'хотел бы я знать', что он там делает без зубцемера и каталога.

- Ни за что не подумал бы,- ухмыльнулся Сеня,- что вы коллекционировали марки.

- Почему же? Я человек увлекающийся. А коллекционирование это страсть. Могучая и всежигающая,- Остап внимательно разглядывал коллекционеров. - Посмотрите, по большей части это люди почтенные, семейные, люди с положением в обществе, по старомодному выражению. Посмотрите, как грустно и снисходительно они взирают на филателистическую молодежь. Вон, школьник хватает марку пальцами. Старый филателист так никогда не поступит, он осторожно берет ее пинцетом. Собиратель-мальчик не считает числа зубчиков на марке, но опытный человек сейчас же измеряет марку зубцемером. Иногда совершенно одинаковые марки имеют разное число зубчиков. Тогда они считаются разными. Начинающий филателист собирает все марки подряд. В его альбоме есть и Гваделупа, и Мадагаскар, Монако и Австралия. Филателисты, умудренные опытом, специализируются на какой-нибудь одной теме или стране. Есть и настоящие пуритане. Они собирают уже не марки, а одну и ту же марку, напечатанную на разных сортах бумаги или имеющих в разных выпусках тончайшее различие в цвете.

Был у меня однажды компаньон, бывший предводитель уездного дворянства Иполлит Матвеевич Воробьянинов. Лет под сорок он начал собирать земские марки. Ухлопал на это большие деньги, скоро оказался владельцем лучшей коллекции в России и завел оживленную переписку с англичанином Энфильдом, обладавшим самым полным в мире собранием русских земских марок. Превосходство англичанина сильно волновало Иполлита Матвеевича и он подбил председателя земской управы на выпуск новых марок Старгородского губернского земства, чего уже не было лет десять. Новые марки были выпущены в двух экземплярах и включены в каталог за 1912 год. Клише Воробьянинов собственноручно разбил молотком. Через три месяца Иполлит Матвеевич получил от Энфильда учтивое письмо, в котором англичанин просил продать ему одну из тех редчайших марок по цене, какую будет угодно назначить мистеру Воробьянинову.

В ответном письме мистер Воробьянинов написал латинскими буквами только два русских слова: 'Nakosja vykusi'.

Марки он после этого забросил.

Впрочем, здесь не только филателисты. Вон у того, который ближе к дверям, видите, рулончики? Это трамвайные билеты разных городов.

В это время Вайнторг подбежал к какому-то отставному военному в долгополой шинели, вылезшему из таксомотора. Минут пять Степан Соломонович бегал вокруг военного и заглядывал ему в глаза, затем радостно пожал милостиво протянутую руку и убежал. Двери филателистического храма отворились и толпа ввалилась внутрь.

- Пора!- скомандовал Бендер и друзья вошли в магазин.

Вместе с ними вошел гражданин чрезвычайно достойного вида. Он был немолод. Время окрасило его усы в укусный цвет. Он осмотрел собравшихся светлыми стариковскими глазами и прошамкал:

- А здесь кто-нибудь собирает спичечные коробки?

За шумом торга старика не расслышали.

- Кто-нибудь собирает здесь спичечные коробки?- повторил он сердито.

Продажа серии греческих марок от 5 лепт до 25 драхм на минуту приостановилась. Из толпы выдвинулись два собирателя и с интересом подступили к старику.

- А какие вы собираете коробочки? Целые?

- Нет, только крышечки.

- Как, только крышечки? Это же вандализм!

Старик пошевелил своими укусными усами и что-то забормотал. Но его не уже слушали.

- Вы испортили свою коллекцию. Она ничего не стоит. Нужно собирать целые коробочки!

Все отвернулись от собирателя сосудов из-под спичек, и торг на греческие марки с изображениями Коринфского канала, белой башни в Салониках и крейсера 'Георгий Аверов' возобновился с новой силой.

Остап пробился поближе к отставному военному, но тот был занят беседой с отставным инженером в фуражке с зеленым кантом. Рядом с ними толкался старичок, пытавшийся продать несколько старых номеров 'Советского филателиста'.

Остап взял один 'посмотреть' и, стоя позади отставников, раскрыл журнал: 'По-прежнему свирепствуют в колониях империалистические страны, наводняя филателистический рынок марками. На первом месте опять стоит империалистическая Франция, закончившая покорение непокорного Марокко. За ней следует лицемерно-хищническая Англия, которая по метрополии не выпустила за год ни одной новой марки, раздавив преданных вождей Генерального Совета Профсоюзов углекопов и разорвав дипломатические отношения с Советским Союзом, в то же самое время выпустив на рынок по всем своим колониям 95 новых марок'.

Из разговора двух отставников Остап понял, что бывший военный коллекционирует десертные вилочки и зовут его Модестом Гавриловичем.

Едва инженер попрощался с военным, Бендер вернул журнал старику.

- Модест Гаврилович, здравствуйте! Степан Соломонович посоветовал мне обратиться к вам...

- Что коллекционируете?- с подозрением в голосе спросил собиратель столовых орудий.

- Э-э-э... то же, что и Степан Соломонович.

- То же, что ?!- вдруг заорал отставник.- Товарищи, вы слышали? Всеядный Вайнторг начал коллекционировать что-то! Молодой человек!- обратился он к Бендеру.- Вы можете держать в одной коробочке рыбные вилочки вмес-те с десертными, но не называйте, слышите, не называйте это коллекционированием!

Отставник достал пенсне, чтобы лучше разглядеть молодого человека из породы всеядных коллекционеров.

Вокруг смеялись. Остап растерялся. Он шагнул к отставнику и зло зашептал:

- Слушай, ты, военспец паршивый. Мы еще разберемся, кто провалил то наступление в девятнадцатом.

Старик побледнел. Малахитовые жилки расползлись по лицу. Глаза, постаревшие лет на двадцать, как бы говорили: 'За что? Ведь уже давно разобрались...'

Наступила тишина. Бендер оглянулся. Все отвернулись и не глядя друг другу в глаза продолжили торги и обмены. На душе было скверно.

- Командор!- окликнул его Сеня.- Не одолжите пятерку? Чудесный альбом фотографий.

'Как хорошо, что он не назвал меня по имени. Умный малый', - Бендер сунул руку в карман.

- Посмотрите, Остап Ибрагимович, какой замечательный канделябр,- Сеня не закрывал альбом, даже когда они вышли из магазина.- А эта шкатулка! А здесь почему-то пустое место. Надо приклеить фотографию какой-нибудь вещицы.

Остап остановился как вкопанный. Несколько секунд он смотрел на пустой розоватый прямоугольник в альбоме. Лицо его прояснилось.

- Спасибо, Сеня. Ты мне здорово помог.

Богатые врачи и бывшие присяжные поверенные любят искусство.

Не думайте, что это вредное обобщение. Здесь нет желания произвести выпад, бросить тень или, скажем, лить воду на чью-то мельницу. Это просто невинное наблюдение.

Врачи (и бывшие присяжные поверенные) двигают искусство вперед. Да, да, и обижаться тут нечего!

Было бы смешно, если бы все женщины вдруг обиделись, узнав, что в немецкой научной книге 'Уголовная тактика' имеется следующая формула: 'Женщины никогда не сознаются'.

Конечно, обидно читать такое решительное утверждение, но уголовная практика показала, что женщина, совершившая какой-нибудь антиобщественный поступок (кража, хипес, притонодержательство), действительно, никогда не сознается на допросе.

Так что иногда можно делать обобщения, если они подкрепляются многолетним опытом.

Итак, еще раз. Врачи обожают искусство. Главным образом врачи-гинекологи. И главным образом живопись. Она им необходима для себя, для приемной, для пациентов.

'Пока живы врачи-гинекологи, живопись не умрет.'

Этот блестящий афоризм сказан был одним иконописцем, позже пролеткультовским художником, который, собственно, не художник, а такой, что-ли, своеобразный переводчик. Он делает 'юберзецен'. Он переводит. Одним словом, он изготавливает фальшивых Рубенсов, Айвазовских, Куинджи и других мастеров кисти. Написать какой-нибудь морской вид, пир полубогов или ядовитый натюрморт с рябчиком ему не трудно. Потребитель, в общем, больше разбирается в медицине, чем в живописи. Трудно придать полотну старинный вид. Но и эта задача в наши дни значительно упростилась.

Просохшая картина сворачивается в трубу. Рубенс-Айвазовский вскакивает в трамвай, и уже через полчаса шумной трамвайной жизни полотно приобретает все необходимые следы памятника искусства XVI или XVII веков - трещины, пятна, оборванные края.

И долго потом врач стоит среди своей плюшевой бамбучьей мебели, смотрит сквозь кулак на новое приобретение и шепчет:

- Наконец-то, наконец у меня есть настоящий Веронезе. Ах, как я люблю именно Веронезе! Сколько воздуха!

За свои деньги эстет требует, чтобы в картине было очень много воздуха. И иконописец, ныне

пролеткультовский художник, знает это. Он дает столько озона, сколько врачу нужно, даже больше, чем дал бы сам Веронезе.

Если заказчиков не было, то юберзеценмахер не унывал и штамповал картины с общеизвестным русским пейзажем. Низкое лохматое небо, скошенные поля, по левую руку - роща, избы, церковь, а дальше лес - ну, словом, сборный пейзаж из Третьяковской Картинной галереи. Процентом сорок Левитана, процентом сорок Шишкина. Были и другие передвижники, помельче, процентом на двадцать.

Вообще, склонность к изящному немножко ослепляет эстета. Главным образом его магнетизирует великая подпись на картине, выведенная шкодливой рукой юберзеценмахера.

Ведь так хочется жить среди статуэток, золотого багета, книжных переплетов, среди перламутра и металлопластики.

И эстет реконструктивного периода делает, как говорят французские и одесские коммерсанты, усилие. Он покупает в антикварном магазине четыре рюмки и одну перечницу с баронскими гербами.

На этом путешествие в прекрасное, однако, не кончается. Полумесячное жалование уходит на большую компотницу эпохи Манасевича-Мануйлова и специальную вилку для омаров, коими кооперативы, как известно, не торгуют. Таким образом, вилка доставляет только лишь моральное удовлетворение и вызывает аппетит к новым покупкам.

На стенах появляются акварельные портретики различных красавиц из созвездия Наталии Гончаровой и другие миниатюры времен, так сказать, Дантеса и Аллигиери.

Тогда меняются и обои. Появляются новые, синие – стиль декабрист. А на синих обоях как-то сами по себе возникают портреты баронессы фон Гаубиц с огромной грудью, находящейся в полужидком состоянии, и чужого прадедушки, генерала с отчаянными баками и с кутузовским бельмом на глазу. Риск ужасный! Чужого дедушку могут посчитать за родного и вычистить примазавшегося внука со службы. Но эстет идет на все. Он обожает искусство.

Вслед за баронской перечницей, рюмками, компотницей, вилкой и портретами неизбежно приходит первый томик издательства 'Preludium'.

Это пир роскоши и тонкого вкуса.

Что бы в книге ни было напечатано (воспоминания ли крепостного кларнетиста, антология ли испанских сегидилий и хабанер, стихи древнегреческой поэтессы Антилопы Тифосской) - все равно сатиновый переплет, сделанный из уцененных толстовок, украшен золотыми королевскими лилиями.

Покупатель очень доволен. Настоящие бурбонские лилии! Не какие-нибудь пчелы узурпатора Бонапарта, а настоящие лилии Людовика-Солнца (того самого - 'после меня хоть делюж-потоп').

Ах, однажды в Версале! Ах, Тюильри! Ах, мадам Рекамье на бамбуковой скамье!

Ах, если бы Маркса издавали с такими лилиями, в суперобложке художника Лошадецкого, с фронтисписом XVIII века, с виньетками, где пожилые девушки склоняют головы на гробовые урны, с гравюрами на дереве, на меди, на линолеуме, на велосипедных шинах! Стоило бы купить!

Роскошь магнетизирует. Золото и серебро тиснения ослепляют. Так хочется иметь под рукой предметы красоты, что советский виконт охотно принимает толстовочную обложку за атласную, не замечает, что стихи Антилопы Тифосской отпечатаны на селечной бумаге, из которой торчат какие-то соломинки и древесная труха, что самые лилии осыпают свое золото уже на третий день, что никакой роскоши нет, а есть гинекологический амфир второй сорт, попытка выдать ситро за шампанское.

В воскресенье, через день после происшествия на Никитской, Бендер сидел за столом в квартире Вайнторга. Перед хозяином лежал раскрытый альбом.

- Вот, Степан Соломонович, рекомендую. Афродита верхом на кентавре. Мрамор. Почти задаром. А вот кольцо с масонскими знаками. Смотрите, череп и кости. Имеется отделение для яда.

- А вот,- Остап перевернул страницу,- испанский орден Золотого Руна. Интересуетесь? Могу хоть завтра и недорого.

- Нет-нет,- замахал руками Степан Соломонович.- Хватит с меня и этого с его орденами,- гинеколог мотнул головой в сторону одноглазого генерала.

Глава 11

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Когда в полном соответствии с указаниями календаря 'Светоч' солнце высовывается из-за горизонта, оно уже застает не улицах дворников, размахивающих своими метлами, словно косами. Дворники - народ по большей части весьма меланхолический. Может быть, причина здесь та, что им приходится собирать остатки прожитого дня: все бумажки, ломаные папиросные коробки, тряпье, слетевшую с чьей-то ноги рваную калошу - весь мусор и конские яблоки, оставленные за день на улицах двумя миллионами московского населения и многими тысячами лошадей...

Второй существенной чертой Афанасия, дворника кооперативного дома на Шаймоновской улице, помимо меланхоличности, была вопиющая безынициативность. Будучи помноженной на патологическую честность, она давала обильную пищу для культурного веселья скучающих в нерабочее время жильцов. Дело в том, что всякий валяющийся на вверенном ему пространстве предмет, представляющий, по мнению Афанасия, высокую материальную или духовную ценность, тотчас отправлялся на дознание в кабинет управдома.

'Что сыскал, Афанасий?' - ехидно осведомлялся, бывало, старик Нимурмуров, поглаживая огромную пыльную бороду, похожую на детские штанишки. (Утверждали, что из его бороды однажды выскочила мышка.) Денно и ношно он смолил самокрутки на завалинке, которую собственноручно соорудил у родного подъезда. На вопрос Нимурмурова из окон, предвкушая развлечение, высовывалось не менее полудюжины жильцов. Афанасий останавливался, собирался с мыслями, долго кряхтел, затем предъявлял зрителям смятый лист из 'Огонька' с репродукцией 'Данаи'. 'Вот - женщина красивая, потерял кто-то.' 'Что ж ты Остапа Ибрагимовича тревожишь, неси сразу в Третьяковку', - предлагал бухгалтер Ситников. 'Дак ведь вечер уже', - отвечал простодушный Афанасий. 'Тогда предложите Вайнторгу', - советовала

Протоколова.

Но тут старик Нимурмуров, не отрывая переливающегося взгляда от полнотелой Данаи изрекал что-то совершенно непотребное:

- Жила у нас в поселке одна красавица, полная такая. К ней ходил один горбун, совсем негодный для этого человек. Он семьсот рублей жалования получал. Пищу она всегда ела знаете какую?

Швейцарский сыр, кильки. Ну, тут приехал один француз. На нем желтые сапоги,- Нимурмуров вытянул ногу и показал ребром ладони сапоги гораздо выше колена,- рубашка чесучовая. Горбун, конечно, все понял, приходит и спрашивает ее: 'Пойдешь со мной?' Она говорит: 'Не пойду'. Тут он ее застрелил. Потом побежал на службу, сдал все дела и сам тоже застрелился. Стали ее вскрывать - одна сала!

После этого лица у жильцов перекашивались и окна с треском закрывались.

Служебное помещение Остапа находилось в полуподвале. Сначала он хотел превратить свой кабинет в оазис культуры. Но затем решил следовать неписанному стандарту: портрет за спиной, искусственная пальма справа, несгораемый шкаф слева, мягкое кресло для себя и жесткие неудобные стулья для посетителей. Табличку 'Чувствуйте себя как дома' он заменил на 'Не курить, не сорить', а от былой роскоши осталась только картинка с видом Рио-де-Жанейро.

Остальную часть полуподвала занимала красная комната, в которой к сегодняшнему дню было проведено свадеб - одна, поминки - одни, общих собраний жильцов - три, летучих собеседований - пятнадцать, лекций - одна, прочих видов групповых работ - восемьдесят четыре.

Лекция имела место вчера. Но вот уже 15 минут Бендер озабоченно чесал затылок и никак не мог занести в журнал культпросветработы ее тему. Сам он на лекции не был. До его кабинета из соседней красной комнаты лишь однажды

донеслись слова лектора: 'На сегодняшнее число мы имеем в Германии фашизм', и звонкий голос Сени: 'Да это не мы имеем фашизм! Это они имеют фашизм! Мы имеем на сегодняшнее число советскую власть'.

Лектор, Попугаев Никанор Павлович, был Остапу знаком и противен.

... Когда Бендер, ворвавшись в кабинет председателя жилтоварищества, товарища Годунова, принялся убеждать последнего в необходимости наложения давно назревших и перезревших резолюций, он вдруг услышал за спиной тусклый голос:

- Ваш папа случайно не был стекольщиком?

От неожиданности Остап уронил пресс-папье, которым поигрывал перед лицом председателя жилтоварищества, и медленно обернулся.

У стены сидел рыжеусый человек с оловянными глазами. На коленях у него стоял огромный рыжий портфель с оловянными застежками.

- Вот что, любезный,- Остап вразвалочку двинулся к рыжеусому,- если вы любите наблюдать интимные сцены, то так и скажите: вы, мол, мне мешаете, отодвиньтесь. Что же касается вашего вопроса, то отвечаю: мой папа не был стекольщиком. Он был прямым потомком трапезундских императоров по происхождению и контрабандистом по призванию. Когда я родился, он уже рубил камни на каторге в сирийской пустыне и я не привык, чтобы всякие...

- Не беда,- ошалевший от страха Попугаев выпалил давным-давно заученную на 'не привык' реплику.- Потерпите сорок лет, а там привыкнете.

Остап потянулся за стулом.

Отдышавшийся наконец от пресс-папье председатель жилтоварищества бросился между ними.

- Познакомьтесь, Остап Ибрагимович. Это наш районный лектор, Попугаев Никанор Павлович. Он у нас первый весельчак,- нервно сказал председатель,- похлопывая Попугаева по плечу.- Зубастый. Так и режет.

- Ну уж и весельчак,- потупился Попугаев,- так. Середка на половинку.

- Хотите чаю, товарищи?- примиряюще предложил хозяин кабинета.

- Нет, спасибо, я уже отчаялся. Я вот лучше папироску возьму. Люблю, знаете ли, папиросы фабрики Чужаго... Хе-хе...- казалось, Попугаев мог говорить только затасканными остротами. Остапу захотелось вскрыть этого человека, как арбуз. Захотелось узнать, есть ли у него что-нибудь там, за рыжими усами и оловянными глазами.

- Ну, Никанор Павлович, выпейте все-таки чаю. Вы ведь любите вприкуску.

- Лишь бы не вприглядку,- вяло отозвался Попугаев.

- Ну так вали отсюда!- бросил Остап и потащил товарища Годунова к столу.

- Наше вам с кисточкой,- залепетал Попугаев, пятась к выходу.- Бувайте здоровеньки, как говорят хохлы.

...Потуги Остапа прервал деликатный стук в дверь. На пороге появился Афанасий и у Остапа заняло там, где и положено занять.

- Вот, кто-то обронил вчерась на лекции,- Афанасий осторожно положил на стол книгу. Это была 'История российской дипломатии'. Недавно, наткнувшись с Сеней на книжный развал, Остап видел точно такую же, но его внимание отвлек 'Новейший справочник управдома'. Когда он оглянулся, книги уже не было.

'Предусмотрительный жилец,- подумал Остап, увидев закладку,- полкниги одолел за лекцию. Ай уандер, кого же еще, кроме меня, может интересовать история российской дипломатии?'

Благодаря толстой картонной закладке книга открылась еще до того, как предчувствие успело оформиться в подозрение: 'Вечером того же дня российский посол граф Средиземский потребовал безотлагательной встречи с посланником ее величества ...' Фамилия 'Средиземский' была едва заметно подчеркнута карандашом.

Управдом сердечно поблагодарил дворника, а через несколько минут на стенах дома, в подворотне и у детской песочницы появилось объявление:

Граждане жильцы !

Если кто обронил вчера на лекции зеленую книгу, или видел, кто ее читал и мог обронить (название не указывается с целью избежания присвоения), просьба безотлагательно сообщить управдому.

Граждане, проявите комсознательность! Построим новый быт!! Нам чужого не надо!!!

Подпись: Управдом

Вечером, унылый и смиренный, Бендер вернулся домой.

- Остап Ибрагимович, где же вы пропадали? Меня приняли в 'Приключенческое дело'!

- Жилец Изаурик, а вы читали объявление?- монотонно пробубнил Остап.

- Какое объявление, Остап Ибрагимович?- изумился Сеня.

Остап потрянул головой.

- Тьфу, черт! Совсем крыша поехала... Ну ладно, рассказывай.

- Меня сразу же ввели в коллегия в проценте беспартийных дарований. Я через полгода еще и в безответственные редакторы пробьюсь...

- Что за галиматья, Сеня?!

- Не галиматья, Остап Ибрагимович,- обиделся новоиспеченный труженник пера,- а глубокое, можно сказать, профессиональное проникновение в тонкости, можно сказать, в закулисную сторону ремесла...

Журналы бывают толстые и тонкие.

Но это только в теории. На самом деле тонких уже давно нет. Они закрылись. Подписчикам обещали вернуть деньги, но не вернули. (Согласитесь, было бы просто бесхозяйственностью разбрасывать деньги направо и налево.)

Итак, остались толстые. Среди них есть более толстые и менее толстые. И чем тоньше толстый журнал, тем многочисленнее его редколлегия. В самом тонком толстом количество членов редколлегии достигает двадцати человек. Если бы этих людей собрать вместе, то получилась бы внушительная демонстрация, так сказать, боевой смотр литературных сил.

Но разве их соберешь! Их невозможно собрать. Большинство из них вообще не знает, что состоит в

членах, а меньшинство к литературе никакого отношения не имеет, литературы не любит и занято на хозяйственной и профсоюзной работе. Тем не менее редколлегии разрастаются, и скоро уже вместо заседаний надо будет применять более совершенные методы собирания людей в одну кучу:

‘Объединенную конференцию членов редколлегии журнала ‘Будни пансионата’, или ‘Всесоюзный слет членов и кандидатов в члены редколлегии журнала ‘Критик на стреме’. Собираться можно в филиале Большого театра или в зале консерватории, только не в малом, а в том, который по-больше, там, где портреты розовощеких композиторов в ермолках и париках.

Редколлегия превращается в громадное учреждение, потому что при ее составлении не желают никого обидеть.

В коллегии обязательно входят:

1. Один ведущий писатель (лучше два ведущих или три; было бы, конечно, еще лучше человек семь ведущих, но столько не наберешь, нету).
2. Три ведущих критика.
3. Один неведущий критик.
4. Один завидующий критик (чтоб не обиделся).
5. Процент женщин.
6. Процент нацменов.
7. Процент братских писателей.
8. Процент оборонных писателей.
9. Процент беспартийных дарований.
10. Процент бывших рапповцев (чтоб не обиделись).
11. Представитель Оргкомитета (чтоб присматривал за бывшими рапповцами насчет групповщины).
12. Один писатель, недавно сброшенный со щита (он же тайный эмиссар бывших рапповцев, чтоб наблюдал за представителями Оргкомитета).
13. Процент детских писателей.
14. Один ведущий поэт с двумя приспешниками.
15. Один бывший внутрирапповский попутчик.

А дальше идут уже странности, сон, бред.

16. Тов. Булыжников (Стройнадзор).
17. Тов. Мизерник (Книгосбыт).
18. Тов. Клемансон (Мосоргвывод).

Все это так тонко обдумано, так внимательно учтены эти литературные интересы и нюансы этих интересов, что, казалось бы, работа редколлегии должна принести грандиозные плоды. Но все ухищрения пропадают даром. Никакие такие особенные плоды не вызревают. Члены редколлегии и не думают собираться. Однако, если их не включают в члены, они очень сердятся, принимают меры, хлопочут, даже плачут. Они обидчивы, как артисты летней эстрады.

И чтоб с ними не связываться, не вести лишних разговоров, их включают в различные списки. Таким образом, во всех толстых журналах существует почти одно и то же литературное начальство с небольшими вариациями: вместо одного завидующего критика иногда бывает два; иногда процент детских писателей бывает недостаточен, - например, вместо полутора процента детских включают только полпроцента (это дает возможность детским писателям поднять крик о том, что их затирают взрослые писатели в союзе с оборонными). А иногда забывают т. Клемансона (Мосоргвывод), и он попадает не в двенадцать редколлегий, а только в восемь.

Если к этому добавить, что ответственный редактор, как правило, не является ни взрослым писателем, ни детским, ни оборонным, ни женским, что он не пишет стихов, не сочиняет

критических статей, никогда не ходит в свою редакцию, а дома снимает телефонную трубку, чтобы к нему никак нельзя было дозвониться, что он к литературе вообще относится отрицательно,- то, как говорится, во весь рост встает вопрос о том, кто же все-таки делает журнал. Журнал-то ведь выходит. Раз в месяц или в четыре месяца, но выходит ведь.

Журнал делает молодой человек, так сказать, безответственный редактор.

В первый год своей деятельности он еще очень скромн, смотрит на писателей расширенными глазами, носит ковбойку с открытой грудью и штаны с велосипедными браслетками на щиколотках. От него еще пахнет фабзавучем, и он с почтением произносит слова: гранки, боргес, рамка, шмуцтитул, колонцифра.

К началу второго года у него на шее появляется галстук из универсального базара, писатели уже угощают его папиросами, и он звонким голосом кричит в телефон:

- Возьмите Гладкова на шпоны, тысячу раз вам говорил! Никулина оставьте в загоне, не входит. Ничего! Он уехал в Кисловодск, не узнает. Да, и не забудьте вставить в список сотрудников Булыжникова и обязательно инициалы поставьте - М.И. А то он обижается.

Покуда молодой человек еще руководится чисто техническими соображениями, но на третий год деятельности ему приходится самому приглашать авторов, читать рукописи и давать советы, потому что если это не сделает он, никто этого не сделает и журнал механически закроется. Это было бы еще полбеда. Но тогда он, молодой человек, потеряет службу. А это уже не годится.

И в то время, как сброшенный со щита интриган вступает в беспринципный блок с двумя ведущими критиками и процентом женщин против завидущего критика, объединившегося с бывшим внутриапповским попутчиком и процентом беспартийных дарований, в то время как Клемансон (Мосоргвывод), прикрываясь именами ведущих писателей, тихо добивает Мизерника (Книгосбыт) и Булыжникова (Стройнадзор),- молодой энтузиаст типографского дела принимает на себя всю полноту власти в редакции.

Теперь на нем сиреневый костюм. Молодыми зубами он грызет мундштук вишневой трубки и кричит голосом леопарда:

- Слабо! Не пойдет! Надо короче! Учитесь у Габриловича. Фигура Перловского у вас получилась неубедительной. Нам нужен социалистический реализм, а у вас поздний романтизм на чистой сливочной лирике. Да, заходите, конечно. Только не в пятницу. В пятницу я на даче.

- Как вы думаете, командор, у меня когда-нибудь будет дача?

- Будет, Сеня, будет,- жестко проговорил Остап.- Дача, яхта, 'кабриолет' с пальмочкой на капоте и шофер-китаец. Слева от вас будет блондинка с умопомрачительным бюстом, а справа - ящик с шампанским.

- А зачем пальма?

- Для красоты.

- Но ведь шоферу будет неудобно!

- Это его проблемы.

Сеня хотел пошутить насчет того, что проблемы шофера некоторым образом касаются и пассажиров, но, встретив взгляд командора, решил побыстрее спустить себя и товарища с небес на землю.

- Однако же в ближайший номер я должен сдать приключенческий рассказ,- Сеня извлек из стола стопку бумаг.- Остап Ибрагимович, может поможете выбрать что-нибудь из моих старых колоколамских.

- Я же вам говорил, Сеня, что меня интересуют только приключения миллионеров.

- Почему бы и нет? Есть один. О приключениях миллионера из Рио-де-Жанейро. Но... Остап

Ибрагимович, что с вами?

- Что вы делаете, Сеня, что вы делаете?- Остап потер виски.- Вы разбиваете честное сердце советского управдома, передовика жилкомхоза.

Гость из Южной Америки

В воскресенье утром на Большой Месткомовской улице показался джентльмен, невиданный доселе в Колоколамске. На нем был костюм из розового шевиота и звездный галстук. От джентльмена веяло запахом душистых прерий. Он растерянно поворачивал голову по сторонам, и по его полному лицу катились перламутровые слезы умиления. Вслед за диковинным гражданином двигалась тачка с разноцветными чемоданами, толкаемая станционным носильщиком.

Добравшись до Членской площади, кортеж остановился. Здесь открылся такой восхитительный вид на город Колоколамск и обтекающую его реку Збрую, что розовый джентльмен громко заплакал. Из вежливости всхлипнул и носильщик. При этом от него распространился удушливый запах водки. В таком положении застал их через час председатель лжеартели 'Личтруд' мосье Подлинник, проходивший через Членскую площадь по делам артели.

Остановившись за десять шагов от незнакомца, Подлинник с удивлением спросил:

- Пардон, где вы достали такой костюм?

- В Буэнос-Айресе,- ответил плачущий джентльмен.

- А галстук?

- В Рио-де-Жанейро.

- Кто же вы такой?- воскликнул Подлинник.

- Я колоколамец!- ответил джентльмен.- Я Горацио Федоренкос.

Восторгам председателя лжеартели не было пределов. Он хватал розового толстяка за талию, поднимал на воздух, громко целовал и громко задавал вопросы.

Через десять минут Подлинник знал все. Герасим Федоренко, тридцать лет тому назад уехавший из Колоколамска, нашел алмазные россыпи и неслыханно разбогател. Но, блуждая в степях Южной Америки, Горацио мечтал взглянуть хотя бы одним глазком на родной Колоколамск. И вот он здесь - рыдает от счастья.

Чествование соотечественника состоялось в анкетном зале военизированных курсов декламации и пения. Горацио Иванович заполнил почетную анкету, заключенную в шевровую папку, и поцеловался с начальником курсов Синдик-Бугаевским. Во время неофициальной части торжества Федоренкос плясал русскую. Он вилял спиной и мягко притопывал каучуковыми подошвами. На рассвете расстрогавшийся Горацио принял решение увековечить приезд в родной город постройкой тридцатидвухэтажного небоскреба для своих сограждан.

- Брешет!- говорили колоколамцы, качая головой.- Что-что, а насчет дома брешет! Такие дома не могут существовать в природе.

Каково же было их удивление, когда уже через неделю на Членской площади появились подъемные краны. Великие партии техников, инженеров и рабочих приехали из столичных центров. Постройкой руководил сам Горацио. Он был одет в синий парусиновый комбинезон и деловито ругался на странной смеси русского и дюжины иностранных языков.

Колоколамцы насмешливо поглядывали на постройку. Они ходили вокруг строящегося здания с видом несколько обиженных именованных и ограничивались тем, что воровали строительные материалы на топливо и высказывались в том смысле, что постройка движется слишком медленно.

К концу второго месяца небоскреб был уже почти готов. Тридцать второй его этаж упирался в

облака. Глубоко под землей кончали сборку электромоторов. Квадратные оконные стекла нижних этажей отражали дремучие леса и озера колоколамских окрестностей. А в окнах двадцать пятого этажа отражался даже губернский город, расположенный за 180 километров.

Оставалось смонтировать только водяное отопление, поставить в уборных фарфоровые унитазы и включить в общую электросеть кухонные плиты. Кроме того, не были закончены еще многие мелкие детали, без которых жизнь в большом доме становится невыносимой.

В это самое время распространился слух, что ночью в небоскреб самовольно вселился Никита Псов со всем своим хозяйством и цепной собакой. Говорили, что Никита захватил лучшую квартиру.

Будку с цепной собакой он поместил на лестничной площадке своего этажа.

Этого было достаточно, чтобы колоколамцы, сжигаемые нетерпением, лавой ринулись в незаконченное здание для захвата квартир. На пути своем они сшибали с ног монтеров и десятников. Напрасно Горацио Федоренкос взывал к благоразумию сограждан. С непокрытой головой он стоял у парадных дверей, обшитых листовой медью, и кричал:

- Милицос!

Внедрявшиеся в дом граждане только посмеивались и пренебрежно толкали Горацио Ивановича этажерками и топчанами. Федоренкос уехал. Его отъезда никто даже не заметил.

В новом доме поместился весь Колоколамск со всеми жителями, пивными, учреждениями, рогатым скотом и домашней птицей. Отделение милиции и многочисленные будуары для вытрезвления граждан разместились в центре дома - на шестнадцатом этаже.

По требованию колоколамцев пивные были распределены равномерно по всему зданию, и для скорейшего достижения их разрешено было пользоваться вне очереди пассажирскими лифтами. Экспрессные лифты, как самые емкие, были отданы под перевозку рогатого скота. Каждое утро пастух сгонял коров в лифты и спускал их вниз - на пастбище.

На первых порах обрадованные граждане невоздержанно предавались празднествам. Они циркулировали по небоскребу с методичностью кровообращения: из квартиры в пивную ближайшего этажа, оттуда в будуар для вытрезвления, затем в милицию для составления протокола, потом в первый этаж - судиться и, наконец, в 29-й этаж – Этаж Заключение.

Прошли праздники, наступили будни. По утрам во всех этажах стучали топоры. Колоколамцы рубили деревянные перегородки на дрова и топили ими перевезенные со старых квартир буржуйки. Из труб незаконченного центрального отопления колоколамцы делали кровати. Медные дверные приборы шли на выделку зажигалок. Эту кустарную продукцию колоколамцы продавали в губцентре. На лестничных лаковых перилах сушилось белье, а на мраморных площадках были воздвигнуты дощатые клозеты.

Никита Псов, житель 19-го этажа, тоскуя по привольной колоколамской жизни, залез как-то рубить дрова в лифт. Топором он зацепил какую-то кнопку, и лифт помчался. Он безостановочно летал в своей клетке вверх и вниз. Граждане высыпали на мраморные лестницы и в изумлении глядели на обезумевшую машину. В глазах у них сквозило недоверие к технике. Гражданка Псова, совершенно глупая баба, бегала за лифтом вниз и вверх и кричала:

- Никита Иваныч! Отдай хоть ключ от квартиры! Войтить в квартиру нельзя!

Дверь в квартиру Псовых взломали. Так как запереться было нечем, то квартиру воры очистили в ту же ночь. Подозрение пало на пятый этаж, этаж чрезвычайно подозрительный и уже названный Вороньей слободкой.

Остановить лифт удалось лишь вечером второго дня. Для этого пришлось испортить динамо-машину. Дом погрузился во мрак. Извлеченный из лифта в полумертвом состоянии Никита Псов злобно простонал:

- Не надо нам таких домов! Все пошло от этого международного джентльмена!

Когда же он увидел свою опустошенную квартиру, то немедленно выселился из небоскреба в старую халупу, разбив предварительно камнями все окна в ненавистой ему Вороньей слободке. Гонимые холодом слободские насильственно вторглись в шестой этаж, где помещались чрезвычайно расширенные курсы декламации. Ученики-декламаторы пошли в хулиганы. На темных лестницах начались грабежи. С одиноких колоколамцев снимали шубы и калоши.

На квартиру Подлинников, проживавших в глухом 32-м этаже с испорченной канализацией, был произведен налет. Перепуганный председатель лжеартели последовал примеру Никиты Псова. В домоуправлении он заявил, что жить так высоко очень страшно, что ему к тому же мешает сырость от проносящихся под окнами облаков.

В течение трех дней небоскреб совершенно опустел. Колоколамцы ушли на старые места. Некоторое время оставалась еще милиция, но и она выехала.

Постепенно все оборудование чудесного небоскреба растащили по халупам. От здания остался только остов. Черные квадраты окон печально смотрели на дремучие леса и озера колоколамских окрестностей, и губернский город не отражался больше в окнах 25-го этажа.

- Не выношу трепа о загадочной русской душе,- только и сказал Остап.- Если человек оторвался от России на пару лет, ему нет дороги назад.

Глава 12

РАЗГОВОРЫ ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ

Есть неумирающие темы, вечные, всегда волнующие человечество.

Например, наем дачи или обмен получулана без удобств в Черкизове на отдельную квартиру из трех комнат с газом в кольце 'А' (телефон обязательно), или, скажем, проблема взаимоотношений главы учреждения со своей секретаршей, или покупка головки для примуса. Но поистине неумирающая тема - это 'Отцы и дети'.

В семье Ситниковых было три человека - папа, мама и сын.

Папа был опытный бухгалтер, мама - опытная домашняя хозяйка, а сын был опытный пионер.

Казалось бы, все хорошо.

И тем не менее ежедневно за вечерним чаем происходили семейные ссоры.

Разговор обычно начинал папа.

- Ну, что у вас нового в классе?- спрашивал он.

- Не в классе, а в группе,- отвечал сын.- Сколько раз я тебе говорил, папа, что класс - это реакционно-феодалное понятие.

- Хорошо, хорошо. Пусть группа. Что же учили в группе?

- Не учили, а прорабатывали. Пора бы, кажется, знать.

- Ладно, что же прорабатывали?

- Мы прорабатывали вопросы влияния лассальянства на зарождение реформизма.

- Вот как! Лассальянство? А задачи решали?

- Решали.

- Вот это молодцы! Какие же решали задачи? Небось трудные?

- Да нет, не очень. Задачи материалистической философии в свете задач, поставленных второй сессией Комакадемии совместно с пленумом общества аграрников-марксистов.

Папа отодвинул чай, протер очки полдой пиджака и внимательно посмотрел на сына. Да нет, с виду как будто ничего. Мальчик как мальчик.

- Ну, а по-русскому языку что сейчас уч..., то есть прорабатываете?

- Последний раз коллективно зачитывали поэму 'Звонче голос за конский волос'.

- Про лошадку?- с надеждой спросил папа.- 'Что ты ржешь, мой конь ретивый, что ты шейку опустил?'

- Про конский волос,- сухо повторил сын.- Неужели не слышал?

Гей, ребята, все в поля

Для охоты на

Коня!

Лейся, песня, взвейся, голос.

Рвите ценный конский волос!

- Первый раз слышу такую... м-м-м... странную поэму,- сказал папа.- Кто это написал?

- Аркадий Паровой.

- Вероятно, мальчик? Из вашей группы?

- Какой там мальчик!.. Стыдно тебе, папа. А еще старый член профсоюза...

- Не знаешь Парового! Это знаменитый поэт. Мы недавно даже сочинение писали - 'Влияние творчества Парового на западную литературу'.

- А тебе не кажется,- осторожно спросил папа,- что в творчестве этого товарища Парового как-то мало поэтического чувства?

- Почему мало? Достаточно ясно выпячены вопросы сбора ненужного коню волоса для использования его в матрацной промышленности.

- Ненужного?

- Абсолютно ненужного.

- А конские уши вы не предполагаете собирать?- закричал папа дребезжащим голосом.- Поэзия!.. 'Гей, ребята, выйдем в поле, с корнем вырвем конский хвост!'

- 'Рвите ценный конский волос',- снисходительно поправил сын.

- Да не все ли равно?! 'Лейся, взвейся, конский голос!' Вы Пушкина читали?! Лермонтова?! Фета?! Кто написал 'Мертвые души'? Не знаешь? Гоголь написал. Гоголь!

- Вконец разложившийся и реакционно настроенный мелкий мистик...- процедил мальчик.

- Два с минусом!- ударил по столу кулаком папа.- Читать надо Гоголя, учить надо Гоголя, а прорабатывать будешь в Комакадемии лет через десять. Ну-с, расскажите мне, Ситников Николай, про Нью-Йорк.

- Тут наиболее резко, чем где бы то ни было,- запел Коля,- выявляются капиталистические противоре...

- Это я сам знаю. Ты мне расскажи, на берегу какого океана стоит Нью-Йорк?

Сын молчал.

- Сколько там населения?

- Не знаю.

- Где протекает река Ориноко?

- Не знаю.

- Кто была Екатерина Вторая?

- Продукт.

- Как продукт?

- Я сейчас вспомню. Мы прорабатывали... Ага! Продукт эпохи нарастающего влияния торгового капитала...

- Ты скажи, кем она была? Должность какую занимала?

- Этого мы не прорабатывали.

- Ах, так! А каковы признаки делимости на три?

- Вы кушайте,- сказала сердобольная мама.- Вечно у них эти споры.

- Нет, пусть он мне скажет, что такое полуостров,- кипятился папа.- Пусть скажет, что такое Куро-Сиво? Пусть скажет, что за продукт был Генрих Птицелов?

- Да ешьте же, ешьте,- чуть не плакала мама.- Вечно у них эти споры.

Папа долго хмыкал, пожимал плечами и что-то гневно шептал себе под нос. Потом собрался с силами и снова подступил к загадочному ребенку.

- Ну, а как вы отдыхаете, веселитесь? Чем вы развлекались в последнее время?

- Мы не развлекались. Некогда было.

- Что же вы делали?

- Мы боролись.

Папа оживился.

- Вот это мне нравится. Помню, я сам в детстве увлекался. Брауле, тур-де-тет, захват головы в партере. Это очень полезно. Чудная штука - французская борьба.

- Почему французская?

- А какая же?

- Обыкновенная борьба. Принципиальная.

- С кем же вы боролись?- спросил папа упавшим голосом.

- С лебедевщиной.

- Что это за лебедевщина такая? Кто это Лебедев?

- Один наш мальчик.

- Он что, мальчик плохого поведения? Шалун?

- Ужасного поведения, папа! Он повторил целый ряд деборинских ошибок в оценке махизма, махаевщины и механицизма.

- Это какой-то кошмар!

- Конечно, кошмар. Мы уже две недели только этим и занимаемся. Все силы отдали на борьбу. Вчера был политаврал.

Папа схватился за голову.

- Сколько же ему лет?

- Кому, Лебедеву? Да, немолод. Ему лет восемь.

- Восемь лет мальчику, и вы с ним боретесь?

- А как по-твоему? Проявлять оппортунизм? Смазывать вопрос?

Негромкий, но уверенный стук в дверь и голос хозяйки: 'Пожалуйста, Остап Ибрагимович, к чаю!'- спора не прекратили.

- Вот, товарищ Бендер, полюбуйтеесь!- кричал Ситников-старший.- Это же верхоглядство, схематизм, начетничество, шельмование, наконец! Поэму какого-то Паровозова прорабатывают: 'Гей, ребята, на охоту, надрывайте конский голос'! Мальчишку восьмилетнего махновцем объявляют, а где находится Нью-Йорк не знают! Невероятно!

На стене висела средних размеров географическая карта Европы. Взгляд Бендера скользнул по Средиземному морю, рука легла на плечо мальчика:

- Видишь ли, товарищ Коля, как писал товарищ Маркс, мировой революции без знания географии не сваришь.

- В каком томе?- сразу же поинтересовался опытный пионер.

- Писал, писал, мой юный ортодокс. В четвертом классе гимназии, до того как взялся за полное собрание сочинений и писем.

Нужно было форсировать развязку.

- А сколько нам открытий чудных готовит марксистский анализ русских фамилий!- Остап искоса наблюдал за бухгалтером.- Суворов-Рымникский!- он ткнул кулаком куда-то в район Измаила, где протекает неотмеченная на карте речка Рымник.- Римский-Корсаков!- пятерня управдома раздавила дворец Муссолини.- Граф Средиземский!- палец Бендера уперся в испанскую Картахену, взгляд - в 'кандидата'.

Ситников-старший смотрел на карту непонимающе, но с надеждой...

Глава 13

КАК СОЗДАВАЛСЯ РОБИНЗОН

- Командор, знаете, кого я встретил вчера в редакции 'Похождения - в жизнь!'- спросил Сеня за ужином.- Ошейникова. Очень скользкий тип.

В редакции еженедельника 'Похождения - в жизнь!' ощущалась нехватка художественных произведений, способных приковать внимание молодежного читателя.

Были кое-какие произведения, но все не то. Слишком много было в них слюнявой серьезности.

Сказать правду, они омрачали душу молодежного читателя, не приковывали. А редактору хотелось именно приковать.

В конце концов решили заказать роман с продолжением.

Редакционный скороход помчался с повесткой к писателю Ошейникову, и уже на другой день Ошейников сидел на купеческом диване в кабинете редактора.

- Вы понимаете,- втолковывал редактор,- это должно быть занимательно, свежо, полно интересных приключений. В общем, это должен быть советский Робинзон Крузо. Так, чтобы читатель не мог оторваться.

- Робинзон - это можно,- кратко сказал писатель.

Вообще-то, Ошейников мечтал стать великим поэтом, но Институт Стихотворных Эмоций, где он когда-то обучался, прихлопнул Главпрофобр, прежде чем великий поэт понял, что в конце фразы необходимо ставить точку.

- Только не просто Робинзон, а советский Робинзон.

- Какой же еще! Не румынский!

Писатель был неразговорчив. Сразу было видно, что это человек дела.

И действительно, роман поспел к условленному сроку. Ошейников не слишком отклонился от условленного подлинника. Робинзон так Робинзон.

Советский юноша терпит кораблекрушение. Волна выносит его на необитаемый остров. Он один, беззащитный, перед лицом могучей природы. Его окружают опасности: звери, лианы, предстоящий дождливый период. Но советский Робинзон, полный энергии, преодолевает все препятствия, казавшиеся непреодолимыми. И через три года советская экспедиция находит его, находит в расцвете сил. Он победил природу, выстроил домик, окружил его зеленым кольцом огородов, развел кроликов, сшил себе толстовку из обезьяньих хвостов и научил попугая будить себя по утрам

словами: 'Внимание! Сбросьте одеяло, сбросьте одеяло! Начинаем утреннюю гимнастику!'

- Очень хорошо,- сказал редактор,- а про кроликов просто великолепно. Вполне своевременно. Но, вы знаете, мне не совсем ясна основная мысль произведения.

- Борьба человека с природой,- с обычной краткостью сообщил Ошейников.

- Да, но нет ничего советского.

- А попугай? Ведь он у меня заменяет радио. Советское радио,- добавил Ошейников многозначительно.

- Попугай - это хорошо. И кольцо огородов хорошо. Но не чувствуется советской общественности. Где, например, местком? Руководящая роль профсоюза?

Ошейников вдруг заволновался. Как только он почувствовал, что роман могут не взять, неразговорчивость его мигом исчезла. Он стал красноречив.

- Откуда же местком? Ведь остров необитаемый?

- Да, совершенно верно, необитаемый. Но местком должен быть. Я не художник слова, но на вашем месте я бы ввел. Как советский элемент.

- Но ведь весь сюжет построен на том, что остров необита...

Тут Ошейников случайно посмотрел в глаза редактора и запнулся. Глаза были такие весенние, такая там чувствовалась мартовская пустота и синева, что он решил пойти на компромисс.

- А ведь вы правы,- сказал он, подымая палец.- Конечно. Как это я сразу не сообразил? Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома.

- И еще два освобожденных члена,- холодно сказал редактор.

- Ой! - пискнул Ошейников.

- Ничего не ой. Два освобожденных, ну и одна активистка, сборщица членских взносов.

- Зачем же еще сборщица? У кого она, будет собирать членские взносы?

- А у Робинзона.

- У Робинзона может собирать взносы председатель. Ничего ему не сделается.

- Вот тут вы ошибаетесь, товарищ Ошейников. Это абсолютно недопустимо. Председатель месткома не должен размениваться на мелочи и бегать собирать взносы. Мы боремся с этим. Он должен заниматься серьезной руководящей работой.

- Тогда можно и сборщицу,- покорился Ошейников.- Это даже хорошо. Она выйдет замуж за председателя или за того же Робинзона. Все-таки веселей будет читать.

- Не стоит. Не скатывайтесь в бульварщину, в нездоровую эротику. Пусть она себе собирает свои членские взносы и хранит их в несгораемом шкафу.

Ошейников заерзал на диване.

- Позвольте, несгораемый шкаф не может быть на необитаемом острове!

Редактор призадумался.

- Стойте, стойте,- сказал он,- у вас там в первой главе есть чудесное место. Вместе с Робинзоном и членами месткома волна выбрасывает на берег разные вещи...

- Топор, карабин, буссоль, бочку рома и бутылку с противоязвотным средством,- торжественно перечислил писатель.

- Ром вычеркните,- быстро сказал редактор,- и потом, что это за бутылка с противоязвотным средством? Кому это нужно? Лучше бутылку чернил! И обязательно несгораемый шкаф.

- Дался вам этот шкаф! Членские взносы можно отлично хранить в дупле баобаба. Кто их там украдет?

- Как кто? А Робинзон? А председатель месткома? А освобожденные члены? А ревизионная комиссия?

- Разве она тоже спаслась?- трусливо спросил Ошейников.

- Спаслась.

Наступило молчание.

- Может быть, и стол для заседаний выбросила волна?!- ехидно спросил автор.

- Не-пре-мен-но! Надо же создать людям условия для работы. Ну, там графин с водой, колокольчик, скатерть. Скатерть пусть волна выбросит какую угодно. Можно алую, можно малиновую или бордовую. Я не стесняю художественного творчества. Но вот, голубчик, что нужно сделать в первую очередь - это показать массу. Широкие слои трудящихся.

- Волна не может выбросить массу,- заупрямился Ошейников.- Это идет вразрез с сюжетом.

Подумайте! Волна вдруг выбрасывает на берег несколько десятков тысяч человек! Ведь это курам на смех.

- Кстати, небольшое количество здорового, бодрого, жизнерадостного смеха,- вставил редактор,- никогда не помешает.

- Нет! Волна этого не может сделать.

- Почему волна?- удивился вдруг редактор.

- А как же иначе масса попадет на остров? Ведь остров необитаемый?!

- Кто вам сказал, что он необитаемый? Вы меня что-то путаете. Все ясно. Существует остров, лучше даже полуостров. Так оно спокойнее. И там происходит ряд занимательных, свежих, интересных приключений. Ведется профработа, иногда недостаточно ведется. Активистка вскрывает ряд неполадок, ну хоть бы в области собирания членских взносов. Ей помогают широкие слои. И раскаявшийся председатель. Под конец можно дать общее собрание. Это получится очень эффектно именно в художественном отношении. Ну и все.

- А Робинзон?- пролепетал Ошейников.

- Да. Хорошо, что вы мне напомнили. Робинзон меня смущает. Не то чтобы фамилия идеологически не выдержанная. Знаете ли, Робинзон, Керзон. Просто, нелепая, ничем не оправданная фигура нытика. Выбросьте его совсем.

- Теперь все понятно,- сказал Ошейников гробовым голосом,- через неделю будет готово.

- Ну, всего. Творите. Кстати, у вас в начале романа происходит кораблекрушение. Знаете, не надо кораблекрушения. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет занимательней. Правильно? Ну и хорошо. Будьте здоровы!

Оставшись один, редактор радостно засмеялся.

- Наконец-то,- сказал он,- у меня будет настоящее приключенческое и притом вполне художественное произведение.

Поздно ночью Ошейников, сжав голову руками, сидел за столом.

Надо сказать, что Ошейников был плодовитым писателем. На его столе в творческом беспорядке были разбросаны рукописи - оперетты: 'В волнах самокритики', 'Фокс на Полюсе'; сельские частушки: 'Мой миленок не дурак, вылез на акацию, я ж пойду в универмаг, куплю облигацию'; романы: 'Пылали домны в час заката, а ты уехала в ландо', 'Ты из ландо смотрела влево, где высилось строительство гидро'. Из-под романов высывалась историческая пьеса 'Столетняя война', начинав-шаяся ремаркой: 'Граф опрокинул графиню на сундук и начал от нее добиваться'. Всю эту творческую лабораторию покрывала внушительная рукопись 'Ее бетономешалка' (производственная пьеса в 8 актах), по поводу которой режиссер Принципиального театра сказал: 'Послушайте, Ошейников!.. Ваша пьеса только в чтении занимает двое суток. Кроме того, в третьем акте у вас участвуют души умерших. Бросьте вы это. Поймите же, что чудес на свете нет, а гением

творения их является человек. Материалистам призраки вообще нипочем, тем более нам, как марксистам'...

Тут, конечно, удобно было бы порадовать читателя экстренным сообщением о том, что мягкий свет штепсельной лампы бросал причудливые блики на лицо писателя, что в доме было тихо, и лишь поскрипывали половицы, да где-то (далеко-далеко) брехала собака.

Но к чему все эти красивые литературные детали? Современники все равно не оценят, а потомки проклянут.

В силу этого будем кратки.

- С чего начать, с чего начать этого Робинзона?- жалобно бормотал Ошейников.

- Начни с начала,- легкомысленно посоветовала жена.

- Не клеится,- вздохнул писатель.

- Тогда с конца. Что у тебя в конце?

- Общее собрание профсоюза полуостровитян. Но совершенно нет типажей.

- А ты пиши их с ну-у-жных людей,- жена погладила Ошейникова по голове.- Не меняя фамилий.

Помнишь, когда был еще журналистом, писал о юбилее директора Ботанического сада. Весь президиум описал, а про юбиляра забыл,- жена звонко рассмеялась.

- А на черта мне был этот юбиляр?- обиделся Ошейников.- На черта мне Ботанический сад! Вот если бы это был фруктовый сад, тогда другое дело!

'Но идею жена подала неплохую',- подумал Ошейников и посмотрел на жену спокойным, светлым, весенним взглядом.

Первые строчки Ошейников написал не думая. Помогали голая техника и знание вкусов редактора.

'Необъятный зал (зачеркнуто). Необъятная поляна, вместимостью в две тысячи пятьсот человек, кипела морем голов. Представители общественности выплескивались из оврагов и буераков, наполняя волнами радостного гула наше гигантское вместилище.'

Ошейников попросил у жены чаю и продолжал писать: 'Но вот море голов утихает. На поляне появляется знакомая всем собравшимся могучая, как бы изваянная из чего-то фигура Антона Николаевича Гусилина с портфелем крокодильей кожи. Поляна раздражается океаном бесчисленных аплодисментов.'

Еще десять подобных строчек легко выпорхнули из-под пера писателя. Дальше стало труднее, потому что надо описать новую фигуру - председателя райисполкома тов. Чихаева.

Фигура была новая, а выражения только старые. Но и здесь Ошейников, как говорится, выкрутился.

'За столом президиума энергичной походкой появляется лицо тов. Чихаева с чудным шевровым портфелем. Поляна взрывается рокочущим прибоем несмолкаемых рукоплесканий. Но вот kloкочущее море присутствующих, пенясь и клубясь бурливой радостью, входит в берега сосредоточенного внимания.'

Ошейников задумался.

'Входит-то оно входит, а дальше что?'

Он встал из-за стола и принялся нервно прогуливаться по комнате. Это иногда помогает, некоторым образом заменяет вдохновение.

'Так, так,- думал он,- этого Чихаева я описал неплохо. И фигура Гусилина тоже получилась у меня довольно яркая. Но вот чувствуется нехватка чисто художественных подробностей.'

Мысли Ошейникова разбрелись.

'Черт знает что,- размышлял он,- обещали выделить матери отдельную комнату в коммуналке и все не дают. Родителям Илюшки Качурина дали, этому бандиту Фиалкину дали, а моей... Не брать же ее

сюда.’

Вдруг лицо Ошейникова озарилось нежной детской улыбкой. Он подошел к столу и быстро написал: ‘По правую руку от председателя собрания появилась уверенная, плотная, крепко бритая фигура нашего заботливого заведующего жилищным отделом Ф.З. Грудастого с портфелем кубанского буйвола. Снова вскипает шум аплодисментов.’ Для полного душевного спокойствия он вместо слов ‘шум аплодисментов’ записал ‘грохот оваций’ и щедро добавил:

‘Тов. Грудастый спокойным взглядом выдающегося хозяйственника обводит настороженно притихшие лица первых рядов, как бы выражающие общее мнение: ‘Уж наш т.Грудастый не подкачает, уж он уверенно доведет до конца стройку и справедливо распределит квартиры среди достойнейших.’

Ошейников перечел все написанное. Выглядело недурно, однако художественных подробностей было еще маловато.

И он погрузился в творческое раздумье. Скоро наступит лето, засверкает солнышко, запоют птички, зашелестит мурава... Ах, природа, вечно юная природа... лежишь в собственном гамаке на собственной даче... вокруг зелена, овсы...

Ошейников очнулся от грез.

‘Эх, и мне бы дачку!’ - подумал он жмурясь.

Тут же из-под пера журналиста вылились новые вдохновенные строки:

‘Из группы членов президиума выделяется умный, как бы освещенный весенним солнцем, работоспособный профиль руководителя дачного подотдела тов. Куликова с изящным свинячим портфелем, этого неукротимого деятеля, кующего нам летний, здоровый, культурный, бодрый, радостный, ликующий отдых. Невольно думается, что дачное дело – в верных руках’.

Муки художественного творчества избородили лоб Ошейникова глубокими морщинами.

В комнату вошла жена.

- Ты знаешь,- сказала она,- меня беспокоит наш Миша.

- А что такое?

- Да вот все неуды стал из школы приносить. Как бы его не оставили на второй год.

- Стоп, стоп,- неожиданно сказал журналист.- Это очень ценная художественная деталь. Сейчас, сейчас.

И в романе появился новый абзац.

‘Там и сям мелькает в море голов выразительное лицо и внушающая невольное уважение фигура заведующего отделом народного образования тов. Калачевского с портфелем тяньшаньского архара. Как-то мысленно соединяешь его фигуру с морем детских личиков, так жадно тянущихся к культуре, к знанию, к свету, к чему-то новому’.

- Вот ты сидишь по ночам,- сказала жена,- трудишься, а этот бездельник Фиалкин получил бесплатную каюту на пароходе.

- Не может быть!

- Почему же не может быть? Мне сама Фиалкина говорила. На днях они уезжают. Замечательная прогулка. Туда - неделю, назад - неделю. Их, кажется, даже будут кормить на казенный счет.

- Вот собака!- сказал Ошейников, бледнея.- Когда это он успел? Ну, ладно, не мешай мне со своей чепухой.

Но рука уже сама выводила горячие, солнечные строки:

‘А вот нет-нет да мелькнет из-за любимых всеми трудящимися спин руководителей мужественный и глубоко симпатичный анфас начальника речного госпароходства Каюткина с тюленьим портфелем, показывающего неисчерпаемые образцы ударной, подлинно водницкой работы’.

- Что-то у меня в последнее время поясница поламывает,- продолжала жена.- Хорошо бы порошки достать, только нигде их сейчас нет.

- Поламывает?- встрепнулся писатель.- А вот мы сейчас тебе пропишем твои порошки.

Ошейников вытер пот и, чувствуя прилив творческих сил, продолжал писать:

‘В толпе зрителей мелькает знаменитое на всем полуострове пенсне нашего любимого заведующего здравотделом... портфелем благородного мышиноного...’

С кухни доносился запах супа. Это был запах лавровых венков.

Через четверть часа глава была готова. Среди оказавшихся на полуострове руководящих работников были упомянуты все - и директор лучшего театра, и администратор кино ‘Тарас Бульба’, и начальник отделения милиции, и даже заведующий пожарным отделом (‘...чей полный отваги взгляд... с брезентовым портфелем...’).

Заведующего писатель вставил на случай пожара.

- Будет лучше тушить,- сладострастно объяснил он,- энергичнее, чем у других.

Супруга окинула написанное быстрым взглядом и вдруг нахмурилась.

- Ну, ну... А делать ремонт, проводить телефон, разбираться с соседями ты собственноручно собираешься?

- Н-нет... А что? Кого забыл?- забеспокоился Ошейников.

- Управдома! Остапа Ибрагимовича. Как хочешь, но всунь. Кстати, мы недавно беседовали. Очень милый человек. Тобой интересовался. Хорошо бы сойтись покороче. Давай я его завтра и приглашу? Как будто из-за выключателя в ванной.

За столом Остап живо обсуждал с хозяевами литературные и околотрудовские новости, искренне хохотал над дураком-редактором и горячо благодарил за предложение обессмертить свое имя в романе.

- Только вот что!- радостно закричал Остап.- Давайте под псевдонимом!

- Давайте!- радостно поддержал Ошейников.

- Средиземский Аполлинарий Спиридонович!- заорал Бендер и бросил на стол ‘Историю дипломатии’.- Вот, кстати, и книжечка ваша,- он понизил голос.- Жильцы видели, как вы обронили: попросили вернуть.

- Да-да, точно, моя книжечка, спасибо,- обрадовался Ошейников, поглаживая дорогой переплет.- Больших денег стоит. Вот и зазорчик от нее на книжной полке остался...

Солидная старорежимная книга упорно не хотела влазить в древтрестовскую полку, рассчитанную разве что на ‘Карманную библиотечку фабричнозаводского активиста’.

- Пардон,- Бендер перехватил плутоватую руку романиста.- Обишурился впотьмах. А ваша-то книга - это ‘Новейший справочник управдома’. Если позволите, оставлю себе почитать.

- Конечно, конечно,- промямлил Ошейников.- А Средиземский - это хорошо. Экзотическая фамилия...

Глава заканчивалась словами: ‘Вот стоит на мысу, мужественно зажав под мышкой экзотический жирафий портфель дорогой наш управдом Аполлинарий Средиземский, ища глазами вражеские пироги. Полуостров может спать спокойно.’

Мореплаватель и плотник

Неслыханный кризис, как леденящий все живое антициклон, пронесся над Колоколамском. Из

немногочисленных лавочек и с базарных лотков совершенно исчезла кожа. Исчез хром, исчезло шевро, иссякли даже запасы подошвы.

В течение целой недели колоколамцы недоумевали. Когда же, в довершение несчастья, с рынка исчез брезент, они окончательно приуныли.

К счастью, причины кризиса скоро разъяснились. Разъяснились они на празднике, данном в честь председателя общества 'Геть рукопожатие' гражданина Долой-Вышневецкого по поводу пятилетнего его служения делу изжития рукопожатий.

Торжество открылось в лучшем городском помещении - анкетном зале курсов декламации и пения. Один за другим по красному коврику всходили на эстраду представители городских организаций, произносили приветственные речи и вручали юбиляру подарки.

Приветственные речи были горячи, и ораторы щедро рассыпали сравнения. Долой-Вышневецкого сравнивали с могучим дубом, с ценным сосудом, содержащим в себе кипучую энергию, и с паровозом, который бодро шагает к намеченной цели.

Шесть сотрудников общества 'Геть рукопожатие' преподнесли любимому начальнику шесть шевровых портфелей огненного цвета с чемоданными ремнями и ручками.

Дружественное общество 'Геть неграмотность' в лице председателя Баллюстрадника одарило взволнованного юбиляра двенадцатью хромовыми портфелями крокодилей выделки.

Юбиляр кланялся и благодарил. Оркестр мандолинистов непрерывно исполнял туш.

Начальник милиции Отмежуев, молодецки хрипя, отрапортовал приветствие и выдал герою четыре брезентовых портфеля с мечами и бантами.

Не ударил лицом в грязь и брандмайор Огоньцов-Огольцов. Ему, правда, не повезло. Он спохватился поздно, когда кожи уже не было. Но из этого испытания брандмайор вышел победителем: он разрезал большой шланг и соорудил из него бесподобный резиновый портфель. Это был лучший из портфелей. Он так растягивался, что мог вместить все текущие дела и архивы большого учреждения. Долой-Вышневецкий плакал.

Речь председателя лжеартели 'Личтруд' Подлинника, выступившего от имени городской торговли и промышленности, надолго еще останется в памяти колоколамцев. Даже через тысячу лет речь Подлинника наряду с речами Цицерона и Плевако будет почитаться образцом ораторского искусства.

Тут было все: и 'стояние на посту', и 'высоко держа', и 'счастье совместной работы', и 'блестящая инициатива, так способствовавшая'.

- Вы!- воскликнул Подлинник, тыча указательным пальцем в юбиляра.- Вы - жрец науки, мученик идеи, великой идеи отмены рукопожатий в нашем городе! Вот я плачу перед вами!

Подлинник сделал попытку заплакать, но это ему не удалось.

- Я глухо рыдаю!- закричал он.

И сделал знак рукой.

Немедленно распахнулась дверь и по боковому проходу в залу вкатилась тачка, увитая хвоей. Она была доверху нагружена коллекционными портфелями.

- Я не могу говорить!- проблеял Подлинник.

И, захватив в руку груды портфелей, ловко стал метать их в юбиляра, дружелюбно покрикивая:

- Вы академик! Вы герой! Вы мореплаватель! Вы плотник! Я не умею говорить! Горько! Горько!

Он сделал попытку поцеловать юбиляра, но это было невозможно. Долой-Вышневецкий по самое горло был засыпан портфелями, и к нему нельзя было подобраться.

Такого юбилея Колоколамск еще никогда не видал.

На другой день утром по городу прошел слух, что кожа наконец-то появилась в продаже. Где

появилась кожа, еще никто не знал, но взволнованные граждане на всякий случай наводнили улицы города. К полудню все бежали к рынку.

У мясных рядов вилась длинная очередь. Перед нею под большим зонтом мирно сидел академик, герой, мореплаватель и плотник Долой-Вышневецкий. Пять лет посвятил он великому делу истребления рукопожатий в пределах города Колоколамска, а первый день шестого года отдал торговле плодами своей работы. Он продавал портфели. Они были аккуратно рассортированы с обозначением цены на каждом из них.

- А вот кому хорошие портфели!- зазывал юбиляр.- А вот кому кожа на штиблеты, на сапоги, на дамские лодочки! Ремни на упряжь! Есть портфели бронированные, крокодиловые, резиновые! Лучший оригинальный забавный подарок детям на пасху - мечи и банты! А вот кому мечи и банты на детские игрушки!

Стоптавшие обувь колоколамцы торопливо раскупали портфели и сейчас же относили их к сапожникам.

Гражданин Подлинник, горько улыбаясь, приторговывал шевровый портфель на туфли жене.

- Я не оратор!- говорил он.- Но десять рублей за этот портфель, с ума сойти! Тоже мореплаватель!

- У нас без торгу!- отвечал мореплаватель и плотник.- А вот кому портфели бронированные, крокодиловые, резиновые! На сапоги! На дамские лодочки!

Торговал он и на другой день. Еще несколько месяцев Долой-Вышневецкий по совместительству руководил обществом 'Геть рукопожатие', но в конце концов он превратился в торговца портфелями, дамскими сумочками, бумажниками и ломкими дамскими поясками. О своей былой научной деятельности он вспоминал редко и с неудовольствием.

Так погиб для колоколамской общественности лучший ее представитель - глава общества 'Геть рукопожатие'.

Глава 14

ЧЕСТНОЕ СЕРДЦЕ БОЛЕЛЬЩИКА

Несколько раз в году бывают светлые и удивительные, почти что противоестественные дни, когда в Москве не происходит ни одного заседания. Не звенят в эти дни председательские колокольчики, никто не просит слова к порядку ведения собрания, не слышны замогильные голоса докладчиков. Все ушли. Ушли на стадион 'Динамо' смотреть футбол.

Уже за неделю до этого чудодейственного дня весь дом знал, что жилец квартиры № 17, страстный болельщик Онуфрий Голубец собирается на матч 'Украина-РСФСР'. Собрался приобщиться к великому действу и управдом. Но об этом знали только он и его сосед по квартире.

- Как ты думаешь, Сеня,- спросил Остап, захлопнув самоучитель английского.- Какой язык труднее всего изучить русскому человеку?

- Не знаю, наверное, китайский,- равнодушно ответил Сеня.

- Нет,- тяжелая дума терзала Остапа.- Украинский. То есть, как-нибудь можно, а вот по-настоящему - нет... Слишком близок. Столько одинакового, что трудно сосредоточиться, вспоминая слова. Все время будешь срывать на родной.

- Ну и что?- вяло отозвался Сеня.

- Да в том-то и дело, что Голубец чешет по-украински как по-писанному.

- Так он и есть хохол!

- Что?.. Да-да, конечно,- спохватился Остап.- Кстати, ты любишь футбол?

- Нет, не люблю. Да и работы много,- Сеня кивнул на пухлый портфель.- Рабкоровская корреспонденция.

- А я люблю. И между прочим, был капитаном 1-й юношеской команды в Одессе. Так что эта игра будет для меня решающей.

Со всех сторон на Страстную площадь стекались любители футбольной игры, юные и пожилые ревнители физкультуры. Отсюда на стадион 'Динамо' вела прямая дорога. Отсюда многотысячные толпы шли напролом. Расталкивая суетливых болельщиков и не сводя взгляда с толстой спины Голубца, Бендер крейсерским шагом пробивался к стадиону.

Каждый хвалит тот вид спорта, которым он увлечен.

Когда теннисисту предлагают сыграть в волейбол, он высокомерно улыбается и поправляет складку на своих белых штанах. Из этого ясно видно, что он считает волейбол занятием грубым, вульгарным, недостойным выдержанного спортсмена из производственной ячейки.

Городошники возятся у своих квадратов, бормочут странные, медвежьи слова: 'тыка' и 'ляпа', мечут окованные медью дубины и в восторге бьют себя по плоским ляжкам. Вид у городошников совсем не спортивный. Длинные черные штаны и развалистая походка делают их похожими на грубиянов-шкиперов из маленькой гавани. Они всем сердцем преданы городошническим идеям. Когда они видят теннисный корт, над которым летает легкий белый мячик, их разбирает смех. Можно ли, в самом деле, заниматься такими пустяками!

А где-то за дачными заборами, положив портфели на зеленые скамейки, люди с серьезными бородками стучат крокетными молотками, выходят в 'разбойники' и хватаются за сердце, когда полированный шар застревает в 'масле'. Эта игра умирает, но есть еще у нее свои почитатели, последние и беззаветные поборники крокетной мысли.

Итак, каждый хвалит тот вид спорта, которым он увлечен.

Но в день футбольного матча все преобразуется.

Где ты, гордость теннисиста? Забыв про свои получемберленовские манеры, про любимые белые штаны с неувядаемой складкой, теннисист цепляется за поручни трамвая. В эту минуту он уже не теннисист, он - барс. Оказывается, что

под внешней оболочкой теннисиста бьется честное футбольное сердце. Он болельщик. Богатыри городошники волокут за собой своих жен, объясняя им на ходу великую разницу между офсайтом и инсайтом.

- Инсайт, понимаешь ты, бывает правый и левый, а офсайт, понимаешь, бывает справедливый и несправедливый.

А жене хочется в кино. Ей трудно усвоить эти тонкости. Но футбол свое возьмет, и через час эта тихая женщина будет кричать нечеловеческим голосом:

- Неправильно! Судья мотает!

И возможно даже, что это хрупкое создание вложит два пальца в розовый ротик и издаст протестующий индейский свист.

А на асфальтовой дороге к стадиону толпы все густеют. Вытаращив глаза и награждая друг друга радостными пинками, бегут мальчишки, самые преданные, самые искренние приверженцы футбола. Оставив английские уклады крокета, возбужденно протискиваются к своей трибуне люди с серьезными бородками. Они плохо разбираются в футболе (не тот возраст, да и молодость прошла за преферансом по четверть копейки), но, оказывается, они тоже не чужды веяниям эпохи, они тоже будут волноваться и кричать противными городскими голосами: 'Корнер! Корнер!', в то время как

корнера в помине нет, а судья назначает штрафной одиннадцатиметровый удар.

Положение обыкновенных граждан в такой день ужасно. Все пути сообщения заняты любителями. Размахивая руками и громко делясь догадками насчет предстоящей игры, они захватывают вагоны, мостовые, тротуары, окружают одиночные такси и с молящими лицами просят шофера отвезти их на стадион, просят как нищие, со слезами на глазах.

Рассказывают, что некая старушонка, прибывшая из Можайска в день матча, безрезультатно простояла в трамвайной очереди восемь часов кряду и, так ничего и не поняв, уехала обратно в Можайск.

В общем, так или иначе, счастливые обладатели билетов (обычно это организованные через завкомы зрители) подбираются к стадиону. Здесь их ожидают еще большие толпы. Это неорганизованные зрители, которые билетов не достали и не достанут. Пришли они в надежде на чудо.

Расчет простой: у кого-нибудь из пятидесяти тысяч заболит жена или приятель. 'Бывают же такие случаи', - мечтает неорганизованный зритель. И этот 'кто-нибудь' продает один или даже оба билета. Или вдруг какой-нибудь полусумасшедший индивидуум, пробившись к самым воротам северной трибуны, раздумает; вдруг он не захочет идти на матч. И тоже продаст свой билет.

Но напрасно неорганизованный зритель умильно заглядывает в глаза зрителя организованного и шепчет:

- Нет у вас лишнего билетика?

Все напрасно. Жены и приятели в такой день не болеют, а полусумасшедших индивидуумов и вовсе нет.

Утверждают впрочем, что какой-то оригинал предложил свободный билет на круглую трибуну. Едва он сообщил об этом, как утонул в толпе неорганизованных зрителей. Минуты две продолжалось тяжелое топтание и возня, а когда все разошлись с раскрасневшимися лицами, на месте происшествия были найдены только две пиджачные пуговицы и кучка пепла. И никто до сих пор не знает, куда девался опрометчивый собственник билета.

А ведь еще в 1910 году на международный футбольный матч приходило только человек 300. Но даже из них сидело не больше двадцати. Не хватало места.

Так что историю футбола можно начать торжественной фразой: 'Стадиона никогда не хватало и не будет хватать.'

За полчаса до начала матча, когда зритель идет косяком, как сельдь, а машины, собравшиеся со всей Москвы, выстраиваются в длинную веселую ленту, кинофабрика высылает съемочную группу, которая быстро накручивает кадры, изображающие уличное движение в Нью-Йорке. Это необходимо для картины 'Акула капитала'.

Бетонные откосы стадиона заняты сплошь. На северной трибуне зрители разворачивают пакетики и, волнуясь, закусывают (они не успели пообедать). На южной, солнечной, трибуне устраивают из газет дурацкие смешные треугольники и фунтики и напяливают их на головы. Курящие заранее закуривают, чтобы потом не отвлекаться, а некурящие кладут в рот мятные драже 'пектус' и нервно цокают языками.

Но вот на большом травяном поле раздается хватающий за душу, полный четырехзвучный судейский свисток, возвещающий начало большого футбольного матча.

Игра началась и судья осторожно увертывается от тяжелого и быстрого полета мяча. Игроки скатываются то к одним воротам, то к другим. Вратари нервно танцуют перед своими сетками. Трибуны живут полной жизнью.

Уже вперед известно, по какой причине трибуны будут хохотать.

Первым долгом мяч угодит в фотографа, и именно в то время, когда он с кассетой в зубах будет

подползать к воротам, чтобы заснять так называемый критический момент. Сраженный ударом, он упадет на спину и машинально снимет пустое небо. Это бывает на каждом матче, и это действительно очень смешно.

Затем несколько десятков тысяч человек засмеются потому, что на поле внезапно выбежит собачка. Она несколько секунд носится перед мячом, и (вот ужас!) игра начинает нравиться даже ей. Она взволнованно и радостно лает на игроков и ложится на спину, чтобы ее приласкали. Но собачка получает свое. В нее попадает мяч, и, перекувыркнувшись раз двадцать пять, она с плачевным лаем покидает поле.

В третий раз трибуны смеются над волнениями одного суперболельщика. Забыв все на свете, он подымается с места, кричит: 'Ваня, сажай!' - и так как Ваня не сажает, а мажет, и мяч ударяется о штангу ворот, то суперболельщик начинает рыдать. Слезы текут по его широким щекам и каплют с длинных усов. Ему не стыдно. Он слишком потрясен поведением мазуна, чтобы заметить, что на него со смехом смотрят двадцать тысяч человек.

Матч проходит с возмущающей душу любителя быстротой. Хотя игра длится полтора часа, но любителю чудится, что его обманули, что играли только две минуты. И даже в эти две минуты судья был явно пристрастен к одной из сторон и нагло не заметил удар в офсайте. Вот если бы судил он, болельщик, тогда все было бы правильно и лучше.

Все же любитель футбола хороший и настоящий человек. Он молод несмотря на паспортный возраст. Он волнуется, кипит, болеет душой, высоко ценит дружную игру команды, умную передачу и красивый гол.

Каким будет конец игры, тоже известно заранее.

По воротам бьют непрерывно и не всегда осмысленно. Команды предлагают бешеный темп. Трибуны неистовствуют.

Болельщики уже не хохочут, не плачут. Они не сводят глаз с мяча. В это время у них можно очистить карманы, снять с них ботинки, даже брюки. Они ничего не заметят.

Но вот очищающее влияние футбола! Ни один карманщик не потратит этих последних, потрясающих минут, чтобы предаться своему основному занятию.

Может быть, он и пришел специально за тем, чтобы залезть в чужой карман, но игра увлекла, и он прозевал самые выгодные моменты.

В эту тихую минуту, когда, для того, чтобы отыгаться, остается только несколько драгоценных мгновений и игра достигает предельного напряжения, с места поднимается первый пижон в белой замшевой кепке и, ступая по ногам, устремляется к выходу. Его увлекает мечта попасть в пустой вагон трамвая. Сейчас же, вслед за этим событием, определяется число пижонов, присутствующих на матче. Их примерно три тысячи человек. Они срываются с места и, обезумев, бегут к выходу. Это жалкие люди, которым трамвай дороже футбола. Их презирают как штрейкбрехеров.

В то время как они с визгом, кусая друг друга, борются за местечко на конечной остановке трамвая, весь массив зрителей переживает последние неповторимые комбинации футбольного боя.

И еще минуту спустя после финального свистка все сидят неподвижно, встают без суеты и чинно выходят на шоссе, поднимая облака пыли. Тут обсуждается игра и выносятся окончательные суждения о том или ином игроке.

Здесь плохо приходится одиночке. Хочется поделиться, а поделиться не с кем. С жалобной улыбкой подбегает одиночка к группам и заговаривает с ними. Но все заняты спором, и появление нового собеседника встречается холодно. Плохо одиночке!

На одном из недавних матчей приключилась беда с великим любителем футбола. Он был на стадионе в большой компании, но при выходе растерял приятелей в толпе. И случилось для него

самое ужасное - не с кем было поделиться впечатлениями.

Он метался среди чужих равнодушных спин, не зная, что делать. Впечатления распирали его. И, не будучи в силах сдержать чувства, он решил послать кому-нибудь телеграмму. Но кому?

Результатом всего этого явилось следующее происшествие: в городе Сызрани, ночью, почтальон разбудил мирного служащего, дядю указанного любителя, и вручил ему телеграмму. Долго стоял захоластный дядя, переступая

босыми ногами по холодному полу и силясь разобрать непонятную депешу: 'Поздравляю счетом два-три пользу сборной тчк Турции выделялся левый край Ребии зпт большим тактом судил Кемаль Рифат зпт обрадуй тетю'.

Дядя не спал всю ночь. Тетя плакала и тоже ничего не понимала.

- А я вам говорю, что украинцы раздавят ресефесеровцев как котят! Во-первых, они в этом году уже давно тренируются. У нас, на юге, можно тренироваться с февраля месяца. А во-вторых, они захотят отплатить Москве за прошлогоднее поражение! Уж я-то знаю! Еще в тысяча девятьсот двадцать пятом году, когда Киев играл с Ленинградом, я сказал: 'Южане всегда будут бить северян'.

Эту фразу произнес Онуфрий Голубец, вытирая лоб и щеки платком. Голубец потел. Пот стекал с него шумными весенними ручьями. Галстук душил его. Судьба зло пошутила над поклонником южан. Когда неделю назад, оттеснив толпу жирными плечами, он пробился к кассе и потребовал билет, ему задали простой житейский вопрос:

- Вам на какую трибуну? На северную или на южную?

И Онуфрий Голубец, почувствовав себя вдруг квартиронанимателем, сказал:

- Конечно, на южную!

Теперь, сидя лицом к беспощадному солнцу, он потел и скалил зубы. Несмотря на середину мая, жара была июльской.

Бендер, сидевший через ряд прямо за его спиной, искренне ненавидел идиота, предпочитавшего все 'южное', но так и не усвоившего премудростей 'стадионной географии'.

- Не выиграет Украина. Куда ей!- воскликнул мальчишка с толстой пачкой нераспроданных газет на коленях, сосед Голубца.- Во-первых, в голу стоит Соколов, а во-вторых,- наложат украинцам как пить дать.

По сравнению с огромным Онуфрием-Голиафом мальчишка казался пастушенком Давидом.

Мальчик не обливался потом, не скалил зубов. Он дружил с солнцем. Немигающим взглядом смотрел он на зеленое поле и ждал.

Голиаф покосился на Давида сверху вниз. С минуту он соображал: стоит ли вступать в спор с этим лилипутом. Потом не выдержал.

- Это ж кто кому наложит?- спросил он ироническим басом.

- Москва наложит Украине!- звонко ответил мальчик.

Онуфрий Голубец затрясся от негодования.

- А известно ли тебе, мальчик, что украинцы тренируются с февраля?- извительно спросил он.

- Известно,- ответил мальчик.- Мне все известно. Только куда им до наших. Украинцы мелкие. Не хватит выдержки.

- Знаешь что, мальчик,- сказал Голубец, стараясь смягчить густоту своего голоса,- давай поспорим. На три рубля! Я говорю, что побьет Украина. Хочешь?

- Пожалуйста, дяденька,- заметил мальчик,- я охотно. Только у меня таких денег нет.

- А сколько у тебя есть?

Мальчик убрал с колен газеты, встал и принялся рыться в карманах. Он вытащил хорошую костяную

пуговицу, самодельный перочинный ножик и горстку медных монет.

- Это все,- со вздохом добавил он,- больше ничего нет.

И, пересчитав деньги, добавил:

- Всего полтинник. Как раз будет моя выручка...

- Ладно,- вскричал азартный Онуфрий,- ставлю три рубля против ножа, пуговицы и полтинника!

Мальчик побледнел. Ближайшие полтора часа могли лишиться его всего накопленного с таким трудом богатства. В то же время прельщала возможность неслыханно, легендарно увеличить основной капитал.

- Идет!- прошептал мальчик, закрывая глаза.

Давид и Голиаф ударили по рукам.

Пятидесятитысячная толпа заревела. Казалось, начинается землетрясение и за первыми глухими его ударами последуют такие удары, которые разрушат бетонный стадион, подымут и понесут пыль в атмосферу и заставят померкнуть солнце.

На поле выбежала Украина в красных рубашках. За нею РСФСР - в голубых.

Мальчик издал замысловатый возглас, который, очевидно, должен был изображать военный клич краснокожих, вцепился ручонками в колено своего мощного соседа и уже затем в продолжение всего матча не двигался с места.

Игра сразу же пошла быстрым темпом. Нападение Украины ринулось вперед. Мяч легко перелетел от красного к красному, минуя голубых. Последний москвич остался позади. Еще секунда, и украинец вобьет в ворота противника первый мяч.

Из-под усов Голиафа вырвался рокот. Давид закрыл глаза. Послышался сухой удар. Стадион замер.

И сейчас же задрожал от криков. Вратарь сделал невозможное. Он задержал 'мертвый' мяч.

- Бэсина!- прошептал Голиаф.

- А-а!- воскликнул Давид.- Классный голкипер Соколов. Мировой голкипер!..

И еще сильнее вцепился в тучное колено соседа.

Москвичи рассердились. Теперь инициатива была в их руках. Мяч с математической точностью переходил от голубого к голубому. Его вырывали, посылали к воротам Москвы, но он снова, неумолимо приближался к Украине. Центр полузащиты передал его центру нападения, тот 'обвел' украинского бека и передал мяч инсайту. Путь свободен. Инсайт несется вперед. Украинский голкипер растопырил руки...

Голиаф закрыл глаза и отвернулся.

- Дае-ошшь!- крикнул мальчик, сверкая глазами.

Удар! И мяч полетел в сторону, минуя ворота.

- Тъфу! Шляпа!- с омерзением сказал мальчик.- Ш-ш-ляпа!

Голиаф захохотал.

- По воротам не могут даже ударить!- завизжал он.- По воротам, молодой человек, нужно уметь бить, бить, бить!

Первая половина игры окончилась вничью.

Давид и Голиаф смотрели друг на друга с нескрываемым отвращением. Голиаф пробился в буфет и притащил оттуда две бутылки сидра. Одну он утвердил между ногами – про запас, а из другой долго с наслаждением пил, поглаживая моржовые усы, фыркая, как конь, и с удовольствием отрыгиваясь.

Давиду он не дал даже глотнуть.

- Плакала твоя пуговица, мальчик,- издевался он,- плакал твой ножик. Плакал полтинник! Наложат украинцы москвичам.

- А ты что, киевский?- грубо спросил мальчик.

- Я харьковский,- ответил толстяк,- у нас, слава богу, в футбол умеют играть. Не то что у вас в Москве.

- Смотри, дядя за своей трешкой. А моего ножичка раньше времени не касайся.

Вторая половина игры велась с необыкновенным упорством. Игроки падали, подымались, снова падали и снова бросались в бой.

И вдруг, совершенно неожиданно, на пятнадцатой минуте, московский игрок забил гол в ворота Украины.

- Что? Слопал?- крикнул мальчик.

- Сейчас отквитают,- ответил Голубец дрожащим голосом.

Однако все усилия Украины разбивались о каменную защиту. Времени оставалось все меньше и меньше. Голиаф не терял надежды даже тогда, когда до конца матча оставалось пять минут, четыре, три и две. И все же пижонское нутро Онуфрия Голубца взяло свое. Когда со свистком судьи обезумевший Давид, забыв про пари, бросился вниз, чтобы вдоволь покричать и посмотреть, как качают игроков, поверженный Голиаф трусил в толпе таких же пижонов по направлению к конечной остановке.

Трамваи брались с боя. Сесть в трамвай представлялось делом совершенно невозможным. Голубец вздохнул и пошел пешком.

На перекрестке его кто-то схватил за рукав. Это был Давид. Каким-то чудом ему удалось настигнуть Голиафа. Радости его не было границ.

- Это я, дяденька,- сказал он, тяжело дыша,- давай три рубля.

Онуфрий Голубец оглянулся по сторонам, вокруг него шла нормальная городская жизнь. Все было на месте - трамваи, автобусы, милиционер. Никто не бежал, никто никого не 'обводил', никто не кричал. Все было тихо, мирно и прилично.

Тогда он обдернул пиджак, поправил галстук и гордо, сверху вниз, посмотрел на мальчика.

- Давай три рубля!- повторил мальчик и положил газеты на асфальт.

- Пошел, пошел, мальчик,- сказал Голубец.- А вот я тебя в милицию!- И, обращаясь к прохожим, добавил:- Прямо прохожу нет от этих беспризорных! Еще чего доброго в карман залезут.

И мальчик понял, что дело его безнадежно.

- Сволочь!- презрительно сказал он.- Тоже! А еще болельщик называется! Сволочь!

Голубец еще раз оглянулся по сторонам и прибавил ходу. Мальчик стоял на тротуаре и смотрел в небо изо всех сил стараясь сдержать слезы.

- Эй, шкет!- окликнул его Бендер.- Какие новости из Рио-де-Жанейро?

- Никаких,- буркнул мальчик.- Фашистский переворот в Болгарии. Наводнение в Шанхае.

- Вот что, друг, сделаем так...- Остап быстро заговорил полусшепотом.- ... Главное, не останавливайся и беги дальше. А это твой выигрыш. Держи, не тушуйся. Внесем в коммунальный счет этого жлоба. Давай!

- Есть, командир!- радостно крикнул мальчик и бросился вперед.

Через полминуты, пробегая за спиной Голубца, он заорал во все горло: 'Фашистский переворот в Болгарии! Наводнение в Шанхае! Граф Средиземский женится на бразильской миллионерше!'

Голубец остановился... Вынул носовой платок, громко высморкался и пошел дальше.

Остап помахал на прощание Давиду.

Во дворе дома полдюжины рабочих забивали 'козла'.

- Товарищ управдом,- бросился к Бендеру бригадир.- Второй час вас дожидаемся. Сторожку бы надо разобрать.

- Ну, и в чем загвоздка?

- Ну как же! Вдруг какие ваши вещи личные. Не имеем права!

Остап вошел и окинул взглядом убогий интерьер сторожки. На душе стало тоскливо. Украинский гигант Онуфрий Голубец, самый ничтожный из кандидатов, как и следовало ожидать, провалил экзамен на титул графа. 'Девять месяцев коту под хвост'.

Остап машинально перелистывал папку прежнего управдома, который давно, наверное, уже пропил его концертные гонорары.

'Список кандидатов на жилплощадь'

1). Вайнторг С.С.

2). Голубец ...

'А почему не я? Я же раньше по алфавиту... Ну да, список-то старый'.

6). ...

7). Изаурик А.

8). ...

'Купить что-ли завтра граммофон и рвануть с Сеней, Бахом и Глюком куда-нибудь в Ашхабад.

Благодарная публика...'

15). Попугаев Н.П.

16). Протоколов М.И.

'Попугаев... Попугаев?!- взгляд метнулся обратно.- Лектор!!!- перед Остапом всплыли рыжие усы и оловянные глазки.- Черт!'

Годунов Борис Гиреевич надкусил пряник и поднес ко рту блюдечко с обжигающим чаем, когда дверь с треском распахнулась. Дико взвизгнула кошка.

- Машенька, просил же, запри дверь,- сказал Борис Гиреевич, положив пряник и потянувшись за розеточкой с клубничным вареньем.- Сквозняки ведь.

- Ты сейчас узнаешь, гнида, сквозняки. Мозги вылетят!

Содержимое блюдечка и розеточки слились в неповторимом экстазе на домашних брюках председателя жилтоварищества. Ароматный дымок подчеркивал восточное своеобразие узора.

- Я ж тебя спрашивал - были изменения в списке жильцов? А ты? - укоризненно покачал головой Бендер, садясь на стол. И наложил столь тяжелую эпитрахиль на шею Годунова, что тот сложился пополам. В результате сего благословения узор с брюк перекечевал и на рубашку, подобно кляксе на листочках то ли Шмайлихера, то ли Шмальгаузена, с помощью которых выявляют идиотов.

- Полгода бескорыстно сотрудничаю с вами на ниве разворовывания социалистической собственности...

- Ну не так, чтобы уж очень бескорыстно,- осторожно вставил председатель жилтоварищества.

- В обмен просил одной лишь искренности,- продолжал Бендер.- А ты мне врешь?

- Нет, не вру. Ошибаюсь. Ведь, Остап Ибрагимович, в том же порядке, что и вам!- Годунов скорбно соскабливал варенье с брюк и возвращал на розеточку.- В обход жилкомиссии. Товарищи Молоковичи перекупили. Как и вы, за взя-точ-ку.

Организм Бендера издал тяжелый протестующий звук.

- С моей стороны это была не взятка, а добровольные отчисления, так сказать, благодарность за услугу, которую вы мне оказали практически в сверхурочное время.

- Нет уж, батюшка. Вы - лиходатель, а я - взятокбратель, а никакая не благодарность, и для нас обоих существует одна статья. А что касается краски и прочей 'пыщи', так...

- Заткнитесь, любезный!- разгоряченный Остап отхлебнул чаю из носика.

- Моча холодная, а не чай. Ну ты, третий десятком прокурорами калач, где найти этого Цицерона?
- Завтра. Как есть завтра. Лекция в районном дворце пионеров. В этом, большом, с колоннами. Остап сгреб с вазочки пряники.
- Пионерам!- бросил он, направляясь к двери.
- Так мы остаемся друзьями?- робко подал голос Годунов.- Я насчет кровельного железа.
- Ага. Друзьями. Кровельными.
- Так вы мне звякните!
- Обязательно звякну.
- Значит, звякнете?
- Звякну, звякну.
- Непременно звякнете?
- Я тебе звякну, старый идиот!- рявкнул Остап.- Так звякну, что своих не узнаешь!

Глава 15

НИДЕР МИТ ДЕН... МОНДИАЛЕ!

19 мая 1935 года жильцов дома на Шаймоновской, как и всю Москву, разбудил барабанный бой и визг горнов. Был день пионерии. Дисциплинированные колонны юных строителей коммунизма шагали на многочисленные школьные и районные линейки. По улице Горького неслись грузовики, набитые розовыми детскими мордочками. Лужицы вздрагивали на мостовой.

На всесоюзную линейку на Красной площади везли гордых детей маленьких ответственных работников. Жители окрестных улиц сбежались к главной артерии города, чтобы полюбоваться на реквизит предстоящего действия: чучела немецких и итальянских фашистов, гробы с надписью 'Капитализм' и большие портреты вождей мирового пролетариата. Проезжающие дети весело орали на разных языках тщательно заученные лозунги: 'Долой фашизм!', 'Нидер мит ден кригсбрандштифтерн!', 'А морте ля боргезия мондиале!'

- Пардон, товарищ,- тронул Остапа за рукав какой-то небритый субъект,- а 'мондиале' - это что?
- Мондиале - оно и есть мондиале, товарищ.

Воспользовавшись просветом в колонне автомобилей, Бендер перебежал улицу. Быстрым шагом он двигался к районному дворцу пионеров. 'К черту всякие изощрения! За грудки гада! Мордой об стол. Нет,- Остап остановился.- Так не пойдет. Надо искать подход.'

За годы гастролей с грампластинками он часто выступал в тандеме со всевозможными лекторами и у него выработалось стойкое отвращение к этой касте культработников.

Как правило, лекции могут быть разбиты на два ранга, а именно: клубные и общегражданские.

Клубный лектор по большей части человек представительный. Он называет себя профессором, но не любит указывать университета, к которому прикреплен. У профессора благородные усы и розовеющие щеки. Летом он иногда облачен в крылатку с круглой бронзовой застежкой у горла.

Портфель его набит удостоверениями от заведующих клубами. Эти бумаги, скрепленные печатями, гласят об успехе, который выпал на долю лекции профессора в различных городах.

В общем, профессор - фигура весьма сомнительная и всюду читает одну и ту же лекцию под названием: 'Человечество - рабочая семья'.

Посетители слушают профессора с мрачной терпеливостью, шепотом спрашивая друг друга: 'О чем докладает?'- покуда с задней скамьи не раздастся тревожный возглас:

- Кина не будет !

Этот печальный крик наполняет сердца такой тоской, что все разом поднимаются и с шумом спугнутой воробьиной стаи покидают зал. Взору лектора представляются пустые скамьи. Тогда он застегивает крылатку своей бронзовой пуговицей и идет к завклубу за гонораром и удостоверением о том, что лекция прошла с громадным успехом. Получив все это, профессор переключивается в Рязань, читает там лекцию, получает удостоверение и уезжает в Пензу. Городов и дураков на его жизнь хватает.

Лекции общегражданские блещут разнообразием и нуждаются в подразделениях:

а) Л е к ц и я о б ы к н о в е н н а я , ч е с т н а я .

Честность ее характеризуется прежде всего названием и ценой билета (не дороже 25 коп.): 'Строение земной коры' или 'Новгородский быт XIV века'.

Гражданин, попавший сюда, остается доволен. Он действительно узнает кое-что о строении земной коры или о быте Великого Новгорода.

б) Л е к ц и я м и р с к а я .

Название ее значительно ароматней, чем название предыдущего вида лекции, и звучит так: 'Безволие и его причины'. Тут уже пахнет тем, что лектор будет говорить о половых болезнях, а потому билеты котируются от 75 коп. до полутора рублей.

в) Л е к ц и я т е х н и ч е с к а я и л и г е о г р а ф и ч е с к а я с у к л о н о м в л и р и ч е с к и й т у р и з м .

Названия: 'Чудеса техники' и 'Форд, король индустрии' или 'Красоты Занзибара' и 'Париж в дыму фокстротов'. Билеты от рубля. Некая дама в платье, расшитом черным стеклярусом, рассказывает о Занзибаре или Париже по сохранившимся у нее воспоминаниям о своей свадебной поездке, состоявшейся в 1897 году. Если же лекцию ведет профработник, то она начинается так:

- Рабочих окраин Берлина мне посетить не удалось,- говорит обычно работник, приехавший из Берлина.

Работник же, приехавший из Парижа, предваряет слушателей, что ему не удалось посетить рабочих окраин Парижа.

Когда докладчики доходят до фразы: 'Потоки такси и автобусов заливают улицы Берлина (или Парижа)', слушатель, надрывно зевая, уходит. Он знает, что сейчас будет рассказано, о дансингах,- где 'под звуки пошлых чарльстонов буржуазия топит мрачное предчу... револю... в шампа...'

Вместо обещанного нового кинофильма показывают волшебным фонарем картинки из журнала 'Природа и люди'. На негодующие записки не отвечают.

г) Л е к ц и я х л е б н а я .

Хлебная лекция читается сметливым гражданином из бывших адвокатов и называется так, чтобы все сразу поняли, в чем дело: 'Парный брак, или Тайна женщины'.

Лектор таинственным голосом плетет общеизвестное. Аудитория слушает, затаив дыхание. Из-под прокуренных усов лектора часто срываются слова: 'Как известно, женский организм...' Внимание аудитории, большей частью мужской, достигает предела. Венеролога-патологоанатома забрасывают записками. Сбор обильный и даже прекрасный...

'Впрочем, эта тема не для дворца пионеров',- подумал командор. Дворец уже давно дыбился по его курсу, бросая снисходительную тень на шоколадного цвета пивную 'Санитас' и бело-розовое ампирное здание отделения милиции. Дворец был построен очень прочно, добротнo и отличался невиданной еще красотой всех своих четырех фасадов. В безоблачные дни строительства он именовался клубом пельменной фабрики, но не пробыл в таковом качестве ни дня. Не было проведено в этом храме ни лекций о социальной дифференциации пельменей у верхнеколымских тунгусов, ни многоактовых комедий о ценителях пельменей в Древней Греции.

Но почему?

О, это занятная история.

Как строится новый клуб?

Объявляется конкурс. И пока молодые и немолодые архитекторы при свете сильных ламп чертят свои кривые и производят расчеты, общественность волнуется. Больше всех кипятятся врачи. Они требуют, чтобы новый клуб был образцом санитарии и гигиены.

- Не забудьте,- предостерегают врачи,- что каждый кружковец, кроме общественной нагрузки, несет еще нагрузку физиологическую - он вдыхает кислород, выдыхает азот и прочий там ацетилен.

Нужны обширные помещения, полные света и воздуха.

Консультанты из ВСФК требуют, чтобы был гимнастический зал, тоже полный света и воздуха.

Автодорожская общественность настаивает на том, чтобы не были забыты интересы автомобильного кружка, которому нужна для работы комната, конечно, полная воздуха и света. Волнуются осоавиахимовцы, мопровцы, друзья детей, представители пролетарского туризма, нарпитовцы (комната, свет и воздух).

Артель гардеробщиков выступает с особой декларацией. Довольно уже смотреть на гардероб как на конюшню. Гардероб должен помещаться в роскошном помещении, полном света и воздуха, с особыми механизмами для автоматического снятия калош и установления порядка в очереди, а также электрическим счетчиком, указывающим количество пропавших пальто.

Центром всего является заметка в вечерней газете,- заметка оптимистическая, полная света, воздуха и юношеского задора. Она называется:

В УБОРНОЙ - КАК ДОМА

Заметка начинается с академических нападков на царский режим. Покончив с этой злободневной темой, 'Вечерка' доказывает, что человечество проводит в уборных значительную часть своей жизни. Поэтому надо уделить им особенное внимание: надо добиться того, чтобы каждый, побывавший в уборной нового клуба, вынес оттуда хоть небольшой, но все же культурный багаж. В общем, кутерьма идет порядочная. Архитекторы выбиваются из сил, чтобы наилучшим образом сочетать требования общественности.

И вдруг невидимое миру, клиру и общественности колесо Фортуны досрочно объявило победителя. Кто он, скромный труженик циркуля и транспорта? Воспользуемся тем, что победитель оставил свою записную книжку у телефона и заглянем в нее:

'Ягуар Петрович. Безусловно, может'.

'Заносис. Может, но вряд ли захочет'.

'Мальцев-Пальцев. Захочет, но вряд ли сможет'.

'Кретищенко. Не хочет и не может'.

'Кошковладельцев. Может, но сволочь'.

Перевернем страницу.

'Путевки - Срамной Петр Петрович телефон...'

'Театр. касса - Глафира Леонардовна телефон...'

'Железнодорожная касса - Шурочка телефон...'

'Касса взаимопомощи - Всевышний Н. Д. телефон...'

'Вина - Гарегин Васпураканович телефон...'

'Деликатесы - Мстислав Переяславович телефон...'

'Галантерея, бижутерия, итд. - Вова телефон...'

'Антиквариат - Ягуар Петрович телефон...'

Перевернем еще страницу.

‘Жоржетта тел. ...’

‘Аделаида тел. ...’

‘Ягуар Петрович тел. ...’

‘Дуся тел. ...’

‘Шахерезада тел. ...’

Как легко можно догадаться, Ягуар Петрович - акушер-гинеколог.

Впрочем, дальше уже неинтересно.

Увы, никто из сподвижников гения, всех этих людей, толкавших, крутивших, вертевших, одним словом,- хороводивших колесо Фортуны, не смог бы объяснить, почему в четырехфасадном дворце не проводились лекции и диспуты, не ставились комедии и трагедии.

Дело в том, что в здании была только одна, совсем темная комнатка. Вся остальная неизмеримая площадь была занята большими и малыми колоннами всех ордоров - дорического, ионического и коринфского, а также, и большей частью, псевдоантичного.

Колоннады аспидного цвета пересекали здание вдоль и поперек, окружали его со всех сторон каким-то удивительным частоколом. Внутри здания тоже были только колоннады. И в этом колоннадном лесу чахнул от безлюдья человек в толстовочке - комендант.

Во дворце не было даже уборной. Комендант, кляня архитекторов и стучаясь лбом о колонны, за каждой малостью бежал в отделение милиции. Впрочем, не все были такими щепетильными, как мажордом. В пивной ‘Санитас’ уборной тоже не было, но посещать отделение милиции без большой нужды ее клиенты не спешили. Поэтому колоннады, портики и перистили быстро загрязнились и запахом, схожий с запахом сыра-бакштейн, изливался сквозь колонны на площадь. Дальновидная дирекция пельменной фабрики еще накануне открытия приняла благородное решение. И в прошлогодний юбилей славной пионерской организации розовощекий мальчуган разрезал красную ленточку районного дворца пионеров - дара пельменной фабрики.

Но, как легко можно догадаться, за истекший год во дворце не было проведено ни лекций о половозрастной структуре пионерской организации верхнеколымского района, ни многоактовых трагедий о борьбе древнегреческих детишек против рабовладельческого строя. И только иногда из колоссального здания дворца выходил человек в толстовочке и, жмурясь от солнца, бежал в отделение милиции по нужде или плелся туда же поиграть в шашки и на полчаса приобщиться к культурной жизни.

Но накануне священного для каждого пионера дня, усилиями арестованных хулиганов, которых выделили шефы - отделение милиции, дворец был выметен и отмыт. На колоннах были развешаны противоречащие друг другу стрелки, а комендант был выряжен в ящеричного цвета галстук. Сегодня здесь наконец-то должна была состояться первая лекция. Однако, поскольку несознательные учителя попрятали детишек по музеям и лонам природы, то запланированную тему лекции ‘Влияние Октябрьской революции на развитие пионерского движения в Австралии и Океании’ пришлось заменить на ‘Глисты у детей’ и попросить отделение милиции прислать граждан, хорошо зарекомендовавших себя вчерашней уборкой.

Едва войдя в лабиринт Минотавра, Остап услышал далекий зловещий гул и пребольно ушибся о колонну. Он вдруг с ужасом подумал, что еще никогда в жизни не был в лесу. Командор хотел ретироваться, но было уже поздно: всюду

встречали его вздвоенные ряды колонн, поставленных так часто, что дневной свет не проникал дальше третьего их наружного ряда. ‘Художник от слова ‘худо’. Хе-хе-хе’,- раздалось совсем близко. Перед носом колыхалась бумажная стрелка. Бендер доверился ей, как заблудившийся грибник

доверяет пню, поросшему мхом с северной стороны. 'Приехал муж из командировки...' 'Странно, звук как будто ослабел', - подумал Остап. Но тут, привыкшие к темноте глаза различили еще две стрелки. Они указывали друг на друга. Демонический хохот потряс дворец. Остап в ужасе прижался к самой толстой колонне. А успокоившись, начал медленно, осторожно обходить ее. Он был уверен, что комнатка, где проходит лекция, находится за ней. Но натолкнулся на стену. Колонна оказалась полуколонной. Остап решил идти по периметру, чтобы, по крайней мере, найти вход, он же выход. Колоннам не было конца.

- Входа-выхода нет! Под суд таких!

И громкое эхо, похожее на крик целой роты, здоровающейся с командиром, вырвалось из-под портиков и колоннад...

Через полтора часа, после того, как Остап побывал на всех трех этажах (лестницы выходили из стен и кончались стенами), невнятный гул снова превратился в четко различимый голос.

- Приходит один человек к другому и говорит: 'Чик'. Это значит - честь имею кланяться. А другой ему говорит: 'Пс' - прошу садиться... Хо-хо-хо...

Осененный гениальной догадкой Остап развернулся в противоположном направлении и, сделав шесть решительных шагов, раскрыл лбом дубовую дверь.

- Товарищ Бендер! Какая неожиданность! - в оловянных глазках Попугаева отражалась тусклая, цвета мочи, лампочка. - Гора с горой, как говорится, не сходится, а человек с человеком... хе-хе...

Несмотря на маленькую свою площадь, комната была высока, как шахта. Потолок ее скрывался во мраке, рассеять который была бессильна маленькая керосиновая лампа, висевшая на крючке у столика.

- Скажите, товарищ, - громко обратился Остап к сидевшему у двери милиционеру, - здесь проходит лекция 'Глисты у детей'?

- Э-э-э... Остап Ибрагимович, пришлось внести коррективы. Так сказать, с волками жить - по-волчьи... - благодарная еще минуту назад аудитория угрожающе зашумела. - Или, правильнее сказать, в чужой монастырь со своим уставом не суйся. Ну что, товарищи? Последний анекдотец на посошок? Знаете новую армянскую загадку?.. Красная, длинная, висит в гостинной и пищит? Не знаете?.. Хе-хе... Ну так вот... Селедка! Красная, потому что покрасили, висит, потому что повесили, а в гостинной, чтоб трудней было отгадать!

Пока Попугаев корчился от приступов здорового, жизнерадостного смеха, милиционеры вывели своих подопечных из комнаты.

- Нет, - сказал Остап жестко. - Длинное и красное - это не селедка. Это - машинка для снятия валенок.

Попугаев замер с раскрытым ртом и уставился на Остапа.

- Н-нет, - пробормотал он, - это селедка... Я знаю наверное!

- Нет машинка.

- Селедка!

- Машинка!

- Селедка, - плачущим голосом сказал Попугаев, - ей-богу же, селедка.

- Машинка!

- Но почему же? Почему?

- Так. Машинка. Я сам читал, - отрезал Остап.

Попугаев забегал по комнате.

- Почему же она красная? - воскликнул он, ломая руки.

- Потому что покрасили.

- А почему висит?

- Потому что повесили.

- А... это самое... в гостинной... Почему в гостинной?

- Чтоб труднее было угадать.

Попугаев в изнеможении опустился на стул. Его внутренний мир был разгромлен. Жизнь потеряла смысл. Усы его опустились. Оловяшки потускнели.

- И не пытайся понять,- Остап был беспощаден.- Ты глуп. Мозг у тебя, Никанор, отсутствует совершенно. У тебя нет мозга, даже фабрики Чужаго. И я с уверенностью могу сказать, что твой бедный папа мог бы быть стекольщиком, потому что такой прозрачной башки, как у тебя, я не видел еще ни разу в жизни. Но ты, друг Никаноша, не печалься. Пройдет каких-нибудь сорок лет и ты привык-нешь. Кстати, известно ли тебе, что такое 'Стг' и 'Иятрп'? Не известно? Ага!- Остап взял Попугаева за грудки.- А это значит: 'Сиди тихо, гнида. Иначе я тебе ребра переломаю!'

Собравшись с духом, Попугаев сделал попытку улыбнуться:

- Право не пойму, уважаемый Остап Ибрагимович, к чему такой антураж?

- Так уж и не понимаете, уважаемый Никанор Павлович?- Остап хищно оскалится.- Тогда ответьте мне, товарищ лектор, на такой филологический вопрос: откуда у русского человека фамилия Попугаев?

- От дедушки,- быстро ответил Попугаев. И охотно пояснил:- он и сейчас живет... в доме обеспечения старых политкаторжан.

- Что, такого знаменитого дедушку и прокормить не можете?

- Ну, как человек интеллигентный, вы понимаете, что люди нашего круга не умирают с голоду...

- Ты уж точно умрешь не от голода.- Остап дважды пристукнул Попугаева затылком об стену.-

Ладно, колись. Твой папа был не стекольщиком. Верно? Верно. Значит, кем был твой папа? Остается одно - графом. Верно, Средиземский?

- Право, Остап Ибрагимович, видит бог, не пойму...

- Бог видит, да не скоро скажет. Колись, гнида!- взревел Остап.- Душу выну! А тело под колонну положу, до следующего Дня пионерии не найдут.

Глаза Попугаева закатились, он начал медленно оседать. И без того стойкий запах сыра-бакштейн получил мощное подкрепление.

Когда Остап вышел из дворца, от праздничного утра не осталось и следа. Шел легкий секущий дождь. Шары, увядшие за праздник, падали на мокрый асфальт.

- Циничная погода,- процедил великий комбинатор.

На площади с нарзанным визгом поднялись фонтаны.

Глава 16

ПЕРВЕНЕЦ

Бывший мещанин, а ныне бесцветный гражданин города Колоколамска Иосиф Иванович Завитков неожиданно для самого себя и многочисленных своих знакомых вписал одну из интереснейших страниц в историю города.

Казалось бы, между тем, что от Завиткова Иосифа Ивановича нельзя было ожидать никакой прыти. Но таковы все колоколамцы. Даже самый тихий из них может в любую минуту совершить какой-нибудь отчаянный или героический поступок и этим лишний раз прославить Колоколамск.

Все было гладко в жизни Иосифа Ивановича. Он варил ваксу 'Африка', тусклость которой удивляла всех, а имевшееся в изобилии свободное время проводил в пивной 'Голос минувшего'.

Оказал ли на Завиткова свое губительное воздействие запах ваксы, помрачил ли его сознание пенистый портер, но так или иначе Иосиф Иванович в ночь с воскресенья на понедельник увидел сон, после которого почувствовал себя в полном расстройстве.

Приснилось ему, что на стыке Единодушной и Единогласной улиц повстречались с ним трое партийных в кожаных куртках, кожаных шляпах и кожаных штанах.

- Тут я, конечно, хотел бежать,- рассказывал Завитков соседям,- а они стали посреди мостовой и поклонились мне в пояс.

- Партийные?- восклицали соседи.

- Партийные! Стояли и кланялись. Стояли и кланялись.

- Смотри, Завитков,- сказали соседи,- за такие факты по головке не глядят.

- Так ведь мне же снилось!- возразил Иосиф Иванович, усмехаясь.

- Это ничего, что снилось. Были такие случаи... Смотри, Завитков, как бы чего не вышло!

И соседи осторожно отошли подальше от производителя ваксы.

Целый день Завитков шлялся по городу и, вместо того чтобы варить свою 'Африку', советовался с горожанами касательно виденного во сне. Всюду он слышал предостерегающие голоса и к вечеру лег в свою постель со стесненной грудью и омраченной душой.

То, что он увидел во сне, было настолько ужасно, что Иосиф Иванович до полудня не решался выйти на улицу.

Когда он переступил, наконец, порог своего дома, на улице его поджидала кучка любопытствующих соседей.

- Ну, Завитков?- спросили они нетерпеливо.

Завитков махнул рукой и хотел было юркнуть назад, в домик, но уйти было не так-то легко. Его уже крепко обнимал за талию председатель общества 'Геть рукопожатие' гражданин Долой-Вышневецкий.

- Видел?- спросил председатель грозно.

- Видел,- устало сказал Завитков.

- Их?

- Их самых.

И Завитков, вздыхая, сообщил соседям второй сон. Он был еще опаснее первого. Десять партийных, все в кожаном, с брезентовыми портфелями, кланялись ему, беспартийному Иосифу Ивановичу Завиткову, прямо в землю на Спасо-Кооперативной площади.

- Хорош ты, Завитков,- сказал Долой-Вышневецкий,- много себе позволяешь!

- Что же это, граждане,- гомонили соседи,- этак он весь Колоколамск под кодекс подведет.

- Где ж это видано, чтоб десять партийных одному беспартийному кланялись?

- Гордый ты стал, Завитков. Над всеми хочешь возвыситься.

- Сон это, граждане!- вопил изнуренный Завитков.- Разве мне это надо? Во сне ведь это!

За Иосифа Ивановича вступился председатель лжеартели мосье Подлинник.

- Граждане!- сказал он.- Слов нет, Завитков совершил неэтичный поступок. Но должны ли мы сразу его заклеить? И я скажу - нет. Может быть, он на ночь съел что-нибудь нехорошее. Простим его для последнего раза. Надо ему очистить кишечник. И пусть заснет спокойно.

Председатель лжеартели своей рассудительностью завоевал в городе большое доверие. Собравшиеся согласились с мосье Подлинником и решили дожидаться следующего утра.

Устрашенный Завитков произвел тщательную прочистку кишечника, а заодно и желудка и заснул с

чувством приятной слабости в ногах.

Весь город ожидал его пробуждения. Толпы колоколамцев запрудили Бездокладную улицу, стараясь пробраться поближе к Семибатюшной заставе, где находился скромный домик производителя ваксы. Всю ночь спящий Завитков подсознательно блаженствовал. Ему поочередно снилось, что он доит корову, красит ваксой табуретку и гоняет голубей. Но на рассвете начался кошмар. С поразительной ясностью Завитков увидел, что по Губернскому шоссе подъехал к нему в автомобиле председатель губисполкома, вышел из машины, стал на одно колено и поцеловал его, Завиткова, в губы.

Со стоном выбежал Завитков на улицу.

Розовое солнце превосходно осветило бледное лицо мастера ваксы.

- Видел!- закричал он, бухаясь на колени.- Председатель исполкома меня в губы поцеловал. Вяжите меня, православные!

К несчастному приблизились Долой-Вышневецкий и мосье Подлинник.

- Сам понимаешь,- заметил Долой-Вышневецкий, набрасывая веревки на Иосифа Ивановича,- дружба дружбой, а хвост на бок.

Толпа одобрительно роптала.

- Пожалуйста,- с готовностью сказал Завитков, понимавший всю тяжесть своей вины,- делайте что хотите.

- Его надо продать!- заметил мосье Подлинник с обычной рассудительностью.

- Кто же купит такого дефективного?- спросил Долой-Вышневецкий.

И словно в ответ на это, зазвенели колокольчики бесчисленных троек, и розовое облачко снежной пыли взметнулось на Губшоссе.

Это двигался из Минска в Мурманск караван кинорежиссеров на съемку картины 'Избушка на Байкале'. В передовой тройке скакал взмыленный главный режиссер.

- Какой город?- хрипло закричал главреж, высовываясь из кибитки.

- Колоколамск!- закричал из толпы Никита Псов.- Колоколамск, ваше сиятельство!

- Мне нужен типаж идиота. Идиоты есть?

- Есть один продажный,- вкрадчиво сказал мосье Подлинник, приближаясь к кибитке.- Вот!

Завитков!

Взор режиссера скользнул по толпе и выразил полное удовлетворение. Выбор нужного типажа был широк и великолепен. Что же касается самого Завиткова, то главрежа он прямо-таки очаровал.

- Давай!- рявкнул главный.

Связанного Завиткова положили в кибитку. И караван вихрем вылетел из города.

- Не поминайте лихом!- донеслись из поднявшейся метели слова Завиткова.

А метель все усиливалась и к вечеру нанесла глубочайшие сугробы. Ночью небо очистилось. Как ядро, выкатилась луна. Оконные стекла заросли морозными пальмами. Город мирно спал. И все видели обыкновенные мирные сны. Аполитичные.

Арсений Изаурик зачеркнул последнюю фразу, хотел исправить что-то еще, но в это время дверь распахнулась. На пороге стоял Бендер. В руках у него была табличка 'По газонам не ходить !'

- Давайте ходить по газонам, подвергаясь штрафу!- орал он.- Давайте входить посторонним! Давайте разговаривать по телефону больше пяти минут!! Давайте громко разговаривать!!!

Одним словом, Остап напился так, что уже мог творить различные мелкие чудеса.

Сеня молча вывел Бендера на каменную лестничную площадку, вылил на него ведро воды и тут же затащил обратно в квартиру.

Остап тупо мотнул головой и обиженно произнес:

- Сеня! Я не выношу катаклизмов.

Через полчаса, завернутый в одеяло, Бендер выстукивал зубами 'Турецкий марш' о край железной кружки. Последние пять минут друзья обсуждали марксистско-ленинскую концепцию свободы.

- П-п-п-плевал я на осознанную необходимость,- кипятился Остап.- Деньги! Вот к-критерий свободы. Я свободен в пределах ста двадцати пяти рублей шестидесяти копеек в месяц. А ты и того меньше. А кто-то свободен в пределах

трех миллионов фунтов стерлингов в год. Вот и вся арифметика.

- Да не о том же я, Остап Ибрагимович. Не может быть свободы индивидуума в несвободном обществе!

- Что?- презрительно скривился Остап.- Вы что думаете, что свобода для российского мещанина началась с отмены крепостного права или высочайшего манифеста пятого года? Нет... Вот когда в книжных лавках появились календари с девочками в небрежных купальных костюмчиках, когда покупатели увидели этот товар, они поняли, что все преграды рухнули, что все можно. Вот свобода для быдла.

- А для элиты, значит, свобода в количестве нулей?- съязвил Сеня.

- Да нет, здесь все сложнее... Послушайте, Сеня,- Остап просительно заглянул ему в глаза,- да не прячьте вы эту чертову чикушку. Ведь так хорошо сидим...

Осторожно вернув рюмку на стол, он продолжил:

- Вот какой вопрос не дает мне покоя. Как вы думаете, Сеня, если те, древние обличители христианства, правы, и Мария зачала не от голубя - святого духа, а была изнасилована римским легионером, если она и ее сын были париями, изгоями, 'нечистыми', то что ? Мы должны презирать их? В чем же тогда христианское милосердие? Чем христиане, 'облагородившие' Христа сказкой о голубе, лучше язычников и чем лучше христиан язычники, те и нынешние, если они, потешаясь над Иисусом, пеняют на этого легионера? В какого бога мы веруем? В заносчивого сноба, или в Бога доброго, милосердного, который выбрал именно этого 'грязного' ребенка, чтобы усыновить его, чтобы его устами наставлять нас, подлецов, на путь истинный?..

- Вы - верующий?- голос Сени стал глуше.

- Не знаю. Но с некоторых пор я стал задавать вопросы самому себе. Это неспроста. Я старею, я обращаюсь к чувству... Вам не понять.

- Знаете, Остап Ибрагимович, я только раз был на еврейском кладбище. Несколько лет назад, в Белоруссии. Мне захотелось понять этот... свой народ. У входа меня схватили за руку и не пускали. Оказалось, я без шляпы. Выручил один из хасидов. Он дал мне свою запасную крохотную ермолочку. Все шли к могиле одного цадика, святого человека, умершего сто лет назад. Темная каменная камора, керосиновые лампы, на гробе ящики с песком, куда воткнуты свечи. В трех громадных ящиках лежали тысячи записок, и такой стоял плач, такие стенания, что сделалось страшно. Вообще, евреи умеют поплакать... Я вам расскажу сейчас то, чего никому не рассказывал.

Иногда мне снится сон. Мне снится, что я сын раввина. Меня охватывает испуг. Что же мне теперь делать, мне, сыну служителя одного из древнейших религиозных культов?

Как это случилось? Ведь мои предки не все были раввинами. Вот, например, прадед. Он был гробовщиком. Гробовщики считаются кустарями. Не кривя душой, можно поведать комиссии по чистке, что я - правнук кустаря.

- Да, да,- скажут в комиссии,- но это прадед. А отец? Чей вы сын?

Я сын раввина.

- Он уже не раввин,- говорю я жалобно.- Он уже снял...

Что он снял? Рясу? Нет, равнины не снимают рясы. Это священники снимают рясу. Что же он снял? Он что-то снял, он отрекся, он отмежевался от своего бородатого быта, с визгом и ревом он порвал связь с божеством и отказал ему от дома.

Но я не могу точно объяснить, что снял мой отец, и мои объяснения признаются неудовлетворительными. Меня увольняют.

Я иду по фиолетовой снежной улице и шепчу сам себе:

‘... И совершенно прав был товарищ Крохский, когда... Скажи мне, с кем ты знаком и я скажу тебе, кто ты... Яблочко от яблони недалеко падает...’

Совершенно прав был председатель комиссии товарищ Крохский. Меня надо изжить.

Действительно, давно пора.

Я поеду домой, к отцу, к раввину, который что-то снял. Я потребую от него объяснений. Какой он все-таки нетактичный человек! Ведь сколько есть профессий. Он мог бы стать гробовщиком, как мой прадед, наконец, он мог бы сделаться пролетарием умственного труда, бухгалтером. Разве уж так скверно было бы работать за высокой конторкой, сидеть на вращающемся винтовом табурете? Зачем было лезть в равнины? И как он не понял, что совершенно неэтично рожать сыновей, сыновей раввина! Я поеду к нему. Будет крупный разговор.

Блудный сын возвращается домой. Блудный сын в толстовке и людоедском галстуке возвращается к отцу. Стуча каблуками, он вбегает по лестнице из вареного мрамора на четвертый этаж. Он меланхолично бормочет:

- Я живу на четвертом этаже, там, где кончается лестница.

Он притворяется. Он не меланхоличен, а взволнован. Сын не видел отца десять лет. Он забыл о предстоящем крупном разговоре и целует отца в усы, пахнущие порохом и селитрой.

Отец тревожно спрашивает:

- Тебе надо умыться? Пройди в ванную.

В ванной темно, как десять лет назад, когда вылетевшие стекла заменили листом фанеры. Ничего в отцовской квартире не изменилось за десять лет.

В темноте я подымаю руку вверх. Там была полка и лежало мыло в эмалированной лоханочке. Рука встречает полочку и находит мыло.

Зажмурив глаза, я могу пройти по всей квартире, не зацепившись, не ударившись о мебель. Память уберезет меня от столкновения со стулом или самоварным столиком. Закрыв глаза и лавируя, я могу пройти в столовую, взять налево и сказать:

- Я стою перед комодом. Он покрыт полотняной дорожкой. На нем зеркало, голубой фарфоровый подсвечник и фотография моего брата, которого в училище звали Радж. Он был толстым мальчиком, а тогда толстых называли Радж. Что же касается самого Раджа, то это был слон.

И, открыв глаза, я увижу комод, дорожку, подсвечник и фотографию...

Здесь, в квартире, корабельный быт. Мебель словно привинчена к полу, установлена раз навсегда.

Отец стоит рядом со мной, поправляя пороховые усы. Отчего у него усы пахнут порохом? Он ведь не полководец и не севастопольский герой - он раввин, неэтичный служитель культа и к тому же двуличный, лицемерный человек. Разве он перестал верить в бога? Да нет же. Пришел однажды домой, вздохнул и сказал:

- Меня душат налоги. 17 рублей в месяц за электричество. Это грабеж.

И снял рясу, то есть не рясу, а вроде этого. Простое дело - электричество победило религию.

Но мне-то ведь это не помогло. Я остался сыном раввина. Победа клозетной электрической лампочки над вседержителем нисколько мне не помогла.

Такого отца надо презирать. Но я чувствую, что люблю его. Что из того, что его усы пахнут

селитрой! Ветчина тоже пахнет селитрой, и никто, однако ж, не требует, чтобы она водила полки в бой.

У моего отца шестидесятилетние аметистовые веки и шрам на левой щеке, не сдвинувшийся с места корабельный шрам.

Позор, я люблю раввина!

Сердце советского гражданина, гражданина, верящего в строительство социализма, трепещет от любви к раввину, к бывшему орудию культа. Как могло это произойти? Прав был товарищ Крохский. Яблочко, яблочко, скажи мне, с кем ты знакомо, и я скажу тебе, кто тебя съест.

Ужас, отец мой - яблоня, раввин с лиственной бородой. Мне надо отмежеваться от него, но я не могу. Нет, не будет крупного разговора, я слишком люблю своего отца. И я только спрашиваю:

- Зачем, зачем ты был раввином?

Отец удивлен. Он смотрит на меня с нежной тревогой и говорит:

- Я никогда не был раввином. Тебе это приснилось. Я бухгалтер, я герой труда.

И он грустно трогает рукой свои пороховые усы. Сон кончается мотоциклетными взрывами и пальбой. Как хорошо быть любящим сыном, как приятно любить отца, если он бухгалтер, если он пролетарий умственного труда, а не раввин.

- Из этого надо сделать оргвыводы,- сказал Остап. И, подумав, добавил.- Выпить!

Он и не подозревал, что эта стопка водки буквально свалит его с табурета.

- За вашего папу-раввина!

На третьем, заключительном глотке, Остап услышал слова Сени.

- Мой папа - граф Средиземский!

Вставать с пола Остап не спешил. Его почти осмысленный взгляд и судорожное поглаживание расцарапанного уха убедили Сеню, что апоплексического удара не предвидится.

На сей раз кадки с неба не сыпались и трубы не кричали командору в уши, но пробивающийся сквозь вату голос Сени поразительно напоминал ему далекого теперь Арчибалда Спивака.

- Я давно знал, что вы ищите меня. Как вы распались, когда Афанасий рассказывал о двух червонцах! Наш орден: я случайно увидел его, когда вы спали. Самоучитель английского, тоже. А та проверочка с альбомом? Помните, в филателистическом магазине? Это ведь я отодрал фотографию какой-то гипсовой нимфы, чтобы вам пришло в голову приклеить туда снимок ордена. И совсем не составляло труда выяснить, о чем вы болтали у Протокотовых, Ситниковых, Ошейниковых. А потом я поддерживал ваш азарт 'Историей российской дипломатии' и 'Гостем из Южной Америки'.

Скажите, так что вам от меня нужно?

- Но возраст! Возраст! - лепетал Бендер, карабкаясь на табурет.

Сеня весело рассмеялся.

- Тридцать пять. Но разве вы мне их дадите. И никто не давал. Между тем, сбросить пяток-другой лет здоровому мужчине без вредных привычек вовсе не трудно. А многие из белого движения этой возможностью пренебрегли и попали в лапы ЧК. Меняли фамилию, происхождение, но забывали про такую мелочь, как день рождения. А ЧК все проверяла... Но даже и им не пришло в голову проверять человека, которому в судьбоносном семнадцатом было всего десять. Так что эти восемнадцать лет прошли для меня спокойнее, чем для многих сочувствующих и даже большевиков. Кстати, у меня и сейчас есть в Москве адресок, где за пару дней вам справят любой документ - от удостоверения кружка 'Друг степей' до театрального абонеента, включая паспорт и партбилет.

Вас смущает моя национальность? Поясняю. Фамилию я выбрал пожалостливее, а когда пришло время менять одну бумажку на другую, то новоиспеченный бюрократ долго и подозрительно меня

разглядывал. Я уж собирался задать стрекача, но тут он спросил: ‘Скажите, у вас в роду евреев не было?’ Я ответил: ‘Нет, я первый’. Он так и записал. Оно и к лучшему.

Ну что, Остап Ибрагимович, колитесь! И только, Христа ради, не говорите, что вы чекист и что ночевать я буду на Лубянке, если чего-то такого не сделаю. Итак, что же вам нужно?

- Накося выкуси!- выдавил Бендер.

- А если серьезно? Впрочем, ваш треп о злосчастном сыщике, разыскивающим потерянного мальчика

- самого себя - наводит меня на интереснейшую мысль: американский дядюшка? Он меня ищет?

- Да...

- Если вы хотели выдать себя за меня, значит он богат, а если он богат, значит, мне не составит труда найти его. Орден можете оставить себе, а мне достаточно будет моего настоящего имени и воспоминаний детства. Вы ведь за ними охотились? Одного не понимаю - зачем вы подобрали меня на ступенях жилтоварищества? Для чистоты эксперимента? Нет, вы ведь не проверяли даже Евсюкова, который на 3 года младше нас. Зачем же вы взяли меня?

- Пожалел,- устало сказал Остап.- Я ведь надеялся, что через пару месяцев буду жрать хот-доги.

- Вы проиграли эту партию, Остап Ибрагимович.

Остап горько улыбнулся.

- Что ж, тот не шахматист, кто, проиграв партию, не говорит, что у него было выигрышное положение. Ладно. Ваш дядя живет в Лос-Анджелесе. Подробности узнаете в Нью-Йорке у Арчибальда Спивака по этому адресу,- он протянул газетную вырезку.- Берите же, черт вас побери. Сеня отошел к окну и, бледный от внутреннего торжества, произнес:

- Что ж, благородство за благородство. Едем в Америку вместе...

- Нет-нет!- замахал руками Бендер.- Это уже ‘предварительный сговор’, это уже ‘группой лиц’...

- Фу, как приземленно,- поморщился Сеня.- ‘Группа лиц’... А не лучше ли: рыцарский орден Золотого Руна? Я - граф, вы - потомок трапезундских императоров и, к тому же, хранитель реликвии. Так что, командовать парадом... будете вы.

Часть 2-я

Колоколамиада

Глава 17

‘ДАНО ТАКОМУ-ТО СЯКОМУ-ТО...’

Народная мудрость совершенно справедливо прославляет всевозможные коллективные процессы общественного производства: ‘Миром и горы сдвинем’, коллективное творчество: ‘Одна голова хорошо, а две лучше’, и даже коллективный мордобой: ‘Один в поле не воин’ с печальными

последствиями: 'На миру и смерть красна'. Впрочем, как заметил один мудрец: 'Народные пословицы противоречат друг другу, в этом, собственно, и состоит народная мудрость'. Например: 'Без труда не вынешь и рыбки из пруда' - но: 'Работа не волк - в лес не убежит'. Или: 'Век живи - век учись' - но: 'Будешь много знать - быстро состаришься'. Однако ни один народный мудрец не заметил еще, что играть вдвоем на фортепиано куда трудней, чем в одиночку, не говоря уже о скрипке. Труднее вдвоем писать роман, сидеть на одном стуле (это даже труднее, чем сидеть одному на двух стульях). И очень, очень трудно двум непрофессионалам перейти границу СССР...

- Кстати о рояле, Сеня!- оживился Бендер.- Вы случайно не виртуоз-исполнитель? Ведь вас же мучали в вашем дворянско-благородном детстве, верно? Крышу мы найдем, полгода помотаемся по бескрайним просторам СССР и однажды заглянем за край. Буду при вас курьером - открывать крышку рояля перед концертом и страшно волноваться при этом. Это будет сверхстеснительностью. Ну как, отличите фа-бемоль от ми-диеза?

- Нет,- честно вздохнул Сеня.

- Ужасно,- Остап сокрушенно покачал головой.- Что ж, будем брать контору.

- Какую контору?

- Любую. Любую, которая может дать справку: 'Дана такому-то сякому-то, в том, что он, такой-сякой, имеет право заготавливать то да се там-то сям-то'. Это главное. Если без денег перебиться кое-как еще можно, то без документов в нашем отчестве просто зарез.

- А что мы будем заготавливать?- недоуменно спросил Сеня.

- Что угодно. Когда-то я заготавливал рога и копыта. Можно заготавливать орлиный помет, тигровые когти, поношенные тубетейки, пробки, наконец.

- Какие пробки?

- Использованные или непосредственно э-э-э... обдирать кору этого, как его... пробкового дуба.

Главное - лазать по горам поближе к государственной границе.

- Ну, недурно. А какую-же контору будем брать?

- Да хотя бы эту, напротив: 'КЛООП'. Есть что-то кооперативное в названии.

- Слушайте, Остап Ибрагимович, двадцать раз проходил мимо и ничего не мог понять. Мне казалось, что если я сейчас же не узнаю, что означает эта вывеска, я заболею.

- Не понимаю, что тебя волнует. Клооп и Клооп. Прием пакетов с часу до трех. Обыкновенное учреждение.

- Нет, вы поймите - 'КЛООП'! Ведь это так интригующе! Чем могут заниматься люди под таким вызывающим названием. А вдруг они не заготавливают? Вдруг они распределяют что-нибудь?

- Да не все ли равно! Поедем на Кавказ распределять.

Утром искатели приключений остановились против подъезда, над которым золотом и лазурью было выведено:

К Л О О П

В длинной машине, стоявшей у подъезда, за зеркальным стеклом сидел шофер.

- Скажите, товарищ,- спросил Сеня,- что за учреждение Клооп? Чем тут занимаются?

- Кто его знает, чем занимаются,- ответил шофер.- Клооп и Клооп. Учреждение как всюду.

- Вы что ж, из чужого гаража?- спросил Остап.

- Зачем из чужого! Наш гараж, клооповский. Я в Клоопе со дня основания работаю.

Не добившись толку от водителя машины, приятели посоветовались и вошли в подъезд.

Вестибюль Клоопа ничем не отличался от тысячи других учрежденческих вестибюлей. Бегали курьерши в серых сиротских балахончиках, завязанных на затылке черными ботиночными шнурками. У входа сидела женщина в чесанках и длинной кавалерийской шинели, сменившей ввиду наступления лета большой окопный тулуп. Видом своим она очень напоминала трамвайную стрелочницу, хотя была швейцарихой (прием и выдача галош). На лифте висела вывесочка 'Кепи и гетры', а в самом лифте вертелся кустарь с весьма двусмысленным выражением лица. Он тут же на месте кроил свой модный и великосветский товар. (Клооп вел с ним отчаянную борьбу, потому что жакт нагло, без согласования, пустил кустаря в ведомственный лифт.)

- Чем же они могли бы тут заниматься?- начал снова Изаурик.

Но ему не удалось продолжить своих размышлений в парадном подъезде. Прямо на него налетел скатившийся откуда-то сверху седовласый служащий и с криком 'брынза, брынза!' нырнул под лестницу. За ним пробежали три девушки, одна - курьерша, а другие две - ничего себе - в холодной завивке.

Упоминание о брынзе произвело на швейцариху потрясающее впечатление. На секунду она замерла, а потом перевалилась через гардеробный барьер и, позабыв о вверенных ей калошах, бросилась за сослуживцами.

- Теперь все ясно,- сказал Сеня,- можно идти назад. Это какой-то пищевой трест. Разработка вопросов брынзы и других молочнодиетических продуктов.

- А почему оно называется Клооп?- задумался Остап.- К тому же, брынза - это продукт южный, прикордонный...

Друзья хотели было расспросить обо всем швейцариху, но, не дождавшись ее, пошли наверх.

Стены лестничной клетки были почти сплошь заклеены рукописными, рисованными и напечатанными на машинке объявлениями, приказами, выписками из протоколов, а также различного рода призывами и заклинаниями, неизменно начинавшимися словом 'Стой!'

- Здесь мы все узнаем,- с облегчением вздохнул Сеня.- Не может быть, чтобы из сотни бумажек мы не выяснили, какую работу ведет Клооп.

И он стал читать объявления, постепенно передвигаясь вдоль стены.

- 'Стой! Есть билеты на 'Ярость'. Получить у товарища Чернобривцевой'. 'Стой! Кружок шашистов выезжает на матч в Кунцево. Шашистам предоставляются проезд и суточные из расчета центрально тарифного пояса. Сбор в комнате товарища Мур-Муравейского'. 'Стой! Джемпера и лопаты по коммерческим ценам с двадцать первого у Кати Полотенцевой'.

Остап рассмеялся. Сеня недовольно оглянулся на его и подвинулся еще немножко дальше вдоль стены.

- Сейчас, сейчас. Не может быть, чтоб... Вот, вот!- бормотал он.- 'Приказ по Клоопу №1891-35.

Товарищу Кардонкль с сего числа присваивается фамилия Корзинкль'. Что за чепуха! 'Стой! Получай брынзу в порядке живой очереди под лестницей, в коопсекторе'.

- Наконец-то!- съехидничал Остап.- Как ты говорил? Молочнодиетический пищевой трест?

Разработка вопросов брынзы в порядке живой очереди? Здорово!

Сеня смущенно пропустил объявление о вылазке в совхоз за капустой по среднекоммерческим ценам и уставился в производственный плакат, в полупламенных выражениях призывавший клооповцев ликвидировать отставание.

Теперь уже забеспокоился и Остап.

- Какое же отставание? Как бы все-таки узнать, от чего они отстают? Тогда стало бы ясно, чем они занимаются.

Но даже двухметровая стенгазета не рассеяла тумана, сгустившегося вокруг непонятого слова

‘Клооп’. Это была зауряднейшая стенгазетина, болтливая, невеселая, с портретами, получаемыми, как видно, по подписке из какого-то центрального газетного бюро. Она могла бы висеть и в аптекоуправлении, и на черноморском пароходе, и в конторе на золотых приисках, и вообще где угодно. О Клоопе там упоминалось только раз, да и то в чрезвычайно неясной форме: ‘Клооповец, поставь работу на высшую ступень!’

- Какую же работу? - все громче возмущался Сеня. - Придется узнавать у служащих. Неудобно, конечно, но придется. Слушайте, товарищ...

С внезапной ловкостью, с какой пластун выхватывает из неприятельских рядов языка, Сеня схватил за талию бежавшего по коридору служащего и стал его выспрашивать. К удивлению приятелей, служащий задумался и вдруг покраснел.

- Что ж, - сказал он после глубокого размышления, - я в конце концов не оперативный работник. У меня свои функции. А Клооп что же? Клооп есть Клооп.

И он побежал так быстро, что гнаться за ним было бы бессмысленно.

Хотя и нельзя еще было понять, что такое Клооп, но по некоторым признакам замечалось, что учреждение это любит новшества и здоровый прогресс. Например, бухгалтерия называлась здесь счетным цехом, а касса - платежным цехом. Но картину этого конторского благополучия портила дрянная бумажка: ‘Сегодня платежа не будет’. Очевидно, наряду с прогрессом имелось и отставание. В большой комнате культсектора за овальным карточным столом сидело шесть человек. Они говорили негромкими, плаксивыми голосами.

- Кстати, Остап Ибрагимович, почему на заседаниях по культработе всегда говорят плаксивыми голосами?

- Как видно, из жалости культактива к самому себе. Жертвуешь всем для общества, устраиваешь вылазки, семейные вечера, идеологическое лото с разумными выигрышами, распределяешь брынзу, джемпера и лопаты – в общем, отдаешь лучшие годы жизни, - и все это безвозмездно, бесплатно, из одних лишь идейных соображений, правда, в урочное время. Очень себя жалко!

Друзья остановились и начали прислушиваться, надеясь почерпнуть из разговора нужные сведения.

- Надо прямо сказать, товарищи, - замогильным голосом молвила пожилая клооповка, - по социально-бытовому сектору работа проводилась недостаточно. Не было достаточного охвата. Недостаточно, не полностью, не целиком раскачались, размахнулись и развернулись. Вылазка за капустой проведена недостаточно. А почему, товарищи? Потому, что Нонна Идоловна проявила недостаточную гибкость.

- Как? Это я недостаточно гибкая? - завопила ужаленная в самое сердце Нонна.

- Да, вы недостаточно гибкая, товарищ!

- Почему же я, товарищ, недостаточно гибкая?

- А потому, что вы совершенно, товарищ, негибкая.

- Извините, я чересчур, товарищ, гибкая.

- Откуда же вы можете быть гибкая, товарищ?

Здесь в разговор вкрался Сеня.

- Простите, - сказал он нетерпеливо, - что такое Клооп? И чем он занимается?

Прерванная на самом интересном месте шестерка посмотрела на дерзких помраченными глазами.

Минуту длилось молчание.

- Не знаю! - решительно ответила Нонна Идоловна. - Не мешайте работать, - и, обернувшись к сопернице по общественной работе, сказала рыдающим голосом: - Значит, я недостаточно гибкая?

Так, так! А вы - гибкая?

Друзья отступили в коридор и принялись совещаться. Сеня был испуган и предложил уйти. Но Остап

не склонился под ударами судьбы.

- До самого Калинина дойду!- завизжал он неожиданно.- Я этого так не оставлю.

Вдруг какой-то коротышка, словно пушечное ядро, врезался между друзьями.

- Скорее бегите! Скорее! Уже инструктор по НОТу приехал. Сейчас начнут!- с этими словами 'ядро' покатилося вверх, лихорадочно потирая руки.

- Вперед!- крикнул Бендер.- Держите его за хвост, Сеня! Это фортуна!

Захватить коротышку не удалось. Расталкивая толпу покрикивающих и подрагивающих служащих, тот юркнул к окошку под скромной вывеской 'Прием вкладов'. Рядом висела большая красивая афиша:

НОТ ДАЕТ КЛЮЧ К ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОБЕДЕ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЯХ !

' Сегодня !!! - БЕГА - Сегодня !!!'

Список участников

И з а е з д

1. Сонечка Мажор (фаворитка), на 'Ундервуде'.
2. Катя Косоглядова (фаворитка), на 'Ремингтоне'.
3. Н.И. Ананасова, на 'Мерседесе'.
4. А.И. Шестипальцева, на 'Двойном Ремингтоне'.

Дистанция - 3 листа.

И з а е з д

1. М.А. Кислородова, на 'Смис-Премьер'.
2. Манечка Работягина (фаворитка), на 'Двойном Ундервуде'.
3. Д.Е. Тустепс, на 'Ремингтоне' (с закрытым шрифтом).
4. Л.Ф. Живоглотова, на 'Адлере'.

Дистанция - 2 листа.

Анонс - !!! - Анонс

Премия 'Сюрприз'.

- Что это, командор? - воскликнул Сеня.- Бега на пишущих машинках?! Он глянул на Бендера и осекся: магистр ордена и хранитель реликвии смотрел на афишу и бормотал: 'Шик! Блеск! Какой полет фантазии! Всюду жизнь! Но на кого ставить? Если поставить на фаворитку,- маленькая выдача, а если на простую - большой риск!'

Толпа вздрогнула: от окошка приема вкладов неслось пушечное ядро. Остап выдернул шустрейшего из клооповцев, заглянул в его квиток и, вернув ему пинком прежнюю скорость, ринулся в толпу.

- Эх, была не была, поставлю на Ананасову...- шептал он.- Пожалуйста, товарищ кассир, я ставлю на Ананасову в первом заезде... Два рубля... Пожалуйста... Спасибо...

- Остап Ибрагимович, вы сошли с ума,- твердо сказал Сеня.

- Верно,- быстро согласился Остап и добавил еще трешку.

В комнате пишмаш в две шеренги стояли служащие КЛООПа.

- Уже выводили?- спросил коротышка свистящим шепотом, втискиваясь в толпу.

- Нет еще. Сейчас выведут,- ответил Остап.

- Ведут, ведут!- раздались взволнованные голоса.

К месту состязаний приближалась пышная процессия.

Впереди - инструктор по НОТу с хронометром в руке. За ним - гуськом - участницы состязания.

- Смотрите, смотрите... Сонечка! Фаворитка!..

- А вот и Ананасова... Рыжая... Попомните мое слово - обставит их всех,- уверенно сказал коротышка.

- Ну, не скажите. Шестипальцева тоже... Глядите, глядите, как она руку закидывает!..- в том, что касалось бегов, Остап был суеверен.

- А заезд для малолеток сегодня будет?- волновались слева.

- В четверг.

- Да что вы, батенька, чушь порете. Всем известно, что в четверг - гандикап машинисток статбюро...

- А малолетки-то, малолетки когда?

- Отстаньте вы с вашими малолетками!

- Тише, тише, начинают!

Машинистки наскоро попудрились и взяли старт.

Толпа замерла.

Остап впился глазами в Ананасову.

- Раз, два, три!..

Игроки мгновенно вспотели и впились глазами в машинисток.

- Нажимай, нажимай!- шептал Бендер, наступая на чью-то ногу.- Вывози, матушка Ананасова!

- Хромает, хромает!- раздался чей-то истерический вопль.

- Кто, кто хромает?

- Верхний регистр у 'Ремингтона' Косоглядовой... Боже, боже!.. Состязание подходило к концу.

- Валяй, Ананасова!- хрипло кричал Остап.- Валяй! Нажимай!..

Коротышка мычал, не разжимая губ.

И вдруг произошло нечто ужасное. Ананасова остановилась, вынула из ящика зеркальце и попудрилась. Хотя эта необходимая операция продолжалась не более двух секунд, но во время финиша это было большой неосмотрительностью.

- Перешла в галоп!- сказал чей-то злорадный голос.

Прозвучал оглушительный аккорд и Шестипальцева высоко вскинула руки. Над 'Двойным Ремингтоном' клубился сизый дым.

Коротышка сел на пол и заплакал. Остап сплюнул и двинулся вон из комнаты.

- Влип, как фраер,- злился он.- Продали заезд марафоны, на корню продали!

- Остап Ибрагимович, может уйдем?- предложил Сеня.- Темное это место...

- Еще чего?!- возмущился командор.- Что это за дверь? Заместитель председателя? Он то нам и нужен, голубчик! Он гневно открыл дверь с надписью: 'Заместитель председателя'. Заместителя в комнате не было, а находившийся там человек в барашковой кепке отнесся к пришельцам по-джентльменски холодно. Что такое Клооп, он тоже не знал, а про заместителя сообщил, что его

давно бросили в шахту.

- Куда?- спросил Сеня, начиная дрожать.

- В шахту,- повторила барашковая шапка.- На профрабоду. Да вы идите к самому председателю. Он парень крепкий, не бюрократ, не головотяп. Он вам все разъяснит.

По пути к председателю друзья познакомились с новым объявлением: 'Стой! Срочно получи в местном картофельном талоне. Игнорирование грозит аннулированием'.

- Игнорирование грозит аннулированием. Аннулирование грозит игнорированием,- бормотал Сеня в забытьи.

- Это мистика,- сказал Бендер,- я требую жертв. Послушай, милейший,- он схватил было за руку пробежавшего служащего.

Вопреки ожиданиям, тот не стал вырываться, а сам вцепился в Сеню и Остапа.

- Вот вас-то я и ищу!

Служащий потребовал с них дифпай. При этом он грозил аннулированием членских книжек.

- Пустите!- закричал Сеня.- Мы не служим здесь.

- А кто вас знает,- сказал незнакомец, остывая,- тут четыреста человек работает. Всех не запомнишь.

Тогда дайте по двадцать копеек в 'Друг чего-то'. Дайте! Ну, дайте!

- Мы уже давали,- рычал Остап.

- Ну и мне дайте!- стонал незнакомец.- Ну дайте! Всего по двадцать копеек.

Пришлось дать.

Про Клооп незнакомец ничего не знал.

Председатель, опираясь ладонями о стол, поднялся навстречу посетителям.

- Вы, пожалуйста, извините, что мы непосредственно к вам,- начал Сеня,- но, как это ни странно, только вы, очевидно, и можете ответить на наш вопрос.

- Пожалуйста, пожалуйста,- сказал председатель.

- Видите ли, дело в том... Ну, как бы вам сказать. Не можете ли вы сообщить нам,- только не примите за глупое любопытство,- что такое Клооп?

- Клооп?- спросил председатель.

- Да, Клооп.

- Клооп?- повторил председатель звучно.

- Да, очень было бы интересно.

Уже готова была раздёрнуться завеса. Уже тайне приходил конец, как вдруг председатель сказал:

- Понимаете, вы меня застали врасплох. Я здесь человек новый, только сегодня вступил в исполнение обязанностей и еще недостаточно в курсе. В общем, я, конечно, знаю, но еще, как бы сказать...

- Но все-таки, в общих чертах?..

- Да и в общих чертах тоже...

- Может быть, Клооп заготавливает лес?

- Нет, лес нет. Это я наверное знаю.

- Молоко?

- Что вы! Я сюда с молока и перешел. Нет, здесь не молоко.

- Шурупы?

- М-м-м... Думаю, что скорее нет. Скорее, что-то другое. В это время в комнату внесли лопату без ручки, на которой, как на подносе, лежал зеленый джемпер. Эти припасы положили на стол, взяли у председателя расписку и ушли.

- Может, попробуем сначала расшифровать самое название по буквам?- предложил Сеня.

- Это идея,- поддержал председатель.

- В самом деле, давайте по буквам. Клооп. Кооперативно-лесо... Нет, лес нет... Попробуем иначе. Кооперативно-лакокрасочное общество... А второе 'о' почему? Сейчас, подождите... Кооперативно-лихоимочное...

- Или кустарное?

- Да, кустарно-лихоимочное... Впрочем, позвольте, получается какая-то чушь. Давайте начнем систематически. Одну минуточку.

Председатель вызвал человека в барашковой кепке и приказал никого не пускать.

К концу дня в кабинете было накурено, как в станционной уборной.

-По буквам - это механический путь,- кричал председатель.- Нужно сначала выяснить принципиальный вопрос. Какая это организация? Кооперативная или государственная? Вот что вы мне скажите, Сеня!

- А я считаю, что нужно гадать по буквам,- отбивался Сеня.

- Нет, вы мне скажите принципиально...

- Кто - я?- изумился Сеня.

Наступила пауза. Слышно было только, как уборщица звенела ведрами и из дальней комнаты слышались плаксивые голоса:

- Я, товарищ, чересчур гибкая!

- Какая ж вы гибкая, товарищ?

- Есть предложение!- вдруг сказал Остап.- Если никто не знает, чем мы занимаемся, так давайте и займемся.

- Чем?!- в один голос спросили председатель и Сеня.

- Заготовкой пробки,- отчеканил командор.- Продукт дефицитный, миллионы валяются в мусорных ящиках, а ведь их снова можно было пустить в дело. В закавказских лесах растут дикие дубы. И кто же с них собирает пробки, т.е. кору, из которой делают пробки? Местные зайцы и кабаны.

Освещение в печати организует товарищ Изаурик. А я, пожалуй, возьму на себя подготовку изыскательской экспедиции 'Пробка'.

В ближайшем номере 'Приключенческого дела' появилась развернутая статья 'Пробка - наше будущее', которая заканчивалась призывами 'вынем миллионы из мусорных ящиков' и 'отдерем миллионы у дикой природы'. Подписана статья была главным редактором товарищем Икапидзе. Предложение имело успех. Один очень видный хозяйственный руководитель высказался в том смысле, что пробку действительно не худо бы собирать. С этим согласились все.

Но произошло совсем не то.

Первой откликнулась киноорганизация. Там зорко следят за прессой и торопятся все что ни на есть немедленно отобразить в художественных произведениях. Вскоре было обнародовано сообщение, что сценарист Мурузи приступил к работе над сценарием (название еще не утверждено), в котором ставятся вопросы сбора пробки в свете перерождения психики отсталого старьевщика-единоличника. Через два дня последовало новое сообщение. Оказывается, Мурузи сценарий уже окончил (условное название 'Золото в пыли'), создана крепкая съемочная группа и составлена смета на девяносто четыре тысячи ориентировочных рублей.

И все закипело.

В отделе 'Над чем работает писатель' можно было прочесть, что писатель Ошейников заканчивает повесть, (условное название 'Пробка зовет!') трактующую вопросы сбора пробки, однако уже не в свете перерождения психики какого-то жалкого старьевщика, а гораздо шире и глубже - в свете

преодоления индивидуалистических навыков мелкого кустаря, подсознательно тянущегося в артель. Главы из своей новой повести Ошейников уже читал на районном слете водолазов-спасателей. Водолазы нашли, что повесть заслуживает пристального внимания, но что автор плавает по поверхности и ему не мешает углубить свое мировоззрение. Автор обещал слету мировоззрение подвинтить в декадный срок.

Решительно пробка захватывала все большие участки жизни. Странные колебания эфира показали, что радиообщественность тоже не дремлет. Были отменены утренние концерты. Вместо них исполнялась оратория. Дружно гремели хор и оркестр:

Мы были пробкой не богаты,
Богаты пробкой станем мы.
Давай, валяй, смелей, ребята,
Штурмуй кавказские холмы!

На всякий случай отменили и дневные концерты, чтобы размагничивающей музыкой Шопена не портить впечатления от оратории.

Жару поддала смелая газетная статья. В ней горизонт необыкновенно расширился. Автор статьи утверждал, что обыкновенная пробка есть не только затычка для закупоривания бутылей, банок и бочек, не только материал, идущий на спасательные пояса, изоляционные плиты и тропические головные уборы, но нечто гораздо более важное и значительное. Ставился вопрос не голо практически, но принципиально, а именно - о применении в сборе пробки диалектико-материалистического метода. Автор всячески клеймил работников, не применявших до сих пор этого метода в борьбе за пробку. В качестве примера недиалектического подхода к пробке приводился киносценарий, сочиненный торопливым Мурузи.

Мурузи ужаснулся и картину стали переделывать на ходу. Заодно увеличили смету (сто шестьдесят три тысячи ориентировочных рублей).

Юмористы пустили в ход старый каламбур насчет пробки бутылочной и пробки трамвайной.

Вышел в свет первый номер литературного альманаха 'Голый дуб'.

Взору уже рисовались большие прохладные склады, наполненные пахучими пробками, как вдруг произошел ужасный случай.

Редакции нескольких газет опубликовали открытое письмо, подписанное шестнадцатью эпидемиологами и двадцатью пятью ботаниками. Эпидемиологи утверждали, что очистить пробку, бывшую в употреблении, практически невозможно. Если же срезать верхний слой, то это будет слишком дорого, к тому же такой пробкой можно будет затыкать только клистирные трубки.

Ботаники же напоминали, что пробку с пробкового дуба снимают один раз в десять лет, начиная с пятнадцатилетнего возраста деревьев. А саженцы на Кавказе еще слишком молоды.

Когда Сеня ввалился в квартиру со стопкой свежих газет, Остап сидел у стола, мечтательно закатив глаза.

- Чем вы занимаетесь?...-замогильным голосом спросил Сеня.

- Составляю перечень припасов для Кавказской экспедиции. Знаете, Сеня, очень приятное занятие. Поэтому так захватывает книга о путешествии Стэнли в поисках Ливингстона. Там без конца перечисляются предметы, взятые Стэнли с собой для обмена на продовольствие. Мы для обмена на продовольствие возьмем казенные деньги. А вот из предметов, я тут прикинул...- Остап зашелестел своими листочками.

- Остап,- грубо прервал его Сеня,- экспедиции не будет.- И бросил газеты на стол.
Бендер пробежал глазами броские заголовки.
- Ну и что? Эка беда. Поедем искать что-нибудь другое.
- Что? Что другое?!
- Ну что-нибудь вечное, скажем, Швейцарию или, вот...
- Что вы несете?! Остап Ибрагимович! Мы потеряли уйму времени, командировочные. Икапидзе грозит оторвать мне голову!
- Зачем она ему? Все, все. Объясню. Человеческое тщеславие, Сеня, имеет замечательный парадокс. Очень хочется прославиться и при этом, заметьте, спрятаться в чью-то великую тень. Ленинград - 'Вторая Венеция', Тянь-Шань- 'Вторая Швейцария'. Сколько их по свету! Ведь еще испанцы назвали индейский поселок на озере Маракайбо Венесуэллой - 'Маленькой Венецией'. А своя 'Швейцария', есть даже в Подмоскowie. То же и с людьми. Как-то в ресторане жаловался мне один общепризнанный батько киевского оперного куреня: 'Кажется, все сделал. И куражился, и с оркестром ругался, и морду бил кому попало. Почему же я все еще не второй Шаляпин? Нет, понимаешь, этого шаляпинского пианиссимо. Черт возьми, нет и фортиссимо...'
- Остап Ибрагимович!!! Что же делать?!
- Я же сказал,- обиделся Остап.- Поедем искать Аджарскую Швейцарию за свой счет.

Глава 18

НОЙ И АНТОША ЧЕХОНТЕ

Человек внезапно просыпается ночью. Душа его томится. За окном качаются уличные лампы, сотрясая землю, проходит грузовик; за стеной сосед во сне вскрикивает: 'Сходите? Сходите? А впереди сходят? А вы у них спрашивали? А что они вам ответили?'- и опять все тихо, торжественно. Уже человек лежит, раскрыв очи, уже вспоминается ему, что молодость прошла, что за квартиру давно не плачено, что любимые девушки вышли замуж за других, как вдруг он слышит вольный, очень далекий голос паровоза.

И такой это голос, что у человека начинает биться сердце. А паровозы режут, переговариваются, ночь наполняется их криками - и мысли человека переворачиваются. Не кажется ему уже, что молодость ушла безвозвратно. Вся жизнь впереди. Он готов поехать сейчас же, завернувшись в одно только тканевое одеяло. Поехать куда попало, в Сухиничи, в Севастополь, во Владивосток, в Рузаевку, на Байкал, на озеро Гохчу, в Жмеринку. Сидя на кровати, он улыбается. Он полон решимости, он смел и предприимчив, сейчас ему сам черт не брат. Пассажир - это звучит гордо и необыкновенно!

Но... Вот он трусливой рысью пересекает Каланчевскую площадь, стремясь к Рязанскому вокзалу. Тот ли это гордый орел, которому сам черт не брат! Он до тошноты осторожен. На вокзал пассажир прибегает за два часа до отхода поезда, хотя в мировой практике не было случая, чтобы поезд ушел раньше времени.

К отъезду он начинает готовиться за три дня. Все это время в доме не обедают, потому что посуду пассажир замуровал в камышовую дорожную корзину. Семья ведет бивуачную жизнь наполеоновских солдат. Везде валяются узлы, обрывки газетной бумаги, веревки. Спит пассажир без подушки, которая тоже упрятана в чемодан-гармонию и заперта на замок. Она будет вынута только в вагоне. На вокзале он ко всем относится с предубеждением. Железнодорожного начальства он боится, а остальной люд подозревает. Он убежден, что кассир дал ему неправильный билет, что носильщик убежит с вещами, что станционные часы врут и что его самого спутают с поездным

вором и перед самым отъездом задержат.

Вообще он не верит в железную дорогу и до сих пор к ней не привык.

Железнодорожные строгости пассажир поругивает, но в душе уважает, и, попав в поезд, сам не прочь навести порядок.

Поезд 'Москва-Минеральные Воды' вышел и прибыл по расписанию. Никто не отстал от поезда, не высовывался из окон, не родил в дороге, не сорвал тормоз Вестингауза и не совершил других мелких и крупных нарушений.

Накануне поездки Остап заявил, что из принципа хотел бы перейти румынскую границу, но поскольку западная граница теперь неприступна, как Инга Зайонц после разлада с другом его детства Колей Остен-Бакеном, то начать придется сразу с Закавказья. Этот театр военных действий был, по словам Остапа, ему хорошо знаком. В случае неудачи предполагалось десантироваться через Каспийское море в Среднюю Азию, которая, опять же по словам командора Бендера, была им рекогносцирована во время плавания на кораблях пустыни.

Возможность расширения театра военных действий далее на восток, несмотря на уговоры Сени, Остап рассматривать отказался. Во-первых, он не любит лазить через стены, особенно через Великую Китайскую, во-вторых, панически боится уссурийских тигров и в-третьих, у него, как у турецкого янычара, психологическая несовместимость с японскими самураями.

Едва сойдя с поезда, Остап предложил Сене зайти в уютный кабачок, точного названия которого он никак не мог вспомнить. То ли 'Аралатский аромат', то ли 'Ароматный Аралат'.

- Знаете, Сеня, в чем беда русского человека?- говорил он по дороге.- Для нас, русских, 'хорошо провести вечер' означает истратить кучу денег и напиться как свинья. А ведь можно спокойно, душевно посидеть в прохладном полумраке, с интимной музыкой, за рюмочкой настоящего, доброго вина, вспомнить день минувший, обсудить день грядущий...

...Процесс воспоминаний и обсуждений затянулся до позднего вечера. Следующего дня.

- Остап Ибрагимович, ну нельзя же столько пить!- Сеня бережно вел Бендера по дорожке парка.- Аралат! Аралат! Ной нашелся...

- Сеня, друг! Это девятимесячное 'стояние на Угре', то бишь 'сидение в Москве' меня вконец истощило. Ну что поделаешь, если Минводы оказывают на меня такое воздействие,- Остап икнул.- Кругом себя оправдывают. Я просто омолодился!

- Смотрите, не умрите от скарлатины,- Сеня с трудом усадил командора на садовую скамейку. Мимо прошла рослая девица. Остап вскочил и бросился за ней неверной походкой, декламируя нараспев:

За ней, как тигр, шел матрос.

Вплоть до колен текли ботинки.

Являли икры вид полен,

Взгляд обольстительной кретинки

Светился, как ацетилен...

- Что же вы молчите? О-хо-хо! Она знала все языки но после тифа забыла!

Девица развернулась, вlepила потомку трапезундских императоров пощечину и пошла дальше.

- Пардон!- кричал Остап, сидя на дорожке.- Я перепутал страницу. Подождите!

Я как ворон по свету носился,

Для тебя лишь добычу искал,
Надсмеялся над бедной девчонкой,
Надсмеялся, потом разлюбил.

- Остап Ибрагимович, опомнитесь! Денег осталось только до Владикавказа.

- Так много?! Давайте их сюда! Мне срочно нужна дамочка 'Скорая помощь'. Я болен любовью:

Наша жизнь - это арфа.
Две струны на арфе той.
На одной играет счастье,
Любовь играет на другой...

- Денег я вам не дам!- отрезал Сеня.- Где будем ночевать?

Остап вздохнул и начал подниматься задом на манер одногорбого корабля пустыни:

Кончен, кончен день забав,
Стреляй, мой маленький зуав.

Он выпрямился. Взгляд приобрел осмысленность.

- Что деньги, Сеня! Они валяются на дороге. Вернее, на книжном развале. Прыгнула тут на меня одна идейка, когда проходили мимо. А насчет ночлега не беспокойтесь. Есть один подходящий скверик около картинной галереи.

- Шикарно,- ухмыльнулся Сеня.- Галерея-то хоть интересная?

- Галерея как галерея. Берут.

- Вы деградируете, Остап Ибрагимович. Ну да ладно. Мы еще увидим небо в алмазах, как сказал Антон Павлович Чехов.

- Чехов?- тускло спросил Остап.- Кому сказал?

- В 'Дяде Ване'. Стыдно, командор, не знать этого.

Командор вдруг как-то странно посмотрел на Сеню и сказал:

- А вот завтра и проверим, какой вы знаток Чехова.

Утром Бендер долго и придирчиво выбирал на книжном развале нужное издание. Он был стеснен в средствах. Предусмотрительный Сеня уже сбежал на вокзал и купил билеты до Владикавказа. Так что оперировать великому комбинатору приходилось в пределах сумм, выделенных на питание. Он торговался как испанец с индейцами и наконец остановил свой выбор на тоненькой книжке, одном из первых массовых изданий Чехова. Особенно ему понравились чистые листы 'Для заметок' в конце книжки. Остап с еле поспевавшим за ним Сеней бросился на Главпочтамт, обмакнул ручку в чернильницу и вывел на форзаце книги по всем правилам дореволюционной каллиграфии: 'Дорогому другу Георгию Валентиновичу Плеханову от Антоши Чехонте.'

- Что вы делаете?!- сдавленно прошептал Сеня.

- Прокладываю мостик от передовой российской интеллигенции к вождям революционного пролетариата. Пусть я сдохну, если местный краеведческий музей не выложит за это пару сотен. А теперь освежите-ка мне память насчет главных вех в творчестве друга Плеханова.

Пока Сеня рассказывал, Остап что-то быстро писал на страницах 'Для заметок', изредка требуя подробностей.

Через двадцать минут Сеня прочел:

‘...Хорошо бы пьесу написать из жизни помещика...’

‘...Помещика зовут дядей Ваней. Это ясно...’

‘...Героиня - тоскующая девушка:

- Мы еще увидим небо в алмазах. Мы отдохнем, дядя Ваня, мы отдохнем...’

‘...Хорошо бы рассказ написать из жизни врача...’

‘...Чудное название для рассказа: ‘Палата №6’...’

‘...Фамилия: Навагин...’

‘...Фамилия: Пересолин. Чиновник. Его жену чиновники называют - Пересолиха...’

‘...Хорошее название для пьесы: ‘Вишневый сад’...’

‘...Думаю съездить на Сахалин. Говорят - интересно...’

‘...Не купить ли дачку в Ялте. Знакомые советуют...’

‘...Только что написал ‘Чайку’. Знакомые одобрили...’

- Ну что, похоже?- спросил Остап.

- Свинья вы, Остап Ибрагимович,- ответил Сеня,- самого бы вас за это на Сахалин. Знакомые одобряют.

Он брезгливо отвернулся, как кот, которому пьяный шутник сует в нос дымящуюся папиросу. Он даже фыркнул от отвращения.

- Ой, какой регаж!- Остап долго смеялся.

- Ладно уж, Сеня. Я уверен, Антон Павлович нас простил бы и даже посмеялся за компанию. Бога ради, займите очередь за пивом, голова просто раскалывается.

Сеня ушел.

Бендер подумал немного, чиркнул пару строчек и вышел следом.

По дороге он заметно волновался и несколько раз повторил, что деньги валяются на дороге и надо только не лениться их подобрать.

В краеведческий музей великий комбинатор зашел один, Сеня сопровождать его наотрез отказался. Через несколько минут дверь музея распахнулась и в проеме показалась спина Бендера. Его теснили к выходу несколько старушек и козлобородый профессор. Профессор норовил ударить Остапа клюкой и только приговаривал: ‘За Антона Павловича! За Николая Васильевича!’

- Вы что думаете?- орал Бендер,- если они жили до революции, значит у них не было творческого обмена?! Вы негибкие, товарищи!

Споткнувшись на крыльце, Остап полетел вниз. Вслед ему полетела поруганная книга. Дверь музея захлопнулась.

Пока Бендер вставал и отряхивался, Сеня открыл ‘записную книжку друга Плеханова’. Последним перлом в ней было:

‘...Эх, тройка! Птица-тройка! Кто тебя выдумал?...’

- Вы с ума сошли!- воскликнул Сеня.- Это же Гоголь!

- Теперь и я вспомнил, что это Гоголь... Но какой русский не любит быстрой езды?! Ладно, пора на вокзал... Как там наш граммофон в камере хранения поживает?

Давно уже Колоколамск не видел Никиту Псова в таком сильном возбуждении. Когда он проходил по Малой Бывшей улице, он даже пошатывался, хотя два последних дня вовсе не пил. Он заходил во все дома по очереди и сообщал согражданам последнюю новость:

- Конец света. Потоп. Разверзлись хляби небесные. В губернском городе семь дней и семь ночей дождь хлещет. Уже два ответственных работника утонуло. Светопреставление начинается. Довели

большевики до ручки! Поглядите-ка.

И Псов дрожащей рукой показывал на небо. К городу со всех сторон подступали фиолетовые тучи. Горизонт грохотал и выбрасывал короткие злые молнии. Впечатлительный гражданин Петцольд из дома №17 значительно развил сообщение Псова. По полученным им, Петцольдом, сведениям, Москва была уже затоплена, и реки повсюду вышли из берегов, в чем он, Петцольд, видел кару небесную. Когда же к кучке граждан, тревожно озиравших небеса, подбежала Сицилия Петровна в капоте и заявила, что потоп ожидается уже давно и об этом на прошлой неделе говорил ей знакомый коммунист из центра, в городе началась паника.

Колоколамцы были жизнелюбивы и не хотели гибнуть во цвете лет. Посыпались проекты, клонящиеся к спасению города от потопа.

- Может, переедем в другой город?- сказал Никита Псов.

- Лучше стрелять в небо из пушек,- предложил мосье Подлинник,- и разогнать таким образом тучи. Но оба эти предложения были отвергнуты. Первое отклонили после блестящей речи Петцольда, доказавшего, что вся страна уже затоплена и переезжать совершенно некуда. Вторым, довольно дельным, предложением нельзя было воспользоваться за отсутствием артиллерии.

И тогда взоры всех колоколамцев с надеждой и вожделием обратились на капитана Ноя Архиповича Похотилло, который стоял немного поодаль от толпы и самодовольно крутил свои триумфальные усы. Капитан славился большим жизненным опытом и сейчас же нашелся.

- Ковчег!- сказал он.- Нужно строить ковчег!

- Ной Архипович!- застонала толпа в предвкушение великих событий.

- Считаться не приходится,- отрезал капитан Похотилло.- Благодарить будете после избавления.

На головы граждан упали первые сиреневые капли дождя. Это подстегнуло решение колоколамцев, и к строительству ковчега приступили безотлагательно. В дело пошел весь лесоматериал, какой только нашелся в городе. Рабочим чертежом служил рисунок Доре из восемнадцатифунтовой семкиной Библии, которую принес дьякон живой церкви отец Огнепоклонников. К вечеру дождь усилился, пришлось работать под зонтиками. Крышу ковчега сделали из гробов, потому что не хватило лесоматериалов. Крыша блистала серебрянным и золотым глазетом.

- Считаться не приходится,- говорил капитан Похотилло. На нем был штормовой плащ и зюйдвестка. Редкий дождик шел всю ночь. На рассвете в ковчег стали приезжать пассажиры. И тут только граждане поняли, что означает странное выражение капитана 'Считаться не приходится'.

Считаться приходилось все время. Ной Архипович брал за все: за вход, за багаж, за право взять в плавание пару чистых или нечистых животных и за место на корме, где, по уверениям капитана, должно было меньше качать.

С первых пассажиров, в числе которых были: мосье и мадам Подлинники, Петцольд и Сицилия Петровна, сменившая утренний капот на брезентовый тальер, расторопный капитан взял по 80 рублей. Но потом Ной Архипович решил советских знаков не брать и брал царскими. Никита Псов, наименее умный из граждан, разулся перед ковчегом и вынул из сапога 'катеньку', за что был допущен внутрь с женой и вечнозеленым фикусом.

У ковчега образовалась огромная пробка. Хлебнувший водки капитан заявил, что после потопа денежное обращение рухнет, что денег ему никаких поэтому не надо, а даром спасать колоколамцев он не намерен. Ноя Архиповича с трудом убедили брать за проезд вещами. Он стоял у входа на судно и презрительно рассматривал на свет чьи-то диагональные брюки, подбрасывал на руке дутые золотые браслеты и не гнушался швейными машинками, отдавая предпочтение ножным.

Посадка сопровождалась шумом и криками. Подгоняемые дождем, который несколько усилился,

граждане энергично напирали. Оказалось, что емкость ковчега ограничена двадцатью двумя персонами, включая сюда кормчего Похотилло и его первого помощника Долой-Вышневецкого.

- Ковчег не резиновый!- кричал Ной Архипович,- защищая вход своей широкой грудью.

Граждане с надрывом голосили:

- Пройдите в ковчег! Впереди свободнее!

- Граждане, пропустите клетку с воронами!- вопил председатель общества 'Геть неграмотность' Баллюстрадников.

Когда вороны были внесены, капитан Похотилло увидел вдали начальника курсов декламации и пения Синдик-Бугаевского, за которым в полном составе двигались ученики курсов.

- Ковчег отправляется!- испуганно закричал капитан.- Граждане! Сойдите со ступенек. Считаться не приходится!

Двери захлопнулись. Дождь грозно стучал о глазетовую крышку. Снаружи доносились глухие вопли обреченных на гибель колоколамцев.

Три дня и три ночи просидели отборные колоколамцы в ковчеге, скудно питались, помалкивали и с тревогой ждали грядущего.

На четвертый день выпустили через люк в крыше ворону. Она улетела и не вернулась.

- Еще рано,- сказал Псов.

- Воды еще не отошли!- разъяснил капитан.

На пятый день выпустили вторую ворону. Она вернулась через пять минут. К левой ее ножке была привязана записочка:

'Вылезайте, дураки'. И подпись: 'Синдик-Бугаевский'.

Отборные колоколамцы кинулись к выходу. В глаза им ударило солнце. Ковчег, весь в пыли, стоял на месте его постройки - посреди Малой Бывшей, рядом с пивной 'Арарат'.

- Позвольте, где же потоп? - закричал разобиженный Петцольд.- Это все Псов выдумал.

- Я выдумал? - возмущенно сказал Никита Псов.- А кто же говорил, что реки вышли из берегов, что Москва уже утонула? Тоже Псов?

- Считаться не приходится!- загремел Похотилло.

И ударил Никиту вороной по небритому лицу.

Счеты с автором потопа граждане сводили до поздней ночи.

Когда друзья вышли из Владикавказа на Военно-Грузинскую дорогу, Остап вдруг остановился и спросил:

- Сенья! Так как же называется тот кабачок: 'Араратский аромат' или 'Ароматный Арарат'?

Глава 19

'КАВКАЗ ПОДО МНОЮ...'

- Ага! Километровый столбик,- обрадовался Бендер.- Граммофон ваш.

Дальше он шел, пританцовывая.

- Не волнуйтесь, товарищ Изаурик, семь лет назад я преодолел этот маршрут в паре с сумасшедшим стариком, и должен сказать, в первый день мы прошли даже больше, чем вчера с вами. Причем тогда наш основной и оборотный капитал исчислялся двугривенным, а сейчас у нас целая пятерка и граммофон... Вы посмотрите, какая красота! Какие пидкрутизны! Ни пером описать, ни гонораром оплатить. Безусловно, Кавказский хребет создан после Лермонтова и по его указаниям.

- Вы имеете в виду эти параксизмы надписей на скалах, барьерах и прочих видах дикой и недикой природы?- угрюмо отозвался Сеня.

- О! 'Коля и Мика'! Старые знакомые! Где-то здесь поп-кладоискатель украл колбасу у предводителя дворянства.

- Остап Ибрагимович, вы переутомились,- Сеня поставил граммофон на барьер.

- Да-да, Сеня, привал.- Бендер сел рядом с граммофоном. Черт с попом и предводителем. Сейчас я думаю об этих двоих. Где вы, Коля и Мика? И что вы теперь, Коля и Мика, делаете? Разжирили, наверное, постарели? Небось теперь и на четвертый этаж не подыметесь, не то что под облака – имена свои рисовать? Где же вы теперь, Коля, служите? Плохо служится, говорите? Золотое детство вспоминаете? Какое же оно у вас золотое? Это пачканье ущелий-то вы считаете золотым детством? Коля, вы ужасны! И жена ваша - Мика, скорее всего, противная женщина, хотя она виновата меньше вашего. Когда вы чертили свое имя, вися на скале, Мика стояла внизу на шоссе и глядела на вас влюбленными глазами. Тогда ей казалось, что вы второй Печорин. Теперь она знает, кто вы такой. Вы просто дурак! Да, да, все вы такие, ползуны по красотам! Печорин, Печорин, а там, гляди, отчета сбалансировать не можете!

- Остап Ибрагимович, а вон тот 'Ося', который с 'Кисой', к вам, случайно, отношения не имеет?

- Что за глупости?! Вставайте, граф! Вас ждут великие дела. Не забудьте граммофон. Деньги, как я говорил, валяются на дороге. А дорога, Сеня, это не инженерное сооружение. Дорога - это именно движение, со всеми его...

- В Минводах они тоже валялись на дороге,- прервал его Сеня.

- Минводы,- казалось, Остап несколько не смутился,- это нелепая случайность, одна из тех, что дает хлеб писакам-биографам. Согласитесь, кому было бы интересно читать биографию Достоевского, если бы он в молодости не проигрывался в карты дотла? А Капабланка, рассказывают, проиграл в гаванском кабачке какому-то пьяному матросу.

- Врете!- воскликнул Сеня с таким возмущением, как будто сам выиграл у Капабланки не менее трех партий и проигрыш последнего пьяному матросу умалял его, Сенины, шахматные достоинства.

- Кстати, Сеня, что вы будете делать, когда окажетесь за границей?

- Куплю костюм. Мне надоело маскировать свой возраст студенческими курточками. Я морально устал без костюма. Обойдя выступ скалы, друзья увидели группу горцев, шумно обсуждавших достоинства небольшого, в полдюжины голов, стада баранов. Место для устройства импровизированного базара объяснялось тем, что здесь к Военно-Грузинской дороге выходила менее знаменитая, из горного аула.

Остап тут же увлек Сеня обратно.

- Вот они, денежки на дороге,- зашептал он.- Выйдите минут через десять и будете играть роль восторженного зрителя, удивленного легкостью выигрыша. Давайте граммофон. Я просто обязан оплодотворить это средневековое торжище теорией современного маркетинга.

Бендер подошел к горцам, завел граммофон, поставил 'Арию Фигаро', сел по-турецки на свой собственный походный пиджак, достал колоду карт и закричал:

- Красенькая выигрывает, черненькая проигрывает!

Перед собравшейся толпой ингушей и осетинов в войлочных шляпах Остап бросал рубашками вверх три карты, из которых одна была красной масти и две черной. Любому гражданину предлагалось поставить на красенькую карту любую ставку. Угадавшему командор брался уплатить на месте.

- Красенькая выигрывает, черненькая проигрывает! Заметил - ставь! Угадал - деньги забирай!

Сеня легко выиграл три рубля мелочью.

Горцев пленила простота игры и легкость выигрыша.

Красная карта на глазах у всех ложилась направо или налево, и не было никакого труда угадать, куда она легла.

Зрители постепенно стали втягиваться в игру, и Остап для блезира проиграл и им копеек сорок. К толпе присоединился всадник в коричневой черкеске, в рыжей барашковой шапке и с обычным кинжалом на впалом животе.

- Красненькая выиграет, черненькая проиграет!- запел Остап, подозревая наживу.- Заметил - ставь! Угадал – деньги забирай! А ты, кацо, что стоишь?- обернулся Остап к Сене.- Выиграл трешка - иди аул, хлеб, брынза покупай.

Он сделал несколько пассивов и метнул карты.

- Вот она!- крикнул всадник, соскакивая с лошади. ‘Трешка, хлеб и брынза’ раззадорили его.- Вон красненькая! Я хорошо заметил!

- Ставь деньги, кацо, если заметил,- сказал Остап.

- Проиграешь!- сказал горец.

- Ничего. Проиграю - деньги заплачу,- ответил Остап.

- Десять рублей ставлю.

- Поставь деньги.

Горец распахнул полы черкески и вынул порыжелый кошель.

- Вот красненькая! Я хорошо видел.

Игрок приподнял карту. Карта была черная.

- Еще карточку?- спросил Остап, пряча выигрыш.

- Бросай.

Остап метнул.

Горец проиграл еще двадцать рублей. Потом еще тридцать. Горец во что бы то ни стало решил отыграться. Толпа шумела. Всадник пошел на весь выигрыш. Остап, давно не тренировавшийся в три карточки и утративший былую квалификацию, передернул на этот раз весьма неудачно.

- Отдай деньги!- крикнул горец.

- Что?!- закричал Остап.- Люди видели. Никакого мошенства!

- Люди видели, не видели - их дело. Я видел, ты карту менял, вместо красненькой черненькую клал! Давай деньги назад!

С этими словами горец подступил к Остапу. Великий комбинатор стойко перенес первый удар по голове и дал ошеломляющую сдачу. Тогда на Остапа набросилась вся толпа. Вспыльчивые ингуши били недолго. Они остыли так же быстро, как остывает ночью горный воздух. Граммофон, исходя из законов гостеприимства, ингуши не тронули. Через десять минут горец с отвоеванными общественными деньгами возвращался в свой аул, толпа вернулась к своим баранам, а Бендер, элегантно и далеко сплевывая кровь, сочившуюся из разбитой десны, отковылял в сторону и стал дожидаться Сени.

Через минуту после того, как последние горцы покинули рынок-ристалище, погоня измученных баранов, на дорогу вышел Изаурик. В руках он держал хлеб, брынзу и пучок лука.

- Ай-яй-яй! Нам опять не повезло?- почти искренне посочувствовал он.

Остап сплюнул в бурный поток.

- Увы, Сеня, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Особенно в Терек. А вы, я вижу, юноша инициативный. Про лук я ничего не говорил.

- Не цените вы меня, Остап Ибрагимович,- Сеня сунул руку за пазуху и достал оттуда задушенного цыпленка.

Остап посмотрел на него расширенными от ужаса глазами:

- Боже мой! Наверное, с такого же птенчика начинал гусекрад Паниковский. Если бы вы знали, как ужасно он кончил. Что вы наделали!- вдруг завизжал он.- У ингушей цыплята дороже баранов. Они уже хватились! Выбросьте его немедленно!

Бурный Терек подхватил золотого петушка и понес в сторону Владикавказа.

Остап крякнул:

- Посмотрите, как он бьет крыльями по волнам. Вам не кажется, что он ожил? Может быть, он к нам еще вернется? Я ведь пошутил насчет привилегированного статуса ингушских хохлаток.

- У вас, Остап Ибрагимович, плебейские шутки.

- А у вас, Сенечка, плебейское воображение. Вы что, верите, что горские курочки-рябы несут золотые яйца? Оставьте эти фантазии для своего Колоколамска. И давайте же жрать наконец!

Минуты две друзья ели молча.

- Остап Ибрагимович,- нарушил тишину, вернее грохот Терека, Сеня.- Вы бы умерили аппетит. Да нет, я не в прямом смысле!- спохватился он и похлопал Бендера по спине.- Я верю в ваш гений, но, по-моему, то, что случилось здесь, на Военно-Грузинской дороге,- это, так сказать, военно-полевые цветочки...

Послышался шум мотора. Друзья выскочили на дорогу и вскинули руки. Мимо проехал автобус, везший не менее сорока туристов и не более ста двадцати чемоданов.

- Кланяйтесь Казбеку!- крикнул Остап вдогонку машине.- Поцелуйте его в левый ледник!

Автобус затормозил и, грозно заурчав, подал назад.

- Две драки в один день - это уже оргия,- Остап попятился к аульскому аппендиксу.

Но из автобуса высунулся милейший тип в матерчатой шляпке с пуговкой и пригласил путников 'влезать', не забыв присовокупить при этом, что это именно он упросил шофера остановить автобус 'его старым друзьям'.

- Правда, Лелечка? Это ведь я попросил подвезти наших старых друзей?- вопил он, радуясь своему хитроумию.

- А ну подвинься, самаритянин,- Остап грубо оттолкнул благодетеля, протискиваясь в салон.-

Граждане!- скомандовал он.- Чемоданы вниз, баулы и мешки вверх!- И уже мягче добавил, обращаясь к Сене: устраивайтесь, Ваше сиятельство, с подобающим комфортом.

Впрочем, он тут же занял место получше.

- А правда, на Кавказе прекрасные дороги?- решил развить знакомство 'со старыми друзьями' душечка в кепочке, но, не получив ответа, повернулся к жене:

- А знаешь, Лелечка, на Кавказе прекра...

Но тут случился ухаб, и пассажиры с перекошенными лицами, как гуси, взлетели к потолку.

- У-у-ухх!- сделали пассажиры.

После этого машина пошла ровно, и сосед с пуговкой смог сообщить супруге свежие соображения по поводу кавказских дорог. Кроме того, он отметил, что Терек, скованный мрачными теснинами, действительно быстр и грозен, что Столовая гора действительно похожа на стол и что Казбек действительно очень высок.

На вершине Крестового перевала шофер предложил 'выйти и освежиться'. Пассажиры высыпали из автобуса, но тут же бросились обратно за теплыми вещами. Они бы ни за что на свете не вылезли из него снова, но в низине, у самой дороги, был снег. Снег в июне! Искушение поиграть летом в снежки, вернее, рассказать об этом друзьям, было так велико, что все население автобуса, за исключением четверых, гуськом потянулось в низину. Оставшимися были шофер, Сеня, Остап и еще один гражданин, всю дорогу с подозрением смотревший на друзей, будто бы зная о цели их поездки в Закавказье.

Остап все же умудрился набить карманы печеньем, яйцами и прочими дарами бесхозных корзин. Что же касается Сени, то он, не разгибаясь, строчил что-то в своем блокноте. Когда разгоряченные снежками пассажиры расселись по своим местам и автобус тронулся, Бендер спросил о причине сей творческой горячки.

- Я написал рассказ о курице, несущей золотые яйца,- гордо заявил Изаурик.- Хотите прочту?- добавил он просительно.

- Вы, Сеня, просто народный акын: что вижу, о том и пою. Но я не поклонник любительского творчества. Так что увольте. Кроме того, писатель должен угощать, а угощаю я.

И Остап обратился к пассажирам с просьбой одолжить соли.

Спуск в долину Арагвы на час избавил путешественников от излишней гражданина с пуговкой.

Гражданин от страха не мог выговорить ни слова. Но когда спуск окончился, гражданин залопотал с новыми силами:

- Вы знаете, автомобиль гораздо удобнее экипажа, хотя и больше трясет.

- Лелечка! Правда, автомобиль удобнее экипажа, хотя и больше трясет?

- Ну вот и проехали Душет. Сейчас будут Цилканы.

- Слышишь, Лелечка, сейчас будут Цилканы.

- Вы знаете, судя по путеводителю, после Цилкан будет Мцхет.

- Лелечка! Скоро Мцхет.

- Вы знаете, судя по путеводителю, Мцхет - это древняя столица Грузии. А там до Тифлиса рукой подать,- гражданин в порыве чувств дотронулся до плеча Остапа.

Это было уже слишком:

- Ногой подать!- рявкнул Остап.

- Ой, вы шутите!- обрадовался Лелечкин муж. И хитро улыбнулся:

- А сколько это - 'ногой подать'?

- Двадцать верст,- Остап понял, что влип.

- От Мцхета до Тифлиса?

- Нет, от Барнаула до Ливерпуля.

- Что вы говорите?!

- Говорю, до Тифлиса. От Мцхета. Сеня, читайте свой чертов рассказ!

Золотой фарш

Старый колоколамец гражданин Евтушевский жил в центре города на Обвальной улице и по бедности своей занимался выделкой птичьих клеток, камышовых дудочек и мышеловок.

Промысел этот приносил Евтушевскому очень небольшой барыш. Поэтому наш кустарь старался по возможности не отрывать от земли,- разбил маленький огород, торговал молоком своей капризной козы, крал у соседей навоз и изготовлял из него топливный кирпич.

Евтушевскому шел шестой десяток. Зимой и летом он носил один и тот же люстриновый пиджак и совсем дрянные коричневые брюки, карманы которых всегда были полны дудками и проволокой для мышеловок.

За неделю до того дня, когда вписана была новая славная страница в историю Колоколамска, Евтушевского постигло несчастье. Курочка Пеструшка, отлично уживавшаяся в домике старика вместе с козой, скоропостижно скончалась. В поисках пищи птица набрела на мышеловку, поставленную Евтушевским в угол комнаты, чтобы на собственных мышах проверить качество изготавливаемой продукции. Едва Пеструшка клюнула хлебную корочку, лежавшую на дощечке, как

крепкая пружина выстрелила и с грохотом опустившаяся железная пластинка отрубила курице голову. Гильотинированная курица некоторое время летал по комнате, а потом испустила дух. Эта сцена произошла на глазах удивленного кустаря и козы, стоявшей рядом со своим хозяином. Евтушевский был опечален. Коза отнеслась к событию философски. Она покатила несколько шариков и потрясла бородой с видом полного безразличия.

- Вот тебе на,- молвил Евтушевский, грустно раскачиваясь над телом Пеструшки.- Придется новую купить. Правда, козочка?

В тот же день дудочник, чтобы не остаться на старости лет без яичницы, пошел на базар. День как раз был базарный.

- Продаешь?- спросил Евтушевский у мужика, державшего большую курицу на веревке, как корову. Мужик подумал и ответил:

- Не. Не продаю.

Но сейчас же, впрочем, стал усиленно торговаться. Хвалил курицу. Называл ее Барышней и нагло утверждал, будто она несет по три яйца в день. На деле курица не снесла за всю свою жизнь ни одного яйца.

Прельщенный жизнерадостным видом Барышни, Евтушевский умеренно поторговался, купил ее за пятьдесят копеек, и уже через полчаса курица бодро стучала клювом в деревянный пол дудочникова дома, в котором все мышеловки были предварительно разряжены.

Целую неделю новая курица гражданина Евтушевского не неслась. А в среду в 8 часов и 40 минут вечера снесла золотое яйцо.

Это совершенно противоестественное событие произошло следующим образом.

С утра Евтушевский, как обычно, был занят: продавал дудки, копался в огороде, заряжал и разряжал партию мышеловок, изготовленную по заказу председателя промысловой лжеартели 'Личтруд' мосье Подлинника.

Заходя изредка в комнату, где среди мебели блуждала Барышня, Евтушевский каждый раз грозил ей пальцем и, намекая на ее бесплодие, строго говорил: 'Дура ты, дура'.

После обеда старый дудочник залез в соседний двор за навозом для кирпича, но был замечен. В него бросили палкой и попали. До самых сумерек Евтушевский стоял у плетня и однообразно ругал соседей.

День был вконец испорчен. Жизнь казалась отвратительной. Дудок в этот день никто не купил.

Пополнить запасы топлива не удалось. Курица не неслась.

В таких грустных размышлениях застали Евтушевского мосье и мадам Подлинники. Они приходили за своими мышеловками только в безлунные вечера, потому что официально считалось, что чета Подлинников prepares мышеловки сама, не эксплуатируя чужой труд.

- Имейте в виду, мосье Евтушевский,- сказал председатель лжеартели,- что ваши мышеловки имеют большой дефект.

- Дефект и минус!- укоризненно подтвердила мадам Подлинник.

- Ну да!- продолжал мнимый председатель.- Ваши мышеловки слишком сильно действуют. Клиенты обижаются. У Бибиных вашу мышеловку нечаянно зацепили. Она долго прыгала по комнате, выбила стекло и упала в колодец.

- Упала и утонула,- добавила председательша.

Подготовив таким образом почву, мосье Подлинник сообщил, что отныне мышеловки он может брать у Евтушевского только на комиссионных началах с уплатой денег по продаже товара из артельного магазина 'Личтруд'.

- По продаже,- сказала мадам Подлинник,- по три копейки за штуку товара.

Евтушевский погрузился еще больше.

Вдруг в углу, где толкалась курица, раздалось бормотанье и затрещали крылья.

- Ей-богу, сейчас снесется!- закричал дудочник, вскочив.

Но слова его были заглушены таким громким стуком, как будто бы на пол упала гиря. На середину комнаты, гремя, выкатилось темное яйцо и, описав параболическую кривую, остановилось у ног хозяина дома.

- Что т-такое?

Евтушевский взял со стола керосиновую лампу с голубым фаянсовым резервуаром и нагнулся, чтобы осветить странный предмет. Вместе с Евтушевским наклонилась к полу и лжеартельная чета. Жидкий свет лампы образовал на полу бледный круг, посредине которого матово блистало крупное золотое яйцо.

Оторопь взяла присутствующих. Первым очнулся мосье Подлинник.

- Это большое достижение!- сказал он деревянным голосом.

- Достижение и плюс,- добавила жена, не сводя лунатических глаз с драгоценного предмета.

Подлинник потянулся к яйцу рукой.

- Не балуй!- молвил дудочник и схватил вороватую руку.

Голос у него был очень тихий и даже робкий, но вцепился он в Подлинника мертвой хваткой. Мадам он сразу же ударил ногой, чтоб не мешала. Курица бегала вокруг, страстно кудахтала и увеличивала суматоху.

Минуту все помолчали, а затем разговор возобновился.

- Пустите,- сказал лжепредседатель.- Я только хотел посмотреть,- может, яйцо фальшивое.

Не отпуская Подлинника, Евтушевский поставил лампу на стол и поднял яйцо с пола. Оно было тяжелым и весило не меньше трех фунтов.

- Яичко что надо,- завистливо сказал мосье.- Но, может быть, оно все-таки фальшивое.

- Чего еще выдумали,- дудочник высокомерно усмехнулся.- Станет вам курица нести фальшивые золотые яйца. Фантазия ваша! Слуш-шай-те... Да тут же проба есть. Ей богу... Как на обручальном кольце.

На удивительном яйце действительно было выбито клеймо пробирной палатки, указывающее 56-ю пробу.

- Ну, теперь вас арестуют,- сказал Подлинник.

- И задавят налогами!- добавила мадам.

- А курицу отберут.

- И яйца отберут.

Евтушевский растерялся. Известковые тени легли на его лицо.

- Какие яйца? Ведь есть же только одно яйцо.

- Пока одно. Потом будут еще. Я уже слышал об этом. Это же известная история о том, как курица несла золотые яйца. Евтушевский, мосье Евтушевский! Имейте в виду, мосье Евтушевский, что один дурак такую курицу уже зарезал. Был такой прецедент.

- И что там было внутри?- с любопытством спросил старый дудочник.

- Ничего не было. Что там может быть? Потроха...

Евтушевский тяжело вздохнул, повертел яйцо в руке и стал шлифовать его о брюки. Яйцо заблестело пуще прежнего. Лучи лампы отражались на его поверхности лампадным, церковным блеском.

Евтушевский не проронил ни слова. Председатель лжеартели озабоченно бегал вокруг старого дудочника. Он очень волновался, давил ногами клетки и чуть даже не наступил на притихшую курочку.

Евтушевский молчал, тупо глядя на драгоценное яйцо.

- Мосье Евтушевский!- закричал Подлинник.- Почему вы молчите? Я же вам разъяснил, что в курице никакого золота быть не может. Слышите, мосье Евтушевский?

Домашняя птица, быстро кланяясь, внимала гласу потомственного пролетария.

Но владелец чудесной курицы продолжал хранить молчание.

- Видит бог,- закричал мосье Подлинник,- что-то случится.

В отчаянии он поднял руки к закопченному, увешанному фигурными клетками потолку и торжественно сказал жене:

- Он ее зарежет!

- Зарежет и ничего не найдет!- добавила мадам.

- Откуда же берется золото?- раздался надтреснутый, полный низменной страсти голос Евтушевского.

- Вот дурак!- заорал разозленный лжепредседатель.- Оттуда и берется.

- Нет, вы скажите, откуда оттуда?

Мосье Подлинник с ужасом почувствовал, что ответить на этот вопрос не может. Минуты две он озадаченно сопел, а потом сказал:

- Хорошо. Мне вы не верите. Но председателю общества 'Геть неграмотность' вы можете поверить? Ученому человеку вы доверяете?

Евтушевский не ответил.

Супруги Подлинник ушли, оставив старого дудочника наедине со своими мыслями. Всю ночь маленькое окошечко домика было освещено. Из дома несло кудахтанье курицы, которой Евтушевский не давал спать. Он поминутно брал ее на руки и окидывал безумным взглядом.

К утру весь Колоколамск уже знал о чудесном яйце. Супруги Подлинник провели остаток вечера в визитах. Всюду под строжайшим секретом они сообщали, что курица Евтушевского снесла три фунта золота и что никакого жульничества здесь быть не может, так как на золоте есть клеймо пробирной палатки.

Общее мнение было таково, что Колоколамску предстоит блестящая будущность. Началось паломничество к домику Евтушевского. Но проникнуть в дом никому не удалось - дудочник не отвечал на стук в двери. Сквозь запыленные оконные стекла граждане видели убогую комнату.

Евтушевский сидел на сундуке в глубокой задумчивости. По столу похаживала легендарная курица.

В руке старика блистало необыкновенное яйцо. В этот день в городе не доили коров, и они жалобно мычали, распираемые неразбавленным своим молоком. Пивные бары, против обыкновения, пустовали. Все колоколамцы собрались на Обвальной улице, и шумный говор реял над городом.

Наконец к дверям домика протиснулись Подлинники, ведя с собой председателя смешанного русско-белорусско-украинского общества 'Геть неграмотность' товарища Баллюстрадника.

Это был человек очень худой и такой высокий, что в городе его называли человеком-верстой.

После долгих препирательств Евтушевский открыл дверь, и делегация, провожаемая завистливыми взорами толпы, вошла в достопримечательное отныне жилище Евтушевского.

- Гм,- заметил Баллюстрадников и сразу же взялся за яйцо.

Он поднес его к глазам, почти к самому потолку, с видом человека, которому приходится по несколько раз в день видеть свежеснесенные, еще теплые золотые яйца.

- Не правда ли, мосье Баллюстрадников,- начал Подлинник,- это глупо - то, что хочет сделать мосье Евтушевский? Он хочет зарезать курицу, которая несет золотые яйца.

- Хочу,- прошептал Евтушевский.

За ночь он понял все. Он уже не сомневался в том, что курица начинена золотом и нет никакого

смысла тратить на ее прокорм и ждать, когда она соизволит разрешиться новым яйцом.

Председатель общества 'Геть неграмотность' погрузился в размышления.

- Надо резать!- вымолвил он наконец.

Евтушевский, словно бы освобожденный от заклятья, стал гоняться за курицей, которая в бегстве скользила, припадала на одну ножку, летала над столами и билась об оконное стекло. Подлинник был в ужасе.

- Зачем резать?- кричал он, наседа на 'Геть неграмотность'.

'Геть' иронически улыбнулся. Он сел и покачал ногой, заложенной за ногу.

- А как же иначе? Ведь курица питается не золотом. Значит, все золото, которое она может снести, находится в ней. Значит, нужно резать.

- Но позвольте...- вскричал Подлинник.

- Не позволю!- ответил Баллюстрадников.

- Спросите кого угодно. И все вам скажут, что нельзя резать курицу, которая несет золотые яйца.

- Пожалуйста. Под окном весь Колоколамск. Я не возражаю против здоровой критики моих предположений. Спросите.

Председатель лжеартели ударил по оконной раме, как Рауль де Нанжи в четвертом действии оперы 'Гугеноты', и предстал перед толпой.

- Граждане!- завопил он.- Что делать с курицей?

И среди кристальной тишины раздался бодрый голосок стоявшего впереди всех старичка с седой бородой ниже колен:

- А что с ей делать, с курицей-то?

- Заре-езать!- закричали все.

- В таком случае я в долю!- воскликнул мосье Подлинник и ринулся за курицей, которая никак не давалась в руки дудочника.

В происшедшем замешательстве курица выскочила в окно и, пролетев над толпой, поскакала по Бездокладной улице. Преследователи, стучаясь головами о раму, выбросились на улицу и начали погоню.

Через минуту соотношение сил определилось так.

По пустой, нудной улице, подымая пыль, катилась курица Барышня. В десяти метрах от нее на длинных ногах поспешал человек-верста. За ним, голова в голову, мчались Евтушевский с Подлинником, а еще позади нестройной кучей с криками бежали колоколамцы. Кавалькаду замыкала мадам Подлинник со столовым ножом в руке.

На площади Барышню, вмешавшуюся в общество простых колоколамских кур, схватили, умертвили и выпотрошили.

Золота в ней не было ни на грош.

Кто-то высказал предположение, что зарезали не ту курицу. И действительно, внешним своим видом Барышня ничем не отличалась от прочих колоколамских кур. Тогда началось поголовное избиение домашней птицы. Сгоряча резали и потрошили даже гусей и уток. Особенно свирепствовал председатель общества 'Геть неграмотность'. В общей свалке и неразберихе он зарезал индюка, принадлежавшего председателю общества 'Геть рукопожатие'.

Золотого фарша нигде не нашли.

Смеющегося Евтушевского увезли на телеге в психбольницу.

Когда милиция явилась в дом Евтушевского, чтобы описать оставшееся после него имущество, с подгнившего бревенчатого потолка тяжело, как гиря, упал и покатился по полу какой-то круглый предмет, обернутый в бумажку.

В бумажке оказалось золотой яйцо, точь-в-точь как первое. Была и 56-я проба. Но кроме этого на яйце были каллиграфически выгравированы слова: 'С новым годом!'

На бумажке была надпись:

'Передать С.Т. Евтушевскому. Дорогой сын! Эти два яйца - все, что осталось у меня после долгой и беспорочной службы в пробирной палатке. Когда-нибудь эти яички тебя порадуют. Твой папа Тигрий Евтушевский'.

... Автобус шел по правому берегу Куры. В этом месте в нее вливается Арагва. Течение обеих рек столь быстро, что воды их смешиваются не сразу: темная вода Куры мчится рядом со светлой водой Арагвы.

- Что вам это напоминает, Сеня?- вдруг спросил Остап.

- Картину Эль-Греко.

- А мне - ветчину,- вздохнул Бендер.

На высокой голой горе показались развалины монастыря Джаварис-Сакдари.

Гражданин с пуговкой поспешно достал путеводитель и, с трудом соединяя прыгающие перед его глазами строчки, начал читать:

Немного лет тому назад,
Там где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход...

- А вы знаете стихи о Кавказе?- вдруг спросил он Остапа.

- Да, я знаю стихи о Кавказе,- Бендер медленно, очень медленно, улыбнулся. Ему казалось, что увидев его улыбку, гражданин с криком бросится в двухцветный поток. Но этого не произошло.

- Вот и у вас настроение улучшилось,- умилился он.- Правда, Лелечка, у нашего друга настроение улучшилось? Ну читайте же, читайте!

- Скажите шоферу, что у вашего друга детства улучшилось настроение и я в вашем полном распоряжении,- выставил условие Остап.

- Товарищ шофер, у моего друга детства, соседа и сослуживца улучшилось настроение!- гражданин в кепочке наслаждался своей изобретательностью.

Остап прочистил горло:

Терек, Терек, ты быстер,
Ты ведь не овечка.
В порошок меня бы стер
Этот самый речка.

Душечка радостно захлопал в ладоши:

- Это Лермонтов?

- Нет, его побочный сын Лермонтов-Ингушский...

В это время водитель остановил автобус, чтобы собрать 'благодарность' с безбилетных пассажиров, едущих до конечной. Когда он уставился вопросительно на Остапа, тот указательным пальцем

перевел его взгляд на гражданина в кепочке.

- Лелик! У меня как назло ни гроша. Отблагодари товарища. В Пензе сочтемся.

- Но меня зовут Шурик! Я из Харькова и не собираюсь ни за кого платить!

- Вот он всегда так...- с обидой в голосе произнес Остап, смахнул воображаемую слезу и отвернулся к окну.- А когда последний раз гудели в ресторане, расплачивался, между прочим, я...

- Дорогой, это правда?!- раскрыла наконец рот Лелечка.

- Слушай ты, пензенский детский друг, я в вашу дружба-любов не лезу. Деньги гони!- заорал шофер.- Двадцать рублей.

- Но того-то молодого человека я в первый раз вижу - пытался облегчить свою участь Шурик.

- Ага!- обрадовался шофер.- Сам сознался! Значит, этого знаешь!

Шурику ничего не оставалось, как расплатиться. Он протянул водителю двадцатипятирублевую ассигнацию, не забыв упомянуть о пяти рублях сдачи. Сдачу, правда, ловким движением руки забрал Остап, 'для ровного счета'.

- Эти пять рублей,- несколько раз повторил он Сене,- для меня дороже тысячи. Фортуна повернулась к нам лицом!

Впрочем, похоже было, что убеждал он самого себя.

Что же касается гражданина в кепочке, то за весь остаток пути он не проронил ни слова.

Глава 20

‘СЧИТАТЬСЯ НЭ ПРИХОДИТСЯ ‘

Неотягощенные излишним багажом друзья первыми выбрались из автобуса. Бендер с беспокойством поглядывал по сторонам.

- Где остановимся, командор?

Этот невинный вопрос Сени взорвал Остапа.

- Где остановимся?! Где изволим потчевать?! В 'Паласе'! В Дворцовых номерах! А ужинать будем в духане 'Олимпия'! Коньячок с икорочкой! А мыться в серных банях! А на память о Тифлисе можешь купить себе кинжал!

- Остап Ибрагимович, из вас получился бы неплохой курортный агент.

Остап сжал кулаки и двинулся к Сене. Тот на всякий случай поднял граммофон высоко над головой. Командор заметно успокоился:

- Товарищ Изаурик, не валяйте дурака. Это не чернильный агрегат. Это наш кормилец.

- Кормилец?- усомнился Сенья.- Пока я на нем потерял больше калорий, чем заработал.

- Вот это уже деловой подход,- Остап сощурился.- Вы не играете на скрипке, на бильярде и даже на бегах. Но хотя бы танцевать вы умеете? А, ваше сиятельство?

- В каком смысле?

- В смысле заготовки мухоморов вахтовым методом. Впрочем, можете не отвечать. Но сегодня вечером, а вернее, ночь напролет, вы будете танцевать танго.

- У вас это получилось бы лучше,- струсил Сенья.

- Возраст, Сенья, возраст. Вы как-никак на семь лет моложе. К тому же, у меня будет более ответственная задача. Вам она не по зубам. Вперед на Фуникулер! Одна из лучших общепитовских точек Советского Союза. Волшебное зрелище пылающего Тифлиса. Эх, выручай гора Давидова – гора ресторанная!

Девушка Маша, которая, по ее словам, ждала в ресторане своего жениха Ваню, оказалась на редкость сообразительной. Журнист Буба и бубнист Зураб тоже были ребятами свойскими. Им понравилась идея присоединиться в этот вечер к гостям, удвоив при этом свой еженощный заработок. Они даже предоставили Остапу сверхкраткосрочный (полчаса) заем в 150 (сто пятьдесят) рублей, за что Остап разрешил им иногда подыгрывать граммофону вполголоса.

Голодный Сеня танцевал на удивление страстно. Маша, очевидно, тоже была голодна. Гомон в зале постепенно стихал. Лица разглаживались. Пара двигалась в каком-то немыслимом танго под аккомпанимент зурны и бубна.

‘Как они умудряются все время смотреть друг другу в глаза?– удивлялся Остап.– Это же просто наплевательское отношение к анатомии.’ Остапу вдруг показалось кощунством то, что он должен был совершить через минуту. Но делать было нечего.

Остап вздохнул, встал и произнес голосом полуидиота:

- Вах! Как танцуют, э! Почти как у нас в Эреване! Даю двадцать рубл. Пускай поедут к нам учиться.

И широким приглашающим движением бросил две красненькие под ноги танцующей пары.

Грузинское большинство опешило, но со стороны длинного банкетного стола, во главе которого сидел краснолицый гражданин завбазовской наружности, раздались одобрителльные хлопки.

‘Тем лучше,– подумал Остап.– Люблю интернациональные компании.’

Тут же из-за соседнего стола вскочил грузин с мушкетерскими усиками и предложил оказать помощь соседней братской республике, пригласив лучшую ереванскую танцевальную пару поучиться у двух молодых тбилисцев. После чего бросил на пол двадцатипятирублевую банкноту. Благородный жест был встречен овацией большинства.

Остап с сожалением в голосе поведал, что между гастрольями в Буэнос-Айресе и Йошкар-Оле армянские виртуозы танго имеют слишком мало времени, чтобы разъезжать по всяким провинциальным городам. И выделил талантливой парочке еще тридцать рублей.

Грузин с не меньшим сожалением в голосе заметил, что понимает трудности ереванских ‘тангистов’, которым, конечно же, очень трудно выбраться на арбе из глинобитной деревушки, затерявшейся среди камней. Поэтому он предлагает послать за ними тбилиское такси. На пол полетела пятидесятирублевая бумажка.

Остап, как истинно деловой человек заявил, что глупо было бы гнать машину порожняком, тем более, что молодые тбилиские влюбленные ужасно истощены и нуждаются в севанской форели и арагацском винограде. Элегантным жестом в полет была отправлена сторублевая купюра.

Пока разгоряченный мушкетер совещался с товарищами, к Остапу подошел краснолицый армянин, протянул толстую пачку денег и напутствовал ‘не посрамить родину-мать’. Возможно, он сказал что-то другое: армянский язык всегда казался командору излишне трудным. Остап деньги принял, но на всякий случай бросился в женский туалет, где очаровательная Маша вручила ему собранный с пола гонорар...

После четвертого перерыва, во время которого заинтересованные стороны обзванивали друзей и знакомых в поисках денежного подкрепления для защиты ‘национальной чести’, а Остап, проходя мимо женского туалета, незаметно принял упитанную стопочку ассигнаций, он решил свести матч к известной формуле ‘Победила дружба’. Великий комбинатор предложил каждой из братских советских республик сохранить свою неповторимую школу танго: армянскую в сопровождении бубна и зурны, и грузинскую в сопровождении зурны и бубна. После чего, с криком: ‘Вах! Считаться нэ приходится!’, бросил под ноги ‘жениха и невесты’ десять сторублевых бумажек. В этот момент, а именно в 22 часа 47 минут по местному времени (это время навсегда запечатлелось на разбитых

часах Остапа), грузин с мушкетерскими усиками нагнулся и медленно поднял одну из купюр:

- Нэ понимаю. Лично этот бумажка лично я бросал. Вот здэсь маленьким буквым нэхороший слово написан. Слуший, невеста, ты же этот сто рублей в лифчик прятала!

Раздался рык смертельно раненого вепря и на Остапа, сокрушая столы и стулья, ринулся багровый армянин.

Последнее, что успел сделать Остап - это крикнуть Сене, чтобы тот спасал Машу.

Командор очнулся от прохладного, неземной нежности ветерка. Рядом были перила. Он подтянулся и заглянул вниз.

Внизу было небо.

Но какое? Яркое, населенное, обильно покрытое созвездиями улиц и площадей, насыщенное движущимися светлячками трамваев. Это было земное небо, не вызывающее никаких сомнений и отнюдь не наводящее на мысли о бренности всего земного.

Остап взглянул вверх. Там тоже было небо. Обыкновенное. Такое, как в Калуге или Одессе, а может быть, и в Рио-де-Жанейро. Оно, правда, несколько уступало 'земному' небу в освещении, но все же было очень красиво.

По щекам Остапа катились слезы, быстрые, крупные.

- Остап Ибрагимович, идемте...- позвал тихий голос. Машин.

- Сколько?- спросил Остап, не оборачиваясь.

- Немного,- ответил Сеня.- И вот это.

Остап оглянулся. В руках у Сени был обломок граммофонной трубы.

Он размахнулся, чтобы зашвырнуть обломок в нижнее небо.

- Не спешите,- остановил его Бендер.

- Почему?

- Есть идея.

Утром все трое стояли на холме на южной окраине Тифлиса. Внизу лежал молодой дачный поселок.

- Остап Ибрагимович, не шурьтесь, пожалуйста,- забеспокоилась Маша,- я и так на ваш левый глаз почти всю пудру истратила. Сенечка!- продолжила она прерванный разговор.- Может, мне вернуться? Вам и без меня трудно. Никто меня не тронет. На Фуникулер я больше ни ногой. Пойду опять на трикотажную фабрику,- добавила она неуверенно.

- Нет,- отрезал Сеня и поправил на плече сумку с Машиними вещами.- Ни на Фуникулер, ни в другой ресторан, ни на фабрику. Возвращаешься к тетке в Туапсе и ждешь меня 3 месяца. Ровно 3 месяца. Обещаю, я за тобой приеду.

Остапа решительность Сени не удивила, он понял все еще в ресторане.

- Так. Подходящий курятник. Приступаем. Сеня, держи свою рейку или как там она называется. Ну и сантиметры же ты нарисовал. Этот вот, по-моему, раза в два больше того.

- Так ведь на глазок, Остап Ибрагимович...

- Маша, бери блокнот и косынку. Лучше вон ту, красную. А эту дай мне. Накрывать 'ценный прибор', когда владельцы недвижимости подойдут слишком близко.

Бендер еще раз осмотрел подобие треноги с закрепленным на макушке обломком граммофона.

- Повторяю!- скомандовал он.- Работаем по системе Станиславского: зритель как бы есть, но его как-бы нету. Понятно?

- Это в том смысле, что на жильцов не смотреть?- кокетливо спросила Маша.

- Умница!- подтвердил Остап.

Через несколько минут жители поселка увидели деловито снующих между домами геодезистов.

Первым почуял неладное товарищ Сандыкашвили.

- В чем дело, товарищи?- спросил он, водрузив живот на перила веранды.- Нефть ищите?

- Слушайте радио,- ответил Остап, не удостоив дачевладельца взглядом.

Обеспокоенный товарищ Сандыкашвили включил комнатный репродуктор. Послышался хрип, после чего бодрый женский голос завершал:

‘Внимание, товарищи, передаем оперетту ‘Прекрасная Елена’. Действующие лица:

1. Е л е н а - женщина, под прекрасной внешностью которой скрывается полная душевная опустошенность.

2. М е н е л а й - под внешностью царя искусно скрывающий дряблые инстинкты мелкого собственника и крупного феодала.

3. П а р и с - под личиной красавца скрывающий свою шкурную сущность.

4. А г а м е м н о н - под внешностью героя скрывающий свою трусость.

5. Т р и б о г и н и - глупый миф.

6. А я к с ы - два брата-ренегата.

Музыка оперетты написана Оффенбахом, который под никому не нужной внешней мелодичностью пытается скрыть полную душевную опустошенность и хищные инстинкты крупного собственника и мелкого феодала.’

Минут десять товарищ Сандыкашвили пытался найти связь между древнегреческим феодалом Менелаем и человеком в белой фуражке, но так ничего и не найдя, вконец перепуганный бросился на улицу.

- Не мешайте работать,- сказал геодезист, набросив платок на страшный прибор.- Что вам не понятно? Международная обстановка напрягается с каждым днем. Кантонцы захватили Хэнань.

Разве не слышали? Принято решение,- он сделал паузу и закатил глаза.- Вы понимаете, кем? Короче, принято решение продолжить Военно-Грузинскую дорогу под названием Военно-Армянской от Тифлиса до Еревана.

- Но почему вы меряете мой огород?- залепетал товарищ Сандыкашвили.

- Не только огород, но и дом. И не только ваш, но и практически все в поселке. Здесь пройдет трасса. Гордитесь.

- Нет!- завизжал дачевладелец.- Не может быть!

- Может, генацвали, может... И что вы так волнуетесь? Все домовладельцы получают компенсацию в соответствии со стоимостью стройматериалов по государственным расценкам. Отойдите, генацвали, не мешайте работать.

Но ‘генацвали’ начал бегать по кругу, хватая геодезистов за руки и задавая глупые вопросы в том смысле, что неужели нельзя проложить дорогу в двадцати метрах левее или правее, на что мужчины отвечали странными словами про небо в клеточку и Северное сияние, а девушка - про какой-то 101-й километр. Вокруг собрался почти весь поселок. Все страшно волновались.

Наконец старший геодезист, похлопав товарища Сандыкашвили по щеке, сказал, что такие вопросы решаются ‘тет-а-тет’ и не под открытым небом.

- Считаться не приходится,- добавил он многозначительно.

Что такое тет-а-тет товарищ Сандыкашвили не понял, но тут же пригласил геодезистов к себе.

Одновременно он подмигиванием, поцокиванием и выразительными жестами призвал мужчин не расходиться, но разогнать по домам женщин, детей и коз...

- На то, чтобы раствориться в складках местности,- процедил Остап, помахивая на прощание

благодарным дачникам,- у нас всего четверть часа. Как раз достаточно, чтобы обойти поселок за следующим холмом в направлении, противоположном ожидаемой погоне, и проникнуть в город. Далее, вплоть до Батуми мы не знакомы.

- А почему именно пятнадцать минут?- беззаботно спросила Маша, посылая последний воздушный поцелуй товарищу Сандыкашвили.

- Судя по их ромам, мысль подстраховаться придет им не раньше, чем минут через десять. Судя по навару,- Остап похлопал пухлый сверток, который Сеня прижимал к груди,- еще через пять минут зазвонят телефоны в народных комиссариатах. Ну, а судя по отменному качеству грузинских дорог, их тут же поднимут на смех. Возможно, все произойдет на 2-3 минуты раньше. Но учитывая, сколько времени им потребуется, чтобы переварить... Все. Они нас не видят. За мной, пригибаясь, вперед! Маша, снимите же косынку!

Автобус Тбилиси-Батуми вышел по расписанию. Поскольку Сеня сидел на правой стороне и смотрел в правое окно, а Маша сидела на левой стороне и смотрела в левое, то Остап устроился на заднем сиденье и смотрел вперед. Больше всех неукоснительное следование инструкциям мучило Машу: на ее коленях лежала большая сумка с новыми платьями, туфлями, парфюмерией и бижутерией.

Радостный гомон сметных, сверхсметных и особенно внесметных пассажиров, а также тяготы последних дней и ночей сделали свое дело. Автобус еще не выехал за черту города, а друзья уже крепко спали. Когда на середине пути шофер Гоги весело объявил: 'Город Боржоми. Выходи пить здоровье',- свертка в руках Сени не было.

Маши не было тоже.

Глава 21

НАТРИ ХЛОРАТИ - ФЕРРИ БИКАРБОНАТИ

Дежурный лектор у источника заунывно расхваливал достоинства целебной воды:

-Натри хлорати... Натри бикарбонати...

Остап взвыл.

- У-у-у! Крапивное семя,- и, облизав губы с подвижнической решимостью, добавил.- Гадом буду, если во второй Швейцарии не найду второго Боржоми.

Командор обвел взглядом площадь и прилегающие улочки:

'Санаторий-профилакторий имени МОПРА и ВОХРа'.

'Парк культуры и отдыха имени товарища З.З. Приезжалова'.

'Улица имени первых маевщиков'.

'Образцовая столовая имени второго кремлевского субботника'.

Взгляд вернулся к источнику:

'Источник имени тбилисской улицы имени Москвы'.

- Господи,- прошептал страдалец,- есть здесь что-нибудь не имени?! Когда же отправляется этот чертов автобус?!

- Стоянка - час,- ответил Сеня и вдруг схватил Бендера за рукав:

- Смотрите! Наш мучитель!

За маленьким столиком под тентом сидел гражданин в кепочке со своей женой и ел что-то непонятное, но очень-очень вкусное. Лелечка лакомилась сахарным мороженым, поедая его костяной ложечкой из синей граненой рюмочки.

- Это не мучитель, Сеня! Это спаситель! Это шашлык и боржоми! Это деньги на дороге!

Остап подскочил к душечке и хлопнул его по плечу:

- Здорово, Шурик! Сколько лет, сколько зим,- затем пододвинул свободный стул и протянул руку к бутылке,- кстати, нелогично получается: я твой лучший друг, а моего единокровного братика не признаешь...

Шурик спокойно дожевал и проглотил кусок мяса, после чего внятно, как раз по-джентльменски, то есть так, чтобы слышал только Остап, но не окружающие, произнес:

- Убери лапы, хам. Милиционера позову,- и указал вилкой на стража порядка.

Великий комбинатор понял, что именно это и произойдет.

- Кажется, мы ошиблись, Сеня. Лично я этого жлоба вижу впервые...

Но отойдя от стола на два шага он обернулся и громко, так, чтобы слышали все, сказал:

- У вас, товарищ, гудфик расстегнут!

Гражданин в кепочке оказался в ужасном положении. Что делать? Встать, чтобы все убедились, что гудфик у него в порядке, или оставаться сидеть и таким образом попасть под подозрение и любопытствующие взгляды.

Как Шурик решил эту проблему, друзья не знали. Они медленно, с достоинством, удалялись.

- Не надо было вам про деньги на дороге, - попытался успокоить Остапа Сеня.

- Все это ваша фуникулерская штучка нагадила. Жон-Дуан, блин...

- Не смейте о ней так, милостивый государь!

- А вдруг это любовь?.. Ай-яй-яй! Где-то я уже видел эти безумные глаза. Ах, да! В Третьяковке.

‘Иоанн Грозный отмежевывается от собственного сына’. Что вы так завелись? Ничего особенного.

Грудь маленькая. Если перевести на размер ног, выйдет никак не больше, чем тридцать третий размер.

- Врете! У нее нормальная античная грудь.

- Пардон, нормальная и античная - это не одно и то же. Вы читали труд немецкого профессора Пидерфакта ‘Брусте унд бюсте’? Так вот там с цифрами в руках доказано, что грудь женщины нашего времени значительно больше античной...

- Остап, неужели вы не понимаете, я люблю ее...

- Эх, Сеня, Сеня, любовь - это всего лишь подсознательная оценка женщины как матери моих будущих детей, воинов и охотников. Румяные щечки - это хорошо вентилируемые легкие, крутая линия бедер - это правильное положение будущего плода. Никто не влюбится в чахоточную и корявую. Жалеть - сколько угодно, в меру порядочности, но любить... Нормальный человек на это не способен. Так что любовь - это всего лишь оценка самке ‘пять с плюсом’.

- Не вяжется, товарищ управдом, с советской концепцией любви. Насмотрелся ваших фильмов.

‘Летишь? Лечу. Далеко? Далеко. В Ташкент? В Ташкент.’ Это значит, что он ее давно любит, что и она любит его, что они даже поженились, а может быть, у них есть даже дети.

- И что характерно, никто ни у кого ничего не ворует...

- Заткнитесь!- рявкнул Сеня и плюхнулся на лавку.- Вы... вы...

- Сеня, вам 35 лет,- Остап сел рядом.- Вы вдвое старше нее.

- Нет,- спокойно ответил Сеня.- Ей двадцать, а мне всего двадцать семь. Вам, вульгарному материалисту, это трудно понять,- Сеня помолчал.- С первого дня моего рождения мать вела мой дневник. А умирая, передала его мне. Я вел его в гимназии, на фронте. Да-да! На южном фронте по нашей терминологии или на деникинском по вашей. Каждый день, хотя бы одно ключевое слово. Мелким почерком. Затем я перечитал его и зачеркнул дней на семь с половиной лет. Самых... несущественных. Пусть моя старость будет короче, но зато молодость у меня получилась насыщенная, замечательная. Я вызубрил ее, а дневник сжег. Поверьте, Остап Ибрагимович, у меня

особые отношения со временем.

- 'Хозяин Времени'. Читал я такую книжонку. В библиотеке на станции Хацепетовка. Я ведь ее не осуждаю, Сеня. 'Ждешь меня три месяца. Ровно три месяца.' Сеня, никто никогда не возвращается. Это правило. Обратное - исключение. Сам-то ты верил, что вернешься за ней на собственной белоснежной яхте. Но ведь она-то не дура... А впрочем неважно... Нравится мне эта контора,- сказал Остап, разглядывая помпезное двухэтажное здание.

- Что значит нравится? Собираетесь купить? - Сениному сарказму мог позавидовать сам Вольтер.

- Значит, что хватит трепаться. Пора добывать хлеб насущный.

- Как?

- Да уж во всяком случае не оглашать площадь криком: 'Братие и сестрие, подайте хотя бы одну картошечку!' Гоните ваш химический карандаш. Опять весь язык синим будет.

- Что вы еще задумали? - Сеня был всерьез обеспокоен.

- Ничего особенного. Профилактический осмотр бюрократической машины.

- А успеете? - ехидно спросил Изаурик.

- Если в корзине для бумаг найдется какая-нибудь испорченная ведомость, а в красном уголке - список соревнующихся сотрудников, то успею.

По учреждению, где скрипели перья и на столах валялись никелированные, сверкающие, как палаши, линейки, бродил скромно одетый человек.

Он подходил к столам и молча клал перед служащими большой разграфленный лист бумаги, озаглавленный: 'Ведомость сборов на...'

Занятый служака подымал свою многдумную голову, ошалело глядел на 'Ведомость сборов' и, привыкший к взносам в многочисленные филантропические и добровольные общества, быстро спрашивал:

- Сколько?

- Двадцать копеек,- отвечал скромно одетый человек.

Служака вручал серебрянную монету и вновь сгибался над столом. Но его просили расписаться.

- Вот в этой графе.

Служаке было некогда. Недовольно бурча, он расписывался. Гражданин с ведомостью переходил к следующему столу.

Вручив Сене 4 руб. 60 коп., Остап спрятался в автобусе и уже не показывал оттуда носа до самого отправления.

Перед самым отъездом в автобус ввалился Сеня с огромным кулем чебуреков. Из карманов торчали горлышки 'Боржоми'.

- Appetit, командор, приходит во время стояния в очереди,- объяснил он свою расточительность.- А теперь вперед!.. Лошади напоены, кучер дилижанса дернул колокольчик.

- Граждане, въезжаем в Аджарию. Через полчаса райцентр Хуло,- громко возвестил шофер.

Остап протер глаза.

- Что вы там опять строчите, Сеня? Посмотрите, какие горы! Леса! Дождь и прохлада. Жизнь начинается, кажется, завтра и, кажется, на Зеленом мысу.

Сеня оторвался от записной книжки, окинул горы орлиным взором и вдруг предложил:

- Остап Ибрагимович, а, может быть, здесь и махнем напрямик?

- Знаете, Сеня, я не суеверен, но мне почему-то не хочется переходить границу в окрестностях

райцентра Хуло. К тому же под дождем и без консервов.

- Тогда...

- Что тогда?

- Тогда может быть послушаете?

Остап зевнул.

- Валяйте!

Вторая молодость

Грачи прилетели в город Колоколамск.

Был светлый, ледяной весенний день, и птицы кружили над городом, резкими голосами воздавая хвалу городским властям. Колоколамские птички, подобно гражданам, всей душой любили власть имущих.

Днем на склонах Старорежимного бульвара уже бормотали ручейки, и прошлогодняя трава подымала голову.

Но не весенний ветер, не крики грачей, не попытки реки Збруи преждевременно тронуться вызывали в городе лихорадочное настроение. Залихорадило, затрясло город от сообщения Никиты Псова.

- Источник! Источник!- вопил Никита, проносясь по бульвару имени Лошади Пржевальского, сбивая с ног городских сумасшедших, стуча в окна и забегая в квартиры сограждан.- Своими глазами!

Он мчался, возбуждаясь все больше и больше. Сама лошадь Пржевальского была бы удивлена такой резвостью.

На расспросы граждан Никита Псов не отвечал, судорожно взмахивал руками и устремлялся дальше. За ним бежала растущая все больше и больше толпа.

Кто знает, сколько бы еще мчались любопытные сограждане за обезумевшим Псовым, если бы дорогу им не преградил доктор Гром, выскочивший в белом халате из своего домика.

- Тпр-р-р!- сказал доктор Гром.

И все остановились. А Никита начал бессвязно божиться, колотить себя в грудь обеими руками и медленно выпускать воздух, захваченный в легкие во время заезда по бульвару имени дикого непарнокопытного.

- Ну,- строго спросил доктор,- скажи мне, ветка Палестины, в чем дело?

Доктор любил уснащать речь стихотворными цитатами.

- В Приключенческом тупике источник забил,- с убеждением воскликнул Никита.- Своими глазами!

И гражданин Псов, прерываемый возгласами удивления, доложил обществу, что он, забредя по пьяному делу в Приключенческий тупик, проснулся на земле от прикосновения чего-то горячего. Каково же было его, Псова, удивление, когда он обнаружил, что лежит в мутноватой горячей воде, бьющей прямо из-под земли.

- Тут я, конечно, вскочил,- закончил Никита,- и чувствую, что весь мой ревматизм как рукой сняло. Своими глазами!

И Псов стал произносить самые страшные клятвы в подтверждение происшедшего с ним чуда.

- Прибежали в избу дети,- заявил доктор Гром,- если это не нарзан, то худо-бедно боржом.

Доктор Гром мигом слетал за инструментами и через час в Приключенческий тупик не смогла бы проникнуть даже мышь, так много людей столпилось у источника.

Доктор, раскинув полы белого халата, сидел на земле у самого источника, небольшой параболой вылетавшего из земли и образовавшего уже порядочную лужу. Он на скорую руку производил исследование.

- Слыхали ль вы,- сказал он, наконец подымаясь,- слышали ль вы за рощей глас ночной? Слыхали ль вы, что этот источник, худо-бедно, в десять раз лучше нарзана?

Толпа ахнула. И доктор стал выкрикивать результаты анализа.

- Натри хлорати - 2,7899! Натри бикарбонити - 10,0026. Ферри бикарбонати - 3,1267, кали хлорати - 8,95.

- Сколько хлорати?- взволнованно переспросил мосье Подлинник, давно уже совавший палец в кипящие воды источника.

- Восемь целых, девяносто пять сотых!- победоносно ответил Гром.- Буря мглою небо кроет.

- Что небо!- ахнул Подлинник.- Это все кроет. Это богатство!

- Кисловодску - конец!- сказал доктор.- При таких углекислосщелочных данных наш источник вконец излечивает: подагру, хирагру, ожирение, сахарную болезнь, мигрень, половое бессилие, трахому, чирья, катар желудка, чесотку, ангину, сибирскую язву, рахит, трещину черепной лоханки, писчую судорогу, куриную слепоту, плоскую ступню и костоеду.

В толпе началось сильное движение. Едва доктор начал перечислять болезни, как Никита Псов сбросил свой тулупчик, прямо в штанах бросился в желтоватую воду и начал плескаться в ней с таким усердием, как будто решил избавиться сразу и от хирагры, и от полового бессилия, и от ангины, и от экзотической костоеды. Источник вспенился, и все ясно почувствовали его острый целебный запах.

Колоколамцам представилось что-то очень хорошее, что-то вроде кругосветного путешествия за полтинник или приезда в город цыганского хора.

Многие граждане сбрасывали верхнее платье, чтобы, окунувшись в источник, возратить себе юношеское здоровье. Их подбадривал Псов, который, дрожа, вылез из воды и начал уже покрываться ледяной пленкой.

Но тут неорганизованному пользованию благами был положен конец. К толпе вернулся сбегавший за начальником милиции мосье Подлинник и при помощи расторопного Отмежуева мигом вытеснил толпу из тупика, установил рогатку и повесил дощечку с надписью:

КОЛОКОЛАМСКИЙ

Радиоактивный курорт

‘ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ’

Главный директор - т. Подлинник

Начальник АФО - т. Отмежуев

ВХОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Толпа понуро теснилась за рогаткой, стараясь пробиться поближе к курорту ‘Вторая молодость’.

Прижавшись животом к турникету и вытянув длинную шею, стоял совершенно ошеломленный неожиданным поворотом событий доктор Гром. Отмежуев, глядя невидящими глазами, отпихивал его назад.

- А я?- в тоске спрашивал доктор.

После долгого разговора с Подлинником, во время которого собеседники хлопали друг друга по плечу и отчаянно взвизгивали, Подлинник смиловился и на дощечке появился новый пункт:

Завед.

медицинско-правовой и

методологическо-санитарной

частью д-р Гром

Администрация тут же распределила между собой функции и воодушевленно принялась за пропаганду и эксплуатацию нового курорта.

Подлинник хлопотал, как насадка. Он скупил в городе множество пивных бутылок и организовал разлив целебной воды, которую и начал продавать по полтиннику за бутылку. Это было, правда, дороже боржома, но оправдывалось сверхъестественными свойствами минерального напитка.

На вопрос, куда пойдут вырученные деньги, главный директор ответил, что 60% пойдет на улучшение быта курортного персонала, а на остальные будет построен курзал и приглашены из Москвы опереточная труппа и знаменитый писатель для прочтения ряда рассказов из быта мадагаскарских середняков.

Не дремал также заведующий медицинско-правовой и методологическо-санитарной частью доктор Гром.

В анкетном зале военизированных курсов декламации и пения он в один вечер прочел подряд три лекции: 'Вчера, сегодня и завтра колоколамского курорта', 'У порога красоты и здоровья' и 'Жизнь, на что ты мне дана'.

Из последней лекции, а равно и из первых двух явствовало, что жизнь дана гражданам для того, чтобы потреблять новый минеральный напиток 'Вторая молодость'.

Уже слепые бандуристы, вертя ручки своих скрипучих инструментов, воспевали будущее Колоколамска, уже выручка главного директора достигла изрядной суммы и начались споры о принципах разделения ее между участниками нового предприятия, как вдруг дивный лечебно-показательный, методологически-санитарный, радиоактивный и целебный замок рухнул.

В Приключенческий тупик пришли посланные отделом коммунального хозяйства водопроводчики, разбросали рогатки, опрокинули турникет, заявив, что им нужно починить лопнувшую в доме N 3 фановую трубу. Работу свою они выполнили в полчаса, после чего целебный источник навсегда прекратился.

За доктором-коммерсантом гонялись толпы граждан, успевших испить радиоактивной водицы. Он валил все на Никиту Псова. Но предъявить к Псову претензии граждане не могли.

Узнав, в каких водах он предавался баннным удовольствиям, Никита слег в постель, жалуясь на ревматические боли и громко стелая.

...Автобус, обогнув гору, медленно, с осторожностью лошади, начал спускаться. Позади, насколько хватало глаз, как стадо слонов, нагнувши головы, стояли горы. Глазам путников открылась долина. Сумерки покрывали ее. Под ними смутно угадывались густые сады. Из глубины долины заманчиво выглядывали первые городские огоньки. Подъезжали к городу уже в полной тьме. Городские огни сверкали все сильнее и сильнее.

Глава 22

АДЖАРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

Пробираясь по коридору здравотдела Бендер не мог поверить глазам. Казалось, все взрослое население микроскопической курортной республики толпилось перед кабинетом председателя. Высокомерно растолкав секретарей, он без доклада вошел в кабинет. Вошел как раз в ту минуту, когда председатель здравотдела заканчивал 'этот тост, который я предлагаю за...'

- Может быть, я помешал?- спросил Остап.

Все недовольно повернули головы.

- Проходи, дорогой, проходи,- сказал председатель. Сильный акцент и слово 'дорогой' помешали Бендеру провести своевременную экспертизу интонации на повелительность-побудительность.

- Спасибо,- сказал Остап.- Вопрос у меня такой...

- Слушай, дорогой,- гостеприимно улыбнулся председатель.- Ты русский язык понимаешь? Я не сказал 'заходи', я сказал 'проходи'. Там, далеко, право-лево, проходи. У нас мероприятие.

- Летучее собрание,- подсказал секретарь.

- Тогда я могу уйти,- спокойно сказал Остап.

- Хорошо, иди, дорогой, иди.

Великий комбинатор сделал несколько шагов, но у самой двери, как будто что-то вспомнив, сказал:

- Я ухожу, но... уж будьте любезны, всю ответственность берите на себя. Возлагаю ее на вас.

Это было сказано так торжественно, что председатель почувствовал на себе жесткий могильный венок с муаровыми лентами.

Глава здраводела испугался. Он терпеть не мог ответственности. А потому торопливо сказал:

- В чем дело, дорогой? Садись к столу, товарищ!

Остап положил руку на спинку высокого красивого полукресла, и сидевший в нем здраводелец переметнулся на дальнюю табуретку.

- Не время сейчас за столами рассиживать,- сказал Бендер, отламывая куриную лапку.

Секретарь услужливо подал бокал вина.

- Как по-вашему, нужен советскому человеку полноценный отдых? Нужна полная реконструкция ума и здоровья?

- Нужен,- быстро ответил председатель.

- Может быть, не нужен? Вы скажите откровенно. Тогда я уйду.

- Почему же, нужен. Я ведь сразу согласился.

- Нет, сказал Остап,- Я по глазам вижу, что вы против. На словах сейчас все за, а на деле...

Положительно придется возложить ответственность на вас.

Он подумал и прибавил:

- А также на летучее собрание. Я ухожу.

И тут всем сидевшим в кабинете ясно представился страшный могильный венок. Так хорошо сидели, обменивались мнениями - и вдруг пришел этот ужасный человек.

- Честное слово,- сказал глава.- Пусть мои глаза вылезут.

- Мы всем сердцем,- подтвердили члены летучего собрания.

Незнакомец окинул всех недоверчивым взглядом, а затем долго ел и пил, прежде чем перешел к делу.

- Почему не используете внутренние резервы?- грозно спросил он,- ковыря во рту зубочисткой.

- Как не используем, каждый день используем,- взвизгнул глава здраводела.

Остальные были парализованы страхом.

- Что у вас есть, кроме гор?- быстро спросил Остап.

- Море есть,- бросился на выручку секретарь.- Болото есть...

- Молчи, дурак,- шикнул председатель.- Осушаем болото. Скоро совсем сухо будет.

- Вот совсем сухо,- значительно выговорил Остап,- не надо.

По комнате поплыл запах ладана.

- Почему?- прошептал председатель посиневшими губами.

- Потому что ваши горы - это Аджарская Швейцария, ваше болото - это что? Ну, ну? Каналы, дома

на сваях...

Секретарь неуверенно заблеял.

- Правильно, Аджарская Венеция. Ваше побережье – это Аджарская...

- Крым!- хором закричали все.

Остап разочаровано посмотрел на собрание.

- Вот этот вопрос я и приехал сюда провентилировать, товарищи. Вот о каких внутренних резервах идет речь. Мы должны найти такое место, где...

Неожиданная идея озарила председателя здравоотдела автономной республики. Он подумал о курортной индустриализации родного села и 'теплом' трудоустройстве многочисленной родни.

- Есть такое место!- провозгласил он.

Остап, научившийся к концу разговора разбираться в председательских интонациях, чутко уловил источник его возбуждения и подхватил:

- И завтра о нем узнаем вся страна!

После чего будничным голосом спросил:

- От границы далеко?

- Далеко, далеко! Один километр. До речки Чача. Там граница. За речкой чужая земля.

- Не время, не время за столами рассиживать. Выезжаем немедленно. Кстати, в каком районе ваш Эдем?

- В Хулойском,- обрадовался председатель.

Председатель хулойского райисполкома лично проводил экскурсию по райцентру.

- Вот это - районная больница. Рядом - пожарная часть. В подтверждение его слов из ворот части с пронзительным воем выехал красный автомобиль. Ходячие больные в панике высыпали на улицу через дверь. Лежачие сокращали путь через окна.

- Так, плановые учения,- с подчеркнутым безразличием сказал председатель исполкома и многозначительно подмигнул председателю здравоотдела.

- Конгениально,- прокомментировал Бендер.- Для полноты картины мы на крыше пожарной части достроим кузницу кадров - роддом, а во дворе больницы - 'колыбель металла' - металлургический комбинат. Так сказать, производство по комплексному методу.

- Очень правильно,- обрадовался председатель здравоотдела.

- А вот это,- хозяин панорамным жестом обвел окрестные горы,- это наши Аджарские Альпы.

Гости остолбенели.

- Имеется другое мнение,- официальным тоном сказал председатель здравоотдела.- Это - Аджарская Швейцария,- он повторил панорамный жест.

- Но у нас в отчетах - Аджарские Альпы,- попытался возразить предисполкома.

Председатель здравоотдела вопрошающе посмотрел на Остапа.

- Контора пишет,- лениво бросил Остап.

- Перепишешь свой отчет,- отрезал гость из Батуми.

- А водопад?

- Какой водопад?

- Водопад у нас есть. Аджарская Ниагара.

- Весьма прогрессивно...- пробормотал Остап.

- Водопад можешь оставить,- снисходительно махнул рукой председатель здравоотдела.

Во время обильного застолья, подливая Бендеру в бокал неверной рукой, хозяин сказал:

- Виноделие в нашем районе догнало и перегнало дореволюционный уровень. Но мы не собираемся

строить будущее нашей республики на виноделии. Мы недавно открыли минеральный источник. Аджарский Нарзан! Разлив новой воды идет вперед гигантскими шагами.

- Ой-ой-ой,- прошептал Остап, закрывая глаза. Слышишь, Сеня, гигантскими!

- Слышу,- кротко отозвался Сеня.

Хозяин откупорил бутылку минеральной воды.

- Извините,- осведомился Сеня.- Источник не в черте города?

- Зачем в черте,- подал голос председатель здравотдела.- Рядом с моим селом. Двадцать метров до речки Чача.

- За процветание нашей автономной советской социалистической Швейцарии,- оживился Остап.- Хочу на источник!

- Слово гостя - закон,- хором поддержали председатели.

В сумерках два человека пробирались сквозь кусты к быстрой горной речке. Сзади, на поляне у костра, пьяные голоса выводили старинную грузинскую песню.

- Пора!- скомандовал старший, человек в белой фуражке.

Две тени запрыгали по камням на противоположный берег.

* * *

Из телефонного разговора начальника милиции Ахалцихского района Грузинской ССР с начальником милиции Хулойского района Аджарской АССР:

- Слушай, Ваню! Вчера два каких-то дурака перешли через Чачу из твоего района в мой район.

Колхозника Мамаладзе янычаром обзывали. Требовали лиры. Музыканты наверное. Учитель Гогуашвили предложил им скрипки. Они ему глаз подбили. Сейчас в КПЗ сидят. Домой, в Москву, просят. Хотел протокол написать. Но не написал. Потому что мои люди говорят, что эти двое были на источнике с вашим председателем райисполкома и каким-то большим начальником из Батуми. Мои люди хотели тех двоих спросить про этих двоих. Но их шофер сказал, что эти двое и те двое вместе очень много минеральной воды выпили. И когда эти двое ушли через речку еще минеральной воды искать, те двое, которые остались, уже такие усталые были, что совсем говорить не могли. Поэтому шофер их в машину положил и увез. Теперь ты спроси своего предрайисполкома, что с этими двумя делать.

Из телефонного разговора председателя исполкома Хулойского района с начальником милиции:

- Ваню, сын собаки! Я кушать, спать не могу, думаю, куда наши гости пропали, может быть, их медведи скушали, дорогой товарищ председатель здравотдела республики рядом стоит совсем зеленый, а ты сидишь?!

Быстро езжай в соседний район, забери наших уважаемых гостей, вези их лично в Кутаиси и лично посади на московский поезд. Чтобы в интересах индустриализации республики и района никаких протоколов-мратоколов, разговоров-мразговоров не было! Еды много дай, вино - не давай. Хотел лично проводить - не могу: сильно болею. Лично прошу!

Прошла неделя. Душевные раны затянулись.

В пятницу, за ужином Сеня сказал:

- К нам в редакцию завтра челюскинцы приезжают...

Остап отложил вилку.

- Третий день редакцию лихорадит,- весело продолжал Сеня.- Знаете, чем сегодня занимался? Не поверите – искал мельхиоровые вилки. Что, не вкусно, командор?

Остап с сожалением смотрел на Сеню.

- Пальчики оближешь... Напротив меня сидит лучший друг Отто Юльевича Шмитда, который ничего не слышал о полярных владениях СССР, Канады и США, о полярных медведях, которые играючи пересекают эти самые полярные владения, я уж не говорю о песцах и прочей пушнине. За эти три дня мы могли бы:

а) Открыть в редакции кружок, скажем, 'Освоим Арктику на практике';

б) Послать два десятка приветственных телеграмм во всевозможные арктические экспедиции;

в) Черт побери, купить на блошином рынке унты, подаренные капитаном Седовым моему папе.

И этот жалкий человек спрашивает меня, что случилось. Так говорите, завтра?

Редакция журнала 'Приключенческое дело' находилась в смятении. Сотрудники часто высказывали на лестницу и смотрели вниз, в пролет, уборщицы в неуточное время подметали коридор, ударяя щетками по ногам пробегающих репортеров, а из комнаты, на дверях которой висела табличка 'Литературный отдел и юридическая консультация', исходил запах колбасы и слышался отчаянный стук ножей. Там засели пять официантов и метрдотель в визитке. Они резали батоны, раскладывали по тарелкам редиску с зелеными хвостами, колесики лимона и краковскую колбасу. На рукописях стояли бутылки и соусники.

Сотрудники, которые в ожидании банкета нарочно ничего не ели, часто заглядывали в эту комнату и, вдохновившись сверканием апельсинов и салфеток, снова устремлялись на лестницу.

Заведующий литературным отделом стоял перед редактором и, нервно притрагиваясь к своим маленьким усикам, говорил:

- Сейчас у них обед с народными и заслуженными артистами, потом они поедут на завтрак в ЦУНХУ, оттуда минут через десять - на обед со знатными людьми колхозов, а там уже стоит наш человек с машинами, схватит их и привезет прямо сюда закусывать.

- И капитан Воронин будет?- с сомнением спросил редактор.

- Будет, будет. Можете не сомневаться.

- А герои? Смотрите, Василий Александрович!

- Героями я редакцию обеспечил. У нас будут: Доронин, Молоков, Водопьянов и Слепнев.

- Слушайте, а их не перехватят по дороге? Ведь они подъедут со стороны Маросейки, а там в каждом доме учреждение.

- С этой стороны мы тоже обеспечены. Я распорядился. Наш человек повезет их по кольцу 'Б', а потом глухими переулками. Привезем свеженькими, как со льдины.

- Ой, хоть бы уж скорей приехали!- сказал редактор.- С едой у нас все в порядке? Смотрите, они, наверное, голодные приедут.

По телефону сообщили последнюю сводку:

- Выехали из ЦУНХУ, едут к знатным людям.

Известие облетело всю редакцию, и ножи застучали еще сильнее. Метрдотель выгнул грудь и поправил галстучек. На улице возле дома стали собираться дети.

Час прошел в таком мучительном ожидании, какое едва ли испытывали челюскинцы, ища в небе

самолетов. Василий Александрович не отрывался от телефона, принимая сообщения.

- Что? Едят второе? Очень хорошо!

- Начались речи? Отлично!

- Кто пришел отбивать? Ни под каким видом! Имейте в виду, если упустите, мы поставим о вас вопрос в местное. Может, вам нужна помощь? Высылаем трех на мотоциклете: Гуревича, Гуровича и Гурвича. Поставьте их на пути следования.

Наконец было получено последнее сообщение:

- Вышли на улицу. Захвачены. Усажены в машины. Едут.

- Едут, едут!

И в ту же минуту в кабинет редактора ворвался театральный рецензент. В волнении он сорвал с себя галстук и держал его в руке.

- Катастрофа!- произнес он с трудом.

- Что случилось?

- Внизу,- сказал рецензент грубоватым голосом,- на третьем этаже, в редакции газеты 'За рыбную ловлю', стоят банкетные столы. Только что видел своими глазами.

- Ну и пусть стоят. При чем тут мы?

- Да, но они говорят, что ждут челюскинцев. И, главное, тех же самых, которых ждем мы.

- Но ведь челюскинцев ведут наши люди.

- Перехватят. Честное слово, перехватят! Мы на четвертом этаже, а они на третьем.

- А мы их посадим в лифт.

- А в лифте работает их лифтерша. Они все учли. Я ее спрашивал. Ей дали приказ везти героев на третий этаж - и никаких.

- Мы пропали!- закричал редактор звонким голосом.- Я же вам говорил, Василий Александрович, что перехватят!

- А я вам еще полгода назад говорил не сдавать третий этаж этой 'За рыбную ловлю'. Сдали бы тихой Медицинской энциклопедии, теперь все было бы хорошо.

- Кто же знал, что 'Челюскин' погибнет! Ай-яй-яй! Пригрели змею на своей груди.

- А какой у них стол!- кипятился рецензент.- Это ведь рыбная газета. Одна рыба. Лососина, осетрина, белуга, севрюга, иваси, копченка, налимыя печень, крабы, селедки. Восемнадцать сортов селедок, дорогие товарищи!

Несчастный редактор журнала 'Приключенческое дело' взмахнул руками, выбежал на лестницу и спустился на площадку третьего этажа.

Там, как ни в чем не бывало, мелкими шажками прогуливался ответственный редактор газеты 'За рыбную ловлю'. Он что-то бормотал себе под нос, очевидно репетируя приветственную речь. Из дверей выглядывали сотрудники. От них пахло рыбой.

Сдерживая негодование, редактор 'Приключенческого дела' сказал:

- Здравствуйте, товарищ Барсук. Что вы тут делаете, на лестнице?

- Дышу воздухом,- невинно ответил рыбный редактор.

- Странно.

- Ничего странного нет. Моя площадка - я и дышу. А вы что тут делаете, товарищ Икапидзе?

- Тоже дышу свежим воздухом.

- Нет, вы дышите свежим воздухом у себя. На площадке четвертого этажа.

- Ой, товарищ Барсук,- проникновенно сказал 'Приключенческое дело',- придется нам, кажется встретиться в Комиссии партийного контроля.

- Пожалуйста, товарищ Икапидзе. К вашим услугам. Членский билет номер 1 293 562.

- Я знаю,- застонал 'Приключенческое дело',- вы ждете тут наших челюскинцев.

- Челюскинцы не ваши, а общие,- хладнокровно ответил 'За рыбную ловлю'.

- Ах, общие!

И редакторы стали надвигаться друг на друга.

В это время внизу затрещали моторы, послышались крики толпы и освещенный лифт остановился на третьем этаже. На площадку вышли герои. Рыбная лифтерша сделала свое черное дело.

'Приключенческое дело' бросился вперед, но тут беззастенчивый Барсук стал в позу и с невероятной быстротой запел:

- Разрешите мне, дорогие товарищи, в этот знаменательный час...

Дело четвертого этажа казалось проигранным. Хитрый Барсук говорил о нерушимой связи рыбного дела с Арктикой и о громадной роли, которую сыграла газета 'За рыбную ловлю' в деле спасения челюскинцев. Пока Барсук действовал таким образом, 'Приключенческое дело' переминался с ноги на ногу, как конь. И едва только враг окончил свое торжественное слово, как товарищ Икапидзе изобразил на лице хлебосольную улыбку и ловко перехватил инициативу.

- А теперь, дорогие товарищи,- сказал он, отодвигая плечом соперника,- милости просим закусить на четвертый этаж. Пожалуйста, пройдите. Вот сюда, пожалуйста. Что вы стоите на дороге, товарищ Барсук? Нет, пардон, пропустите, пожалуйста. Сюда, сюда, дорогие гости. Не обессудьте... так сказать, хлеб-соль...

И ударив острым коленом секретаря 'Рыбной ловли', который самоотверженно пытался лечь на ступеньку и преградить путь своим телом, он повел челюскинцев за собой.

Чудесные гости, устало улыбаясь и со страхом обоняя запах еды, двинулись в редакцию приключенческого журнала.

В молниеносной и почти никем не замеченной вежливой схватке расторопный Барсук успел все-таки отхватить и утащить в свою нору двух героев и восемь челюскинцев с семьями.

Это заметили, только усевшись за банкетные столы. Утешал, однако, тот радостный факт, что отчаянный Василий Александрович дополнительно доставил на четвертый этаж по пожарной лестнице еще трех челюскинцев: двух матросов первой статьи и кочегара с женой и двумя малыми детками. По дороге, когда они карабкались мимо окна третьего этажа, рыбные сотрудники с криками: 'Исполать, добро пожаловать!' - хватали их за ноги, а Василия Александровича попытались сбросить в бездну. Так по крайней мере он утверждал.

А дальше все было хорошо и даже замечательно. Говорили речи, чуть не плакали от радости, смотрели на героев во все глаза, умоляли ну хоть что-нибудь съесть, ну хоть кусочек. Добрые герои ели, чтоб не обидеть, а одному очень ответственному товарищу приходилось даже пить. Неизвестно откуда взявшийся Остап нежно обнимал его за плечи и доверительно убеждал:

- А что, дорогой товарищ Пер-Лашезов, если на воздушном шаре - да вдоль границ Советской Родины. От Мурманска,- рука командора описала гигантскую дугу,- до Берингова пролива - и,- он аж привстал,- кульминация, за которой весь мир будет наблюдать, затаив дыхание, от Берингова пролива вдоль Северного морского пути опять же к Мурманску.

У очень ответственного товарища блеск энтузиазма сменился легким сомнением.

- А что, товарищ корреспондент, если где-нибудь в районе Минска ветер, как бы... э-э-э... примет неблагоприятное направление?

- Как - что?!- Остап упал на стул.- Как - что?! Соколом вниз - и пропаганда советской науки и воздухоплавательного спорта.

- Да-да, в этом что-то есть,- товарищу Пер-Лашезову идея явно понравилась.- Вот, составим смету,

график розы ветров, а там, годика через два...

- Нет, товарищ,- убежденно возразил Остап.- Международная обстановка волокитничать не позволяет. Ваша задача - принципиальное разрешение вышестоящих органов, а насчет сметы и розы ветров - это уж мы организуем. А что, Тенгиз Акакиевич, выделит редакция деньги на воздушный шар 'Красный любитель Севера товарищ Икапидзе'? С такой рекламой мы увеличим тираж раз в пять. Заодно и Барсуку нос утрём.

- Конечно, дорогой,- энергично ответил товарищ Икапидзе.- Завтра же составим рабочую документацию!

- И экипаж есть,- продолжал Бендер.- Я, Арсений Изаурик, физкультурник и штурман, и командир - товарищ Икапидзе.

- Я не могу,- скромно сказал редактор.- У меня пленум на носу.

- Значит, будете осуществлять руководство из штаба полета... А теперь предлагаю тост за Советский Союз – великую воздушную державу, подданные которой никогда не спускаются на землю! Подробный разговор отложили на завтра в буфете Академии наук и вечер продолжался своим чередом.

Далеко за полночь на нейтральной площадке, между третьим и четвертым этажами, встретились оба редактора. В волосах у них запутались разноцветные кружочки конфетти. Из петлицы Барсука свисала бывшая чайная роза, от которой почему-то пахло портвейном № 17, а Икапидзе обмахивал разгоряченное лицо зеленым хвостиком от редиски. Лица у них сияли. О встрече в Комиссии партийного контроля давно уже не было речи. Они занимались более важным делом.

- Значит, так,- говорил Икапидзе, поминутно наклоняясь всем корпусом вперед,- мы вам даем Водопьянова, а вы нам... вы нам да-е-те Молокова.

- Мы вам Молокова? Вы просто смеетесь. Молоков, с вашего разрешения, спас тридцать девять человек!

- А Водопьянов?

- Что Водопьянов?

- А Водопьянов, если хотите знать, летел из Хабаровска шесть тысяч километров! Плохо вам?

- Это верно. Ладно. Так и быть. Мы вам даем Молокова, а вы нам даете Водопьянова, одного кочегара с детьми и брата капитана Воронина.

- Может, вам дать уже и самого Воронина?- саркастически спросил Икапидзе.

- Нет, извините! Мы вам за Воронина, смотрите, что даем: Слепнева с супругой, двух матросов первого класса и одну жену научного работника.

- Мало.

- Ладно, так и быть, выставляю Доронина.

- А что Доронин?

- Как что? Доронин прилетел из Хабаровска на неотепленной машине. Это что, по-вашему, прогулка на Воробьевы горы?

- Я этого не говорю.

- В таком случае мы за Доронина требуем: Копусова, писателя Семенова, двух плотников, одного геодезиста, боцмана, художника Федю Решетникова, девочку Карину и специального корреспондента 'Правды' Хвата.

- Вы с ума сошли!.. Где я вам возьму девочку? Ведь это дитя! Оно сейчас спит!..

Ночь была теплая, и на улице, в полярном блеске звезд, возле подъезда обеих редакций в полном

молчании ожидала героев громадная толпа мальчиков.

Собачий поезд

Обычно к двенадцати часам дня колоколамцы и прелестные колоколамки выходили на улицы, чтобы подышать чистым морозным воздухом. Делать горожанам было нечего, и чистым воздухом они наслаждались ежедневно и подолгу.

В пятницу, выпавшую в начале марта, когда на Большой Месткомовской степенно циркулировали наиболее именитые семьи, с Членской площади послышался звон бубенцов, после чего на улицу выкатил удивительный экипаж.

В длинных самоедских санях, влекомых цугом двенадцатью собаками, вольно сидел закутанный в оленью доху молодой человек с маленьким тощим лицом.

При виде столь странной для умеренного колоколамского климата запряжки граждане проявили естественное любопытство и шпалерами расположились вдоль мостовой.

Неизвестный путешественник быстро покатил по улице, часто похлестывая бичом взмыленную ленивую пристяжную в третьем ряду и зычным голосом вскрикивая:

- Шарик, черт косою! Н-о-о, Шарик!

Доставалось и другим собачкам.

- Я т-тебе, Бобик!.. Н-о-о, Жучка!.. Побери-и-гись!!

Колоколамцы, не зная, кого послал Бог, на всякий случай крикнули 'ура'.

Незнакомец снял меховую шапку с длинными сибирскими ушами, приветственно помахал ею в воздухе и около пивной 'Голос минувшего' придержал своих неукротимых скакунов.

Через пять минут, привязав собачий поезд к дереву, путешественник вошел в пивную. На стене питейного заведения висел плакат: 'Просьба о скатерти руки не вытирать', хотя на столах никаких скатертей не было.

- Чем прикажете потчевать?- спросил хозяин дрожащим от волнения голосом.

- Молчать!- закричал незнакомец. И тут же потребовал полдюжины пива.

Колоколамцам, набившимся в пивную, стало ясно, что они имеют дело с личностью незаурядной.

Тогда из толпы выдвинулся представитель исполнительной власти и с беззаветной преданностью в голосе прокричал прямо по Гоголю:

- Не будет ли каких приказаний начальнику милиции Отмежуеву?

- Будут!- ответил молодой человек.- Я профессор центральной изящной академии пространственных наук Эммануил Новохамский.

- Слушаюсь!- крикнул Отмежуев.

- Метеориты есть?

- Чего-с?

- Метеориты или так называемые болиды у вас есть?

Отмежуев очень испугался. Сперва сказал, что есть. Потом сказал, что нету. Затем окончательно запутался и пробормотал, что есть один гнойник, но, к сожалению, еще недостаточно выявленный.

- Гнойниками не интересуюсь!- воскликнул молодой восемнадцатилетний профессор, которому пышные лавры Кулика не давали покою.- По имеющимся в центральной академии сведениям, у вас во время царствования Александра Первого Благословенного упал метеорит величиною в Крымский полуостров.

Представитель исполнительной власти совершенно потерялся, но положение спас мосье Подлинник, мудрейший из колоколамцев.

Он приветствовал юного профессора на восточный манер, прикладывая поочередно ладонь ко лбу и к сердцу. Он думал, что так нужно приветствовать представителей науки.

Покончив с этим церемонным обрядом, он заявил, что из современников Александра Первого Благословенного в городе остался один лишь беспартийный старик по фамилии Керосинов и что старик этот - единственный человек, который может дать профессору нужные ему разъяснения. Керосинов, хотя и зарос какими-то корнями, оказался бодрым и веселым человеком.

- Ну что, старик,- дружелюбно спросил профессор.- Метеорит помнишь?

- Все, батюшка, помню. И метеорит, и рахит, и радикулит,- радостно ответил полуторавековой старик.

Потом подумал и добавил:

- И столыпинщину... Все приезжали. Александр Первый приезжал. И Голенищев-Кутузов приезжал с Эггертом и Малиновской. И этот, который крутит, киноимператор приезжал. И Анри Барбюс в казенной пролетке приезжал, расспрашивал про старую жизнь, я, конечно, таить не стал. Истязали, говорю. В 1801 году, говорю.

Тут старик понес такую чушь, что его увели. Больше никаких сведений о метеорите профессор Новохамский получить не смог.

- Ну-с,- задумчиво молвил профессор,- придется делать бурение.

За пиво он не заплатил, раскинул на Большой Месткомовской палатку и зажил там, ожидая, как он говорил, средств из центра на бурение.

Через неделю он оброс бородкой, задолжал за шесть grossов пива и лишился собак, которые убежали от него и рыскали по окраинам города, наводя ужас на путников.

Колоколамцам юный профессор полюбился, и они очень его жалели.

- Пропадет наш Новохамский без средствиев,- говорили они дома за чаем,- а какое же бурение без средствиев!

По вечерам избранное общество собиралось в 'Голосе минувшего' и разглядывало погибающего путешественника.

Профессор сидел за зеленым барьером из пивных бутылок и пронзительным голосом читал вслух московские газеты. По его маленькому лицу струились пьяные слезы.

- Вот, пожалуйста, что в газетах пишут,- бормотал он.- 'Все на поиски Новохамского', 'Экспедиция на помощь профессору Новохамскому'. Меня ищут. Ох! Найдут ли?!.

И профессор рыдал с новой силой.

- Наука!- с уважением говорили колоколамцы.- Это тебе не ларек открыть. Шутка ли! Метеорит! Раз в тысячу лет бывает. А где его искать? Может, он в Туле лежит! А тут человек задаром гибнет!

Сердобольный Никита Псов вздумал было сбежать в губцентр за помощью. Пробежав километров шесть, он сообразил, что никогда в губцентре не был и дороги туда не знает.

Наконец, через месяц, экспедиция нашла на верный след.

С утра Колоколамск переполнился северными оленями, аэросанями и корреспондентами в пимах. Под звон колоколов и радостные крики толпы профессор был извлечен из 'Голоса минувшего' с трудом поставлен на ноги и осмотрен экспедиционными врачами. Они нашли его прекрасно сохранившим силы.

А в это время корреспонденты в пимах бродили по улицам и, хватая колоколамцев за полы, жалобно спрашивали:

- Гнойники есть?

- Нарывы есть?

На другой день северные олени и аэросани умчали спасителей и спасенного.

Экспедиция торопилась. Ей в течение ближайшей недели нужно было спасти еще человек двадцать исследователей, затерявшихся в снежных просторах нашей необъятной страны.

Глава 24

‘КРАСНЫЙ КАЛОШНИК-ГАЛОШНИК’

Холодным летним утром в молочные небеса над Мурманском взмыл воздушный шар. Полет был организован журналом ‘Приключенческое дело’, для каковой цели было зафрахтовано ‘изделие №1’, - опытный образец и гордость треста резиновых изделий - воздушный корабль ‘Красный Калошник-Галошник’. Была на шаре и другая надпись: ‘Редакция журнала <<Приключенческое дело>>. Главный редактор - товарищ Икапидзе’. Однако по настоянию Тенгиза Акакиевича вторую надпись нанесли выше ‘Красного Калошника-Галошника’, поэтому с земли ее не было видно. Программа полета воздушного шара была спущена сверху. Она включала максимальную высоту, минимальное расстояние до государственной границы, а также темы диспутов и политигр, которые экипаж должен был проводить среди местного колхозного населения, пережидая политически неудобный ветер. За высоту и расстояние отвечал штурман - отличник-осоавиахимовец Арсений Изаурик. За диспуты и политигры - управдом и лектор-общественник Остап Бендер. Командиром экипажа был назначен товарищ Пер-Лашезов. Его главная функция заключалась в том, чтобы во время стоянок отправлять в Москву длинные, нудно-победные телеграммы-реляции, годные для конституции автономной республики средних размеров. Кроме того, с помощью школьного компаса и бегущих по небу белых барашков он проверял благонадежность штурмана, а вышеупомянутые телеграммы сочинял, скромно примостившись в уголке во время диспутов лектора-общественника. Особенно он любил сидеть на ступеньках, накинув на плечи пиджак.

Это было не очень легко. Пер-Лашезову мешал живот, маленький плотный животик, похожий на ядро, вроде тех ядер, какими севастопольские комендоры палили по англо-французским ложементам в Крымскую кампанию.

Собственно, фамилия ‘Пер-Лашезов’ была партийным псевдонимом.

Нет ни одного гадкого слова, которое не было бы дано человеку в качестве фамилии. Счастлив человек, получивший по наследству фамилию Баранов. Не обременены никакими тяготами и граждане с фамилиями Баранович и Барановский. Намного хуже чувствует себя Бараний. Уже в этой фамилии слышится какая-то насмешка. В школе Бараньему живется труднее, чем высокому и сильному Баранову, футболисту Барановскому и чистенькому коллекционеру марок Барановичу. И совсем скверно живется на свете гр.гр.Барану, Баранчику и Барашеку.

Власть фамилии над человеком иногда безгранична. Гражданин Баранчик если и спасется от скарлатины в детстве, то все равно проворуется и зрелые свои годы проведет в исправительно-трудовых домах. Братья Барашек и не думают отдаваться государственной деятельности. Они сразу посвящают себя молочной торговле и бесславно тонут в волнах финансовых инспекций. С фамилией Баран не сделаешь партийной карьеры. Общеизвестен тов. Баран, пытавшийся побороть проклятие, наложенное на него фамилией, и с этой целью подавшийся было в марксисты. Но увы... Несмотря на гимназическое прилежание и каллиграфический почерк его не избирали ни 1-м, ни 2-м, ни 3-м секретарем вышестоящих партийных органов, ни освобожденным секретарем нижестоящих. Его не избирали и на общественных началах. Даже музыкальное оформление политпосиделок поручали партийцу Медведеву, вернее, его фамилии. Баран стал балластом, выброшенным в ходе очередной чистки за борт.

Настоящая фамилия Пер-Лашезова была Баранина. О! Не спешите смеяться! Какую замечательную карьеру сулила сия фамилия в прежние времена! Городовой Баранина. Оберполицмейстер Баранина. Городской голова Баранина. Да что мелочиться! Генерал-губернатор Баранина! Увы, Октябрьскую революцию Серафим Баранина встретил будучи приказчиком виноторговца Ненарокова. А в смутные времена связываться с государством, особенно с полицией, он не стремился. Хотя возможности были немалые.

3-го апреля ограблен ювелир Биберман, а 4-го Леня Доберман пьет шампанское? 1-го мая у рабочего Безлюдного пьют водку? По настоящему пьют (с опохмелом 2-го мая) или понарошку? Все это знали двое. Но если виноторговец спешил предупредить полицию, то приказчик Баранина - клиент. Его чаевые оказались выше: дом и имущество Ненарокова, авторитет среди 'социально близких' и благонадежная, ручейковая фамилия 'Пер-Лашезов'. Название парижского кладбища, у стены коротого были расстреляны последние коммунары, стало сначала подпольной кличкой, затем - партийным псевдонимом и, наконец, - просто фамилией весьма ответственного работника.

...Между тем, простой воздушного шара были слишком долгими и слишком частыми. Пионеры и комсомольцы, заблаговременно наклеившие на стены карты Советского Союза и изготовившие флажки с иголочками, писали гневные письма соответственно в 'Пионерскую' и 'Комсомольскую' 'правды'. Юный ортодокс Ситников требовал с корнем вымести поганой метлой чуждые советскому воздухоплаванию 'перлашезовщину' и 'бендеро-изаурез' и заменить экипаж проверенными в горниле пионерских линеек товарищами. А дело в том, что свежие ветры Страны Советов вопреки многолетним розам ветров настырно дули в сторону разлагающейся Европы, и потому девять десятых полетного времени воздухоплаватели парились в гениальных по простоте конструкции баньках Северо-Запада Российской Федерации. Иногда, впрочем, порозовевшие в лучах закатной зари барашки, совершив головокружительные фигуры высшего пилотажа, устремлялись в обратную сторону. Но по ночам экипажу категорически предписывалось спать 'на земле'. Вечером накануне последнего дня жизни 'Красного Калошника-Галошника' клуб колхоза 'Большие Иван Семенычи' напоминал сатанинское капище. Сквозь щели деревянного строения пробивался дрожащий свет и клубы дыма. На трибуне, в окружении керосиновых ламп, лектор-общественник Остап Бендер проводил антирелигиозную викторину. Рядом с ним лежал приз. Впрочем, все настоящие призы были давно разыграны и этот - брошюра 'Классики марксизма-ленинизма о воздухоплавании' - был пожертвован товарищем Пер-Лашезовым из личного багажа.

Ему было неловко оставить колхозников без приза, потому что недавно с ним произошло досаднейшее происшествие. Неделю назад он впервые в жизни вступил в беседу с колхозником. Он хорошо знал деревню по пьесам для самодеятельного театра и умел поговорить с мужичком.

- Здорово, болезный!- сказал он приветливо.

- Здравствуйте,- ответил колхозник.

- Давай с тобой, дид, погундосим,- с неожиданной горячностью предложил руководитель полета,- так сказать, покарлякаем, побарлякаем. Тоже не лаптем щи хлебаю.

Дид, который, собственно, был даже не полудид, потому что имел от роду никак не больше двадцати лет, шарахнулся в сторону.

- Не замай!- крикнул гость.- Треба помаракуваты.

- Чего вам надо?- спросил колхозник.

- Дык ведь,- заорал Пер-Лашезов,- давеча, нонеча, анадьсь телеграмму получили!- и схватил колхозника за руку.

- Отпустите, дяденька!- закричал тот.

- Фантасмагория...- произнес Пер-Лашезов обидное слово, за что и получил по морде от обезумевшего от страха 'дида'.

В первых рядах размещался колхозный актив. На коленях у них лежали книги, на которые участники викторины возлагали большие надежды. Здесь были учебники политэкономии, 'Краткий курс истории ВКП(б)', 'Материализм и эмпириокритицизм', 'Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека' и даже 'Справочник агронома'.

- Начнем с чего полегче, товарищи,- усталым голосом, наверное, уже в сотый раз, сказал Остап.- Вот вопрос под номером 47. Когда женский вопрос впервые был поставлен ребром?

Актив встал в тупик. Все долго молчали.

- Ну что, орлы, пригорюнились?- Остап похлопал себя по могучей груди.- Ребром, слышите, ребром! Но орлы дрожащими пальцами крутили самокрутки и Бендеру пришлось еще раз рассказать историю сотворения Адама и Евы.

Но не успели собравшиеся оправиться от тяжелого каламбура, как на головы их обрушилась новая каверза.

- Вопрос номер 51. Какого кардинала нельзя назвать мракобесом?

Тревога пробежала по рядам.

- Какого же, в самом деле, кардинала, нельзя назвать мракобесом? Ну, кто же наконец, этот дивный кардинал?

Взоры активистов с надеждой обратились на счетовода колхозного правления товарища Пруста, отец которого был католиком. Но Евстигней Пруст тоже ничего не знал о таком кардинале.

Остап зевнул.

- Мракобесом нельзя считать птицу кардинал, каковая водится в Америке. Смотри 'Малый Энциклопедический словарь', издательство Брокгауз-Ефрон, т.11- 'Кардинал'.

Все подавленно молчали.

Из дальнейших вопросов активисты совместными усилиями ответили лишь на один: 'Почему говорят: последняя у попа попадьа?'

Бендер посмотрел на часы и выпустил финальную обойму вопросов:

- А чем известен в истории христианской церкви монах Дионисий Малый? Не знаете! Так, так! А какой святой православной церкви ударил по уху епископа на одном из вселенских соборов? И это вам неизвестно? При чтении какого евангелия попы плюются?

Собрание смущенно молчало. Многие из оглушенных викториной потратили свою молодость на изучение политграмоты и Остапу вдруг показалось, что они действительно сделали большую оплошность, так и не узнав, какой такой святой смазал по уху епископа и за что.

- Братья,- произнес он и запнулся.- Братья!- повторил он тверже.- Откуда текст: 'О, как прекрасны ноги твои, дщерь именитая!.. Живот твой - круглая чаша... два сосца твоих как два козленка...'

- Товарищ Бендер,- зашептал Пер-Лашезов.- Этот вопрос не утвержден для викторины!

- А она ему в ответ...- пел Остап.- Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле... там я окажу ласки мои тебе...

- Товарищ Бендер!- завопил Пер-Лашезов.

- Идите, братья! Идите с миром,- закончил Остап.

Зал быстро пустел.

- Товарищи, вернитесь, куда же вы!- кричал им вслед Пер-Лашезов.

- Менять политэкономия на Библию,- буркнул Остап и двинулся к выходу.

Навстречу через толпу пробивался человек с телеграфным бланком.

- Товарищу Пер-Лашезову, полуправительственная!

Командир экипажа дрожащими руками принял депешу.

‘Товарищу Пер-Лашезову. Срочная. Дипломатическая работа проведена. Разрешаются ночные полеты, усилив бдительность. С коммунистическим ‘пока’. Икапидзе, начальник полета.’

Пока Остап и Сеня готовили шар к полету, товарищ Пер-Лашезов озабоченно поплеывал на средний палец правой руки, поскольку ночь была безлунной и барашков не было видно. При этом он крутился вокруг своей оси, держа левую руку на отлете.

- Чего это он там вальсирует?- спросил Сеня.

- Совмещает стрелку компаса с буквой 'N'.

- Но ведь можно просто подкрутить шкалу,- удивился штурман.

- Это мы знаем,- сказал Остап, возившийся с горелкой.- Вообще, для работы с этой штукой нам нужна женщина,- вдруг заявил он.

- ?

- Слабый пол доводит примус до безумия, накачивая его так, как ни один мужчина не посмеет.

- Взлетаем!- скомандовал Пер-Лашезов, вытирая палец о галифе.

Рассвет нового дня ‘Красный Калошник-Галошник’ встретил на высоте трехсот метров над родной землей. Внизу расстились леса и болота. Впереди, у слияния двух рек, тускло залоснились серые крыши и облезлые купола.

- Нет здесь по карте никакого города,- мямлил Пер-Лашезов, двигаясь с картой вдоль бортов корзины...

Штурман и лектор на его муки внимания не обращали.

На рассвете население утонувшего в лесах и болотах древнего городка было разбужено нестройным ружейным залпом.

Жители, босиком, прямо в исподнем, высыпали на улицы. Последовавший сейчас же после залпа набат усилил тревогу. Надтреснутые теноровые звуки окраинной церквушки были мощно поддержаны басовыми нотами, которые неслись с колокольни главного храма.

Как всегда бывает во время неожиданной тревоги, граждане отлично знали, в каком направлении нужно бежать. И в скором времени маленькая площадь между двумя церквями была запружена толпой.

У монументальной могилы, которая почему-то находилась в центре площади, рядом с конной статуей, в полном недоумении стоял весь штат городской милиции, состоящий из четырех пеших милиционеров и их начальника. Ружья милиционеров еще дымились. Начмил держал в руке наган, направляя дуло его к бледным небесам.

- В кого стреляют?- закричал, врезываясь в толпу, какой- то буйный гражданин. Сквозь его распахнувшийся пиджак была видна волосатая грудь, увенчанная голубой татуировкой в виде голой дамочки в когтях орла. Из рта гражданина шел запах, плавно переходящий из перегарного в скипидарный.

Он несколько запоздал, и по его внешнему виду можно было заключить, что если он сейчас же, немедленно, не узнает, в кого стреляют, он сам начнет стрелять в кого попало.

Но начальник милиции не ответил. Задрал голову вверх, он пронзительно смотрел в небеса.

Постепенно и толпа заметила плывущий над площадью воздушный шар, похожий на детский мяч в сетке.

- По вражескому самолету,- отчаянным голосом скомандовал начмил,- паль-ба шеренгой!!

Шеренга, зажмутив глаза, выпалила.

- Недолет!- с сожалением крикнул пьяный гражданин в пиджаке.- Ну, все равно не уйдут, черти! Шляпами закидаем!

И тут же поделился с толпой своими соображениями.

- Знаем мы этих летунов! Это из страны Клятвии штурмовать наш вокзал летят. Ясное дело!

Слух о нашествии врага исторг у собравшихся на площади протяжный вопль.

Прежде чем наскипидаренный гражданин, побежавший домой за топором, успел вернуться назад, воздушный шар быстро пошел на снижение. Через пять минут толпа уже различала большую камышовую корзинку и надпись, шедшую наискось шара: 'Красный Калошник-Галошник'.

Насчет явно русской надписи сомнений ни у кого не возникло. Опрятный гражданин в косоворотке и кожаной тужурке, успевший занять наиудобнейшее место на могиле, сразу же заявил, что надпись поддельная и сделана она коварными клятвийцами для того, чтобы ввести бдительных горожан в заблуждение и тем легче их завоевать.

Командир городских вооруженных сил скомандовал, и новый залп поколебал прозрачный воздух. Тут зрители заметили озлобленные лица трех воздухоплателей, которые свешивались за борт корзины.

- Сдавайся!- завопил подоспевший гражданин в пиджаке на голом теле, потрясая топором.

Воздухоплатели размахивали руками и что-то кричали, но их слова таяли, не долетая до земли.

Пылкий начмил открыл беспорядочную стрельбу, после чего в толпу полетели мешки с балластом.

Шар на минутку взмыл, но, продырявленный милицейскими пулями, снова пошел ко дну, снизившись до высоты двухэтажного дома.

Теперь расстроенные лица аэронавтов были видны настолько ясно, что толпа стала торжествовать победу.

- Идиоты!- кричали сверху.- Навязались на нашу голову.

- Ладно уж!- отвечали снизу.- Сходи, Клятвия, на землю. Здесь посчитаемся!

При этих словах буйный гражданин приветственно взмахнул топором. Этот жест заставил лица воздухоплателей перекосяться.

- Придурки!- кричали калошники-галошники.

Наскипидаренный не ответил. Он высоко подпрыгнул в надежде достать топором корзину.

- Чтоб вы сдохли!- истерически закричали сверху и сбросили вниз измерительные приборы и примус.

Но так как шар все же не поднимался, летуны стали лихорадочно раздеваться и сбрасывать на землю пиджаки, сапоги, элегантные подтяжки и перцовую колбасу.

- Консервов нету?- деловито крикнул опрятный гражданин.

- Сукины вы сыны!- ответили воздухоплатели, уносясь в небеса.

Начмил объявил стрельбу пачками, после чего 'Красный Калошник-Галошник' камнем свалился на площадь. Один аэронавт в галифе вывалился при падении и немедленно был взят в плен.

- Что же вы, черти,- плача, вопрошал пленный,- на своих кидаетесь с топорами?! Шар прострелили, дураки!

Между тем, шар, гонимый ветром, тащил остальных по бульвару к центру города.

Толпа бросилась в погоню. Впереди всех гнался за неприятелем брандмайор со своими приспешниками из пожарной команды.

На главной площади беглый шар был настигнут, и после короткой абордажной стычки летуны были пленены.

Тут-то недоразумение и разъяснилось.

- Написано на вас, что вы спортсмены?- угрюмо говорил начмил.- Откуда мне знать? По уставу, если подозреваемый не останавливается после трехкратного предупреждения, обязан стрелять. А про ветер в уставе ничего не сказано.

- Да ну вас, болванов!- сказал человек в белой фуражке.- Давайте лучше шар чинить.

Но тут буйноскипидарный, которому удалось-таки взломать топором сундук аэронавтов, поднял над головой кипу бумаг и заорал:

- Говорил же я, что это клятвийские шпионы! Во, наш город срисовали, гады!

- Какой город?- побледнел младший аэронавт.

- Известно какой - Колоколамск, ядрена вошь!- осклабился буйный гражданин.

Арсений Изаурик упал в обморок.

...Вот так, дорогой читатель. Как заметил один печально известный датский принц, на свете случаются такие совпадения, что даже профессору истмата в кошмарном сне не приснятся. Бойль и Мариотт в один день и час открыли один и тот же закон физики, а конюх Пантелей, забравшись на колокольню с бутылкой водки для частного ее распития, обнаружил там (не в бутылке - на колокольне) свою же супружницу в обществе горбатого звонаря.

Так что нет ничего удивительного в том, что город, который Арсений Изаурик создал в своем воображении, облакал в плоть и кровь, лелеял и холил, нежно поглаживая по подлежащему каждую фразу, этот город, оказывается, давным-давно существует и даже носит то же название. (Напомним, что Бойль и Мариотт открыли один и тот же закон, а Пантелей обнаружил на колокольне именно свою жену). Нет ничего удивительного и в том, что настоящий Колоколамск, равно как и вымышленный, расположен у слияния двух рек и украшен двумя большими церквями, вокзалом и бульваром. То же самое можно сказать и о большинстве российских городков. Что же касается наскипидаренных граждан, бегающих по улицам в пиджаках на голое тело и граждан в кожаных тужурках, по тем же улицам степенно прогуливающимся, то здесь, как говорят британские парламентарии, комментарии излишни.

По приказу начальника милиции аэронавты были взяты под стражу.

А что же шар? Он пропал бесследно. Зато на другой день после того, как неудачливых калошников-галошников увезли куда следует, во всех магазинах Колоколамска продавались непромокаемые пальто из отличного прорезиненного шелка.

Глава 25

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

- Учти, пацан. Шулер должен иметь хорошо развитый большой палец правой руки и абсолютно здоровое сердце. При такой складке пижонам нет спасения.

- А кто такие пижоны?

- Пижоны - это все те, которые не дергают.- Шулер достал колоду и приступил к демонстрации новейших достижений своего цеха.

- Вот видите, Сеня,- Остап обернулся к товарищу,- и в Бутырке можно встретить людей творческих, с передовыми идеями.

Сеня ему не нравился. Он был раздавлен и поэтому безобразен. Он монотонно раскачивался взад-вперед и что-то беззвучно бормотал.

- Послушайте, Сеня, - заметил Остап вполголоса,- по-моему, вы уж слишком глубоко вжились в

образ ортодоксального еврея.

- Зачем, зачем нас привезли в Москву? Что случилось? Что они раскопали? Почему отпустили Пер-Лашезова? Проклятые рассказы. Проклятая карта. Зачем нас привезли в Москву?- еле слышно причитал Сеня.

- А вы что, предпочли бы остаться в Колоколамске?- попробовал отшутиться Бендер.

- Остап Ибрагимович,- затравленный взгляд резанул командора по сердцу,- вы же прекрасно понимаете, что это означает... Для меня.

- Сеня, дружище, вы похожи на зайца, который уверен, что танковая атака направлена против него.

- Я похож на зайца?- Сеня перестал раскачиваться.

- Да, вы похожи на зайца.

- Я - заяц?

- Да, серый заяц с красными глазами.

Хорошо развитый большой палец правой руки и абсолютно здоровое сердце шулера не выдержали взрыва Сениного смеха.

Дворницкие морды королей и малиновые ягодицы червей разлетелись по камере. Их собрали довольно быстро. Гораздо дольше приводили в чувство шулера. Его отпаивали из жестяного чайника сырой водой. Вода пахла мясом, но шулер этого не замечал.

За дверью раздался начальственный голос:

- Ну, как там наши медвежатнички, домушнички, насильнички, хулиганчики и прочие негодяйчики? Заскрипел засов.

- Арсений Изаурик, с вещами на выход!

Сеня с недоумением и обидой посмотрел на Остапа. Затем сделался строгим и сосредоточенным.

Собирая вещи, он быстро зашептал:

- Мое настоящее имя - Артемий Аполлинариевич. Домашние звали Темой. Родился 24 ноября 1900 года. Крещен в селе Буря, Невалейского уезда. Это наше родовое имение. Дом в Москве на Сретенке. Старожилы покажут. Найдите лакея Игнатия. он все расскажет. Я его предупредил.

- Изаурик, пошевеливайтесь!

- На рождество четвертого года дядя подарил мне шотландского пони. Его звали Макс. Сдох через 2 года. Дядя часто брал меня на охоту и рассказывал о собаках и лошадях. Все! Прощайте, Остап, прощайте. Да хранит вас Господь!- Сеня судорожно обнял Остапа и бросился к двери.

...Из долгого оцепенения Бендера вывели скрип засова и злой выкрик:

- Остап Бендер, с вещами на выход!

В огромной комнате за длинным столом сидели трое. За их спинами висели ведомственные портреты. Взгляды с портретов и из-за стола нежно ощупали Бендера с головы до ног.

- Садитесь, дорогой товарищ, нас ждет долгий разговор,- раздался из-за спины задушевный голос.

Остап оглянулся и увидел маленького человека в высоких сапогах, жестом трактирного слуги указывающего на табурет.

- Итак,- человечек принялся вышагивать позади Остапа.- Допроса как такового не будет. Я вам просто кое-что расскажу, а вы просто ответите: 'Да' или: 'Нет'.

Человечек остановился прямо за спиной Бендера.

- Вас зовут... Артемий Аполлинарьевич Средиземский.

- Э-э-э...

- Молчать!- рявкнул человечек. И добавил мягко.- Я же просил не перебивать... При вас обнаружена

фамильная реликвия - Орден Золотого Руна. Вас опознали соседи вашего покойного батюшки. У вас на квартире обнаружена книга, восхваляющая верную службу ваших предков царскому режиму.

Непростительная халатность. Вопрос: признаете ли вы себя графом Средиземским? Да или нет?

- Да!- ответ Остапу подсказали не абстрактное благородство и даже не холодное заключение о бесполезности предательства Сени. Нутром комбинатор почувствовал, что граф Средиземский нужен этим людям и только умело дозированное хамство спасет его.

- Почему вы не эмигрировали после революции?

- Родину не унесешь на подошвах ботинок,- ответил Остап словами Дантона.

- Поэтому вы пытались бежать на воздушном шаре? Прихватив с собой антисоветские пасквили, включающие план приграничного города и сведения о его ответственных работниках, замаскированные под литературное произведение. Кстати, отпечатанные на вашей служебной машинке.

- Помилуйте, товарищи, это всего лишь творческий метод,- возразил Остап.

- Мы ваш творческий метод обсудим в трибунале! Какую роль вы отводили вашему сообщнику Арсению Изаурику?

- Сообщнику?- Бендер презрительно скривился.- Я всю ночь уговаривал его подлететь ближе к границе, чтобы первыми увидеть восход солнца над социалистической родиной, а он лишь оскорбительно смеялся.

Наступила пауза. Комиссия совещалась.

- Позвольте,- подал голос один из сидевших за столом, человек с удивительно толстыми губами.- Но ведь солнце восходит на востоке!

- Пардон,- искренне огорчился Остап.- Я с этой директивой не знаком.

- Гражданин Средиземский!- ледяным тоном произнес человек в сапогах и вытянул руку. Только сейчас стал заметен протез на месте кисти.- Я хотел бы, чтобы вы учли: я инвалид пяти войн, у меня искусственная рука и эта рука не знает жалости.

- Вот вы сказали, что хотели увидеть восход солнца над социалистической Родиной. А почему?- пришел на помощь толстогубый.

- То есть как почему? СССР занимает 1/6 часть суши и первое место по чугуну.

Трехглавая комиссия поощрительно закивала.

- Чем же в таком случае вы собирались заниматься за рубежом?

- Искать свободы и справедливости.

- Вы - марксист?!- хором спросила комиссия.

- Нет.

- Кто же вы тогда?!

Остап вздохнул.

- Я эклектик,- он сделал усилие и вздохнул еще раз.

Секретарь записал: 'Эклектик'. Толстогубый остановил его:

- Не отрезайте товарищу пути к отступлению.

- А, по-вашему, эклектизм - это хорошо?- спросил он Остапа.

- Да уж чего хорошего.

Секретарь записал: 'Эклектик, но к эклектизму относится отрицательно'.

- Вот видите,- сказал толстогубый.- Это отсутствие установки исправить нельзя, а неправильную установку можно выправить... Видел я одного делягу, товарищ Пасмурный,- продолжил он, обращаясь к человеку в сапогах.- У него был такой идеологически опустошенный вид, что просто жалко было на него смотреть. Несчастливые люди.

- Да,- ответил товарищ Пасмурный,- история безжалостно ломает всех несогласных с нею.

- Вы сами подумайте,- продолжал толстогубый, перелистывая колоколамские рассказы,- остаться за бортом жизни! Все живут, работают, а ты сидишь где-то со вскрытыми корнями, и всем противно на тебя смотреть. Да, да! Кошмар! Главное, ты сбит с идеологических позиций. Моральное состояние ужасное. Чувствуешь себя каким-то изгоем. И надо вам сказать всю правду. Вы меня извините, товарищ Средиземский, но нет пророка в своем отечестве, ей-богу, нет пророка. Не пророчествовать надо, а социализм строить.

- Итак, Артемий Аполлинарьевич, давайте доформулируем, сказал человек.- Вы признаете советскую власть?

- Видите ли,- Остап поднял глаза к потолку.- Есть созвездия незаслуженно известные, вроде Большой Медведицы. Ведь Полярная звезда - в Малой!

- Понятно,- протянул толстогубый,- товарищ Средиземский за советскую власть, а бежать пытался просто потому, что ему вообще не нравится наша солнечная система.

Комиссия совещалась недолго.

- Товарищ Средиземский,- торжественно объявил товарищ Пасмурный.- Вы - культурно-историческое наследие царизма. Мы вас используем.

- Ну, не используете.

- Всосем.

- Ну, не всосете.

- Мы вас переидеологизируем, опролетарим и партийно-озадачим.

- Пожалуй,- сдался Остап.

- Вот это,- Пасмурный постучал согнутым указательным пальцем по красной коже книжице, лежавшей на столе,- паспорт на имя гражданина Средиземского. Вопрос в том, чья фотография будет сюда вклеена.

- Вы думаете,- в волнении спросил Остап,- что кто-то сможет убедительно сыграть роль наследника графов Средиземских?

- Незаменимых людей нет!- отрезал Пасмурный.

- Что ж, вы меня убедили,- согласился Бендер.

Ответ комиссии понравился.

Человек дернул за шнурок, обнажив на стене карту Европы, такую же, как в квартире Ситниковых.

- Как вам известно, испанский пролетариат и беднейшее крестьянство, воодушевленные идеями октябрьской революции, борются за установление республики. Им противостоят буржуазия и помещики. А между ними мечется гнилая интеллигенция. Ваше семейство почитается в Испании почти что святым. Вы отправляетесь туда в качестве советского журналиста и публикуете в местной прессе несколько статей в поддержку республики. Статьи уже готовы. Вашу охрану и безопасность по пути в Испанию и обратно мы гарантируем,- человек сладко улыбнулся.

Остап встал и, шатаясь, побрел к столу.

- То, что граф, я не скрывал... Средиземские всегда находили утешение в религии. Я... великий грешник, Ораниенбаумский Дон-Жуан. Ваша мать замечательная женщина, хотя и еврейка... Приблизьтесь ко мне, сыны мои, я обниму вас,- Остап прижал руку к груди.- Маленький красный комочек...

- Вот и славно, что красный,- подытожил человек. Коньячку не желаете? Знаете, после землетрясений вина делаются замечательными.

Остап сидел на Интернациональной пристани Севастополя. На его правом колене лежал блокнот, первую страничку которого украшала единственная фраза: 'Об адмиралтейские ступени шлепались синенькие волны N-ского моря' (корреспонденту 'Рубанка и подпруги' уже объяснили, как хранить военную тайну). Между тем, волны о ступеньки не шлепались. Они не были синенькими. Их не было вовсе. Вода за ночь была вышколена так, что в своей преданности портовым властям не производила даже всплеска.

Было утро. Боевые башни линкора 'Парижская комунна' каким-то образом умудрялись светиться в лучах еще не взошедшего солнца. Крейсера 'Красный Кавказ', 'Червона Украина' и 'Кызыл Ташкент' скромно, но с достоинством прятались в тени флагмана. Эсминцы стояли у стенки. Вдруг фиолетовый берег сделался красным, а потом пожелтел. Вода в минуту переменяла четыре зеленых оттенка и задержалась на полдороге к голубому. Солнце выпустило первый тончайший луч, и в сиреновой мгле Севастополя на какой-то крыше сразу зажглось стекло. И снова, каким-то непостижимым образом, это единственное окно умудрилось озарить всю эскадру. Еще несколько минут - и наступил симфонический финал утра. Вступали все новые группы окон и крыш. Наконец, осветилось море. Пушки эскадры дали мощный залп лучами солнца. Мир превратился в сплошное сверкание. Ни на что уже нельзя было смотреть.

Остап незаметно ощупал орден на груди (только вчера возвращенный под расписку) и искоса оглядел соседей по лавочке - трех молчаливых мужчин среднего возраста и роста, в одинаковых серых плащах. Двое сидели слева от него и один справа.

- Да, - протянул командор, потягиваясь, - не хотел бы я встретиться с такой эскадрой в темном переулке. Разрешите прогуляться по набережной, гражданин начальник?

- Ну зачем же вы так, товарищ Средиземский, укоризненно покачал головой сосед слева.- Мы же с вами договорились: я товарищ Гусев. Вы советский журналист, мы – советские инженеры. Мы друзья. Почему бы нам не быть друзьями? Товарищ Карпушкин, составьте компанию товарищу Средиземскому.

... Накануне отъезда из Москвы ему разрешили заехать на Шаймоновскую за личными вещами.

Афанасий вручил сопровождающим ключи от квартиры и управдомовского кабинета.

- Никого не пушал,- заверил он Остапа.- Только когда из милиции приходили. И вчера - товарищ Изаурик...

- Что?.. Где он?

Вопрос оказался слишком сложным. Афанасий бессвязно задвигал руками, пытаясь, видимо, воспроизвести Сенины действия, и наконец облек их в словесную форму:

- В квартире вещи собирал. А из кабинета звонил. На вокзал. Спрашивал про поезд на... на...

- Куда? Куда??

Дворник снова зашевелил руками. Но тут один из сопровождающих, топтавшийся рядом, стал с интересом прислушиваться, и Остап, махнув рукой, пошел в квартиру.

Узнать ее было трудно. Но что-то, какая-то ускользающе малая деталь не гармонировала со следами профессионального обыска. Пока Бендер собирал вещи, сопровождающие, видимо, по привычке, открывали дверцы шкафов и заглядывали под кровати. И вдруг он заметил это несоответствие. После обыска в квартире не осталось ни клочка бумаги - нигде. Только смятый комок в корзине для бумаг...

Его оставил Сеня.

Как бы поддавшись общему настроению, Остап задвигал ящиками письменного стола. Потом незаметно выхватил из корзины комок, развернул его и тут же разорвал в клочья.

На листке Сениной рукой было написано несколько вариантов грузиноподобных фамилий:

‘Остапиани, Бендерашвили’, - и что-то еще в этом роде.

Черновик явно представлял собой творческий документ. Сочиняя новую фамилию, Сеня уважил память командора, наполнив душу последнего отеческим чувством.

Когда он проходил через двор к машине, Афанасий неуверенно шепнул:

- Тифлис...

Остап, по православному обычаю, троекратно расцеловался с ним...

В 7:15 на борт ‘Красного Кавказа’ поднялось четверо пассажиров.

- Журналист? Писатель? - радовался молоденький вахтенный начальник.- Значит, вы к нам в качестве Гончарова? А раньше на корабле ходить приходилось?

- Угу. По Волге с агиттеатром. В качестве Верещагина,- пробурчал Остап.

- Осторожней, товарищи,- предупредил вахтенный начальник,- не запачкайтесь. Краска еще свежая.

Особенно на орудийных башнях и в каютах... Военный корабль всегда в каком-нибудь месте подкрашивается,- добавил он весело.

Старший помощник был менее приветлив.

- Ходить по кораблю без головного убора нельзя, не полагается. Нельзя бросать окурков за борт - их может снести ветром назад, и корабль запачкается. По этой же причине не годится плевать.

Облокачиваться тоже не принято: корабль - это не дом отдыха, нам здесь изящные пассажирские позы ни к чему.

Два или три раза Гусев пытался осадить старпома, но сквозь рокот голоса морского волка прорывалось лишь какое-то нелепое : ‘Знаете что...’ ‘Бедовый мужик’, - восхищался Остап.

- Вот и на баркасе, когда к крейсеру шли,- продолжал старпом,- стиль нарушили...

- Какой еще стиль ?!- осторожно взорвался Гусев.

- Военно-морской, - ответил старпом, выдержав артистическую паузу.- На баркасе стоять заведено.

Даже если очень устал. Все стоят и ты стой.- Старпом медленно развернулся, смачно сплюнул за борт и зашагал прочь.

- Ладно, ладно,- совсем по-детски забубнил Гусев. И уже по-взрослому добавил: ‘По прибытии по субординации.’

И тут же, перескакивая через струи воды, бившие из шлангов (крейсер снова скребли и мыли, хотя и до этого он был чист, как голубь), к Бендеру бросился неприменный активист. На ‘Красном Кавказе’ его звали Семенов.

- Надо, надо, надо, надо, надо, товарищ корреспондент.

- Что надо ?- насторожился Остап.

- Надо, надо, надо. Газету надо выпускать.

- Материал еще не накопился,- отрезал ‘рубанко-подпружник’.

- Как не накопился ? Уже накопился ! Надо, надо, надо.

Семенова спасло появление вестового.

- Товарищи инженеры и писатель,- прокричал он,- старший помощник приказал передать, чтобы вы нигде не облокачивались, а если кто из вас запачкается, то в кают-компании есть бензин.

- Спасибо, товарищ,- холодно ответил Гусев,- Пока еще не требуется.

Но осмотрев друг друга пассажиры увидели на костюмах голубые пятна и полосы.

- Нам как раз к кают-компанию,- обрадовался Семенов и потащил Остапа куда-то вниз.

В кают-компании уже сидел молодой веснушчатый матрос. Еще час назад Семенов засадил его писать стихи для походного выпуска газеты 'Красный черноморец'.

- Ну что, Жученко, нашел рифму на 'вымпел'?

- Найдешь ее ! Тут Сам Пушкин не срифмует.

- Давай-давай ! Пушкин, может, и не срифмовал бы, а товарищ Маяковский - запросто.

- Вымпел - пепел. Нет. Вымпел - румпель. Тоже нет. Вымпел - шомпол. Совсем не то... Э-эх...

Пришли военкоры в брезентовой рабочей форме. Все поспешно закурили и расселись.

- Вот что, ребята,- сказал Семенов,- завтра входим в соприкосновение с капиталистическим миром.

Во-первых, надо отразить переход, работу личного состава. Есть известие с эсминцев, что они объявили друг с другом соцсоревнование. Подробности получим по семафору. А у нас как в машинном отделении? Как работают механизмы? Это же все надо отразить, товарищи. Надо, надо, надо. Кто напишет? Раскачивайтесь, ребята. Фельетончик нам подкинет товарищ писатель. А вот кто будет писать привет дружественному турецкому народу? Может, Жученко? А, Жученко?

- Вымпел - трап, отозвался вконец ошалевший Жученко.

- Дался тебе этот вымпел. Замени чем-нибудь.

- Жалко. Уже первая строчка есть.- Жученко снова что-то забормотал.

Не успел Севастополь скрыться из вида, как в кают-компании послышались страшные звуки.

- Синдрофос, синдрофос, синдрофос. Аркадаш, аркадаш. Кампаньо.

Свободные от вахты краснофлотцы заучивали турецкие, греческие и итальянские слова из специально выпущенного к походу 'Словарика наиболее употребляемых слов', чтобы явиться за границу во всеоружии. Зубрили бодро, на все Черное море.

- Тешекур едерим.

- Здравствуйте - мерхаба. Прощайте - смарладык. Бу насыл бинадыр, бу насыл бинадыр. Что это за здание?

А никакого здания еще не было видно и не могло быть.

Кто-то заунывно басил:

- Дайте мне стакан воды. Бина бир стакан су вериниз. Дайте мне стакан воды. Дзосте му эна потири неро. Дайте мне стакан воды. Дате ме ун биккиере д'аку.

Можно было подумать, что бедняга умирает от жажды. Но вдруг он завопил:

- Пулита ме ле стивали. Почистите мне сапоги. Это по-итальянски. А по-турецки ? - Беним гизмаларыны темизление. Ох, лучше я сам почищу.

Тут вмешался Семенов.

- Не будем спешить, товарищи! Давайте по порядку. Сначала греческий. Весь греческий алфавит составлен из русских букв, но понять ничего невозможно. Вот для этого и составлены словари.

Значит, пушка-канони, товарищ-синдрофос, подлодка-поврихиа, а кухня-камбуз, как и у нас. Всего делов-то выучить.

- Маловато будет. Трудновато будет объясниться.

- Ничего, хватит. Вы не забывайте, товарищи, что кроме этих слов есть еще слова, созданные революцией. Это наш революционный язык:

Пятилетка

Советы

Промфинплан

Большевик

Беломорканал

Колхоз

Чекист

Их много, этих слов, и их поймут без перевода везде, куда мы ни при...- Семенов вдруг осекся на полуслове, быстро захлопал белесыми ресницами и с криком 'Даешь!' бросился в свою каюту. Остап с тоской смотрел в иллюминатор, за которым стремительно и близко неслась вольная вода.

Глава 27

МАРАФОНСКАЯ ДИСТАНЦИЯ

Голубой советский крейсер стоял на открытом рейде против дачной пристани Фалерон. Слева, за мысом, густо покрытым белыми и розовыми домиками, находился порт Пирей. Справа, на высоком холме, виднелся афинский Акрополь. Был конец сентября. Светило сильное солнце, дул африканский ветер, и поднятая им древняя пыль создавала легкую мглу.

Краснофлотцы, готовясь съехать на берег, бесконечно чистили друг друга щетками и поминутно поправляли бескозырки.

Два часа назад на корабле произошел скандал. Все шло блестяще: 'Красный Кавказ' стоит на рейде Пирея. Команда выстроена. К кораблю мчится адмиральский катер. В нем сидит красивый старик в треугольной шляпе, в золотых эполетах, с голубой лентой через плечо. Стреляют пушки. Оркестр играет встречу. Все в полном порядке. Все голубое и белое. Старпом подымает голову, чтобы бросить последний начальствующий взгляд, и вдруг на самой высокой площадке кормовой надстройки видит бесформенную группу в гражданских пиджаках, мягких шляпах и разноцветных галстуках. Более того, пиджаки расстегнуты, шляпы набекрень, а галстуки развеваются. Галстучно-пиджачная группа невыносима для морского глаза. Душу старпома охватывает мрачное отчаяние. Он откладывает до окончания церемонии вопрос: 'Кто виноват?' - и задается вопросом: 'Что делать?' Молниеносно найдена замечательная формула: 'Всем перейти на левый борт!' Это, конечно, значит, что всем оставаться на местах, а штатским действительно перейти на левый борт. Там их никто не увидит, там они не будут портить картину.

Последовавшее через полчаса бурное выяснение отношений, предстоящая покраска на палубе и в кают-компаниях, угроза пробежавшего мимо Семенова пропесочить писателя на весь флот, если к вечеру не будет фельетона и, наконец, записная книжка Остапа, в которой красовалась все та же единственная запись о синеньких волнах, шлепавшихся об адмиралтейские ступени, убедили галстучно-пиджачную группу съехать на берег с целью выявления 'язв капитализма'.

Краснофлотцы сдували с рукавов последние пылинки. Подали баркас. И тут на палубу, прижимая подбородком стопку брошюр, вывалился Семенов.

- Налетай, братцы! - прохрипел он страдальчески и начал рассовывать книжки спускающимся краснофлотцам. - Держите! 'Словарик наиболее употребляемых выражений на все случаи жизни. Автор - Федор Сидорович Семенов.' Молодцы - корабельная типография, не подкачали. Успели. Держите, не пожалеете!

- Послушай, Семенов, а где же перевод на греческий?

- Да в том-то и дело, братцы! - радостно завопил Семенов. - Не надо перевода! В этом словарики не отдельные словечки, а целые выражения из русских слов, которые понятны любому иностранцу без перевода! Я проверял! Вот, спросите у механика Костыньша, он латыш. Куда там вашему эсперанто! - не унимался Семенов, - целые выражения! Эх, если бы из таких слов целую заметку или рассказ написать...- Семенов вдруг осекся на полуслове, быстро захлопал белесыми ресницами, сунул нерозданные книжки латышу Костыньше и с криком: 'А что?! Даешь революционный

роман!' - бросился в свою каюту.

Остап с опаской раскрыл брошюру. На 16 страничках, аккуратно пронумерованные, шли в столбик 'наиболее употребляемые' выражения 'великого и могучего':

1. Виктория Коммунизма - Норд, Зюйд, Вест, Ост!
2. Старт Коммунизма - Финиш Капитализма.
3. Салют (Виват, Ура) Коммунизму (Социализму, Промфинплану, Беломорканалу, Колхозам, ЧК, ОГПУ).
4. 'Авроры' канонада - баста буржуям лимонада!

Остап заглянул в конец брошюры:

222. Марксизм-Ленинизм - О! Бернштенианство - тьфу!

Привлечение междометий явно указывало на кризис жанра. Остап хмыкнул и сунул книжонку в карман.

Стремительно приблизилась курортная деревянная пристань на тонких металлических опорах, баркас развернулся и, закачавшись на собственной волне, причалил к лестнице. На пристани людей было мало - краснофлотец-сигнальщик с флажками, несколько загорелых полицейских и два караульных греческих матроса в белых шапочках набекрень и темно-синих шароварах, стянутых у щиколотки.

По всему было видно, что дачный сезон уже окончился. Видно, так уж устроено во всем мире, что дачные сезоны, независимо от климата, кончаются в сентябре. Стоял сухой и жаркий день, небо было чисто, нагретые волны ласкали берег, а на пустынной желтой дорожке уже по-осеннему волочилась брошенная кем-то газета. У двери ресторана, скрестив руки на груди, стоял официант в белом фартуке и печально смотрел на пустые мраморные столики. Под стеной лежали в штабелях складные железные стулья.

На берегу толпились фалеронцы. К пристани их не допускали. Исключение было сделано только для трех штатских типов в светлых грязноватых шляпах. Они внимательно рассматривали высаживающихся краснофлотцев. Эти почтенные господа молча крутили свои усы. При этом на их пальцах мутно поблескивали серебряные перстни с неестественно большими бриллиантами.

Один из штатских снял шляпу и радостно поклонился советской группе:

- Вы красные офицеры?- спросил он по-русски.- Мы вас так ждали!

Краснофлотцы пропустили его слова мимо ушей, а инженеры беспокойно завертели головами.

Русскоговорящий штатский безошибочно выбрал жертву. Он подошел совсем близко к пиджачной группе и, конспиративно оглянувшись на полицейских, прошептал:

- Греческий пролетариат стонет под игом капитала. А?

Инженеры вздрогнули и в смятии двинулись дальше. Лицо нового знакомого сияло, и он с нежностью смотрел им вслед.

... Что может быть дороже сердцу путешественника, чем первые минуты и часы, проведенные в стране, где до сих пор никогда не был и о которой еще ничего не знаешь ? То есть знаешь, что Акрополь стоит на возвышенном месте, но не знаешь, что эта возвышенность представляет собой раскаленную солнцем отвесную скалу, под которой глубоко внизу лежат Афины, и что мраморы Парфенона - желтые, обветренные, шероховатые, а не белые и гладкие; прекрасно знаешь, что Афины - это столица Греции, расположенная в восьми километрах от Эгинского залива, но разве думал, что будешь ехать от этого залива в эту столицу в старомодном поезде, в котором есть первый и третий классы, но почему-то нет второго, и что рядом с тобой на скамье будет сидеть громадная гречанка в черном платье, с голыми руками, толстыми, как ноги. Остальные женщины в вагоне тоже были в черном, а у большинства мужчин почему-то были креповые нарукавные повязки.

Наконец, пройдя предместье, поезд ушел под землю, чтобы прибыть к конечной станции под площадью Омония.

- Как вам нравятся Афины? Первые впечатления? А?- раздался крик.

От дверей вагона, перескакивая через корзины и баулы, к пиджачной группе пробирался тот самый человек, который заговорил с ними на пристани. Инженеры дружно уставились в окно, но тут же подскочили, потому что Остап ласково заговорил с подозрительным греком:

- У вас что, любезнейший, полгорода передохло? Что за кислота такая вокруг? Или это,- Остап кивнул на пассажиров,- парадная форма по поводу нашего прибытия? Тогда где же ослики, декорированные венками и катафалки с трибунами?

- Что вы, что вы! Упаси боже!- в суеверном ужасе запричитал грек.- Просто в Греции принято носить траур по умершим целых три года. Даже по случаю смерти дальних родственников. Поэтому всегда находится уважительная причина для того, чтобы надеть на рукав траурную повязку. Так мужчина выглядит солиднее. Вот и у меня, - грек отпятил локоть,- два с половиной года назад на острове Хиосе умерла троюродная бабушка второй жены моего брата. Я даже забыл ее имя: не то Миропы Сиони, не то Калиопы Синаки.

Тем временем пассажиры вышли на перрон.

- Но вообще-то, тут страшный кризис,- вдруг спохватился грек,- всюду такой капиталистический гнет. Может быть, вам надо что-нибудь купить? Я могу вас повести. Тут один капиталист обанкротился, знаете, буржуй, и объявил распродажу. Но вы не думайте, что я хочу на вас что-нибудь заработать. Я очень люблю русских. Я сам жил когда-то на Кавказе. Меня зовут Константин Павлидис... А не хотите покупать, то пойдем просто полюбуемся на его разорение.

И, растолкав собравшихся продавцов, размахивавших палками, на которых висели длинные ленты неразрезанных лотерейных билетов, он потащил русских в какой-то магазин. За прилавком стоял пожилой грек, а перед ним лежали тощая стопочка сорочек, какая-то галантерея, соленый миндаль в прозрачных пакетиках, инжир, мушмула и лезвия 'жиллет'. Еще на корабле рассказывали, что в Афинах лезвия стоят неслыханно дешево и что сам господин Жиллет со своими глупыми пушистыми усами не может понять, как это афинские ларьки умудряются торговать его бритвами дешевле, чем они обходятся ему самому. Краснофлотцы тоже удивлялись. Удивлялись и покупали. Вскоре, однако, секрет афинской торговли и промышленности раскрылся. Лезвия были действительно настоящие и дешевые, но ... уже бывшие в употреблении раз по тридцать.

- Ну что?- хохоча спросил Павлидис.- Видели буржуя? Скоро мы их всех передушим. Хотите, я познакомлю вас с нашими? А? Может быть, нужно передать какие-нибудь прокламации, литературу? А?

Остап, конечно, подозревал, что в Афинах не ахти какая передовая охранка, уж во всяком случае не 'Интеллидженс Сервис', но такого простодушия и южной беззаботности все-таки не ждал.

Инженеры, не выдержав такого напора, увлекли Остапа в отходящий автобус. В его заляпанное заднее окно Бендер заметил, что Павлидис шмыгнул в потрепанный 'Форд', где его ждали три молодца, чем-то неуловимо похожие на опекунов Остапа.

Перед президентским дворцом, у могилы неизвестного солдата, под большими полосатыми зонтиками стояли на карауле два евзона в парадных гофрированных юбках, белых оперных трико и чувяках с громадными пушистыми помпонами. На стене, позади могилы, были высечены названия мест, где греческие воины одержали победы. Список начинался чуть ли не с Фермопил и кончался Одессой и Херсоном.

По поводу Фермопил Остап не стал бы вступать в дискуссию с местными историографами, но за

Одессу и Херсон ему стало обидно. В девятнадцатом году он случайно оказался скромным свидетелем победоносных операций греческих интервентов. Ни одна регулярная армия не отступала еще с такой быстротой, галдежем и суетливостью. Интервенты бежали через город в порт, с лихорадочной быстротой продавая по пути коренному населению Одессы английские обмотки, французские винтовки и обозных мулов. Они предлагали даже пушки, однако пресыщенные одесситы вежливо отказывались.

Но здесь Остапу не с кем было поговорить на эту интересную историческую тему. Палило солнце, и белокурые евзоны неподвижно стояли в тени своих зонтов.

В это время в эфире явственно почувствовалось постороннее тело. Это, размахивая шляпой, подбегал Павлидис.

- Любуетесь на наемников капитала?- спросил он задыхаясь.

Инженеры принялись настойчиво рассматривать ступени президентского дворца. Павлидис зашел товарищу Гусеву в тыл и зашептал:

- Хорошо бы его взорвать. А? Хоть одну хорошую бомбочку? А? А то пойдем тут за угол, там такие носки продаются. Даром! Английский товар! А?

Очевидно, Павлидис по совместительству был еще комиссионером какой-то галантерейно-трикотажной фирмы. И обе свои должности он с неслыханным усердием исправлял одновременно. Товарищ Гусев устало махнул на него рукой.

В городе всюду видны были советские моряки. Они шагали парами и группами, раз по двадцать в день расходясь и снова сходясь. Достаточно было им задержаться где-нибудь на несколько минут, как возле них начинались маленькие митинги. Моряки сейчас же удалялись, но толпа уже не расходилась. Появлялись знамена, запевали 'Интернационал', шли бить троцкистов.

Увидя одно из таких шествий, Павлидис, поспешно произнес красивую напыщенную фразу:

- Вот идут мои братья по классу.

И тут же развернулся в сторону ближайшей подворотни.

Видимо, встреча с братьями по классу не входила в его планы.

В двадцати шагах, поджидая Павлидиса, остановился потрепанный 'Форд'.

Вид кумачового шествия и ретирада Павлидиса успокоили 'инженеров'. Эта секундная потеря бдительности стоила им карьеры.

Остап вырвался из дружеского кольца, схватил Павлидиса за ворот и сунул ему брошюру:

- Вот, передайте братьям по классу.

Павлидис жадно впился глазами в 'Ура...(...ОГПУ)!', выхватил носовой платок и, требовательно озираясь, начал промокать шею.

Пассажиры 'Форда' вывалились из машины. Один из них, в полном соответствии с инструкцией, дунул в свисток. Эта оплошность стоила карьеры и им.

Революционный инстинкт бросил толпу рабочих на помощь советским товарищам...

... Остап бежал так же одухотворенно, как две с половиной тысячи лет назад, может быть по той же улице, бежал греческий воин, возвестивший миру Марафонскую победу. Так же, как и древний гонец, ног он не чувствовал. Он чувствовал руки, уставшие в бою. Вернее кулаки, которыми завалил двух пассажиров 'Форда', трех рабочих и товарища Гусева.

Он как будто пролетел эту кривую и грязную подворотню, такую же грязную улицу Фемистокла, промчался мимо кафе 'Посейдон', кино 'Пантеон', меблированных комнат 'Парфенон' и слесарной мастерской 'Аполлон'. Особенно радовало то, что удалось выдернуть из кармана Гусева свой паспорт. Правда, вместе с документами самого Гусева, но от них он избавился еще в подворотне.

Наконец он остановился у кофейни ‘Архимед Сиракузский’.

Через мутное окно Остап разглядел людей за мраморными столиками. Одни играли в нарды, другие резались в карты, бросая их на специальную войлочную подстилку, одни пили кофе из маленьких чашечек, другие - чистую воду, а перед каким-то толстяком, как видно отчаянным кутилой и прожигателем жизни, стояла высокая стопка пива и лежала на блюдечке закуска - большая блестящая маслина с воткнутой в нее зубочисткой. Недолго думая, Остап отодрал от подкладки длинный лоскут, соорудил на рукаве отличительный знак афинских джентльменов и степенно переступил порог.

Когда, через несколько минут, в кофейню заглянул полицейский, Остапа невозможно было отличить в небольшой толпе нардовских болельщиков, страстно цокающих и качающих головами при каждом броске кубиков.

Греческого языка Остап Ибрагимович не знал, но вопрос полицейского о наличии ‘чужих’ понял сразу, ибо, будучи образованным уроженцем Одессы с детства знал слова ‘ксенофобия’ и ‘Понт Евксинский’. Хозяин отрицательно покачал головой и этот жест наполнил душу Остапа гордостью за минутную принадлежность к великому народу, подарившего миру Архимеда Сиракузского.

Часть 3-я

Наследник

Глава 28

‘НОРМАНДИЯ’

В девять часов из Парижа выходит специальный поезд, отвозящий в Гавр пассажиров ‘Нормандии’. Поезд идет без остановок и уже через три часа вкатывается в здание гаврского морского вокзала. Пассажиры выходят на закрытый перрон, поднимаются на верхний этаж вокзала по эскалатору, проходят несколько зал, идут по закрытым со всех сторон сходам и оказываются в большом вестибюле. Здесь они садятся в лифты и разъезжаются по своим этажам. Это уже ‘Нормандия’. Каков ее внешний вид – пассажирам неизвестно, потому что парохода они так и не увидели. Остап последним вошел в лифт и мальчик в красной куртке с золотыми пуговицами изящным движением нажал красивую кнопку. Через несколько минут командор подошел к большому иллюминатору, скорее окну, в своей каюте.

Глубоко внизу, с площадок всех этажей вокзала, провожающие выкрикивали свои последние приветствия и пожелания. Кричали по-французски, по-английски, по-испански. По-русски тоже кричали.

Пароход вышел из гавани. ‘Нормандия’ делала свой десятый рейс между Европой и Америкой. В ресторан Остап пришел раньше времени. Он был чертовски голоден, но причина нарушения

незыблемого корабельного распорядка была в другом. Он знал, что как только его имя появилось в списке пассажиров, метрдотель записал его и в своей копии: 'Стол №... место №...'. Однако, Бендер не любил сидеть:

- а) у входа;
- б) возле оркестра;
- в) в центре зала;
- г) спиной к залу.

Он любил сидеть:

- а) ближе к окну;
- б) с краю;
- в) у сервисного входа;
- г) лицом к залу.

Было еще множество разных нюансов относительно соседей по столу, которые Остап надеялся разрешить в личной беседе с метрдотелем. Тот был человеком сговорчивым и когда зал заполнили пассажиры, рядом с Бендером уселась глухонемая голландская чета со смешной фамилией Бутербродт. Согласно пароходному списку, юный мистер Бутербродт питался в детском зале. Вскоре, помахивая массивной тростью, подошел четвертый пассажир, которого метрдотель охарактеризовал то ли немцем, то ли скандинавом, что позволяло рассчитывать на его молчаливость. Это был краснощекий гигант с клоком рыжей щетины на макушке.

- Гутен абенд!- буркнул он, обведя сидевших кабаньими глазками.

Бутербродты молча, но очень приветливо улыбнулись. Остап на всякий случай промолчал.

Гигант сел. Стул под ним натужно заскрипел.

- Ну и отъелся боров,- бросил Бендер, разглядывая на свет фужер.

- Вы - русский?!- воскликнул 'скандинав'.

Он вскочил и, вытянувшись во фрунт, гаркнул:

- Штабс-капитан Гадинг Густав Карлович.

Тут же он сел, схватил Остапа за руки и сразу же, не теряя ни минуты времени, заговорил:

- В 14-м году я, конечно, исправил фамилию на Гадин. Чтобы было патриотичнее,- пояснил он.- Но недавно восстановил в оригинале. Чтобы не бросаться в глаза.

Затем он поведал, что именно ему было поручено привезти в Сибирь известный приказ Деникина о подчинении его Колчаку.

- Понимаете, мчался на курьерских! С поезда на пароход! С парохода на поезд! С поезда опять на пароход! С парохода опять на поезд! Через Европу, Атлантику, Америку, Тихий океан, Японию, Дальний Восток... Приезжаю мокрый, как цуцик, а Колчака уже нет. Вывели в расход! Ну, я рванул назад. С поезда на пароход, с парохода на поезд, с поезда опять на пароход. Бац! Еще в Америке узнаю: уже и Деникина нет - передал командование Врангелю. Что за черт! Опять я с поезда на пароход, с парохода на поезд. Приезжаю в Париж - уже и Врангеля нет. Ну, думаю, идите вы все куда хотите,- а сам дал задний ход в Америку. Сейчас я путешественник и лектор.

Штабс-капитан вынул толстый портсигар и стал потчевать Остапа русскими папиросами с мундштуком.

- Сам набиваю,- сказал он самодовольно,- гильзы выписываю из Болгарии. Эту американскую дрянь в рот не возьму.- И сейчас же, без всякого перехода сообщил:- Видите кожу на моем лице?

Замечательная кожа, а? Удивительно гладкая и розовая. Как у молочного поросенка. Я вам открою секрет. В шестнадцатом году на фронте под Ковелем мне взрывом снаряда сорвало с лица к чертовой матери всю кожу. Пришлось пересадить кожу с моего же зада. А? Как вам это нравится? Здорово?

Чудо медицины! Замечательная кожа! А? Дамам я, конечно, этого не рассказываю, но вам... кстати, с кем имею честь?

Пришлось представиться.

- Иван Иванович Шпора-Кнутовищев, журналист.

- Вот-вот, вам, как журналисту, рассказал. Только уж, пожалуйста, никому ни слова!

Потом он заставил Остапа подержать его трость.

- Здорово! А?- запальчиво кричал он.- Двадцать два фунта чистого железа! Я после ранения заниматься спортом не могу, так что ношу тросточку, чтоб не ослабели мускулы.

Затем он сообщил, что недавно, перед отъездом в Южную Америку, ему надо было запломбировать сразу семь зубов.

- Абсолютно не было времени! Я, понимаете, так забегался перед отъездом, так устал, что заснул в кресле у дантиста. Просыпаюсь ровно через час - и что бы вы думали?- семь зубов запломбированы.

А я даже и не слышал. Чудо медицины! А?.. Только уж, пожалуйста, сударь, дамам ни гугу!

Впрочем, Остап уже давно не слышал его болтовни.

...Всего две недели назад командор триумфально въехал в Париж в вагоне третьего класса. За неимением в столице Европы самой словоохотливой категории населения - извозчиков, Остап решил обратиться к их материальным и духовным наследникам - шоферам такси. Шагая к стоянке, он проводил ускоренную инвентаризацию своего французского. В сравнении с гимназическим запасом двадцатилетней давности, пахло крупной недостатчей. Он несколько воспрянул духом, вспомнив предисловие к самоучителю, гласившее, что 'практически весь пласт английской культурной лексики заимствован из французского', но тут же сник, поскольку как раз до этого пласта так и не докопался. Тогда, поправ презумпцию невинности, Остап щедро добавил несколько русских слов подозрительного происхождения.

Каково же было его удивление, когда, приблизившись к группе бурно жестикулирующих парижских таксистов, он услышал чистейший мелитопольский говор:

- Не генерал, а полковник!

- Нет, не полковник, а генерал!

- Не только не генерал, но и георгиевский крест сам на себя возложил.

- Ничего подобного! Генерал - и с крестом!

- Нет! Без креста - и полковник!

- Сам полковник!

- От полковника и слышу!

'Да...,- невесело подумал Остап,- не так уж это легко - устроиться в Париже на мелитопольский манер.'

Но русские люди сумели, не поддались губительному влиянию великого города, устояли, пронесли сквозь испытания и бури все, что там полагается проносить.

Выяснилось, что есть даже две газеты. Ну что же, в любом уездном городке тоже было по две газеты. Одна называлась, примерно, 'Голос порядка' и делалась людьми, близкими к кругам жандармского управления, другая была обычно безумно левая, почти якобинская, что не мешало ей, однако, называться весьма осторожно - 'Местная мысль'. Это был отчаянный рупор городской общественности. Не столько, конечно, общественности, сколько владельца местного конфекциона мужского, дамского и детского платья или каких-нибудь мыловаров, объединившихся на почве беззаветной и беспринципной любви к прогрессу.

Значит, есть две газеты: 'Возрождение', так сказать, 'Ля Ренессанс' и 'Последние новости', так

сказать, 'Ле дерньер нувелль'. Различия в политической позиции существенны: 'Ле...' полагается на чудо: 'революция приведет к эволюции, эволюция к контрреволюции'. 'Ля...' призывает действовать немедленно. Но действовать некому.

Казалось бы, обоим этим печатным органам давно следует объединиться, назвавшись, как это ни покажется обидным советским автодоровцам, 'За рулем', потому что читают их преимущественно шоферы такси - эмигранты - на своих стоянках.

Но этого никогда не будет.

Газеты непримиримы. Никогда прямолинейный 'Голос порядка' не опозорит себя соглашением с 'Местной мыслью', мягкотелой и грязно-либеральной.

Разногласие ужасно велико. Идейные позиции подняты на неслыханную принципиальную высоту. Кипит борьба, печатаются сенсационные разоблачения. И потрясенные белые шоферы в волнении давят на парижских улицах ни в чем не повинных французских рантье.

А спор случился вот из-за чего.

'Последние новости' заявили, что генерал Шатилов никакой не генерал, а полковник и генеральский чин возложил на себя сам, без посторонней помощи.

'Возрождение' заволновалось. Это что же такое? Большевистская самокритика?

Нет, генерал! И не сам на себя возложил, а на него возложили. И есть документы и свидетели. Но документов 'Возрождение' почему-то не предъявило и свидетелей не показало.

В дело впутался Деникин.

'Милостивый государь, господин редактор. Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты...'

Одним словом, конечно, не генерал. Вылитый полковник.

Но 'Возрождение' притащило какого-то своего бородача. Он весь был в лампадах, эполетах и ломбардных квитанциях на заложенные ордена. Глаза его светились голодным блеском.

'Милостивый государь, господин редактор. Позвольте через посре...'

Лампасы утверждали, что своими глазами видели, как Шатилова производили в генералы. И они клялись, что это было волнующее зрелище. Даже солдатики, эти серые герои, якобы плакали и якобы говорили, что за таким генералом пойдут куда угодно, хоть в огонь, хоть в воду, хоть в медные музыкантские трубы.

Драка на кухне разгоралась. Приводились статуты, постановления георгиевской думы, приносили какие-то справки от воинских начальников, дышали гневом и божились.

'Позвольте через посредство вашей уважаемой газете...'

Тоскливо русским в Париже, безрадостно. Случаются, конечно, события и даже праздники. Но и они отмечаются как-то приниженно, провинциально. Как в бедной штабс-капитанской семье.

Здесь - двенадцать незамужних дочерей и не мал мала меньше, а некоторым образом бол бола больше.

И вот наконец повезло: выдают замуж самую младшую, тридцатидвухлетнюю. На последние деньги покупается платье, папу два дня вытрезвляют, и идет он впереди процессии в нафталиновом мундире, глядя на мир остолбенелым взглядом. А за ним движутся одиннадцать дочерей, и до горечи ясно, что никогда они уже не выйдут замуж, что младшая уедет куда-то по железной дороге, а для всех остальных жизнь кончилась.

Но вот отликовали русские парижане, догорели огни, облетела чековая книжка, начались провинциальные парижские будни. 'Чашка чаю у полтавских кадетов. Рю такая-то. Остановка метро Клиши. Вход бесплатный. На покрытие расходов 3 франка'.

Ну и что же? Чай выпили, чашку украли. Расходов не покрыли. И вообще перессорились за чашкой.

Тоска...

Правда, одно время спасало чудовище озера Лох-Несс.

О чудовище обе газеты писали с трогательным постоянством каждый день. Оно появилось в шотландском озере и там обитало. Оно было очень большое, страшное, горбатое, допотопное и выходило на сушу, чтобы есть баранов, а затем играть при лунном свете. К людям чудовище относилось недоверчиво, особенно к журналистам, и при виде их с шумом погружалось в воду. Через два месяца шумов, всплесков и погружений пора было переходить на новую тематику, перестраиваться.

И тут, как нельзя кстати бежавший из 'большевицких застенков' соотечественник напомнил, что кроме домашней склоки по поводу чинов и орденов, кроме общественных чашек чаю и подозрительных ихтиозавров есть главная тема - Совдепия. Соотечественник, скрывавшийся от 'длинных лап ЧК' под псевдонимом 'Петергофский гренадер' поведал на страницах 'Возрождения' о том, что большевики до сих пор крестятся, вспоминая об ужасных поражениях, нанесенных им генералом Шатиловым, а так-же сообщил о том, что комиссары раздувают страхи, связанные с Лох-Несским чудовищем, дабы оправдать строительство новых крейсеров на Балтийском море. В ответ на это в 'Последних новостях' появилась статья некоего 'Ораниенбаумского драгуна', также по счастливому совпадению бежавшего на днях из 'большевицкого вертепа'. Драгун рассказал о том, что в вышедшей недавно совдеповской истории гражданской войны полковник Шатилов упоминается лишь вскользь. Далее сообщалось о том, что комиссары утаивают от народа правду о Лох-Несском чудовище, дабы сдержать его, народа, просвещение.

Через неделю обе газеты сообщили, что отправляют своих корреспондентов, соответственно 'Петергофского гренадера' и 'Ораниенбаумского драгуна' в Североамериканские Соединенные Штаты, и что читателей ожидает грандиозная сенсация.

...Преисполненный гордости за вверенную ему тайну, редактор 'Ля...' подписывал редакционные удостоверения и платежные документы на имя Ивана Ивановича Шпора-Кнutowищева:

- С богом, ваше сиятельство!- прослезившись, он обнял Бендера.

Он несказанно удивился бы, если узнал, что час назад теми же словами графа-инкогнито (по редакционным документам и платежным ведомостям Петра Петровича Сбруя-Голенищева) напутствовал редактор 'Ле...'...

Глава 29

КОРОЛЕВА ТАНГО БЕЛОСТОКСКОГО ВОЕВОДСТВА

Накануне прихода в Нью-Йорк состоялся парадный обед.

- Ну ладно, демонстрации трудящихся на верхней палубе я не требую,- недовольно сказал Остап, внимательно изучив меню.- Но в чем же праздник?

- А вон там, в самом низу,- услужливо подсказал Гадинг,- видите: 'окра'. В аккурат рюмочку водки закусить.

В это время официант положил на стол бумажные корсарские шляпы, хлопушки, значки в виде голубой ленты с надписью 'Нормандия' и бумажники из искусственной кожи тоже с маркой трансатлантической компании.

- Нет-нет,- отмахнулся Остап.- Я принципиально не ношу бумажных головных уборов. Хватит с меня афинских лезвий 'Жиллет'.

Официант перевел беспокойный взгляд на Гадинга.

- Это всего лишь сувениры,- поспешил объяснить штабс-капитан. Раздают в конце путешествия, чтобы уберечь пароходный инвентарь от разграбления. Вы представить себе не можете, сколько людей одержимо психозом собирания сувениров. Особенно американцев. Тащат ножи, вилки, ложки, даже тарелки, пепельницы и графины. Так что выгоднее подарить значок в петлицу...

Тем временем Бутербродты с деловым видом надели на головы пиратские шляпы, разрядили хлопушки и приколотили к груди значки. Как видно, они считали своим долгом добросовестно воспользоваться благами, полагавшимися им по билету.

- Ну и чем же, дорогой Иван Иванович, думаете заняться в Североамериканских Соединенных Штатах? О чем, собственно писать?- продолжал краснощекий гигант после обеда.

- Хорошо бы роман написать из жизни индейцев,- не думая, ответил Остап.- Чудное название для романа - 'Индианка с собачкой'. Знакомые одобряют.

- Недурно, недурно,- промурлыкал Гадинг.- Но начинать-то надо с публицити. Как бы это по-русски сказать, без публицити нет просперити.

- Без чего нет чего?!- изумился Бендер.

- Ну, публицити - вроде как известность, знаменитость. А просперити - стало быть, удача в делах, процветание,- обрадованный тем, что быстро смог найти соответствия в русском языке, Гадинг продолжал.- Подумаешь, корреспондент парижской газеты! Это в Европах Париж - столица. А для американцев это провинциальный городок. Вам нужно здорово потрудиться, чтобы попасть хотя бы на 10-ю страницу вечерних газет. Кстати, не удивляйтесь, когда вас спросят, как там погода в Иллинойсе или Техасе. Там тоже есть свои Парижи. Их в Америке штук пятнадцать...

- Впрочем, вас не спросят. Извините, но ваш английский... Придется, как говорят сейчас в России, взять над вами шефство,- Гадинг засмеялся.- И за анкеты вы еще не брались, а завтра будет не до этого. Надо, батенька, надо, надо, надо, надо.

Остап с опаской посмотрел на штабс-капитана, вздохнул и отправился в каюту заполнять громадные въездные анкеты, выданные ему на корабле. Среди наиболее выдающихся перлов американской бюрократии можно было прочесть:

'Покрыты ли вы струпьями?', 'Идиот ли вы?', 'Дефективны ли вы?', 'Анархист ли вы?'...

Вскоре началась мелкобуржуазная самодеятельность. Пассажиры собрались в салоне. Потушили свет и навели прожектор на маленькую эстраду, куда, дрожа всем телом, вышла изможденная девица в серебряном платье. Оркестр, составленный из профессионалов, смотрел на нее с жалостью. Публика поощрительно зааплодировала. Девица конвульсивно открыла рот и сразу же его закрыла. Оркестр терпеливо повторил интродукцию. В предчувствии чего-то ужасного, зрители старались не смотреть друг на друга. Вдруг девушка вздрогнула и запела. Она пела известную песенку 'Говори мне о любви', но так тихо и плохо, что нежный призыв никем не был услышан. В середине песни девица неожиданно убежала с эстрады, закрыв лицо руками. На эстраде появилась другая певица, еще более изможденная. Она была в глухом черном платье, но босая. На лице ее был написан ужас. Это была босоножка-любительница. Зрители начали воровато выбираться из зала.

Распорядитель поспешил объявить, что этот номер последний и вслед за ним начнутся танцы, но Остап уже был на палубе и жадно вдыхал свежий соленый воздух. Шторм усиливался. Маленький грузовой пароход с трудом пробирався к американскому берегу. Иногда он исчезал за волной, и были видны только кончики его мачт. Иногда его подбрасывало выше 'Нормандии'. Один раз Остап чуть было не прочитал его название, но успел разобрать только две первые буквы: 'St...'. Бендеру всегда казалось, что океанская дорога между Старым и Новым светом очень оживлена, что то и дело навстречу попадают веселые пароходы, с музыкой и флагами. Оказалось же, что океан - штука величественная и пустынная, и пароходик, который штормовал в сотнях миль от ближайшего берега,

был единственным кораблем, который он увидел за пять дней пути.

‘Нормандия’ раскачивалась медленно и важно. Она шла, почти не уменьшив хода, уверенно расшвыривая высокие волны, которые лезли на нее со всех сторон, и только иногда отвешивала океану равномерные поклоны. Это не было борьбой мизерного создания человеческих рук с разбушевавшейся стихией. Это была схватка равного с равным.

Остап поискал глазами парходик. Тот безнадежно отстал. И тут Бендер вспомнил что-то очень далекое. Настолько далекое, что в обычных условиях человек удивляется тому, что смог такое вспомнить. Впрочем, в обычных условиях такое и не вспоминается.

...Он бежал вдоль канавы за своим корабликом. Он в первый раз сам сложил его из листка бумаги. Кораблик получился неуклюжим, сильно намок и потому все время цеплялся за травинки, кружил в водоворотах. Товарищи убежали далеко вперед. Их корабли были большими, красивыми, а один – даже настоящим, из дерева и с парусами. Было так интересно смотреть, как он разрезал воду, как бегали по палубе два муравья - капитан и матрос. Он начал злиться на свой кораблик, беспомощно тыкавшийся то вправо, то влево (и даже назад), на своего капитана, трусливо забравшегося на бумажную мачту. Ему очень хотелось быть там, рядом с настоящим кораблем, в тот момент, когда его поднимут из воды и покажут девочкам. И он оказался там. Он даже один раз дотронулся до него. Потом он долго, до самой ночи искал свой кораблик. Искал ниже и даже выше по течению, но не нашел...

Остап бросился на корму. Он беспричинно, по-детски испугался за этот грузовой парходик. Он перепрыгивал через ящики, в три прыжка поднимался и спускался по лестницам. Если бы он мог оказаться сейчас на этом парходике! Бороться за него. Командовать своими матросами. Или бросать уголь в топку. Или даже готовить обед для уставших товарищей.

И страшно беспокоило то, что он не разглядел названия: ‘St...’

Впереди была решетка. И тут на мгновение Остап увидел его. Парходик мирно пыхтел в четверти мили за кормой ‘Нормандии’.

Бендер вцепился в прутья. И почувствовал чьи-то тонкие холодные пальцы. За решеткой стояла девушка. Она не пыталась освободить руку и спокойно, чуть насмешливо смотрела на Остапа.

Командор опешил:

- Что вы здесь делаете?- спросил он по-русски.

- Танго,- девушка показала в сторону салона.

- Вы - русская?!

- Поляка,- улынулась девушка.- Поляки тоже любят танго.

- Я не это...

- Еще поляки любят шутить,- перебила девушка.- Тихо!.. Красиво, правда? Когда танцуешь это танго, плечи надо держать вот так...

Она была чертовски красива.

- В чем же дело? Разрешите вас пригласить...- Остап огляделся.

- Здесь нет входа,- девушка, полузакрыв глаза, следила за мелодией. Не наслаждалась, как это делают, сидя в кресле, а именно следила, слыша, скорее, не звучащую еще, а уже следующую фразу.- Я - третий класс,- продолжала она спокойно,- и не должна стоять даже здесь.

Остап отпустил руку девушки и поправил галстук:

- Остап Бендер... граф Средиземский,- он откашлялся,- журналист. Еду в Америку за дядиным наследством. Разрешите повторить свое приглашение?

Девушка сделала изящный книксен:

- Тереза Жулавска, это мое единственное имя. Королева танго Белостокского воеводства. Еду покорять Америку. Я принимаю ваше приглашение.- Она повернулась вполборота и подала правую руку.

Командор деланно удивился:

- Поляки танцуют танго под руку?- Он шагнул вплотную к решетке, приложив к ней щеку и обе ладони: левую вытянул вперед, а правую поставил у бедра. Тереза поняла и сделала то же. Бендер повел партнершу и каждый раз, когда на долю секунды их пальцы расставались, чтобы тут же безошибочно встретиться вновь за прутком решетки, ему казалось, что руки Терезы становятся теплее. Решетки больше не существовало. Она прижималась спиной к его груди, падала на его руку, он сжимал ее талию, поддерживал ее спину...

Из-за спины Терезы, послышался резкий, неприятный голос:

- What's the matter?! You've been warned, ma'am! I won't have it! You'll be sorry!

Остап попытался удержать руку девушки.

- Не кипятись, папаша! Тебе только в советской гостинице служить. Ну, что поделаешь, иди сюда. Долларз, франкс энд но проблем, о'кей?.. Тереза, не исчезайте! Я найду вас в порту!

Утром палубы покрылись чемоданами и сундуками, выгруженными из кают. Пассажиры перешли на правый борт и, придерживая руками шляпы, жадно всматривались в горизонт. Берега еще не было видно, а нью-йоркские небоскребы уже поднимались прямо из воды, как спокойные столбы дыма.

- Пожалуй, Нью-Йорк действительно город контрастов,- сказал Гадинг, прогуливаясь рядом с Бендером,- и самый поразительный контраст - после пустоты океана вдруг сразу самый большой город мира...

Пароход уже швартовался у пристани 'Френч Лайн', когда Остап снова подошел к той решетке. Ни одного пассажира третьего класса поблизости не было видно. Сам собой сочинился афоризм: 'У свободы и неволи один символ -

решетка: все зависит от точки зрения.'

'Впрочем, здесь что-то не так,- подумал Бендер,- ведь я тоже не могу пройти к ней.'

Через полчаса он беспокойно вертелся под большой железной буквой, с которой начиналась его благородная фамилия, подтвержденная серпасто-молоткастым документом. Наконец подошел таможенный чиновник. Его нисколько не волновало то, что Остап пересек океан, чтобы показать ему свой чемодан. Он вежливо коснулся пальцами верхнего слоя, затем высунул свой язык, самый обыкновенный, мокрый, ничем технически не оснащенный язык, смочил им большой ярлык и наклеил его на чемодан.

Подошел Гадинг.

- Ну что? Где этот ваш Спиваковский или как там его?- фыркнул он.- Не приехал? Так я и знал! А что еще ждать от красноперого жида?.. (На второй день пути Остап отправил Спиваку телеграмму: 'Прибываю Нью-Йорк 'Нормандией'. Наследник ордена Золотого Руна'. Гадинг взялся написать адрес 'на американский манер'.) Ну что, вперед? Три дня на разграбление Нью-Йорка?

- Пардон,- ответил Остап.- Я имею встретить своего секретаря.

- Секретаря?- забеспокоился Гадинг.- Кто? Откуда?!

- По конспиративно-этическим соображениям она ехала другим классом...

- Вторым?- округлил глаза Гадинг.

- Третьим,- прищурился командор.

- О, это слишком долго ждать. Вы ее наняли в Париже?

- Скорее, на корабле...

- Понимаю, понимаю...- Гадинг озабоченно потер свою щетину.- Решено. Давайте мне ее имя и мы постараемся вытянуть ее пораньше.

- Тереза Жулавска,- сказал Бендер, хотя и почувствовал что-то довольно неприятное в тоне штабс-капитана.

- Ох уж эти мне полячки, после них одни болячки,- ляпнул Гадинг, но тут же спохватился.- Я хотел сказать, сколько русских дворян они погубили... Момент. Ждите здесь.

‘Карнера! Бу-у! Иль гиганте!’- раздался многоголосый рев и стадо журналистов, подталкивая и отталкивая друг друга, бросилось навстречу огромному, похожему на недостроенный готический собор, человеку, который, однако, был одет в роскошный, как у куртизанки, шелковый халат. На руках у него были боксерские перчатки.

- Карнера! За сколько раундов ты уложишь француза?

- Иль Гиганте, сколько ты запросишь за бой с ‘Бизоном’ Билли?

- Карнера, ты хочешь выступить в Чикаго?

На все вопросы боксер отвечал скромной лошадиной улыбкой. Очевидно, импрессарио, выдумавший выход к публике в халате и перчатках, хорошо над ним поработал.

- Карнера! Как тебе нравятся американки?- спросила маленькая рыжеволосая бестия с блокнотом. Боксер остановился, сгреб девушку и поцеловал ее под одобрителный вой журналистской братии. Вернулся Гадинг.

- Увы!- сказал он.- Оформление третьего класса начнется не ранее, чем через два часа. Но я тут кое с кем договорился - доставят вашу секретаршу в отель. А мы тем временем...

Глава 30

КОЛУМБ ПРИЧАЛИВАЕТ К БЕРЕГУ

Белый такси-кеб с тремя светящимися фонариками на крыше повлек командора в отель. Остап беспокойно ерзал. Его мучала мысль, что Гадинг с каким-то злодейским умыслом или ради забавы запихнул его в шутовской, архаический таксомотор. Но, трусливо выглянув в окно, он увидел, что во всех направлениях несутся машины с такими же дурацкими фонариками, самых вызывающих цветов: оранжевого, канареечного и белого.

- Эй, дружище,- штабс-капитан энергично хлопнул водителя по плечу,- давай через Бродвей.

Шофер радостно закивал головой. Это сулило ему несколько лишних долларов.

...Иногда что-то адски гудело под ногами, а иногда что-то грохотало над головой. Перекрывая шум, в самое ухо весело ревел Гадинг:

- Ну как вам Нью-Йорк? То, что сверху - это надземная железная дорога - ‘элевейтед’. А то, что снизу - это подземка, ‘собвей’.

Из каких-то люков, вделанных в мостовую и покрытых круглыми металлическими крышками, пробивался пар. Красные огни реклам бросали на него оперный свет. Казалось, вот-вот люк раскроется и оттуда вылезет Мефистофель и, откашлявшись, запоем басом: ‘При шпаге я, и шляпа с пером, и денег много, и плащ мой драгоценен’.

Бродвей возник так же неожиданно, как сам Нью-Йорк возникает из беспредельной пустоты Атлантического океана.

Многие годы верхом электрического безумия Остапу казалась елка на рождество девятого года в Одессе. Впервые в истории города елка была украшена электрической гирляндой. Ее соорудил

городской изобретатель и дурачок Иммануил Бабский. Деньги на проект в размере трехсот рублей выделил купец 2-ой гильдии и меценат Африкан Доброхотько, которого благодарные одесситы после этого также зачислили в 'ыдиоты'. Электричество для Остапа стояло тогда в одном ряду с шарманкой, балеринами и леденцами-монпасье. Но он никогда не думал, что его можно низвести (или поднять, если угодно) до уровня дрессированного животного в цирке. Здесь его заставили кривляться, прыгать через препятствия, подмигивать, отплясывать. Электрический парад никогда не прекращается. Огни реклам вспыхивают, вращаются и гаснут, чтобы сейчас же снова засверкать; буквы, большие и маленькие, белые, красные и зеленые, бесконечно убегают куда-то, чтобы через секунду вернутся и возобновить свой неистовый бег.

- Ну что, журналист? А?- снова прокричал штабс-капитан.- Добавь сюда еще одну лампочку и все взорвется к чертям собачьим!

- Некуда!- крикнул в ответ Остап.

- Что некуда?- не понял Гадинг.

- Некуда эту лампочку воткнуть!..

- Стой!- сказал вдруг штабс-капитан шоферу, увидев какую-то вывеску.- Отвези багаж в отель, пока мы будем... в театре, и жди нас здесь.

Шофер кивнул и уехал, а Бендер и Гадинг спустились по темной лестнице в полумрак.

Грохотал джаз, по мере способности подражая шуму надземной дороги. По сцене мелко семенила девица, на ходу сбрасывая с себя одежды. Джаз вдруг закудахтал, музыка оборвалась, и девушка с постельным визгом убежала за кулисы. Публика, наполнявшая зал, восторженно зааплодировала. На авансцену вышел конферансье, мужчина атлетического вида в смокинге, и внес деловое предложение:

- Поаплодируйте сильнее и она снимет с себя еще что-нибудь.

Раздался взрыв рукоплесканий и исполнительница снова прошла через сцену, жертвуя тем немногим, что у нее еще осталось от ее обмундирования.

Войдя в свой номер, Остап принялся отыскивать выключатель и долгое время не мог понять, как здесь включается электричество. Он бродил по комнатам сперва впотьмах, потом жег спички. При этом он вспоминал Бродвей и отвратительно ругался. Он обшарил все стены, исследовал двери и окна, но выключателя нигде не было. Несколько раз он приходил в отчаяние и садился отдохнуть на пол.

Вспомнив какой-то роман из жизни миллионеров, он исследовал пол. После этого решил взяться за потолок. По всем правилам детективной науки, он придвинул стол поближе к двери и забрался на него.

В это время дверь отворилась и в комнату влетел Гадинг:

- Это ужа...- крикнул он. Конец фразы утонул в грохоте и треске.

Через минуту, морщась и покрываясь, Гадинг дергал тонкую цепочку, висевшую у самой лампы.

- Это просто,- пояснял он.- Дернешь - зажжется, снова дернешь - потухнет.

- Вы сказали 'это ужасно'?- спросил Бендер.

- Нет-нет, я сказал: 'Это просто'. Дернешь...

- Не сейчас. Когда вошли...

- Ах, когда вошел!- Гадинг всплеснул руками.- Это ужасно! Вашу секретаршу найти не удалось. Тот идиот, которому я поручил это дело, забыл ее фамилию и написал на пейдж-борде, ну мелом на грифельной доске,- пояснил он,- что просит откликнуться секретаршу господина Шпора-Кнутовищева.

- На пейдж-борде,- тупо повторил Остап.
- Да, на пейдж-борде.
- Мелом?
- М-мелом,- растерянно подтвердил штабс-капитан.
- По-английски...
- Уж разумеется,- розовощекий гигант быстро замигал белесыми ресницами.
- Кнутовищев,- сказал Остап сам себе.- 'Щ' - 'shch'. Понятно. Спасибо, anyway. Я хотел бы поспать.
Гадинг ушел. Постель не была приготовлена на ночь и Бендер стал искать кнопку звонка, чтобы вызвать горничную. Кнопки не было. Он ходил по комнате, дергая за все подозрительные шнуры. Но это не помогало.
Когда свалившийся карниз больно ударил его по голове, великий комбинатор покорно вернулся к кровати и, не раздеваясь, свалился на нее.
На комод, стоявшем рядом, он увидел толстенькую книгу в черном переплете. Он протянул руку. Книга оказалась Библией. На первой странице было оглавление, специально составленное заботливой администрацией для деловых постояльцев, время которых чрезвычайно ограничено:
'Для успокоения душевных сомнений - страница такая-то, текст такой-то.
При семейных неприятностях - страница такая-то, текст такой-то.
При денежных затруднениях - страница, текст.
Для успеха в делах - страница, текст.'
Эта страница была немного засалена.
Остап отложил книгу и закрыл глаза.

- Земля, земля!- радостно закричал матрос, сидевший на верхушке мачты.
Тяжелый, полный тревог и сомнений путь Христофора Колумба был окончен. Впереди виднелась земля. Колумб дрожащими руками схватил подзорную трубу.
- Я вижу большую горную цепь,- сказал он товарищам по плаванию.- Но вот странно: там прорублены окна. Первый раз вижу горы с окнами.
- Пирога с туземцами!- раздался крик.
Размахивая шляпами со страусовыми перьями и волоча за собой длинные плащи, открыватели новых земель бросились к подветренному борту.
Два туземца в странных зеленых одеждах поднялись на корабль и молча сунули Колумбу большой лист бумаги.
- Я хочу открыть вашу землю,- гордо сказал Колумб.- Именем испанской королевы Изабеллы объявляю эти земли принадлежа...
- Все равно. Сначала заполните анкету,- устало сказал туземец.- Напишите свое имя и фамилию печатными буквами, потом национальность, семейное положение, сообщите, нет ли у вас трахомы, не собираетесь ли вы свергнуть американское правительство, а также не идиот ли вы.
Колумб схватился за шпагу. Но так как он не был идиотом, то сразу успокоился.
- Нельзя раздражать туземцев,- сказал он спутникам.- Туземцы как дети. У них иногда бывают очень странные обычаи. Я это знаю по опыту.
- У вас есть обратный билет и пятьсот долларов?- продолжал туземец.
- А что такое доллар?- с недоумением спросил великий мореплаватель.
- Как же вы только что указали в анкете, что вы не идиот, если не знаете, что такое доллар? Что вы хотите здесь делать?
- Хочу открыть Америку.

- Так бы сразу и сказали. А публисити у вас будет?

- Публисити? В первый раз слышу такое слово.

Туземец долго смотрел на Колумба проникновенным взглядом и наконец сказал:

- Вы не знаете, что такое публисити?

- Н-нет.

- И вы собираетесь открыть Америку? Я не хотел бы быть на вашем месте, мистер Колумб.

- Как? Вы считаете, что мне не удастся открыть эту богатую и плодородную страну? - забеспокоился великий генуэзец.

Но туземец уже удалялся, бормоча себе под нос:

- Без публисити нет просперити.

В это время каравеллы уже входили в гавань. Осень в этих широтах была прекрасная. Светило солнце, и чайка кружилась над кормой. Глубоко взволнованный, Колумб вступил на новую землю, держа в одной руке скромный пакетик с бусами, которые он собирался выгодно сменить на золото и слоновую кость, а в другой - громадный испанский флаг. Но куда бы он ни посмотрел, нигде не было видно земли, почвы, травы, деревьев, к которым он привык в старой, спокойной Европе. Всюду были камень, асфальт, бетон, сталь.

Огромная толпа туземцев неслась мимо него с карандашами, записными книжками и фотоаппаратами в руках. Они окружали сошедшего с соседнего корабля знаменитого борца, джентльмена с расплюснутыми ушами и невероятно толстой шеей. На Колумба никто не обращал внимания. Подошли только две туземки с раскрашенными лицами.

- Что это за чужак с флагом? - спросила одна из них.

- Это, наверно, реклама испанского ресторана, - сказала другая.

И они тоже побежали смотреть на знаменитого джентльмена с расплюснутыми ушами.

Водрузить флаг на американской почве Колумбу не удалось. Для этого ее пришлось бы предварительно бурить пневматическим сверлом. Он до тех пор ковырял мостовую своей шпагой, пока ее не сломал. Так и пришлось идти по улицам с тяжелым флагом, расшитым золотом. К счастью, уже не надо было нести бусы. Их отобрали на таможне за неуплату пошлины.

Сотни тысяч туземцев мчались по своим делам, ныряли под землю, пили, ели, торговали, даже не подозревая о том, что они открыты.

Колумб с горечью подумал: 'Вот. Старался, добывал деньги на экспедицию, переплывал бурный океан, рисковал жизнью - и никто не обращает на меня внимания'.

Он подошел к туземцу с добрым лицом и гордо сказал:

- Я Христофор Колумб.

- Как вы говорите?

- Христофор Колумб.

- Скажите по буквам, - нетерпеливо молвил туземец.

Колумб сказал по буквам.

- Что-то припоминаю, - ответил туземец. - Торговля портативными механическими изделиями?

- Я открыл Америку, - неторопливо сказал Колумб.

- Что вы говорите! Давно?

- Только что. Какие-нибудь пять минут тому назад.

- Это очень интересно. Так что же вы, собственно, хотите, мистер Колумб?

- Я думаю, - скромно сказал великий мореплаватель, - что имею право на некоторую известность.

- А вас кто-нибудь встречал на берегу?

- Меня никто не встречал. Ведь туземцы не знали, что я собираюсь их открыть.

- Надо было дать кабель. Кто же так поступает? Если вы собираетесь открывать новую землю, надо вперед послать телеграмму, приготовить несколько веселых шуток в письменной форме, чтобы раздать репортерам, приготовить сотню фотографий. А так у вас ничего не выйдет. Нужно публисити.

- Я уже второй раз слышу это странное слово - публисити. Что это такое? Какой-нибудь религиозный обряд, языческое жертвоприношение?

Туземец с сожалением посмотрел на пришельца.

- Не будьте ребенком,- сказал он.- Публисити - это публисити, мистер Колумб. Я постараюсь что-нибудь для вас сделать. Мне вас жалко.

Он отвел Колумба в гостиницу и поселил его на тридцать пятом этаже. Потом оставил его одного в номере, заявив, что постарается что-нибудь для него сделать.

Через полчаса дверь отворилась, и в комнату вошел добрый туземец в сопровождении еще двух туземцев. Один из них курил сигару, а другой, который что-то беспрерывно жевал, расставил треножник, укрепил на нем фотографический аппарат и сказал:

- Улыбнитесь! Смейтесь! Ну! Не понимаете? Ну, сделайте так: 'Га-га-га!' - и фотограф с деловым видом оскалил зубы и заржал, как конь.

Нервы Христофора Колумба не выдержали, и он засмеялся истерическим смехом. Блеснула вспышка, щелкнул аппарат, и фотограф сказал: 'Спасибо'.

Тут за Колумба взялся туземец с сигарой. Он вынул карандаш и сказал:

- Как ваша фамилия?

- Колумб.

- Скажите по буквам. Ка, О, Эл, У, Эм, Бэ? Очень хорошо, главное - не перепутать фамилии. Как давно вы открыли Америку, мистер Камерон? Сегодня? Очень хорошо. Как вам понравилась Америка?

- Видите ли, я еще не мог получить полного представления об этой плодородной стране.

Репортер тяжело задумался.

- Так. Тогда скажите мне, мистер Коллинз, какие четыре вещи вам больше всего понравились в Нью-Йорке?

- Видите ли, я затрудняюсь...

Репортер снова погрузился в тяжелые размышления: он привык интервьюировать боксеров и кинозвезд, и ему трудно было иметь дело с таким неповоротливым и туповатым типом, как Колумб. Наконец он собрался с силами и выжал из себя еще один вопрос:

- Тогда скажите, мистер Колман, две вещи, которые вам не понравились.

Колумб издал ужасный вздох. Так тяжело ему еще никогда не приходилось. Он вытер пот и робко спросил своего друга-туземца:

- Может быть, можно все-таки обойтись как-нибудь без публисити?

- Вы с ума сошли,- сказал добрый туземец, бледнея.- То, что вы открыли Америку, еще ничего не значит. Важно, чтобы Америка открыла вас.

Репортер произвел гигантскую умственную работу, в результате которой был произведен на свет новый, блестящий оригинальностью вопрос:

- Как вам нравятся американки?

Не дожидаясь ответа, он стал что-то быстро записывать. Иногда он вынимал изо рта горящую сигару и закладывал ее за ухо. В освободившийся рот он клал карандаш и вдохновенно смотрел на потолок. Потом снова продолжал писать. Потом он сказал 'о'кей', похлопал растерявшегося Колумба по бархатной, расшитой галунами спине, потряс его руку и ушел.

- Ну, теперь все в порядке,- сказал добрый туземец,- пойдём погуляем по городу. Раз уж вы открыли страну, надо её посмотреть. Только с этим флагом вас на Бродвей не пустят. Оставьте его в номере. Прогулка по Бродвею закончилась посещением тридцатипятицентového бурлеска, откуда великий и застенчивый Христофор выскочил, как ошпаренный кот. Он быстро помчался по улицам, задевая прохожих полами плаща и громко читая молитвы. Пробравшись в свой номер, он сразу бросился в постель и под грохот надземной железной дороги заснул тяжелым сном.

Рано утром прибежал покровитель Колумба, радостно размахивая газетой. На восемьдесят пятой странице мореплаватель с ужасом увидел свою оскаленную физиономию. Под физиономией он прочел, что ему безумно понравились американки, что он считает их самыми элегантными женщинами в мире, что он является лучшим другом эфиопского негуса Селасси, а также собирается читать в Гарвардском университете лекции по географии.

Благородный генуэзец раскрыл было рот, чтобы поклясться в том, что он никогда этого не говорил, но тут появились новые посетители.

Они не стали терять времени на любезности и сразу приступили к делу. Публисити начало оказывать свое магическое действие:

Колумба пригласили в Голливуд.

- Понимаете, мистер Колумб,- втолковывали новые посетители,- мы хотим, чтобы вы играли главную роль в историческом фильме 'Америго Веспуччи'. Понимаете, настоящий Христофор Колумб в роли Америго Веспуччи – это может быть очень интересно. Публика на такой фильм пойдет. Вся соль в том, что диалог будет вестись на бродвейском жаргоне. Понимаете? Не понимаете? Тогда мы вам сейчас все объясним подробно. У нас есть сценарий. Сценарий сделан по роману Александра Дюма 'Граф Монте-Кристо', но это не важно, мы ввели туда элементы открытия Америки.

Колумб пошатнулся и беззвучно зашевелил губами, очевидно читая молитвы. Но туземцы из Голливуда бойко продолжали:

- Таким образом, мистер Колумб, вы играете роль Америго Веспуччи, в которого безумно влюблена испанская королева. Он в свою очередь так же безумно влюблен в русскую княгиню Гришку. Но кардинал Ришелье подкупает Васко де Гаму и при помощи леди Гамильтон добивается посылки вас в Америку. Его адский план прост и понятен. В море на вас нападают пираты. Вы сражаетесь, как лев. Сцена на триста метров. Играть вы, наверное, не умеете, но это не важно.

- Что же важно?- застонал Колумб.

- Важно публисити. Теперь вас публика уже знает, и ей будет очень интересно посмотреть, как такой почтенный и ученый человек сражается с пиратами. Кончается тем, что вы открываете Америку. Но это не важно. Главное - это бой с пиратами. Понимаете, алебарды, секиры, катапульты, греческий огонь, ятаганы,- в общем, средневекового реквизита в Голливуде хватит. Только вам надо будет побриться. Никакой бороды и усов! Публика уже видела столько бород и усов в фильмах из русской жизни, что больше не сможет этого вынести. Значит, сначала вы побреетесь, потом мы подписывает контракт на шесть недель. Согласны?

- О'кей!- сказал Колумб, дрожа всем телом.

Поздно вечером он сидел за столом и писал письмо королеве испанской:

'Я объехал много морей, но никогда еще не встречал таких оригинальных туземцев. Они совершенно не выносят тишины и, для того чтобы как можно чаще наслаждаться шумом, построили во всем городе на железных столбах особые дороги, по которым день и ночь мчатся железные кареты, производя столь любимый туземцами грохот.

Занимаются ли они людоедством, я еще не выяснил точно, но, во всяком случае, они едят горячих

собак. Я своими глазами видел много съестных лавок, где призывают прохожих питаться горячими собаками и восхваляют их вкус.

От всех людей здесь пахнет особым благовонием, которое на туземном языке называется 'бензин'. Все улицы наполнены этим запахом, очень неприятным для европейского носа. Даже здешние красавицы пахнут бензином.

Мне удалось установить, что туземцы являются язычниками: у них много богов, имена которых написаны огнем на их хижинах. Больше всего поклоняются, очевидно, богине Кока-кола, богу Драгист-сода, богине Кафетерии и великому богу бензиновых благовоний - Форду. Он тут, кажется, вроде Зевеса.

Туземцы очень прожорливы и все время что-то жуют.

К сожалению, цивилизация их еще не коснулась. По сравнению с бешеным темпом современной испанской жизни американцы чрезвычайно медлительны. Даже хождение пешком кажется им чрезмерно быстрым способом передвижения. Чтобы замедлить этот процесс, они завели огромное количество так называемых автомобилей. Теперь они передвигаются со скоростью черепахи, и это им чрезвычайно нравится.

Меня поразила один обряд, который совершается каждый вечер в местности, называемой Бродвей. Большое число туземцев собирается в большой хижине, называемой бурлеск. Несколько туземок по очереди поднимаются на возвышение и под варварский грохот тамтамов и саксофонов постепенно снимают с себя одежды. Присутствующие бьют в ладоши, как дети. Когда женщина уже почти голая, а туземцы в зале накалены до последней степени, происходит самое непонятное в этом удивительном обряде: занавес почему-то опускается, и все расходится по своим хижинам.

Я надеюсь продолжить исследование этой замечательной страны и двинуться в глубь материка. Моя жизнь находится вне опасности. Туземцы очень добры, приветливы и хорошо относятся к чужестранцам'.

Глава 31

НЕМЕЦКОЕ УГОЩЕНИЕ

'Замечательная вещь - смеситель',- думал Остап, постепенно убавляя горячую воду. Вода медленно превращалась в ледяную. Стало легче. Потом совсем хорошо. Пять дней на пароходе и первые три дня в Нью-Йорке он пользовался краном по-спартански, то есть попросту не замечая краников с ледяной и горячей водой, но после вчерашней бурной встречи восторженных соотечественников без ледяной было просто не обойтись. Там, вчера, было все, кроме разве что русской тройки: нафталиновые полковники, казачьи атаманы, кавказские князья, тамбовские купцы 1-й гильдии, ныне - содержатели тараканьих бегов, развеселые барышни...

Дверь с треском открылась. Бендер к этому привык и поэтому не обратил внимания. И только когда Гадинг уже стоял позади великого комбинатора, тот раздраженно сказал:

- Послушайте, штабс-капитан, война вот уже пятнадцать лет как закончилась, когда же вы научитесь стучать в дверь?

- Пардон,- бесцеремонно прервал Гадинг,- есть замечательная возможность.

- Нет,- запротестовал Остап.- Пить больше не буду. Не могу.

Штабс-капитан даже удивился.

- Нет-нет, клуб 'Немецкое угощение'...

- Увольте. Шнапс мне не понравился, а баварским пивом я сыт по горло.

- Послушайте,- нетерпеливо перебил Гадинг.- Это обычный ланч с кофе и бутербродами каждый вторник в белом зале ‘Амбассадора’.

Остап поморщился. Гадинг быстро растолковал, что само название клуба дает точное представление о правах и обязанностях его членов. Каждый платит за себя. На этой мощной экономической базе объединилось довольно много журналистов и писателей. Но есть исключение. Почетные гости не платят. Зато они обязаны произнести какую-нибудь смешную речь. Все равно о чем, лишь бы речь была смешная и короткая. Если никак не выйдет смешная, то короткой она должна быть в любом случае, потому что собрания происходят во время завтрака и все торжество продолжается только один час.

В награду за речь гость получает легкий завтрак и большую гипсовую медаль клуба, на которой изображен гуляка в продавленном цилиндре, дрыхнувший под сенью клубных инициалов.

При общих рукоплесканиях медали навешиваются гостям на шею, и все быстро расходятся. Вторник - деловой день, а все члены ‘Немецкого угощения’ - деловые люди. В начале второго все они уже сидят в своих офисах и делают бизнес. Двигают культуру или просто зарабатывают деньги.

- Я все устроил,- сказал штабс-капитан в заключение. У нас целых три часа. Сейчас мы готовим речь и весь Нью-Йорк узнает вас из вечерних газет. Я вам помогу.

- Ну уж нет,- ответил Бендер твердо.- Я еще там решил, что все свои речи здесь я буду писать сам. Два часа он сочинял речь, упирая главным образом не на юмор, а на лаконичность, и последней достиг вполне.

Еще через час он поднимался на трибуну белого зала.

- Мистер председатель и джентльмены!- начал он.- Когда я ехал в Америку, я не учел одной вещи - ‘госпиталити’, американского гостеприимства. Оно беспредельно и далеко оставляет позади все возможное в этом роде, включая гостеприимство русское, сибирское или грузинское. Первый же знакомый американец обязательно пригласит вас к себе домой (или в ресторан) распить с ним коктейль. На коктейле будет десять друзей вашего нового знакомого. Каждый из них непременно потащит вас к себе на коктейль. И у каждого из них будет по десять или пятнадцать приятелей. В два дня у вас появляется сто новых знакомых, в неделю – несколько тысяч. Пробыть в Америке год - просто опасно, можно спиться, стать бродягой и однажды проснуться где-нибудь на Аляске.

Одним словом, эти четыре дня я занимался преимущественно тем, что пил. Пил я много и должен сказать, мне это нравилось. А вот что касается еды, то ваши кафетерии и автоматы заставляют задуматься. Да, процесс проталкивания пищи в американские желудки доведен до виртуозности. Но, посудите сами, несмотря на сверкание стекла и металла, всех этих ящичков с щелями для опускания монет, лишенные свободы сосиски и котлеты производят какое-то жалкое впечатление. Их ведь жалко, как кошек на выставке. И, пардон, мне неприятно брать зубочистку в кассе. В этом есть что-то унижительное. Мой вам совет - не отнимайте у человека маленького удовольствия посмотреть меню, сказать ‘гм-м...’, спросить у официанта, хороша ли телятина, и получить в ответ ‘Иэс, сэр’. Господа, ведь, в сущности, неважно, мраморные в ресторане колонны или их нет вообще. Ресторан - это символ свободного, процветающего общества. Раскрою секрет – в своей командировке я хотел бы провести всестороннее исследование, чтобы обосновать свою теорию зависимости свободы и процветания страны от количества ресторанов на душу населения.

Речь имела потрясающий успех. Члены клуба ‘Немецкое угощение’ аплодировали ей очень долго.

Вскоре, правда выяснилось, что большинство членов клуба не разобрало в ней ни слова, ибо жесточайший русский акцент оратора совершенно заглушил таившиеся в ней глубокие мысли.

Мистер председатель постучал молоточком, прекратив таким образом бурю аплодисментов, обратил

к Остапу худое и умное лицо и сказал в наступившей тишине:

- Третьего ноября пройдут президентские выборы, и американцы считают, что только тогда определится путь, по которому пойдет Америка. Тем не менее, большинство присутствующих согласно с оратором в том, что Аляска должна стать сорок девятым штатом.

Остап остолбенел.

- Это дело надо sprysнуть,- зашептал Гадинг.- Русский ресторан. Сто грамм с соленым огурчиком. Великий комбинатор не сопротивлялся.

Столик в ресторане был уже накрыт и за ним сидели двое в штатском, могучего телосложения. Один из них бросился разливать водку, но Гадинг остановил его:

- Сначала дело,- сказал он, обращаясь, скорее, к Остапу.- Неважные новости, господин Шпора-Кнутовищев. У нас есть надежные связи в ведущих американских газетах. Мы получили материалы, касающиеся вас, которые они собираются опубликовать. Не изволите ли ознакомиться?

Он положил на стол синюю папку с тесемками. Руки не слушали Остапа.

- Дело Александра Корейко?- спросил он насмешливо.

- Что?- не понял Гадинг.

Бендер вытряхнул содержимое папки перед собой. На дюжине фотографий и машинописных листках была запечатлена история его жизни за последние несколько дней: танцы с голыми девицами, опрокинутый стол, официант с подбитым глазом, требующий десятитысячной компенсации, богатырский сон среди батареи бутылок и самый свежий материал: 'В сегодняшней речи в клубе 'Немецкое угощение' небезызвестный господин Шпора-Кнутовищев зачитывал речь большевистского министра Микояна о том, что еда в социалистической стране должна быть вкусной, что она должна доставлять людям радость'.

- Мы, конечно, можем дать делу задний ход,- продолжал штабс-капитан,- но это потребует немало денег. Я полагаю, денег у вас сейчас нет, но скоро будут. Не так ли, ваше сиятельство?

Остап молча смотрел ему в глаза. Гадинг засуетился.

- Вот, не желаете ли покончить с формальностями?- сказал он, указывая на листок, сплошь исписанный словами вроде 'обязуется' и 'надлежит'.

Остап пододвинул себе эту бумажку и, не читая, размашисто написал наискось: 'Nakosja Vykusi!'

- Приколите это в вашем ватерклозете,- бросил он.- Поможет от запоров.

Гадинг вскочил. Лицо его побагровело. Его суровые спутники изо всех сил делали вид, что пытаются спасти своего босса от электрического стула.

- Спустите пары, штабс-капитан,- продолжал Бендер, не меняя тона,- не устраивайте пошлых сцен.

Ничего вы мне, милостивый государь, не сделаете. Вы ведь сами знаете это. Я вот сейчас вам в морду дам, а вы утретесь.

И Остап дал ему в морду.

Гадинг покачнулся. Вытер платочком кровь. Это был уже совсем другой человек. Очень спокойно он сказал:

- Что ж, мы действительно ничего вам не сделаем. Идите. Но мы найдем к вам ключик.

Остап налил водки себе и Гадингу.

- Ваше здоровье, штабс-капитан.

Гадинг молча опрокинул стопку.

Остап выбрался на улицу и остановил первый подвернувшийся кэб. Он назвал таксисту адрес Арчибальда Спивака. Через полтора часа они сидели в маленьком кафе. Спивак, совсем как год назад в Киеве, размазывал по щекам слезы.

- Я так рад, ваше сиятельство. Я ведь еще там, в киевском ресторане понял, что это вы... Но они меня запугали. В тот же день, когда я получил вашу телеграмму, ко мне пришли двое и сказали, чтобы я носа не показывал в порту. Скажите, это ВЧК?

- Скорее БЧК. Белогвардейская ЧК. Помогите мне добраться до дяди. Ни самолетом, ни поездом я выехать не могу.

- Что вы?! Это невозможно! Я читаю лекции, я активист таундсендовского комитета. Вскоре решится вопрос о проведении эксперимента. Правда, за мой счет...

- Стоп!- прервал Остап.- Вы что, будете проводить свой эксперимент в Нью-Йорке?

- Ну что вы! Какой-нибудь маленький городок, довольно изолированный, не более 200 человек. Да и средств, извините...

- Деньги при вас?- снова перебил Остап.

- В банке, совсем рядом.

- Итак,- подытожил командор.- Что мы имеем? У вас есть деньги, автомобиль, несколько тысяч подходящих городков от Нью-Йорка до Лос-Анджелоса и, что немаловажно,- Остап похлопал себя по лбу,- все лавры публисити, с последующим просперити ваши. Кроме того, представьте как дядя оценит ваше усердие. А что мы имеем с другой стороны? Через час-полтора люди Гадинга придут к вам. Даже если они и выпустят вас на заседания вашего клуба, то в очень малоприятном окружении. Впрочем, если вы хотите терпеть этих хамов и погромщиков у себя дома в засаде целый месяц... А если я сгину на дороге, они просидят у вас и год.

- Боже мой, зачем вы втравили меня в эту неприятную историю. За что?..

Вскоре два джентльмена остановились в третьеразрядной гостинице. Спать не хотелось. Остап подумал, что за прошедшие дни он так и не увидел этого города.

Забрав на всякий случай ключи от машины Спивака, он сказал, уходя:

- Уснуть я все равно не смогу. Пройдусь по улицам.

Глава 32

РЕСТОРАН 'ПОКА-ПОКА'

Остап думал, что будет медленно прогуливаться, внимательно глядя по сторонам,- так сказать, изучая, наблюдая и впитывая. Но Нью-Йорк не из тех городов, где люди движутся медленно. Мимо него люди не шли, а бежали. И Остап тоже побежал, но, видимо, неумело, так как тут же споткнулся о стопку газет. Продавец куда-то ушел. Газеты были прижаты к земле обломком кирпича, совсем так, как это делают московские старухи-газетчицы, сидя в своих фанерных киосках. Прохожие нагибались, брали 'Нью-Йорк Таймс' или 'Геральд Трибюн', и клали два цента на землю рядом с газетами.

Воспользовавшись отсутствием продавца, Остап внимательно просмотрел ту и другую и в разделе светской хроники обнаружил примерно одинаковые сообщения о том, что приехавший из Парижа корреспондент русской газеты господин Шпора-Кнутовищев выступил перед нью-йоркской пишущей элитой с остроумной речью. По версии 'Нью-Йорк таймс', она касались железнодорожного сообщения, 'Геральд Трибюн' похвалила русского за прекрасное знание истории гражданской войны США. Но обе газеты выражали надежду, что репортажи русского журналиста из Америки будут столь же оригинальны.

Командор положил газеты назад, под кирпич, и двинулся дальше. Но тут он увидел телескоп...

Во всех больших городах мира всегда можно найти место, где люди смотрят в телескоп на луну. Здесь, на 42-й, тоже стоял телескоп. Он помещался на автомобиле.

Телескоп был направлен в небо. Заведовал им обыкновенный человек, такой же самый, какого можно увидеть у телескопа в Афинах, или в Неаполе, или в Одессе. И такой же у него был нерадостный вид, какой имеют эксплуататоры уличных телескопов во всем мире.

Луна виднелась в промежутке между двумя шестидесятиэтажными домами. Но любопытный, прильнувший к трубе, смотрел не на луну, а гораздо выше, - он смотрел на вершину 'Импайр Стейт Билдинг', здания в сто два этажа. В свете луны стальная вершина 'Импайра' казалась покрытой снегом. Душа холодела при виде благородного, чистого здания, сверкающего, как брус искусственного льда. Остап долго стоял здесь, молча задрал голову.

...Хрипло ревели газетчики. Земля дрожала под ногами, и из решеток в тротуаре внезапно тянуло жаром, как из машинного отделения.

Чтобы вновь не поддаться всеобщей бегомании, Остап сунул руки в карманы. Уличный прибор протащил его несколько раз взад и вперед и выбросил на какую-то боковую улицу. Остап стоял под эстакадой надземной железной дороги. Мимо проходил автобус и он, не думая, вскочил в него.

Вышел он на конечной остановке. Холодный порыв ветра сорвал с его головы шляпу и швырнул ее в лужу. Остап нес ее некоторое время в руке, но потом, когда она чуть подсохла, снова надел. Он поднял повыше воротник и вскоре подошел к какому-то дрянному домишко, из которого доносилось скучное пение. Над входом тускло светила лампочка. Остап неуверенно остановился.

Человек, стоявший у входа, сказал:

- Входите, не беспокойтесь. Никто не спросит вашей фамилии, никто не будет интересоваться вашими занятиями и прошлым. Армия спасения даст вам бесплатную постель, кофе и хлеб. Утром тоже кофе и хлеб. Потом вы можете уйти. Единственное условие - надо принять участие в вечерней и утренней молитве.

Пение, доносившееся из дома, свидетельствовало о том, что сейчас выполняется это единственное условие. Остап вошел внутрь.

В обшарпаном зальце, на скамьях, спускавшихся амфитеатром к небольшой эстраде, остолбенело сидели двести ночлежников. Пахло плохим кофе и сыростью, которой всегда отдает лазаретно-благотворительная чистота. Только что кончилось пение, начался следующий номер программы.

Между американским национальным флагом, стоявшим на эстраде, и развешанными по стенам библейскими текстами прыгал, как пацан, румяный старик в черном костюме. Он говорил и жестикулировал с такой страстью, как будто что-то продавал. Между тем он рассказывал поучительную историю своей жизни - о благодетельном переломе, который произошел с ним, когда он обратился сердцем к Богу.

Он был бродягой ('таким же ужасным бродягой, как вы, старые черти!'), он вел себя отвратительно, богохульствовал ('вспомните свои привычки, друзья мои!'), воровал, - да, все это было, к сожалению. Теперь с этим покончено. У него есть теперь свой дом, он живет, как порядочный человек ('Бог нас создал по своему образу и подобию, не так ли?'). Недавно он даже купил себе радиоприемник. И все это он получил непосредственно с помощью Бога.

Старик ораторствовал с необыкновенной развязностью и, как видно, выступал уже в тысячный раз, если не больше. Он прищелкивал пальцами, иногда хрипло хохотал, пел духовные куплеты и закончил с большим подъемом:

- Так споемте же, братья!

Снова раздалось скучное-прескучное пение.

Ночлежники были страшны. Почти все они были уже не молоды. Небритые, с потухшими глазами,

они покачивались на своих грубых скамьях. Они пели покорно и лениво. Некоторые не смогли превозмочь дневной усталости и спали.

Весь день они скитались у мостов и пакгаузов, среди мусора, в вековечном тумане человеческого падения. Сидеть после этого в ночлежке и распевать гимны было пыткой.

Ночлежники не возражали. Бог с чашкой кофе и куском хлеба - это еще приемлемо. Спойте же, братья, во славу кофейного бога!

И глотки, которые уже полвека извергали только ужасную ругань, сонно заревели во славу господина. Остап вышел и зашагал в сторону Бродвея. С молниями и громом мчались поезда по железным эстакадам надземной железной дороги. Молодые люди в светлых шляпах толпились у аптек-кондитерских, перебрасываясь короткими фразами. Манеры у них были точь-в-точь такие же, как у молодых людей, обитающих в Варшаве на Крахмальной улице. В Варшаве считается, что джентльмен с Крахмальной - это не бог весь какое сокровище. Хорошо, если просто вор, а то, может быть, и хуже.

Некоторые молодые люди прогуливались без шляп. Это модно. Сверкали под фонарями гладко зачесанные волосы. Пахло сигарами, и дрянными, и дорогими. Отсюда начинались фешенебельные районы. Остап оглядел свой головной убор,

благодаря которому его пригласили в ночлежку, и швырнул его в мусорный бак.

Было еще рано. Электрическое панно величиной с полдома горело над входом в ресторан 'Пока-Пока'. Молодые люди в полувоенной форме, принятой для прислуги в отелях, ресторанах и театриках, ловко подталкивали входящих. В подъезде висели фотографии полуголых девушек, изнывающих от любви к населению.

Середина зала была занята продолговатой площадкой. По сторонам и немного подымаясь к ней выстроились столики с тесно прижавшимся друг к другу нью-йоркским населением. На всякий случай Остап выбрал столик поукромнее.

Он еще не покончил с малоинтересным и нисколько не воодушевившим его супом, как из-за оркестра внезапно выскочили девушки, голые наполовину, голые на три четверти и голые на девять десятых, если, конечно, считать одеждой страусиные перья. Они ревностно заскакали на своей площадке, иногда попадая перьями в тарелки с супом или баночки с горчицей.

Это своеобразное соединение кулинарии со служебным рвением, наряду с радостью за свою предусмотрительность, внесло в душу командора разнообразные эмоции. Сначала ему подумалось, что вот так, наверно, суровые воины Магомета представляли себе рай,- на столе еда, в помещении тепло, и гурии делают свое старинное дело. Затем он неожиданно для себя начал прикидывать, во сколько обходится обед в этом раю. Получилось доллара в два на райскую душу. Значит, средненький смертный нью-йоржец может взлететь сюда раз в месяц, а то и реже. Зато он наслаждается вовсю. Он и джаз слушает, и котлетку кушает, и девочками любит.

'Что же ты приуныл, Остапушка? Не об этом ли рае ты мечтал на днестровском льду и в азиатских песках? Веселись, дурак!' - он взгляделся в лица танцовщиц. У одних они были тупые, у других - жалкие, у третьих - жестокие, но у всех одинаково усталые. Вдруг микроскопическая иголочка кольнула сердце командора. Он даже не сразу осознал причину этой боли и несколько секунд озирался по сторонам, прежде чем взгляд вернулся к кавалькаде на площадке.

Он встал, щелчком подозвал одного из ангелов во фраках и отправился на поиски содержателя райских куш. Помахав перед носом 'святого Петра' удостоверением корреспондента белогвардейской 'Ля Ренессанс', Бендер кратко и невнятно объяснил управляющему, что подыскивает ресторан для шикарного банкета русских изгнанников. На вопрос управляющего о том, сколько готовы заплатить 'господа из Житомира и Сибири' (он неплохо знал географию), Остап

замысловато перевел на английский сакраментальную фразу 'Считаться не приходится'. Эквивалент управляющему понравился и он сходу согласился на единственное условие: проверить, подходит ли танцевальная площадка для русской 'калинки-малинки'.

Остап поговорил с оркестром, и когда лошадки в очередной раз выпорхнули на арену, музыка неожиданно оборвалась. Нарушение райского распорядка вызвало в зале некоторое смятение. Некоторые решили, что произошел налет, а один особенно впечатлительный господин даже сунул в рот свои карманные часы. Но управляющий, загадочно улыбаясь, сообщил, что только сегодня особо уважаемая публика получит бесплатный сюрприз - 'раши калинка-малинка'.

Оркестранты давно привыкли к чудесам адвертисмента и поэтому нисколько не удивились тому, что объявленный номер не соответствует заказу русского.

Остап спустился на площадку в свете юпитера и подошел к ней. Она узнала его. Лицо ее скривилось, губы задрожали. 'Не надо, Тереза,- сказал Остап,- все хорошо'. Он сорвал с нее идиотские перья, одел на нее свой пиджак и застегнул его на все пуговицы.

Труба вывела первые аккорды танго...

Потом она никак не могла расстегнуть верхнюю пуговицу пиджака. Потому что другой рукой судорожно сжимала лацканы...

Управляющий, обрадованный тем, что русскому площадка понравилась, отпустил раньше времени и понравившуюся ему девчонку.

Утром Остап обнимал Терезу и в сотый раз обещал, что вернется за ней. Вернется обязательно.

Вернется очень скоро. Не позже, чем через месяц. Даже раньше.

Когда он уходил, Тереза не отрывала взгляд от своих коленок.

Глава 33

ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

Оправленные в нержавеющей стали грани 'Импайра' смутно светились в утренней мгле, нависшей над гигантским городом. Тонкий туман окутывал вершины 'Радио-Сити', 'Крайслера', 'Вулворта' и других небоскребов с именами и без имен. Остап и Арчибальд ехали оживленной и неказистой окраиной.

По брусчатым мостовым бежала мутная вода. Зеленый железный мост надземки перерезал улицу на высоте пяти этажей. Темпераментный нью-йоркский народ лихо несся на автомобилях по своим делам. Мелькала полосатая вертушка парикмахера - вращающийся стеклянный цилиндр с белыми, красными и синими полосами. В красном кирпичном доме помещалась торговля поджаренными сандвичами. Впрочем, все дома здесь были кирпичные, все были красные. И когда Нью-Йорк остался позади, Остап не сразу заметил это. За окнами 'Форда' был все тот же цвет.

Красный осенний пейзаж раскрывался по обе стороны дороги. Листья были раскалены, и когда уже казалось, что ничего на свете не может быть краснее, показывалась еще одна роща неистово красного индейского цвета. Здесь все пылало как на закате, и этот удивительный пожар вокруг Нью-Йорка, этот индейский лесной праздник продолжался.

'Как красиво..- думал командор, провожая взглядом огненные индейские джунгли.- Куда, зачем мы едем? Какие к черту дядюшкины миллионы?! Вот бы где Левитану писать 'Золотую осень'. Вот бы где поселиться с Терезой. Просто выйти из машины - и все.

Глупая... Не могла сказать на корабле, что едет в Америку танцевать в ресторане... И Гадинг в порту испугалась. Впрочем, он действительно мог нагадить. Достаточно было заявить иммиграционному

чиновнику, что она приставала к нему на корабле или он видел ее два-три раза пьяной, и к ней бы просто придрались.

Она будет королевой танго! Будет!.. Будет? Где? В избушке на курьих ножках посреди индейского леса? Эх, командор... Не хочешь драться за шампанское, будешь драться за корку хлеба. А это куда опаснее...'

- Ваше сиятельство!- нарушил ход его мыслей Арчибальд.- А вы не думали позвонить дяде? Я ведь не имел о нем сведений года четыре. Мало ли...

- Не каркайте, Арчибальд. Что с ним станется? Он еще слишком молод, чтобы умереть, и слишком стар, чтобы заводить наследников... Лучше расскажите, как вы устроились здесь после вашей ретирады из СССР.

- Так, много всего навалилось,- Арчибальд замялся.- Я ведь вернулся в Америку в полнейшем расстройстве сил и здоровья. Искал себя. Вы знаете, появилась даже идея образумить эту сумасшедшую страну. Я изобрел прибор для э-э... как бы ограничения скорости. Вы только посмотрите на дорогу! Америка же - страна самоубийц!

За окном 'Форда' шла лихорадочная автомобильная жизнь. Один за другим, с коротким и злым кошачьим фырканием, навстречу летели маленькие и злые ураганы шума и бензинового запаха. Рядом шли еще сотни машин, сзади напирала целые тысячи. И все они гнали во весь дух, в сатанинском порыве увлекая с собой.

- Так вы еще и изобретатель?- удивленно спросил Остап.

- Видите ли... Прибор этот, в принципе,- маленькая шарманка. Мой дед был шарманщиком,- быстро пояснил Спивак,- и это единственный механизм, в котором я хорошо разбираюсь.

- Шарманка?!

- Ну да. Только на моем приборе были записаны похоронные марши, и при определенной скорости шарманка начинала играть. Одна компания оснастила ими свои таксомоторы...

- Ну и?

- Четыре аварии в первый же день. А второго уже, конечно, не было.

- Но почему?!

- Они разгонялись до сумасшедшей скорости и похоронные марши превращались в фокстрот. Мне повезло, что никто не погиб. Я бы себе этого не простил...- Арчибальд покосился на усмехнувшегося командора и хмуро уставился на дорогу.

- Арчибальда руки панихиды звуки могут переделать на фокстрот,- Остап похлопал Спивака по плечу.- А скажите-ка, что это за идиотский эксперимент, который вы собираетесь проводить за свой счет?

- Почему же идиотский?- взвился Спивак.

- Потому что за свой счет.

- Это все очень просто,- начал Арчибальд после паузы.- Как навсегда избавиться от кризиса?

Государство должно давать каждому старику, достигшему шестидесяти лет, по двести долларов в месяц, с условием, чтобы эти деньги он обязательно тратил. Тогда покупательная способность населения возрастет в неслыханных размерах и кризис немедленно кончится. Молодые получают работу, а старики будут замечательно хорошо жить. Все ясно и просто. Для эксперимента нужен маленький городок. Он должен быть изолирован, где-нибудь в лесу, в горах, не проходной. По условиям договора, старики должны тратить свои деньги только в своем городке. Чтобы деньги не расплылись, а пошли в бюджет городка. На развитие промышленности, торговли, ну и так далее... Одним словом, так, чтобы смоделировать всю территорию США. Я думаю, что уже через месяц я получу ошеломляющий результат.

- Ошеломляющих результатов вы добьетесь уже через три дня.- Остап помолчал.- Вам что, не жаль ваших денег? Они у вас что, шальные? Откуда у вас вообще, черт побери, деньги?
- Я написал книгу,- скромно ответил Спивак.- ‘Советская Украина - крушение нравственных устоев’.
- На этот раз молчали оба.
- Сколько вы там пробыли?
- Десять дней. С дорогой.
- Как бы вам не пришлось продолжить свою книгу на местном материале,- задумчиво сказал Бендер.

Утром следующего дня компаньоны въехали в черные штаты.

Они остановились в Чарльстоне, Южная Каролина. Осмотрев город и возвращаясь вечером по главной улице - Мейн-стриту, они увидели в темноватом переулке негритянскую девочку лет двенадцати. Остап еще в Нью-Йорке видел много негров, но здесь была поистине черная страна. Это он понял, увидев ее.

Девочка их не видела. В руке она несла корзинку. Походка девочки сперва казалась странной. Но, взглядевшись пристальней, они увидели, что девочка танцует. Это была талантливая импровизация, четкая, ритмическая, почти что законченный танец, который хотелось бы назвать так: ‘Девочка из Южного штата’. Танцую, негритяночка удалялась все дальше и дальше по темному переулку, скользила, делала повороты, небольшие прыжки и грациозно балансировала легкой и пустой корзинкой. Наторговавшись за день, город уснул, вокруг была полная тишина; но Остапу и Арчибалду чудились звуки банджо, так ритмичен и музыкален был танец.

Еще через день показались Южные Аппалачи. Компаньоны могли бы добраться туда и раньше, если бы Арчибалд постоянно не ‘брал информацию’. Прежде, чем выехать из какого-либо городка, Спивак ‘брал’ эту ‘информацию’ по нескольку раз. Выглядело это примерно так. Он подъезжал к бензоколонке и давал сигнал. Из будочки выбегал бодрый юноша в полосатой фуражке. ‘Мистер Спивак’ спрашивал дорогу до ближайшего города.

- Третья улица направо, сэр!- отвечал юноша, вытирая руки паклей.- И потом прямо, сэр!
- Все прямо?- спрашивал мистер Спивак.
- Иэс, сэр.
- И сначала проехать по этой улице три блока?
- Иэс, сэр.
- А потом направо?
- Иэс, сэр.
- А налево не надо?
- Но, сэр.

Мистер Спивак некоторое время молчал, внимательно выглядывая из окошечка.

- Значит, вторая улица направо?
- Но, сэр. Третья улица.
- Так, значит, третья улица?
- Иэс, сэр.

Юноша делал попытку убежать.

- А дорога хорошая?- спрашивал мистер Спивак, берясь за ручку скоростей.
- Иэс, сэр.
- Тэнк ю вери, вери мач!- кричал Остап, чтобы прекратить эту пытку.
- Вери, вери!- добавлял мистер Спивак.
- Вери мач!- кричал парень вслед.

Машина трогалась с места, чтобы сейчас же остановиться у следующей колонки.

- Надо проверить,- озабоченно говорил Арчибальд.

- Проверить никогда не мешает,- подтверждал одуревший Остап.

И снова начиналось - 'иэс, сэр' и 'но, сэр'.

Компаньоны остановились в маленьком городке и пообедали в аптеке.

Здесь надо объяснить, что представляет собой маленький американский город и что это за аптека, в которой можно пообедать. Эта история может быть названа: 'Провизор без мистики, или Тайна американской аптеки'.

Когда акулы капитализма в погоне за наживой обратили свое внимание на аптечное дело, то прежде всего их заинтересовало, чем занимаются за своими перегородками провизоры.

Что они там такое, важно нахмурив лица, растирают пестиками в своих толстых фаянсовых чашках? Лекарства? Ну, сколько есть этих лекарств на свете? Пятьдесят, сто, ну сто двадцать, наконец! Сто двадцать жаропонижающих, возбуждающих или успокоительных! Зачем же изготавливать их кустарным способом в аптеках? Их надо производить в массовом масштабе на фабриках.

Провизорам пришлось поставить фаянсовые чашечки на полки и задуматься. Некоторые так и думали, пока не разорились. Другие стали продавать мороженое, прохладительные воды, мелкую галантерею, игрушки, папиросы, кухонную посуду,- словом, перестроились.

И теперешняя американская аптека представляет собой большой бар с высокой стойкой и вертящимися рояльными табуретками перед ней. За стойкой суетятся рыжие парни в сдвинутых набок белых пилотках или кокетливые, завитые на несколько лет вперед девичьи, похожие на очередную, только что вошедшую в моду кинозвезду. Девушки сбивают сливки, пускают из никелированных кранов шумные струи сальтерской воды, жарят кур и со звоном кидают в стаканы кусочки льда.

Но хотя аптека давным-давно превратилась в закусочное заведение, хозяин ее обязан тем не менее быть провизором, иметь, некоторым образом, научный багаж, действительно необходимый при подаче кофе, мороженого, поджаренного хлеба и прочих аптечных товаров.

В самом дальнем углу веселого учреждения помещается стеклянный шкафчик с баночками, коробочками и бутылочками. Нужно побыть в аптеке полчаса, чтобы заметить наконец этот шкафчик. Там хранятся лекарства.

В Нью-Йорке уцелела одна аптека, в которой провизор лично изготавливает лекарственные снадобья. О, это замечательное заведение, окутанное ореолом медицинской тайны! В доказательство того, что здесь действительно приготавливают лекарства вручную, хозяин аптеки выставил в окне кучу старых, пожелтевших рецептов. Выглядит все это, как берлога средневекового алхимика. Даже страшно войти! То ли дело обыкновенная аптека. В ней можно покушать, купить карманные часы или будильник, кастрюлю или игрушку, и даже пылесос.

Компаньоны скорбно посмотрели на карточку. Обед №1, обед №2, обед №3, обед №4. Динер намбр уан, динер намбр ту, динер намбр три, динер намбр фор! Обед номер четыре стоит вдвое дороже обеда номер два. Но это не значит, что он вдвое лучше,- нет, он просто вдвое больше. Если в обеде номер два блюдо под названием 'кантри сосидж' состоит из трех обрубленных сосисок, то в обеде номер четыре этих обрубленных 'сосиджей' будет шесть, но вкус останется тот же самый.

Покончив с сосисками, Остап заинтересовался полкой с духовной пищей, которой в аптеке тоже торговали. Все это были романы: 'Быть грешником - дело мужчины', 'Пламя догоревшей любви', 'Первая ночь', 'Флирт женатых'.

В это время он услышал очередной акт 'получения информации':

- Значит, говорите, через полмили - налево?- пытал Арчибальд провизора.

- Да, сэр, через полмили налево.

- Перед мостом?

- Нет, сэр. За мостом.

- Так, по-вашему, в этом городке двести жителей, лесопилка и винокурня?

- Да, сэр.

- А город называется Голденфилд?

- Нет, сэр, Спрингфилд.

Остап не выдержал.

- А сколько в городе кошек?- спросил он, быстро подойдя к провизору.

- Н-не знаю...- ответил тот после некоторого раздумья.

- Так я и знал,- подытожил командор.- Идемте, Арчибальд.

В дверях Спивак обернулся.

- Так вы говорите, совершенно дикая местность?- крикнул он.

- Совершенно дикая, сэр,- невозмутимо подтвердил провизор.- Горы, леса и... идиоты,- добавил он, когда за докучливыми посетителями закрылась дверь.

Когда перед мостом Арчибальд взял влево, Остап сказал, что сворачивать надо за мостом. На это Спивак возразил, что спрашивал три раза и абсолютно уверен, что сворачивать надо перед мостом. Начался подъем по живописной дороге среди мелких скал, ручейков и густой, сверкающей на солнце хвои. Как радостно было с каждым поворотом возноситься все выше к голубому небу, туда, где на недостижимой высоте виднелась туманная вершина. Внизу, в зеленых склонах просвечивали узкие полоски дороги, по которой компаньоны уже проехали, а ручейков и вовсе не стало видно. Скоро солнце тоже оказалось внизу. Снова перед ними были живописные горные виды, снова Арчибальд, в восторге подымая обе руки и высываясь из окна, кричал: 'Смотрите, смотрите!'- и Остап просил его положить руки обратно на рулевое колесо, клятвенно обещая описать все красоты за ужином.

- Послушайте, Арчибальд,- говорил Бендер,- неужели вы хотите, с трудом держа мой тяжелый труп, кричать на всю Америку: 'Что я наделал!'

Через два часа пути сумрак сгустился до полной тьмы. Ничего вокруг не было видно. Лишь слева виднелась черная пропасть, и очень далеко внизу еле светились несколько огоньков. Наконец, между вершинами нависших над бездной елей показался очень большой червонный месяц.

Компаньоны потеряли всякое представление о времени, а их желудки - всякое представление о еде. Между тем прибавилась новая беда. Красный столбик прибора, показывающий уровень бензина в баке, опустился почти до предела и был еле заметен.

- Наш газолин к черту пошел!- с восторгом и ужасом крикнул Спивак.

Они проехали еще некоторое время, прислушиваясь к работе мотора и соображая, как они устроятся на ночь, когда бензин иссякнет и машина остановится.

И тут произошло то, что должно было произойти в Америке, стране автомобильных чудес.

Показалась газолиновая станция, маленькая станция, всего с одной колонкой. Снова начинался сервис! Начиналась жизнь! Заспан-ный человек, бормоча 'изс, сэр' и 'но, сэр', налил полный бак.

Проехав пару миль, компаньоны заметили, что он забыл привернуть пробку, так что до самого города они ехали очень осторожно, чтобы не расплескать бензин.

ОДИН ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ПОТРЯС СПРИНГФИЛД

В десять часов вечера компаньоны въехали в Спрингфилд и направились в ближайший, самый лучший и единственный отель. Когда они вошли в гостиничный ресторан, публика, начинавшая было расходиться, расселась по своим местам, дружелюбно разглядывая их. Остап безошибочно определил лучший столик в ресторане, за которым сидели местные тузы. Ему показалось, что он даже может определить, кто из них мэр, владелец гостиницы, аптеки, лесопилки, и спиртового завода. Подходили все новые люди, усаживались и также дружелюбно разглядывали чужаков. Арчибальд чувствовал себя неловко при большом скоплении народа. Едва за ним закрылась дверь, Остап ответил на улыбки нужных ему людей. Через минуту официант передал ему приглашение за 'элитный столик'.

... Рано утром компаньоны бодрым шагом направились в мэрию. Арчибальд сжимал ручку саквояжа. Остап беззаботно смотрел по сторонам и здоровался чуть ли не с каждым обывателем, выглядывавшим из окон. Арчибальд, будучи поглощен надвигающимися событиями, удивился, но не придавал этому большого значения.

Еще раз Арчибальд удивился, когда мэр быстро и безо всяких подробностей согласился на проведение эксперимента. Простодушный, склонный видеть в людях только хорошее, Спивак отнес это на счет того, что мэр тоже был пенсионером.

Через несколько минут, когда Арчибальд попросил собрать всех пенсионеров Спрингфилда в зале мэрии, мэр удовлетворенно сообщил, что благодаря счастливому стечению обстоятельств пенсионеры города уже второй час обсуждают в зале мэрии виды на урожай баклажанов...

Гордые американские старики и старушки приветственно закивали головами навстречу оратору.

Выйдя на сцену, Арчибальд прочистил горло и изрек:

- Леди и джентльмены! Как спасти Америку?..

Пока он растолковывал собравшимся подробности эксперимента, никто в зале не проронил ни звука.

Когда он закончил, после непродолжительной паузы из зала поднялась первая робкая рука.

- Пожалуйста,- важно сказал Арчибальд.

На сцену поднялась сухонькая старушка.

- Скажите, мистер Спивак,- спросила она, волнуясь,- нас тут два старика - я и мой муж. Неужели мы оба будем получать по двести долларов?

- Да, оба,- важно ответил мыслитель.

- Значит, всего четыреста долларов?

- Совершенно верно, четыреста долларов.

- Я еще получаю семнадцать долларов пенсии. У меня ее не отнимут?

- Нет, вы будете получать и пенсию.

Старуха низко поклонилась и ушла.

После нее на сцену вышел старик.

- Значит, выходит, я буду получать по двести долларов?- спросил он.

- Да, сэр,- подтвердил Спивак.

- Каждый месяц?

- Каждый месяц.

- И должен буду потратить их только в Спрингфилде?

- Да, это необходимо, потому что Спрингфилд - это как бы вся Америка.

- Но я не имею права ничего откладывать на черный день?

- Нет, не имеете.

- Ну, спасибо,- хитро улыбнулся старик.

Больше вопросов не было, и Арчибальд принялся выдавать деньги под расписку, обязывающую ее владельца потратить означенную сумму в пределах Спрингфилда в определенный срок. Растерянные старики, прижимая к груди деньги, гуськом выходили из мэрии.

Начало величайшего эксперимента выглядело настолько буднично, что Арчибальд погрузился.

Мэр пригласил компаньонов разделить с ним легкий завтрак. Бедный Арчибальд и не предполагал, что на 30-м году пребывания в Америке он окажется в городке, где легкий завтрак состоит вовсе не из тоста, яйца и чашечки кофе, а в меру провинциальной американской фантазии повторяет меню русских царей, с вынужденными вариациями в части спиртного. Слабый здоровьем Арчибальд сладко почил между седьмым и восьмым блюдами.

В пять часов вечера Остап растолкал Спивака.

- Вставайте, Арчибальд, кажется ваш эксперимент вступил в заключительную фазу.

Уставшие, со впалыми глазами и осунувшимися лицами, они собрались на улицу понаблюдать, наконец, 'эксперимент'. Когда они спускались, вниз к парадному подъезду, раздался звон разбитого стекла и увесистый булыжник упал рядом со Спиваком. Остап схватил компаньона и потащил его к черному ходу.

- Что, что случилось?- растерянно вопрошал Арчибальд.

- Если камни летят сюда, то причину этого лучше выяснять с той стороны,- попытался скрыть тревогу командор.

Едва только они выбрались из мэрии, как к ним бросилось толстое и громыхающее существо.

Присмотревшись, Остап с ужасом узнал в нем утреннюю сухонькую старушку, увешанную сейчас разнообразной кухонной утварью.

- Купите, купите!- она схватила Арчибальда за руку.- Замечательный набор кастрюль. Всего за десять долларов.

Арчибальд моментально протрезвел.

- Десять долларов!! За три кастрюли!!!- возопила душа коммивояжера.

- Но в магазинах такая дороговизна,- жалобно прошамкала старуха и тут же доверительно сообщила.- А завтра будет еще дороже! Цены подскочили в несколько раз! Купите!

Они насилу вырвались из объятий старухи и стали обходить площадь вдоль домов. Перед зданием мэрии бесновалась толпа рабочих лесопилки. Горел автомобиль мэра. Рядом, на сооруженных наспех подмостках, шел митинг.

- Это происки мафии!- вопил народный трибун.- Мы устроим марш на Вашингтон!

Вдруг прямо на компаньонов надвинулся гроб. Они прижались к стене, гроб встал на дыбы, из-за него высунулась красная рожа пенсионера.

- Где это видано?!- заорал он во всю мочь.- Шестидесят долларов за простой деревянный гроб!

Компаньоны бросились бежать по Спрингфилдскому Мейн-стриту.

- Что происходит? Куда мы бежим?- испуганно вопрошал Спивак.

- Революция! А что вы ожидали?- крикнул в ответ Остап.

Возможно, он при этом нехорошо улыбался, но этого Арчибальд заметить не мог, поскольку улицу заволочло дымом.

Кроме автомобиля мэра горела аптека и далекая винокурня. Запах древесного спирта доносился и сюда.

- Это они!- закричал вдруг истошный женский голос. Что-то просвистело рядом.

- Сюда!- Остап потянул Спивака в сторону.

За деревьями прятался 'Форд'.

- Предусмотрительность, Арчибальд,- сказал Бендер, плюхаясь на сиденье, состоит не в том, чтобы не вляпаться в дерьмо, а в том, чтобы в нагрудном кармане оказался платочек. Трогайте!

- Но я же пьяный!- пролепетал Спивак.

- А вы думаете, штраф с покойника будет меньше? Трогайте, черт вас возьми!

Арчибальд нажал на газ.

Отъехав на безопасное расстояние от Спрингфилда, они остановились и вышли из машины.

- Я, конечно, не Нерон,- сказал Остап, созерцая далекое зарево,- но так и хочется написать поэму о пожаре Трои.

Спивак плакал.

- Не отчаивайтесь, Арчибальд,- сказал Остап, протягивая пачку банкнот.- Вот ваши деньги. С небольшой прибылью.

- Откуда?!

- Когда вы вчера отправились спать, я познакомился с местным финансовым бомондом и позволил им уговорить меня провести этот эксперимент именно в их городе.

- Вы подлец!- гневно выпалил Арчибальд.- Вы... Это вы провалили эксперимент!- Сжав кулаки, он двинулся на Остапа.

- В нарушение своих правил я позволю вам ударить меня,- невозмутимо ответил командор,- но при одном условии: вы ведь умеете торговать, ответьте мне: если бы я не содрал с них по несколько долларов, вы что думаете, они не подняли бы цен?

Арчибальд сник и побрел к машине.

Когда 'Форд' подкатил к одинокой газолиновой станции на повороте к Спрингфилду, работник невозмутимо читал утреннюю газету.

- Дополни, дружище!- сказал Остап, протягивая пятидолларовую банкноту.- И не забудь привернуть крышку.

Парень быстро наполнил бак, тщательно привинтил крышку, и снова взялся за газету.

Бендер озадаченно потер подбородок и снисходительно произнес:

- Понимаю. Безногая сестра и брат-идиот. Можешь увеличить чаевые до двадцати центов.

Парень лениво покосился на клиентов и процедил сквозь зубы:

- С сегодняшнего дня два доллара за галлон, сэр. Как раз вышла пятерка.

Остап сделал зверское лицо и взялся за ручку двери.

Арчибальд резко нажал на педаль акселератора.

Глава 35

ПО ДУШАМ

Крах эксперимента удручающе подействовал на Арчибальда. Он так же аккуратно вел машину, так же регулярно брал информацию. Но что-то в нем разладилось. Ему надо было остановить машину, опустить стекло, высунуть голову и, сказав: 'Пардн ми, сэр!', осведомиться о дороге. Все это он исполнял прилежно: и останавливал машину, и вскрикивал: 'Пардн ми, сэр!', и пытался высунуть голову. Но он забывал самое важное - опустить стекло. Это звено у него выпадало. И только

неслыханная прочность американской продукции уберегала компаньонов от визита в местную аптеку.

За последующие два дня пути компаньоны не проронили ни слова. Лишь однажды, в каком-то городке, когда, после особо тщательных расспросов, Арчибальд заехал не туда, и, сделав крюк, они вернулись на прежнее место, Остап как бы вскользь заметил:

- Встречал я таких вот людей, и среди них есть даже люди с высшим образованием.

- Ну и спрашивайте сами!- огрызнулся Арчибальд.

- Зачем? Во всех ваших занюханых городках главная улица называется или Бродвей или Мейн-стрит, то бишь та же главная улица. Шпарь по ней безо всяких расспросов.

- Между прочим, мы едем к вашему дядюшке,- буркнул Спивак.

Остап промолчал. Желания ругаться не было. Желания мириться - тоже. За неделю пути они порядком надоели друг другу.

Переехали Миссисипи, начался Запад. Арчибальд перешел с пятидесяти миль в час на шестьдесят. В нем появилась какая-то злость: в манере вести машину, в осанке. Перемены, что и говорить, неприятные, но командору лень было об этом думать.

Вскоре начался ливень. Бледные фары, с таким усердием изготовленные на заводе Форда, с трудом пробивали мглу, насыщенную водой. Но перед самым закатом погода изменилась.

Чистые синие холмы лежали по всему горизонту. Закат тоже был чистый, наивный, будто его нарисовала провинциальная барышня задолго до того, как в голову ей пришли первые, страшные мысли о мужчинах. Краски пустыни были такие свежие и прозрачные, что передать их можно было только альбомной акварелью. Несколько завитков ветра, попавшие в автомобиль через опущенное стекло, прыгали друг на друга, как чердачные коты.

Остап вдруг понял, что за все время в Америке он ни разу не думал о той жизни, которой он будет жить здесь; не пересчитывал миллионов, которые он получит от дяди, не строил вилл, не выбирал автомобиля. Впереди как будто не было ничего. Позади тоже. 'Я человек без прошлого и будущего,- думал Остап,- только предыдущее и последующее'... Перед глазами мелькали лица. Ясно виделось только лицо Терезы. Другие лица, которые были рядом всего лишь несколько недель назад,- ушли вдаль, во мглу, были едва различимы...

Автомобиль резко затормозил.

- Что случилось?- спросил командор.

- Что-то не так.

- С машиной?

- Нет, вокруг. Кажется, заблудились...

- Охотно верю. По-моему, у вас это свойство заложено с детства,- Остап вышел из машины.

В двадцати шагах сзади, на другой стороне дороги, стоял столб, похожий на древний индейский татем. Среди нескольких цифр там был и номер их дороги. Но что-то действительно было не так, что-то настораживало.

- Может, вернемся немного назад?- предложил Арчибальд.

- Реклама!- воскликнул Остап.- Смотрите, поля есть, деревья стоят, а реклам - нету!

- Чтоб я сдох!- у Арчибальда отвалилась челюсть. Он был поражен в самое свое американское сердце.

Если бы в одно удивительное утро мистер Спивак и его сограждане, проснувшись, увидели бы, что реклама исчезла, то большинство из них очутилось бы в самом отчаянном положении. Стало бы

неизвестно -

Какие курить сигареты?

В каком магазине покупать обувь?

Каким прохладительным напитком утолить жажду - 'Кока-кола' или 'Джинджер-эйлем'?

Какое пить виски - 'Белая лошадь' или 'Джонни Уокер'?

Какой покупать бензин: 'Шелл' или 'Стандарт Ойл'?

В какого бога верить: баптистского или пресвитерианского?

Было бы просто невозможно решить -

Стоит ли жевать резинку? И какую?

Какой фильм замечателен, а какой попросту гениален?

Следует ли идти добровольцем во флот?

Полезен или вреден климат Калифорнии?

И вообще без рекламы получилось бы черт знает что! Жизнь усложнилась бы до невероятия. Над каждым своим жизненным шагом приходилось бы думать самому.

Нет, с рекламой значительно легче. Американцу ни о чем не надо размышлять. За него думают.

Уже не надо ломать голову, выбирая прохладительный напиток.

Дринк 'Кока-кола'! Пей 'Кока-колу'!

'Кока-кола' освежает иссохшую глотку!

'Кока-кола' возбуждает нервную систему!

'Кока-кола' приносит пользу организму и отечеству!

И вообще тому, кто пьет 'Кока-колу', будет в жизни хорошо!

'Средний американец', невзирая на его внешнюю активность, на самом деле натура очень пассивная.

Ему надо подавать все готовым, как избалованному мужу. Скажите ему, какой напиток лучше,- и он будет его пить. Сообщите ему, какая политическая партия выгоднее,- и он будет за нее голосовать.

Скажите ему, какой бог 'настоящее' - и он будет в него верить. Только не делайте одного - не заставляйте его думать в неслужебные часы. Этого он не любит, и к этому не привык.

Остап еще находился на борту 'Нормандии' и буксиры только втягивали пароход в нью-йоркскую гавань, как два предмета обратили на себя внимание. Один был маленький, зеленоватый - статуя Свободы. А другой - громадный и нахальный - рекламный щит, пропагандирующий 'Чуингам Ригли'- жевательную резинку. С тех пор нарисованная на плакате плоская зеленая мордочка с громадным рупором следовала за компаньонами по всей Америке, убеждая, умоляя, уговаривая, требуя, чтобы они пожевали 'Ригли' - ароматную, бесподобную, первоклассную резинку.

Первую неделю Остап держался стойко. Он не пил 'Кока-колу' из принципа. Он продержался до самого Спрингфилда. Но все-таки реклама взяла свое. На завтраке у мэра он отведал этого напитка.

И почувствовал, что 'Кока-кола' действительно освежает гортань, возбуждает нервы, целительна для пошатнувшегося здоровья, смягчает душевные муки и сделала его гениальным, как Лев Толстой.

Еще страшней, настойчивей и визгливей реклама сигарет. 'Честерфилд', 'Кэмел', 'Лаки Страйк' и другие табачные изделия рекламируются с исступлением, какое можно было найти разве только в плясках дервишей на уже не существующем празднике 'шахсей-вахсей', участники которого самозабвенно кололи себя кинжалами и обливались кровью во славу своего божества. Всю ночь пылают над Америкой огненные надписи, весь день режут глаза раскрашенные плакаты: 'Лучшие в мире! Подсушенные сигареты! Они приносят удачу! Лучшие в солнечной системе!'

Собственно говоря, чем обширнее реклама, тем пустяковее предмет, для которого она предназначена. Однажды, проезжая через какой-то маленький городок, компаньоны увидели за проволочной решеткой белую гипсовую лошадь, которая стояла на зеленой травке, среди деревьев.

Сперва Остап подумал, что это памятник неизвестной лошади, героически павшей в войне Севера с Югом за освобождение негров. Увы, нет! Эта лошадка с вдохновенными глазами молчаливо напоминала проезжающим о существовании непревзойденного виски 'Белая лошадь', укрепляющего душу, освежающего мозг, питающего науками юношей и подающего отраду старцам. Более подробные сведения об этом, поистине волшебном, напитке потребитель мог найти в 'Белой таверне', помещающейся здесь же, в садике. Здесь он мог узнать, что этим виски можно напиться допьяна в пять минут; что тому, кто его пьет, жена никогда не изменит, а дети его благополучно вырастут и даже найдут хороший 'джаб'- 'работу'.

Машина тронулась и через полмили из-за поворота вылетел плакат с большим желтым верблюдом 'Кэмелом'. Некурящий Арчибальд облегченно вздохнул, морщины его разгладились.

В полной темноте, тихие и умиротворенные, компаньоны прибыли в очередной стандартный городок с Мейн-стритом, аптекой, газолиновой станцией и двумя отелями: 'Мэйфлауэр'- подороже, и 'Калифорния'- попроще.

Они остановились в туристском кэмпе, который, видимо, и был достопримечательностью сам по себе, потому что ничего другого, могущего привлечь туристов, не было в радиусе ста миль.

К удивлению Остапа, туристов в кэмпе оказалось довольно много, и вскоре он понял, почему.

После ужина постояльцам, собравшимся в небольшом зале кэмпя, сложенного из гигантских бревен, показали кинокартину. После картины был дан концерт.

На сцену вышел толстый мальчик с банджо. Он независимо уселся на эстраде и стал щипать струны своего инструмента, изо всей силы отбивая такт ногами в ковбойских сапожках. На публику он смотрел высокомерно, и сразу было видно, что людьми он считает только ковбоев, а всех остальных – просто трухой. За ним появился очень высокий, худой и носатый ковбой с гитарой. Он посмотрел на публику и сказал:

- Слушайте, тут мы должны были петь втроем, но остальные, как видно, не придут, так что я буду петь один... А то, может быть, не надо петь? Я-то, вообще говоря, петь не умею.

У него было красивое насмешливое лицо. В маленьких черных глазках так и было написано: 'Ну, чего мы будем валять дурака? Пойдем, лучше выпьем где-нибудь. Это гораздо интереснее. Не хотите? Ну, тогда я все-таки буду петь. Вам же хуже будет'.

Толстый мальчик по-прежнему гремел на банджо. Гитара звучала негромко, и ковбой пел, скорее выговаривал свои песенки, иногда переходя на тирольский фальцет. Песенки были простые и смешные. Вот что рассказывалось в одной из них:

'Когда я мальчиком купался в реке, у меня украли сложенную на берегу одежду. Идти голым домой было неудобно, и, дожидаясь темноты, я развлекался тем, что вырезал на стволе старой яблони свои инициалы. Прошло много лет с тех пор, я выбрал себе красивую девушку и женился на ней.

Представьте себе, что случилось, когда мы в первый раз вошли в спальню. Моя красивая жена спокойно вынимает изо рта искусственные челюсти и кладет их в стакан с водой. Потом она снимает с себя парик и открывает свою лысую голову. Из лифа она вынимает громадные куски ваты. Моя красотка на глазах превращается в огородное пугало. Но это еще не все. Это чучело снимает с себя юбку и хладнокровно отвинчивает свою деревянную ногу. И на этой ноге я вижу внезапно свои инициалы. И, черт меня побери, если это не те самые инициалы, которые я вырезал когда-то на стволе старой яблони, когда в детстве у меня украли одежду'.

Все хохотали. Это было очень старомодно, наивно и смешно. Ковбой по-прежнему сатирически улыбался. По-прежнему у него в глазах сверкало приглашение зайти куда-нибудь за угол, чтобы хлопнуть несколько больших стопок виски. Но насчет того, что петь он не умеет, ковбой соврал. Пел

он хорошо и долго смешил всех.

После него вышел негр. Здесь не было конференсье и никто не объявлял имен артистов. Да они и не были артистами. Все выступавшие были служащие и давали концерт по совместительству.

Негр был отчаянно молодой и длинноногий. Ноги у него, казалось, начинались от подмышек. Он танцевал и выбивал чечетку с истинным удовольствием. Руки его как-то замечательно болтались вдоль тела. Он был в штанах с подтяжками и рабочей рубашке. Закончив танец, он весело взял метелку, стоящую в углу, и ушел, скаля зубы.

Арчибальд хлопнул рюмку виски и, не попрощавшись, ушел спать. Бендер заказал себе бокал рейнского вина.

- Вы, я вижу, иностранец?- спросил бармен, протягивая заказ.

- Я же сказал всего два слова,- удивился Остап.- Что, такой сильный акцент?

- Нет, просто вы сегодня первый, кто заказал вино.

- ?

- Вы давно в Америке?

- Две недели.

- И вы до сих пор не обратили внимания, что американцы пьют мало вина и предпочитают виски?

Понимаете, бутылка хорошего вина предусматривает хороший разговор. Люди сидят за столиком и разговаривают, и тут одно дополняет другое,- без хорошего разговора вино не доставляет удовольствия. А американцы не любят и не умеют разговаривать. Вы заметили? Они никогда не засиживаются за столом. Им не о чем говорить. Они танцуют или играют в бридж. И предпочитают виски. Выпил три стопки - и сразу опьянел. Так что и разговаривать незачем. Да, сэр, американцы не пьют вина.

Бармен помолчал, рассматривая командора.

- Вы - грек?- спросил он.

- Скорее, русский,- вопрос оказался непростым.

- Видел я, как пьют русские,- задумчиво протянул бармен.- Впрочем, это большое заблуждение, что русские - пьяницы. Русские, как раз-таки, в отличие от американцев, не пьют. Они общаются, они очищают души, они беседуют. Как это по-русски: 'Po dusham',- произнес он старательно.

- Ты чертовски прав, приятель,- поддержал Остап.- Это то, чего мне очень не хватает.

- Скоро все разойдутся,- сказал бармен в заключение.- Посидим,- и еще раз повторил: 'Po dusham'.

Остап проснулся очень рано. Перевернулся на другой бок и попытался заснуть. Но что-то мешало. И он понял, что. Он не слышал мерного посапывания Арчибальда, к которому привык за все время путешествия. Остап сел. Арчибальда не было.

Он быстро оделся и вышел. Во дворе он увидел вчерашнего негра. Тот подметал аллею. И подметал он чуть ли не с таким же удовольствием, как танцевал вчера. И казалось даже, что он продолжает танцевать, а метла - только оформление танца. Негр раздвинул свои большие серые губы и пожелал Остапу

доброе утра.

- Послушай, дружище, ты не видел моего друга?- спросил командор.

- Это такой высокий и суетливый? Я видел его на почте пять минут назад. Он куда-то звонил.

- В Нью-Йорк?!- воскликнул Остап.

- Мне показалось, что в Гренландию,- усмехнулся в ответ негр.- Он все время дрожал и заикался.

- Спасибо,- сказал Бендер и направился в бар.

Знакомого бармена за стойкой не было. Вместо него там крутился полный мальчик, который вчера

играл на банджо.

Следом вошел Арчибальд. Он сел за стойку рядом.

- Виски,- сказал Остап.

- Виски,- сказал Арчибальд.

Выпили.

- Повторить,- снова сказал Остап.

- Повторить,- эхом отозвался Арчибальд.

- Третью,- сказал Бендер через несколько минут.

Арчибальд молчал.

- В чем дело?- обернулся к нему Остап.

- Нам надо ехать,- ответил Спивак, подбирая интонацию.- Предлагаю по Южной дороге,- он упорно смотрел перед собой.- Вдоль мексиканской границы. На плато Колорадо большие дорожные работы.

Слишком много детуров, как это сказать, объездов... Кроме того,- голос Арчибальда звучал непринужденно и неубедительно,- я прочитал в газете, в Хуареце, это в Мексике, но у самой границы, будет замечательный бой быков, там...

- Ну, довольно,- перебил его Остап.- Поехали.

Глава 36

ХИЧ -ХАЙКЕР РОПЕРТС

‘Форд’ ехал через громадные поля ‘джайэнт кэктус’- кактусов-гигантов. Кактусы живут, как жили когда-то индейские племена. Там, где живет одно племя, другому нет места.

Отростки кактусов похожи на руки.

Одни кактусы молятся, воздев руки к небу, другие обнимаются, третьи - нянчат детей. А некоторые просто стоят в горделивом спокойствии, свысока посматривая на проезжающих.

Мимо пролетел плакат: ‘Если вы не видели закат в Нью-Мексико, вы не видели Америки!’

- Закат, закат,- грустно подумал Остап.- И кактусы стоят, и жизнь, кажется, пропала.

Два ковбоя гнали стадо маленьких степных коровок, лохматых, как собаки. Громадные войлочные шляпы защищали ковбоев от резкого солнца пустыни. Большие шпоры красовались на их сапогах с фигурными дамскими каблучками. Ковбои гикали, на полном скаку поворачивая своих коней. Это казалось немножко более пышным и торжественным, чем нужно для скромного управления коровьим стадом. Но что поделаешь! Это Техас! Тексас, как говорят американцы. Уж тут знают, как пасти коров!

На дороге стоял человек с поднятым кверху большим пальцем руки. Хич-хайкер, тот, кто просится в попутчики. Арчибальд взял чуть влево, собираясь объехать ‘препятствие’.

- Остановите,- резко сказал Остап.

Арчибальд неохотно повиновался.

Хич-хайкер сел в машину. Он был в овероле, из-под которого выбивались наружу расстегнутые воротнички двух рубашек. Поверх оверола на нем была еще светлая и чистая вельветовая куртка.

- Довольно теплый денек,- сказал Остап, обернувшись к попутчику и указывая глазами на его воротнички.- Не так ли?

- Да, но в вагоне было очень холодно,- ответил хич-хайкер.

- Можете подать в суд на компанию,- подал голос Арчибальд.

- Это был товарный вагон,- пояснил хич-хайкер.

Остап представился.

- Мы с компаньоном едем в Мексику,- сказал он безразлично.- Нас там поджидают...

В размеренном реве двигателя проскользнула истерическая нотка - дрогнула нога на педали.

- Быки и матадоры,- закончил командор. И тут же добавил: кажется, по-испански 'матадор' означает - 'убийца'?

Двигатель снова хрюкнул.

- Куда направляетесь?- просто спросил Остап.

Хич-хайкер тоже представился, положил свою черную шляпу на колени и охотно принялся рассказывать о себе.

'Хорошая черта американцев,- подумал Остап,- они общительны.'

Его звали Робертс. Друг написал ему, что нашел для него работу по упаковке фруктов, на восемнадцать долларов в неделю. Надо проехать семьсот миль, денег на такую длинную дорогу у него, конечно, нет. Всю ночь он не спал: ехал в товарном вагоне, и было очень холодно. В вагоне было несколько бродяг. Робертсу было совестно ехать зайцем, и он на каждой станции выходил помогать кондукторам грузить багаж. Но бродяги спали, несмотря на холод, и никаких угрызений совести не испытывали.

Робертс ехал из Оклахомы. Там лежит в больнице его жена.

Он вытащил из кармана газетную вырезку, и показал фотографию молодой женщины, полулежащей в белой больничной кровати, и заголовок: 'Она улыбается даже на ложе страданий'.

- Я читал об этом в 'Нью-Йорк таймс',- важно подтвердил Арчибальд.

Несколько часов подряд Робертс рассказывал историю своей жены.

Он говорил не торопясь, не волнуясь, не набиваясь на жалость или сочувствие. Его просят рассказать о себе – он рассказывает.

Он родом из Техаса. Работал на маленькой сельской консервной фабрике и сделался мастером.

Женился на замечательной девушке. Это был очень счастливый брак. Молодые супруги все делали вместе - ходили в кино, к знакомым, даже танцевали только друг с другом. Она была учительница, очень хорошая, умная девушка. Детей она не хотела - боялась, что они отнимут у нее мужа. И дела у них шли отлично. За четыре года совместной жизни они скопили две тысячи долларов. У них было восемнадцать породистых коров и свой автомобиль. Все шло так хорошо, что лучшего они не желали. И вот в феврале произошло несчастье. Жена упала с лестницы и получила сложный перелом позвоночника. Начались операции, лечение, и за полтора года доктора забрали все - и наличные деньги, и деньги, вырученные от продажи всех восемнадцати коров и автомобиля. Не осталось ни цента. Первый госпиталь брал по двадцать пять долларов в неделю, оклахомский берет теперь по пятьдесят. Жене нужно сделать металлический корсет - это будет стоить еще сто двадцать долларов. За один год он потерял все. Жена стала навсегда калеккой, хозяйство и деньги расхватали медицинские работники. Сам он стоит у дороги и просится в чужую машину. Единственное, что у него еще осталось - это поднятый кверху большой палец правой руки.

На упаковке фруктов он будет получать восемнадцать долларов в неделю, а жить на шестьсемь.

Остальные будет тратить на лечение жены. Бедняжка хочет все-таки работать. Она думает преподавать дома латинский язык. Но кто в Оклахоме захочет брать домашние уроки латинского языка? Это маловероятно.

Сумрачно улыбаясь, Робертс снова показал газетную вырезку. Под фотографией значилась оптимистическая подпись:

'Она знает, что парализована на всю жизнь, но с улыбкой смотрит в будущее.- Ведь со мной мой Робертс!- сказала бедная женщина в беседе с нашим сотрудником'.

Робертс спрятал вырезку.

- Ничего не поделаешь,- сказал он очень спокойно.- Мне не повезло.

- Не повезло?!- взвился Арчибальд.- Вот такие, как вы, Робертс, никогда не пытаются найти корни постигшего вас несчастья. О да! Это не в характере американцев. Конечно, когда ваши дела идут хорошо, вы не скажете, что вас кто-то облагодетельствовал. Вы сами сделали себе деньги, своими руками. Вы не замечаете, что экономика страны на подъеме, что законы действуют, даже то, что на вас работает человек 10-15. И это прекрасно. Но вы не хотите ничего понять, даже когда с вами случается беда. Вы не станете никого винить, вы скажете: 'Мне не повезло'. Кстати, простите мою бестактность, но в том же номере газеты, где говорилось о вашей жене, буквально на следующей странице писали об одном парне, который сиганул с тридцатого этажа и оставил записку: 'Мне не повезло'!!!

Робертс задумался.

- Знаете, неважно, бог создал человека или он произошел от дарвиновской обезьяны,- ответил он серьезно.- В любом случае первые люди были равны. У них не было ни начального капитала, ни родственничков в Вашингтоне. Если вам не нравится слово 'везет' - подберите другое, я не шибко грамотный. Я знаю одно: мне не нравится сидеть в дерьме и, значит, я из него выберусь.

- Ты прав, парень,- поддержал Остап.- Тот, кому нравится сидеть в дерьме, уж точно не выберется. Арчибальд что-то пробурчал себе под нос.

На вид Робертсу было лет двадцать восемь. Спокойный молодой человек с мужественно красивым лицом и черными глазами. Нос с небольшой горбинкой придавал ему чуть-чуть индейский вид.

Когда их пути разошлись и Робертс вышел из машины, Остап решил нарушить обет молчания.

- Вы, Арчибальд, поспешили уехать из СССР,- мягко заметил он.- Там очень любят заботиться о других: о трудовом коллективе, о подрастающем поколении, о пролетариях всех стран. Там настолько стыдно заботиться о себе, что диву даешься, когда видишь опрятно одетого, улыбающегося гражданина. Видимо, некоторые отдельные, не изжитые еще элементы больше думают не об общественном строе и счастье человечества, а о себе и своей семье. Не кажется ли вам, что рядом с такими людьми чувствуешь себя спокойнее, комфортнее?

- Вы, ваше сиятельство,- ответил Ачибальд с нескрываемым презрением,- наиподлейший тип эгоиста: философствующий.

- Возможно, возможно,- Бендер нисколько не смутился.- Хотя я предпочел бы слово 'эгоцентризм'. Так или иначе, раз уж вы изволили разделить эгоистов на категории, то логично предположить, что и их противники - альтруисты тоже неоднородны. Некоторые из них, например, подбирают хич-хайкеров по зову души, другие - по приказу.

- Я не заметил. У меня было плохое настроение. Вы придираетесь к частностям. Таких как Робертс - миллионы, сотни миллионов. Решать проблемы каждого по отдельности, это, выражаясь в вашем стиле,- разгребать гору дерьма чайной ложечкой. Нужны кардинальные решения. Когда вы это поймете?!

- Ну да, взорвать, как вы выразились в моем стиле, гору дерьма, и все сразу окажутся в белых фраках.

- Не паясничайте!

- Видите ли, Арчибальд, давным-давно я выпросил у Людовика-Солнце его лозунг: 'Государство - это я!' Можете наклеить мне ярлык анархиста или монархиста, но я действительно независимое государство со своей конституцией, территорией и валовым доходом.

- Территорией?!- деланно возмутился Спивак.- Это моя машина!

- Успокойтесь,- Остап даже не повернул головы.- Моя территория - это я сам... Континенты дрейфуют. Земля вертится вокруг Солнца. Светило носится вокруг центра Галактики. Галактика летит черт знает куда в глубины Вселенной. Почему же я - малюсенькое государство Остап Бендер - не могу переместиться на одну сотую световой секунды?- великий комбинатор победоносно взглянул на компаньона. Тот подавленно молчал.

Командор вздохнул.

- Не могу сказать, что быть государством очень приятно: ответственность большая. И если я когда-нибудь встречу государство побольше, с которым смогу договориться о честном распределении обязанностей, то я с удовольствием это сделаю. А пока... как говорил один знакомый лектор: 'Что касается баранов, то таковые передвигаются стадами'. Но я не хочу. Понимаете? Я - не хочу. Демонстрации, митинги, политпосиделки - это не для меня. Никогда, слышите, никогда Остап-Сулейман Бендер-бей не протягивал руки 'за' и 'против'! Все 'за' и 'против' я взвешиваю на одной чаше. Когда вы это поймете?!

Если я когда-либо возьму в руки оружие, то только в том случае, если лично я объявлю войну этому государству. Никто, слышите, никто не погонит меня в бой! Ни в последний, ни в решительный! Ни в обмотках по грязи, ни на вороном коне под знаменем: 'Даешь Варшаву!' Не далее, как месяц назад я завоевал Варшаву. Во всяком случае, дети были без ума от моих фокусов с веревочкой. Красивые аллеи, чудесные кафе, прекрасные девушки. Хорош бы я был в компании барышни за уютным столиком и с винтовкой за спиной! А куда прикажете деть лошадь?!

- Привяжите на аллее,- огрызнулся Арчибальд.

- Ну да, чтобы охраняла тачанку с пулеметом и ароматизировала окрестности. И это вы называете меня эгоистом!

Навстречу 'форду' неся гигантский плакат: 'Белая Лошадь' - лучшее виски в мире !'

Пустыня кактусов сменилась песчаной пустыней, настоящей Сахарой, с полосатыми от теней или рябыми дюнами, но Сахарой американской: ее пересекала блестящая дорога с оазисами, где вместо верблюдов отдыхали автомобили, где не было пальм, а вместо источников текли бензиновые ручьи.

Глава 37

ХУАРЕЦ, ОКРУГ ЧИ-ХУА-ХУА

Эль-Пасо, город на самом юге Техаса, воспринимается словно какой-то трюк. После невероятной по величине пустыни, после бесконечных и безлюдных дорог, после молчания, нарушаемого только гулом мотора, вдруг - большой город, сразу сто тысяч человек, несколько сотен электрических вывесок, мужчины, одетые точь-в-точь как одеваются в Нью-Йорке или Чикаго, и девушки, раскрашенные так, словно рядом нет никакой пустыни, а весь материк заполнен кинематографами, маникюрными заведениями, закусочными и танцклассами.

Но ведь Остап только что проехал эту пустыню! Двигался по ней со скоростью шестидесяти миль в час, поддался ее очарованию и иногда бурчал себе под нос что-то вроде 'пустыня внемлет богу'. Но в Эль-Пасо о величии пустыни даже не думалось. Здесь занимались делами. Скрежетали автоматические кассы и счетные машины, мигали рекламные огни, и радио тяжело ворковало, как голубь, которому подпалили хвост.

Оставив машину на стоянке и подкрепившись в ресторане толстенькими кусочками мяса, называвшимися 'беби-биф', компаньоны пошли пешком в Мексику. Она находилась тут же, в

двустах метрах, на окраине Эль-Пасо. Надо было только перейти мост через полузасохшую в это время года Рио-Гранде, а там была уже Мексика - город Хуарец.

Арчибальд вдруг вспомнил, что забыл удостоверение в машине и, сказав, что догонит Остапа на том берегу, пошел обратно к стоянке. 'Подстраховывается, гнида. Собирается возвращаться один', - подумал Бендер.

Близость Мексики давала себя чувствовать удручающим эвакуазапахом - не то карболки, не то формалина, - которым было все пропитано в небольшом помещении пограничников.

Иммиграционный чиновник, перекладывая сигару из одного угла рта в другой, долго рассматривал паспорт Остапа. Все было продумано и просчитано, но идти в Мексику вдруг расхотелось.

Подозрительность чиновника вселяла некоторую надежду.

Но тот неожиданно оказался доброжелателен. Так же неожиданно такой чиновник может оказаться придирчивым. У них никогда не разберешь! Профессия эта, как видно, всецело построена на эмоциях, настроениях и тому подобных неуловимых оттенках. На всякий случай Остап спросил, а не получится ли так, что по возвращении из Мексики в Соединенные Штаты ему скажут, что правительство Соединенных Штатов Америки считает долг гостеприимства выполненным и больше не настаивает на том, чтобы он был его гостем. В ответ чиновник разразился громкой речью, из которой явствовало, что русский джентльмен из Парижа может совершенно безбоязненно идти в Мексику. Виза сохранит свою силу. Русскому джентльмену совершенно не надо об этом беспокоиться. После этого он вышел вместе с Остапом на мост и сказал человеку, сидевшему в контрольной будке:

- Это русский джентльмен из Парижа. Он идет в Мексику. Пропустите его.

Все же Остап спросил, будет ли его покровитель здесь, когда он будет возвращаться в Соединенные Штаты.

- Да, да, - ответил чиновник, - я буду здесь весь день. Пусть русский джентльмен ни о чем не тревожится. Я буду здесь и впущу его назад в Соединенные Штаты.

Идти в Мексику по-прежнему не хотелось. Командор собирался уже спросить, сможет ли он вернуться в том случае, если к вечеру между Североамериканскими Соединенными Штатами и Мексикой разразится война, когда взгляд его упал на газету, лежавшую на столике в будке таможенника: '128 граждан Окла-сити записались на латинские курсы миссис Робертс', 'Денег хватит на операцию в клинике Йохансона', 'Америка не любит давать милостыню, она дает шанс'.

В голову сразу пришли понятные и приятные мысли. 'Дурак ты, Арчибальд', - громко сказал Остап и пошел по мосту.

На мексиканской стороне моста тоже находился пограничный пункт, но там никого ни о чем не спрашивали. Возле будки стоял, правда, шафраннолицый мужчина, одетый в ослепительный мундир цвета темного хаки, с золотыми кантиками. Но на лице у мексиканского пограничника было начертано полнейшее презрение к возложенным на него обязанностям. На лице у него было начертано следующее: 'Да, горькая судьбина вынудила меня носить этот красивый мундир, но я не стану пачкать свои изящные руки, контролируя какие-то грязные бумажки. Нет, этого вы не дождетесь от благородного Хуана-Фердинанда-Христофора Колбахоса!'

Едва пройдя мимо благородного идадьго, Остап заметил, что за ним увязался невеселый молодой человек с бачками на худом лице, в зеленых брюках и малиновой рубашке. Сначала Остапа удивил этот яркий наряд, но вскоре он понял, что традиционный серый шпик был бы очень заметен в колоритной толпе.

Привыкнув за долгое время к запаху бензина, господствующему в Соединенных Штатах, командор был смущен хуарецовскими запахами. Здесь пахло жареной едой, пригоревшим маслом, чесноком,

красным перцем, пахло сильно и тяжело. Его нагнал Спивак и молча зашагал рядом.

Множество людей наполняло улицу. Медленно двигались праздные, неторопливые прохожие. Проходили молодые люди с гитарами. Сверкали оранжевые ботинки и разноцветные шляпы. Калеки громко вымаливали милостыню. Прелестные черноглазые и сопливые дети гонялись за иностранцами, выпрашивая монетку. Сотни крошечных мальчиков бегали со щетками и ящичками для чистки ботинок. Это уж, как видно, правило, что чем беднее южный город, тем большее значение придается там зеркально-чистым ботинкам. Прошел отряд солдат, мордатых, начищенных, скрипящих боевыми ремнями, отряд возмутительно благополучных вояк.

Бой быков был назначен на три часа, но начался с опозданием на сорок минут. За это время компаньоны успели многократно осмотреть и арену, и публику, собравшуюся в небольшом числе. Среди зрителей было несколько американцев, судя по оглушительным 'шурли', которые время от времени слышались совсем рядом.

Арена была окружена амфитеатром без крыши, очень красивым и грубо построенным. Здание было по характеру народным, простым, совершенно лишенным украшений. Зрителям, которые боялись простудиться на цементных сидениях, давали напрокат плоские соломенные подушечки в полосатых наперниках. Большой оркестр из мальчиков, наряженных в темные пиджаки, зеленые галстуки, фуражки с большими козырьками и серые панталоны с белыми лампасами, громко и фальшиво трубил испанизированные марши. Круглая арена была засыпана чистым песочком.

Наконец за деревянными воротами началось движение, и показались люди, человек восемь-десять. Впереди шли две девушки в костюмах тореадоров. Сегодня был особенный бой. Из четырех быков, значившихся в программе, двух должны были убить сестры-гастролерши из Мексико-сити - Мария, по прозвищу 'La Cordobestita', и Мерседес, по прозвищу 'La Citanita'. Оркестр гремел во всю мочь. За девушками шли мужчины в потертых, шитых золотом костюмах. У них был деловой вид, и на приветствия публики они отвечали легкими поклонами. Девушки-матадоры были взволнованы и низко кланялись. Шествие заключала пара лошадей в упряжке. Лошади были предназначены для того, чтобы увозить убитых быков.

По рядам ходили продавцы, разнося в ведрах бутылки с фруктовой водой и крошечные флакончики виски.

Маленький худощавый бык выбежал на арену. Игра началась.

Первого быка убивали долго и плохо.

Зрелище стало мучительным с самого начала, потому что сразу же обнаружилось желание быка уйти с арены. Он явно понимал, что здесь ему приготовили какую-то пакость. Он не хотел сражаться, он хотел в хлев, на пастбище, хотел щипать жесткую мексиканскую травку, а не кидаться на людей. Напрасно его раздражали, втыкая в шею крючья с цветными лентами. Надо было долго мучить быка, чтобы вызвать в нем злость. Но даже когда он пришел в ярость - и тогда он немедленно успокаивался, как только его оставляли в покое.

Во всем этом зрелище самым тяжелым было то, что бык не желал умирать и боялся своих противников. Все-таки его разгневали, и он напал на девушку-тореадора. Она не успевала увертываться, и бык несколько раз толкнул ее своим сильным боком. Девушка делала гримасы от боли, но продолжала размахивать красным плащом перед глазами быка. Он толкнул ее рогами, повалил на песок и прошел над ней. Внимание быка отвлекли опытные спокойные мужчины. Тем временем девушка встала и, потирая ушибленные места, направилась к загородке, где находился хранитель шпага. Она тяжело дышала. Ее бархатный тореадорский жилетик лопнул по шву. На скуле была царапина. Она приняла из рук хранителя шпагу, немножко отошла от барьера и, обратившись лицом к балкону, где сидело городское начальство, сняла шапочку. С балкона махнули платком, и

девушка, по-детски глубоко вздохнув, пошла к быку.

Наступил решительный момент. 'La Citanita' нацелилась и воткнула шпагу в шею быка, сейчас же за рогами. Шпага, ловко нацеленная и вошедшая на достаточную глубину, убивает быка. Говорят, это эффективно. Один удар - и бык падает к ногам победителя. Но девушка не могла убить быка. Она колола слабо и неумело. Бык убежал, унося на шее качающуюся шпагу. Девушке пришлось пережить несколько унижительных мгновений, когда бандерильеры гонялись за быком, чтобы извлечь из него шпагу. Так повторилось несколько раз. Бык устал, девушка тоже. Розовая пена появилась на морде быка. Он медленно бродил по арене. Несколько раз он подходил к запертым воротам. Остап услышал вдруг мирное деревенское мычание, далекое и чуждое тому, что делалось на арене. Откуда здесь могла взяться корова? Ах, да, бык! Он сделал несколько заплетающихся шагов и стал опускаться на колени. Тогда на арене появился здоровенный человек и зарезал быка маленьким кинжалом.

Девушка заплакала от досады, стыда и боли. Публика была недовольна. Только потом, когда вторая сестра, 'La Cordobestita', убивала следующего быка, первой дали возможность реабилитироваться, и она довольно ловко несколько раз пропустила быка мимо себя на сантиметр от бедра, обманув его красным плащом. Раздались аплодисменты, девушка снова расцвела и отвесила публике несколько балетных поклонов.

Худющий мексиканец деловито вытирал тряпкой окровавленную шпагу, которая вернулась к нему. Лошади уволокли мертвое животное, и на арену выпустили третьего быка, такого же небольшого и черного, как и первый. И этот бык знал, что с ним хотят сотворить что-то недоброе. Его тоже было жалко. 'La Cordobestita' резала его тоже мучительно долго и неловко, и в конце концов его тоже добила кинжалом. Ужасен момент перехода от жизни к смерти. Внезапно бык падает, что-то внутри его грубого тела произошло, пришел ему конец, но еще несколько мгновений его полуослепшие глаза внимательно и строго смотрели на все это крупное рогатое человечество.

Остап стало стыдно и страшно, словно он сам участвовал в этом убийстве из-за угла.

- Ужасное зрелище, не так ли?- услышал он сзади голос Гадинга.

Остап резко обернулся. Штабс-капитан сидел в окружении двух жлобов, тех самых, что были с ним в ресторане. Еще дальше, за спиной Гадинга сидел франт в зеленых брюках и малиновой рубашке.

Казалось, он остро переживал происходящее на арене.

- Да-да! Как видите, мы здесь. И времени, должен сказать, зря не теряли. Есть много замечательных тем для доверительной беседы. Итак...

Остап резко встал. Одновременно вскочили и дуболомы Гадинга. Только теперь командор заметил, что место Арчибальда пусто.

- Знаете, штабс-капитан,- сказал он,- бойня - не лучшее место для доверительной беседы. Разрешите пригласить вас в какой-нибудь ресторанчик с настоящей мексиканской кухней.

- Приятно удивлен, приятно удивлен,- судя по суетливым движениям, штабс-капитан был действительно удивлен.- Признаться, полагал, что вас из толпы можно будет вытащить только как этого быка. Волоком за ногу.

- Итак,- продолжил он на пыльной улице прерванную тему 'доверительной беседы'. - Вы, сударь, самозванец!

Гадинг остановился, чтобы в полной мере насладиться эффектным разоблачением. Остап тоже остановился. Но только метров через пять.

- Вы что,- спросил он, пожав плечами,- хотите похвастать тем, что только сейчас нашли лакея Игнатия? Не понимаю, за что Андриан Спиридонович платит вам жалование... К тому же, за три часа до смерти Аполлинаруй Спиридонович усыновил меня, а также небольшую партийно-

комсомольскую ячейку.

- Мы можем сделать с вами все, что пожелаем!- заорал Гадинг, но тут же взял себя в руки.

- Можем шлепнуть,- сказал он с подкупающей простотой.- Знаете, в чем самое большое удовольствие для местных полицейских? Расследовать убийство гринго,- он сладострастно причмокнул на мексиканский манер.- Можем устроить так, что остаток своих дней вы проведете в тюрьме города Хуарец, округа Чи-хуа-хуа, потому что самое большое удовольствие для мексиканских судей,- это, как вы, вероятно, догадываетесь, упечь гринго за решетку. Да, кстати, слышали, что случилось в нью-йоркском ресторане 'Пока-Пока'? Какая-то банда устроила налет и в завязавшейся перестрелке шлепнули одну из танцовщиц... Ну-ну, шучу. Но ведь и это может произойти, не так ли? Но к делу. Вы, конечно, сразу раскусили предателя Арчибальда. Не судите его слишком строго. Вы его ужасно расстроили. А мы еще больше. Бедняга позвонил сестре в поисках сочувствия... И узнал, что его сестра и племянники на мушке, а мы вам хотим только задать несколько вопросов. Не посмеем же мы, в самом деле, шлепнуть графского сыночка!- Гадинг расхохотался.- А хотите, шлепнем этого Иуду?.. Впрочем, мы и так перехватили бы вас в Альбукерке.

Над небольшим обшарпанным кубом висела кричащая вывеска 'Ориджинэл Мексикал Ресторан' - 'Настоящий мексиканский ресторан', которая сулила неземное блаженство. Гадинг пропустил командора вперед. После них, оглядевшись, вошли спутники штабс-капитана. Следом увязался знакомый брюнет.

На стенах ресторана висели грубые и красивые мексиканские ковры, официанты были в оранжевых рубашках из шелка и сатанинских галстуках цвета печени пьяницы. Очарованные этой оргией красок, посетители беззаботно чирикали, выбирая себе блюда.

Остап заказал суп и какую-то штучку, называвшуюся 'энчелада'. Название супа забылось уже после первой ложки, которая выбила из головы все, кроме желания схватить огнетушитель и залить костер во рту. Что же касается 'энчелад', то это оказались длинные аппетитные блинчики, начиненные красным перцем, тонко нарезанным артиллерийским порохом и политые нитроглицерином. Более опытный Гадинг ограничился кофе и с восхищением наблюдал за самоистязанием Остапа.

- Да-а,- протянул он.- Уж и не знаю, агент ли вы ОГПУ, но вижу, что мученической смертью вас не запугать... А, может быть, шлепнем дядю?- неожиданно продолжил штабс-капитан, отодвинувшись от стола.- А? Ну, не сейчас, конечно, а так, месяцев через пару-другую? Конечно, в этом случае наша доля повышается. Но зато и вы получаете все остальное... Что вы вертитеесь? Неужели вы думаете, что кто-то из этих вонючих гидальго понимает по-русски?

Зелено-малиновый шпик за соседним столиком спокойно попивал какую-то гадость. Остап встал и подошел к нему. Положив руку на спинку стула, он весело крикнул Гадингу:

- Значит, вы предлагаете шлепнуть Андриана Спиридоновича?

- Да!- рявкнул Гадинг и чуть спокойнее, но так же громко, продолжал:

- Иначе какого черта я бы стал возиться с вами? Я как вол работаю на него вот уже пятнадцать лет и никакой благодарности. Мне это надоело... Ну, так что вы мне ответите?

- Ага. Шлепнете графа, тут же, сгоряча, и агента ОГПУ и в дамки?- еще веселее продолжил Остап.-

Вы свидетель,- командор похлопал по плечу парня, который ответил ему невеселой, но вежливой улыбкой. Остап скользнул взглядом по улице и вернулся к штабс-капитану.- Ну, не все ли равно, что я отвечу?- спокойно сказал он.

- То есть как это - 'все равно', черт возьми?- гаркнул Гадинг, грохнув кулаком по столу.

В этот миг дверь распахнулась и на пороге появился немолодой уже статный мужчина в мягкой шляпе и темных очках. Позади него высилось несколько здоровенных детей, под аккуратно

застегнутыми пиджаками которых угадывались предметы неправильной, но характерной формы. Зелено-малиновый шпик мигом подлетел к боссу и быстро заговорил с ним по-русски, часто указывая то на Гадинга, то на Бендера. Штабс-капитан позеленел.

- Ты, засранец,- сказал незнакомец, указывая на Гадинга,- и вы - бросил он спутникам штабс-капитана.- Встать у окна. А с тобой, племянничек, мы потолкуем.

- И все таки скажите, почему вы позвонили мне из Арканзаса?- спросил граф, внимательно выслушав рассказ Бендера.

- Вообще, было бы глупо надеяться, что кто-то еще в Париже не даст вам знать из расчета на благодарность...

- Да, таких было восемь,- самодовольно подтвердил Средиземский.

- Поэтому к встрече с вашим человеком я был готов. Хотя о том, что это Гадинг, догадался только в Нью-Йорке. Когда он попытался меня шантажировать, я подумал, что либо ошибся и Гадинг представляет самого себя, либо это какая-то проверка с вашей стороны. Но когда меня пригласили в Мексику, я понял, что Гадинг самоуправствовал и меня могут попросту 'потерять'. А может, ваши люди в России оказались удачливее ОГПУ и я раскрыт. В любом случае ничего хорошего. Особенно во втором. У меня не оставалось выбора. Но я знал что Гадинг мне предложит и не мог отказать себе в удовольствии сдать его...

Граф вынул свои карманные часы.

- Пора!..- сказал он с сожалением.

Они вышли из ресторана.

В роскошном автомобиле у самого входа в ресторан сидела молодая женщина с мальчиком. Ему было не больше трех лет.

- Это моя третья жена,- сказал граф.

- Которая, наконец, принесла вам наследника?- спросил Бендер со слишком хорошо скрываемой иронией.

- Да,- подтвердил Средиземский,- именно принесла. Из сиротского приюта. И я ей очень благодарен за это.

- Извините...

- Не стоит. Значит, вы уверены, что с Темой все в порядке?

- Да, думаю, он счастлив.

Граф тяжело вздохнул.

- Надолго ли?..- и вдруг добавил.- Через пять лет в Европе будет война.

- А почему через пять, а не через шесть или четыре?

- Нет, нет. Ровно через пять лет. Было бы глупо думать иначе,- он открыл дверь машины, бережно взял ребенка на руки и поцеловал его.- Что я могу сделать для вас?- спросил он Остапа.

- Задержите их на недельку в Мексике, и так, чтобы они не могли позвонить в Нью-Йорк.

- Ну, честно говоря, я собирался задержать их здесь гораздо дольше,- сказал граф.

- Прошу вас, не надо.

- Ладно. Езжайте спокойно. Никто вашей девчонке мстить не будет. Те, кого я увольняю, ведут себя очень скромно. И убедительно прошу вас взять это,- Он протянул солидную пачку.- Надеюсь, мы еще с вами встретимся.

- Нет,- сказал великий комбинатор, отклоняя руку графа.- Это трудно объяснить, но я не хочу, чтобы меня что-то связывало со всей этой аферой. Извините еще раз...

- Но ведь через год кончится срок визы и... Я все же приглашаю вас. В любое время.

Остап молча пожал протянутую руку, повернулся и сделал несколько шагов. Вдруг он вернулся, снял орден Золотого Руна и осторожно надел его на шею мальчику. Затем, не попрощавшись, пошел к мосту через Рио-Гранде.

У дверей запертой машины переминался Арчибальд. Ни в одном из четырнадцати карманов пиджачной тройки он не нашел ключей от автомобиля. Увидев Остапа, он замер. Командор швырнул ему ключи, вытянутые из спиваковского кармана еще по пути на корриду, вышел на дорогу и поднял вверх большой палец.

Глава 38

НЬЮ-ЙОРК - ПОКА-ПОКА

Огни заполнили обширный чужой мир, который улегся спать на берегу Атлантического океана. Оттуда, со стороны океана, дул теплый ветер. Совсем близко возвышались несколько небоскребов. Казалось, до них нетрудно дотянуться рукой. Их освещенные окна можно было пересчитать. Дальше огни становились все гуще. Но среди них еще можно было различить более или менее яркие, можно было угадать формы зданий и направления улиц. Еще дальше сверкал сплошной золотой припорох мелких огней, потом шла темная, неосвещенная полоска (Гудзон? Восточная река?) И опять - золотые туманности районов, созвездия неведомых улиц и площадей.

Картина казалась знакомой. Да, конечно, Тбилиси. Тогда было больно. Но рядом были Маша и Сеня. Нашел ли он ее? Что с ними сейчас? Они выбрали свою судьбу. И Тереза выбрала... Нет! Нет!

‘Почему она не дождалась?’- спрашивал себя командор.- Не ждала. Почему?! Ведь я просил подождать только месяц... ‘Никто никогда не возвращается – это правило. Обратное - исключения’. Как она сказала по-польски?.. То же, что и по-русски: ‘Прощаться- прощать, проститься - простить!.. Простить друг друга... Простила и устроилась посудомойкой на пароход куда-то в Южную Америку. Куда? Никому не слова, только напевала... Как смешно изобразила эта смугленькая Терезу: Та-та-та-та-та... Танго! Она напевала танго! Идиот!! Ну конечно же, она в Буэнос-Айресе! Где же еще учиться танго?! Сколько там населения? Ну, полмиллиона, ну, миллион. Делать нечего найти. Ведь жить на этой планете без нее, все равно, что даром время терять!’

Утром Остап быстро шагал по набережной грузового порта.

Корабли были похожи на огромные кормушки. Портовые краны - гигантские гуси и индюки с гоготом выуживали из них свою добычу. Внизу, шумно и бестолково, копошилась залетная мелюзга: голуби, воробьи-грузовики и люди.

Если бы кто-нибудь остановил сейчас Остапа и спросил, куда он идет, то вряд ли получил бы вразумительный ответ. Скорее всего командор сказал бы: ‘Где-то здесь меня ждет мой корабль’. Он был настолько уверен в этом, что нисколько не удивился, когда увидел сухогруз ‘St. Lucia’. ‘А вот и он’,- вслух произнес командор.

Вблизи он, конечно, не казался таким уж маленьким. Но это, безо всяких сомнений, был он, ‘пароходик’, встреченный ‘Нормандией’ в ночь накануне прибытия в Нью-Йорк.

Матрос, упершись локтями в борт, с ленивой сосредоточенностью разглядывал Остапа.

- Эй, на борту, привет!- крикнул Остап.- Это вы попали в шторм в начале октября?

- Да так,- протянул матрос.- Легкая болтанка. А вы, значит, были на ‘Нормандии’?

- Откуда вы знаете?- удивился Бендер.

Матрос молча поскреб затылок.

- Да, конечно,- согласился Остап.- Куда идете?

- Пока-Пока.

- Где это?

- Острова в Тихом океане. Райский уголок.

- Там говорят по-английски?

Матрос задумался.

- Они думают, что говорят по-английски,- и подумав еще немного, добавил.- У вас это получается лучше.

По многим признакам Остап видел, что корабль готовится к отплытию.

- Вы идете через Панамский канал?- заторопился он.

- Нет, вокруг мыса Горн.

- Значит, зайдете в Рио-де-Жанейро и в Буэнос-Айрес?- Остап волновался все больше.

- Именно поэтому мы идем вокруг мыса Горн.

- Может, вам нужен кто-нибудь в команду?- Остап был близок к панике.

- Ну, нашей красотке всегда кого-нибудь не хватает...

- Тогда мне к капитану. Дайте мне подняться на борт. Прошу вас. Это очень важно.

- Почему бы нет?- матрос удивился, но не особенно: он встречал и не таких психов.

Вскоре 'Сент-Люсия' снялась с якоря и быстрым ходом направилась к выходу из порта. Можно было бы, конечно, написать о том, что наш герой стоял на палубе (а еще лучше, на капитанском мостике), жадно всматриваясь в горизонт, но увы, Остап-Сулейман Бендер-бей, сын турецко-подданного и русской графини, в это время находился где-то в kloкочущих недрах корабля (что, в общем, тоже звучит неплохо).

'Сент-Люсия' набрала ходу. Блеснул прощальный огонек маяка.

© Copyright: [Альберт Акопян Влад Гурин](#), 2008

Свидетельство о публикации №208070700309